Ба 1269
Могилёвская старина.
В. 3

№ 1879. III. Кр. Эпимафи Шипилло

Ба 33211

№ 35

9
БМ 74

Дозволено цензурою 15 октября 1903 г. Вильна.

№ 1879. III
Б 33211

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ

„Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"

подъ редакціей Е. Р. Романова.

Выпускъ III.

№ 35

Годы 1902—1903.

БССР Дзяржаўная бібліятэка імені Леніна

Могилевъ на Днѣпрѣ.

1903.

Типографія губернскаго правленія.

МОГИЛЕВСКАЯ СТАРИНА.

Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени[1].

Проф. Е. Ѳ. Карскаго.

Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области у насъ исключительно служитъ языкъ; вслѣдствіе этого, напр., тѣ литовцы виленской губерніи, которые въ настоящее время говорятъ только по-бѣлорусски, у насъ отнесены къ бѣлоруссамъ, а тѣ обитатели калужскаго и орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по-южновеликорусски, отнесены къ южновеликоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы. Такимъ образомъ, очерченная ниже область скорѣе принадлежитъ бѣлорусскому нарѣчію, нежели племени.

Границы области, въ которой раздается бѣлорусская рѣчь, легче всего опредѣляются на западѣ, такъ какъ здѣсь сосѣдями бѣлоруссовъ оказываются нерусскія племена, сначала даже и неславянскія.

Самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго достигаютъ бѣлоруссы на западѣ, является, примѣрно, станція Корсовка с.-петербургско-варшавской жел. дор. (56,8° сѣверной широты. Ср. этнограф. карту Европейской Россіи, Риттиха, и его же карту западныхъ и южныхъ славянъ) въ люцинскомъ уѣздѣ витебской губерніи. Отсюда граница бѣлорусскихъ поселеній направляется сначала къ юговостоку и идетъ, верстахъ въ 10—5 недостигая себежскаго уѣзда. Дойдя до р. Синюхи, она рѣзко поворачиваетъ на западъ, а отъ озера Черза—даже на сѣверозападъ: затѣмъ дугообразно направляется почти до границы рѣжицкаго уѣзда, а отсюда ломанной линіей она снова поворачиваетъ къ юговостоку до границы люцинскаго уѣзда съ себежскимъ и дриссенскимъ. Насколько можно судить по картѣ № 1[a] въ атласѣ Билиншгейна (Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des prähistorischen Lettenlandes St. Petersb. 1892), въ указанныхъ мѣстахъ люцинскаго уѣзда бѣлоруссы живутъ въ перемежку съ латышами, но преобладаютъ первые. Затѣмъ граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ къ югозападу, примѣрно по линіи, раздѣляющей уѣзды люцинскій, рѣжицкій и двинскій отъ дриссенскаго, по направленію къ Друѣ; далѣе на западъ по правому берегу Западной Двины до самаго Двинска; здѣсь къ югу отъ Двины у Билиншгейна указано лишь незначительное пространство, заселенное латышами; весь же остальной юговосточный отрѣзокъ иллукстскаго уѣзда курляндской губерніи заселенъ бѣлоруссами.—На всемъ указанномъ протяженіи сосѣдями бѣлоруссовъ сначала съ запада, а затѣмъ и съ сѣвера являются латыши, въ курляндской губерніи переходящіе даже, какъ мы видѣли, Западную Двину.

Отъ Двинска граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ сначала по курляндской губерніи*), а затѣмъ по ковенской направляется къ югу, къ оз. Дрисвяты, захватывая часть новоалександровскаго уѣзда (мнѣ извѣстны записи изъ с. Дукштъ, м. Слободки, с. Плюсъ, д. Павловщины). Отъ оз. Дрисвятъ граница бѣлоруссовъ идетъ къ виленской губерніи; здѣсь сначала пограничная черта виленской и ковенской губерніи будетъ и границей бѣлоруссовъ: затѣмъ отъ р. Дисны граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ по свенцянскому уѣзду нѣсколько ломанной линіей на югъ и западъ около литовскихъ волостей Тверечь, Годуцишекъ (на востокъ отъ нихъ), Свенцянъ (къ югу отъ нихъ), оставляя къ югу бѣлорусскія волости Комай, Лынтуны, Кемелишки; затѣмъ, перейдя р. Жемойтянку, граница кривой линіей идетъ по виленскому уѣзду на западъ почти до

[1]) Изъ №№ 8 и 9 „Могилев. Губ. Вѣдом." 1902 г.

*) По «Географическо-статистическому словарю Россійской Имперіи» П. Семенова, т. II (С.-Пб. 1865), 860 стр., въ Курляндіи бѣлоруссовъ 700 чел.; теперь, почти черезъ 40 лѣтъ количество ихъ, несомнѣнно, значительно увеличилось. Въ «Матеріалахъ» покойнаго П. В. Шейна (т. I, ч. I) есть даже записи изъ данной мѣстности («въ окрести. м. Улукишкъ» стр. 513); въ указателѣ (стр. XXII) это мѣсто названо «окр. Охукшты». Ни того ни другого мѣста я не нашелъ.

Кернова, оставляя къ сѣверу литовскія волости—Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, а къ югу бѣлорусскія волости—Нѣменчинъ, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова бѣлорусская граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Виліи и идетъ въ южномъ направленіи, захватывая въ бѣлорусскую область волость Евье, Троки, Межирѣчье, почти до ст. Рудишки нет.-варш. ж. д., а затѣмъ на востокъ и юговостокъ, примѣрно къ ст. Порудоминъ полѣсск. ж. д., а отсюда по границѣ трокскаго и виленскаго уѣзда почти до пограничной черты лидскаго уѣзда, оставляя къ сѣверу бѣлорусскую волость Солечники; далѣе она идетъ по границѣ ошмянскаго и лидскаго уѣздовъ къ югу до поворота этой границы на востокъ (это по 20-верстной картѣ Ильина), а по другимъ свѣдѣніямъ—это будетъ уже ошмянскій уѣздъ, причемъ литовская область съ запада захватываетъ Бишкони, Конвалишки, Девенишки, Германишки (волость Седлиско), имѣя на сѣверѣ, какъ уже отмѣчено, бѣлорусскую волость Б. Солечники, а съ юга—Геранопы. Далѣе граница идетъ по сѣверной части лидскаго уѣзда: отъ Геранонъ къ югозападу почти до ст. Бастунъ полѣсск. ж. д.; отсюда граница идетъ на западъ, оставляя къ сѣверу литовскую волость Радунь; затѣмъ граница рѣзко поворачиваетъ на сѣверовостокъ, захватывая Начу и Ейшишки въ бѣлорусскую область. Отъ Ейшишекъ граница идетъ на югозападъ къ трокскому уѣзду, далѣе къ пограничной чертѣ гродненской губерніи до впаденія рѣчки Ротничанки у Друскениковъ въ р. Нѣманъ.

Настоящая граница бѣлоруссовъ въ виленской губерніи установлена по статьѣ Анонима: «Obszar jezyka litewskiego w gub. Wilenskiej» (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej akademii umiejętności w Krakowie. T. III, 1898), составленной по матеріаламъ, собраннымъ въ виленской губерніи сельскими старшинами по распоряженію предводителя дворянства виленской губерніи гр. Адама Плятера. Въ этихъ матеріалахъ указано, какія волости [illegible]ершенно не имѣютъ литовскаго населенія и [illegible]кихъ оно смѣшано съ бѣлорусскимъ. Кри[illegible]для такого дѣленія служитъ языкъ. Изъ [illegible]ъ волостей бѣлорусскими я посчиталъ тѣ, гдѣ значительное большинство бѣлоруссовъ; такъ, что кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія попадаются и въ литовской области и наоборотъ—литовскія въ бѣлорусской.

Въ прежнихъ работахъ, напр., у А. Коревы (Виленская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. С.-Пб. 1861 г.), Киркора (Живописная Россія. III, 13), И. Недешева (Русскій Фил. Вѣстникъ, XII), П. Чубинскаго (Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, т. VII, карта)—со словъ Нарбута граница виленскихъ бѣлоруссовъ опредѣлялась очень неточно: возлѣ Вильны ихъ совсѣмъ не оказывалось, тогда какъ здѣсь они сидятъ сплошною массой. Уже больше мѣста удѣлено бѣлоруссамъ въ этнографическихъ картахъ Риттиха. Въ картѣ, приложенной къ литовской грамматикѣ Ф. Куршата (Grammatik der littauischen Sprache, Halle, 1876), бѣлорусская граница отнесена значительно дальше на западъ (къ западу отъ Рудниковъ, возлѣ Ейшишекъ съ востока). Но у Э. Вольтера (Zur kunde der wilnaer litauischen Dialekte. II. Die litauer von Ošmena. Mitteilungen der litt. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборотъ, еще указано много мѣстъ, заселенныхъ литовцами даже къ юговостоку отъ указанной границы, напр., въ волостяхъ седлиской, девенишской, лугомовичской, юратишской и бакштанской. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ литовцы живутъ въ перемежку съ бѣлоруссами.

Западными сосѣдями бѣлоруссовъ, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, въ ковенской и виленской губерніяхъ являются уже литовцы. Около Друскениковъ бѣлорусская рѣчь переходитъ въ сувалкскую губернію—сначала въ сейнинскій, а затѣмъ въ августовскій уѣздъ. Въ сувалкской губерніи сосѣдями бѣлоруссовъ съ сѣверозапада и запада уже являются поляки. Разграничивать бѣлоруссовъ и поляковъ значительно труднѣе, такъ какъ бѣлоруссы-католики съ интеллигентнымъ лицомъ здѣсь стараются говорить по-польски; но домашнимъ обиходнымъ языкомъ служитъ чисто бѣлорусскій, съ нѣкоторымъ лишь запасомъ полонизмовъ въ словарѣ; но въ фонетикѣ полонизмовъ нѣтъ: нельзя слышать носовыхъ ą—ę, формъ неполногласныхъ, въ родѣ głowa, krowa, broda, вмѣсто—голова, корова, борода, шипящаго rz: brzeg вм. берегъ, dz вм. ж и с

вм. *ч*: miedza вм. межа, noc вм. ночь, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

По сувалкской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ р. Нѣмана на Концѣво къ Августовскому каналу; затѣмъ по системѣ канала до г. Августова и далѣе по р. Нетѣ до границы съ гродненской губерніей. Отмѣченную границу по сувалкской губ. прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось установить лично. Къ такимъ же выводамъ приемъ и на основаніи книги Э. А. Вольтера: «Списки населенныхъ мѣстъ сувалкской губерніи». С.-Пб. 1901 г.

И въ гродненской губерніи западными сосѣдями бѣлоруссовъ являются поляки. И здѣсь католики-бѣлоруссы въ своемъ словарѣ имѣютъ много полонизмовъ, такъ что проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ ихъ рѣчь называетъ даже бѣлорусско-польской (сравни его записи въ краковскомъ изданіи: «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», XVI и XVIII). Такъ же называетъ эти говоры и М. Федеровскій въ книгѣ: «Lud białoruski na Rusi litewskiej». T. I. W Krakowie. 1897, XI—XII; у него же указываются и границы этихъ говоровъ.—Съ поляками гродненской губерніи бѣлоруссы граничатъ въ сокольскомъ и бѣлостокскомъ уѣздахъ. Тутъ граница идетъ въ южномъ направленіи на Суховоль, Кнышинъ, Бѣлостокъ, не доходя до послѣдняго верстъ на 10 съ запада; потомъ она идетъ на Суражъ до р. Нарева. За этой рѣкою къ югу уже малоруссы.

Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ, не знакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверно-малорусскіе говоры часто знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что̀ нѣкоторымъ кажется въ данномъ случаѣ типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверо-малорусскихъ говорахъ; остается *дз* и *ц* мягкое вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствованія малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда, малоруссы очень не любятъ дзекающаго произношенія: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они подчеркиваютъ имено эту черту: «хыба лыхо озмэ лытвына, щобъ гнивъ нэ дзекнувъ».—Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *и*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ эти звуки всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ—ведзешъ, милы, бици, а малоруссъ—вэдэшъ, мылы, быты. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз*—*ц* мягкихъ передъ общерусскими *е*—*и* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ *е* и *і* изъ общерусскаго *ѣ*, которые у нихъ бываютъ мягкими, напр., дзівуля, дзевчина; возможны *дз*—*ц* у нихъ еще на концѣ передъ старинымъ *ъ*: ходиць. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т. е. произношеніе, въ родѣ в*а*да, п*я*су, или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы. Такимъ образомъ, при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *и*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (*сэрце*, *уздэчка*, формы на *эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ *злэй*). Если при этомъ еще окажется *дз*—*ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ несомнѣнно бѣлорусскій, хотя бы остальныя черты и были малорусскія, напр. дифтонги *у͡о* *ю͡о* *і͡е* и под.

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по бѣльскому уѣзду гродненской губ., бѣлорусская граница идетъ до Бѣловѣжской пущи, прорѣзываетъ ея сѣверную часть до м. Новый Дворъ волковыскаго уѣзда. Впрочемъ у Шейна (т. II) приводятся записи и изъ болѣе южныхъ мѣстностей (Шерешовъ, Буда), но Федеровскій (Lud białoruski, I т., IX. вып.) не считаетъ эти матеріалы бѣлорусскими. Отъ Новаго Двора граница въ юговосточномъ направ-

ленія по р. Ясельдѣ въ пружанскомъ уѣздѣ идетъ почти до Картузъ-Березы; отсюда почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ минскую губернію. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ въ юговосточномъ направленіи къ м. Лунино (при пересѣченіи полѣсскихъ ж. дорогъ), захватывая въ бѣлорусскую область деревни Хотиничи, Малковичи. Здѣсь, значитъ, мы заходимъ въ сѣверную часть пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ, С.-Пб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго). Далѣе, граница спускается къ р. Припяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже проникая на правый ея берегъ, особенно клиномъ въ восточной части мозырскаго уѣзда до границы съ волынской губерніей. Припятью граница идетъ по уѣздамъ мозырскому и рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область черниговской и могилевской губерній. Вся могилевская губернія населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается лишь въ рѣчи населенія нѣкоторыхъ мѣстъ южной части гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи, такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ минской губерніи, должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до с. Радуни, верстъ за 15 до устья р. Сожа. Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части черниговскаго уѣзда (Русск. Филолог. Вѣстникъ, XI, 118). Отъ Радуни граница идетъ по городнянскому уѣзду на западъ, захватывая Красковское, къ р. Снови; затѣмъ по этой рѣкѣ и по границѣ уѣздовъ новозыбковскаго и сосницкаго, далѣе по новгородъ-сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу. За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриновкѣ; далѣе граница идетъ по Деснѣ до орловской губерніи. Малороссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами, несмотря на то, что въ такъ называемомъ Стенкѣ сосницкаго уѣзда преобладаетъ чисто южнорусскій типъ». (Календарь черниговской губ. на 1887 г. (Ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 69 стр., вып.). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), они бѣлорусскіе. Конечно, въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь.

Въ орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерніяхъ бѣлоруссамъ приходится сосѣдить съ великоруссами, больше съ южновеликоруссами. Какъ извѣстно, бѣлорусская рѣчь имѣетъ много общаго съ южновеликорусскими говорами, такъ что здѣсь опять представляется немало трудностей при разграниченіи тѣхъ и другихъ. Тутъ прежде всего слѣдуетъ различать бѣлоруссовъ по образу жизни: они селятся въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ; великоруссы поэтому и называютъ ихъ полѣхами, а мѣстность ихъ Полѣсьемъ. «Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенною границею здѣсь (въ орловской, калужской и смоленской губ.) на востокѣ Бѣлоруссіи, какъ не перестаютъ быть межою подобные же густые лѣса на югѣ, востокѣ, сѣверѣ обширнаго Бѣлорусскаго края съ племенами малорусскимъ, литовскимъ, латышскимъ и опять великорусскимъ» (Живописная Россія, III, 435, ст. С. Максимова). Далѣе, міровоззрѣніе и народная поэзія у бѣлоруссовъ часто не сходятся съ великорусскими; наконецъ, что особенно важно, у бѣлоруссовъ много словарныхъ особенностей, часто неизвѣстныхъ великоруссамъ-сосѣдямъ. Въ фонетикѣ и морфологіи можно отмѣтить слѣдующія исключительно бѣлорусскія черты: 1) *дз—ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ (но иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ), напр. дзѣци (ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, стр. 299—300); 2) появленіе *у* краткаго намѣстѣ *ў* безударнаго, стоящаго передъ согласными: умѣръ; намѣстѣ предлога *въ*: ўкинуў ў мѣхъ, и что особенно характерно—на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: быў, праспу, поўны; 3) удвоеніе согласныхъ передъ j: Илля, свиння; 4) появленіе слоговъ *ы*j—*ї* вм. великорусскихъ *о*j—*е*j: мый, мыю, ній, нія, злый. Къ этимъ особенно существеннымъ чертамъ еще прибавимъ: 5) смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: цара, я—рядъ: 6) появленіе *дж* вм. ж: гляджу; 7) смягченіе *г*, *к*, *х* въ скло-

неніи словъ: на дузѣ, на лаунѣ, у стрѣсѣ; 8) множественное число при 2—4 въ мужескомъ родѣ: два вауки, и возможность двойственнаго при женскомъ и среднемъ родахъ: три бядзѣ, два сялѣ; 9) возможность звательнаго падежа: сынку, чалавѣче; 10) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ стараго *ѣ* передъ окончаніемъ: хадземъ, купеця. Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, не извѣстныхъ великоруссамъ (ихъ можно найти въ спеціальныхъ пособіяхъ по бѣлорусскому нарѣчію), такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлорусса отъ рѣчи великорусса. Принимая во вниманіе указанныя особенности бѣлорусскихъ говоровъ, границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ орловской губерніи можно провести приблизительно въ трубчевскомъ уѣздѣ по правому берегу р. Десны, далѣе въ брянскомъ уѣздѣ по р. Деснѣ и ея притоку Болвѣ. Жители брянскаго и трубчевскаго уѣздовъ орловской губерніи извѣстны подъ именемъ полѣховъ (Очерки Россіи, Пассека, IV. Цитата взята у Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи. 15. 4 вып.). С. Максимовъ отмѣчаетъ ихъ дзеканье. (Древняя и новая Россія, 1876 г., № 8, 299—300, 306). Брянскій, сѣвскій, трубчевскій и карачевскій уѣзды орловской губ. относитъ къ Бѣлоруссіи и де-Ливронъ (ср. Живописная Россія, III, 250). С. Максимовъ также раздвигаетъ орловское и калужское Полѣсье и на лѣвый берегъ Десны (Живоп. Россія, III, 432, 436).

Далѣе граница бѣлорусской области переходитъ въ жиздринскій уѣздъ калужской губерніи. Въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи. Калужская губ., ч. II. С.-Пб. 1864. Составилъ М. Попроцкій», стр. 183, читаемъ: «Жители калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями масальскаго и западной части жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссіи. По нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ языкѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, жители западной части масальскаго уѣзда разнятся нѣсколько отъ жителей восточной его половины: первые и понынѣ слывутъ подъ именемъ полѣховъ, а послѣдніе подъ именемъ полянъ». Изслѣдованію языка западныхъ калужскихъ говоровъ посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (Русс. Фил. Вѣстн., XXXVI), Караулова (тамъ же, XLIII) и особенно А. Никольскаго (тамъ же, XLVI—XLVIII, работа продолжается). Разсматривая особенности языка этихъ полѣховъ, приходимъ къ заключенію, что жители западной части жиздринскаго и масальскаго уѣздовъ, дѣйствительно, бѣлоруссы, но только принявшіе немало особенностей и южновеликорусскихъ говоровъ. У нихъ между прочимъ уже и дзеканья нѣтъ и твердаго *р*. Имѣя въ виду обыкновеніе бѣлоруссовъ селиться по низменнымъ мѣстамъ и по рѣкамъ, я думаю, что приблизительно границу ихъ здѣсь можно провести, придерживаясь теченія р. Болвы, не достигая Жиздры, и затѣмъ къ верховьямъ р. Угры и дальше къ границѣ ельнинскаго уѣзда смоленской губерніи.

Въ смоленской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ по межѣ между уѣздами дорогобужскимъ и бѣльскимъ, съ одной стороны, и юхновскимъ, вяземскимъ и сычевскимъ—съ другой; при чемъ большая часть губерніи населена бѣлорусскимъ племенемъ и лишь четыре восточные уѣзда (юхновскій, вяземскій, сычевскій и гжатскій) принадлежатъ южновеликорусскому нарѣчію. По сообщенію С. Максимова (Живоп. Россія, III, 442) наибольшая часть бѣльскаго уѣзда—восточная—населена великоруссами.

Въ тверской губерніи бѣлорусскія поселенія съ нѣкоторыми особенностями даже сѣверновеликорусскихъ говоровъ (взаимная мѣна *ч* и *ц*) начинаются у г. Зубцова, далѣе тянутся по правому берегу Волги (Молодой Тудъ), гдѣ живутъ тудовляне, заходя иногда даже и на лѣвый ея берегъ (по р. Итомлѣ въ ржевскомъ уѣздѣ и р. Кошѣ въ осташковскомъ); затѣмъ граница бѣлорусскихъ говоровъ подходитъ къ истокамъ Волги и Зап. Двины. Бѣлорусское дзеканье, по Далю, слышится въ Корчевѣ и Торжкѣ.

Въ восточной части псковской губерніи бѣлоруссы не простираются дальше Зап. Двины. Затѣмъ граница бѣлорусской области идетъ приблизительно по сѣверной границѣ витебской губерніи. Нѣкоторыя отдѣльныя бѣлорусскія особенности можно встрѣчать и въ южной части псковской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. М. Колосовъ (Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. стр. 147, вып. 2) отмѣчаетъ бѣлорус-

сознъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ псковской губерніи (великолуцкій, опочецкій*) и холмскій) и даже московской (рузскій, волоколамскій и можайскій).

Вслѣдствіе разныхъ войнъ Москвы съ Литвой и Польшей бѣлоруссы нерѣдко попадали въ плѣнъ и бывали поселяемы на окраинахъ русскаго племени по сосѣдству съ инородцами; таковы, вѣроятно, ситкари на р. Ситн. притокѣ Мологи. въ ярославской губ. (ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, 300). Въ XVIII вѣкѣ иногда выселяли бѣлоруссовъ на пожалованныя вотчины: таковы, напр., паны, бутаки, занимающіеся добываніемъ поташа изъ золы, майданнымъ промысломъ, въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи (ср. Б. М. Ляпуновъ: Нѣсколько словъ о говорахъ лукояновскаго уѣзда нижг. губ. С.-Пб. 1894, 13—16, отд. отт. изъ «Живой Старины»). Тѣми же обстоятельствами, вѣроятно, вызваны незначительныя поселенія бѣлоруссовъ въ херсонской и пензенской губ. (Живоп. Россія, III, 250). Въ послѣднее время бѣлоруссы въ качествѣ колонистовъ-переселенцевъ попали въ многія отдаленныя мѣста Сибири и Средней Азіи. И здѣсь они остались вѣрны себѣ: селятся въ мѣстахъ богатыхъ лѣсами и водными бассейнами. По свидѣтельству М. Ковалевскаго (Экономическій строй Россіи. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1900), бѣлоруссы составляютъ $^5/_6$ населенія богатаго указанными особенностями природы Уссурійскаго края.

Такимъ образомъ, бѣлорусская рѣчь въ той или другой степени раздается въ губерніяхъ: витебской (большая часть), курляндской (незначительная часть), ковенской (незначительная часть), виленской (большая часть), гродненской (половина), сувалкской (одинъ уѣздъ), минской (большая часть), могилевской (вся губернія), черниговской (значительная часть на сѣверѣ), орловской (западный уголъ), калужской (незначительная часть), смоленской (большая часть), тверской (незначительная часть).

Бѣлорусскую рѣчь знаютъ слѣдующіе уѣзды (расположимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ):

Августовскій сувалк. г.
Бобруйскій минск. г.
Борисовскій минск. г.
Брянскій орловск. г.
Быховскій могил. г.
Бѣльскій гродн. г.
Бѣльскій смолен. г.
Бѣлостокскій гродн. г.
Велижскій витеб. г.
Вилейскій виленск. г.
Виленскій виленск. г.
Витебскій витеб. г.
Волковыскій гродн. г.
Гомельскій могилев. г.
Горецкій могил. г.
Городищенскій черн. г.
Городокскій витеб. г.
Гродненскій гродн. г.
Дисненскій виленск. г.
Дорогобужскій смол. г.
Дриссенскій витеб. г.
Ельнинскій смол. г.
Жиздринскій калуж. г.
Зубцовскій тверск. г.
Игуменскій минск. г.
Иллукстскій курлянд. г.
Климовичскій могил. г.
Красненскій смол. г.
Лепельскій витеб. г.
Лидскій виленск. г.
Люцинскій витеб. г.
Мглинскій черниг. г.
Минскій минск. г.
Могилевскій могил. г.
Мозырскій минск. г.
Масальскій калуж. г.
Мстиславскій могил. г.
Невельскій витеб. г.
Новгородъ-Сѣверскій черн. г.
Новоалександровскій ковен. г.
Новогрудскій минск. г.
Новозыбковскій черн. г.
Оршанскій могил. г.,
Осташковскій тверск. г.
Ошмянскій виленск. губ.
Пинскій минск. г.
Полоцкій витеб. г.
Норѣчскій смол. г.
Пружанскій гродн. г.
Ржевскій тверск. г.
Рогачевскій могил. г.
Рославльскій смол. г.
Рѣчицкій минск. г.
Свенцянскій виленск. г.
Себежскій витеб. г..
Сейненскій сувалк. губ.
Слонимскій гродн. г.
Слуцкій минск. г.
Смоленскій смолен. г.
Сокольскій гродн. г.,
Стародубскій черниг. г.
Суражскій черниг. г.
Сѣнненскій могил. г.
Троскій виленск. г.
Трубчевскій орлов. г.
Чаусскій могил. г.
Чериковскій могил. г.

*) Въ этомъ уѣздѣ отмѣчаетъ бѣлоруссовъ и Максимовъ (Живоп. Россія III, 448).

II. Реликвіи Лѣснянскаго боя.

Недавно священникъ с. Рабовичъ о. Андруцкій доставилъ мнѣ нѣсколько реликвій извѣстной битвы подъ Лѣсной, происходившей 28 сентября 1708 года.

Въ «Мог. Губ. Вѣд.» уже неоднократно говорилось объ этой битвѣ, и читателямъ болѣе или менѣе извѣстны подробности пораженія, нанесеннаго здѣсь Петромъ I Левенгаупту.

Если я напомню, что битва эта продолжалась съ утра и до ночи и въ ней шведовъ пало до 8000 чел., а нашъ уронъ доходилъ до 3966 человѣкъ, то станетъ понятнымъ, что Лѣснянское поле почти всплошную было усѣяно пулями, ядрами, картечью, ружьями, саблями и т. п. Все это въ самый день боя было засыпано снѣгомъ и оставалось въ землѣ до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, когда на это поле обратила свое вниманіе мѣстная помѣщица и собрала съ него всѣ крупнѣйшіе предметы.

Теперь они вѣроятно въ краковскомъ музеѣ, подобно многимъ другимъ предметамъ старины нашего края.

Но еще и теперь, при распашкѣ поля битвы и послѣ дождей, на немъ дѣлается много находокъ, главнымъ образомъ—пуль и картечи.

Въ числѣ реликвій, любезно доставленныхъ мнѣ о. Андруцкимъ, имѣются слѣдующія:

1. Чугунное ядро, вѣсомъ 3 ф., въ діаметрѣ $5^1/_4$ в., уже долго употреблявшееся лѣснянскими бабами при бученьѣ бѣлья.

2. Осколокъ бомбы, пустой внутри.

3. Семь картечныхъ пуль. Изъ нихъ три чугунныхъ, величиною въ малый грецкій орѣхъ, двѣ свинцовыхъ парныхъ, соединявшихся проволокою, и одна свинцовая большая, вѣсомъ въ 1 фунтъ. Всѣ сферическія. Одна свинцовая, цилиндрическая, съ желѣзнымъ стержнемъ внутри.

4. Три ружейныя пули свинцовыя, сферическія, въ томъ числѣ одна нѣсколько измятая и покрытая густымъ краснымъ налетомъ.

5. Ружейная пуля такая же, но совершенно потерявшая форму, повидимому—отъ удара въ кость.

6. Ружейная пуля свинцовая, цилиндрическая, съ придаткомъ сверху.

7. Двѣ ружейныя свинцовыя пули, сферическія, съ такими же придатками.

При одномъ изъ моихъ посѣщеній поля битвы я лично находилъ подобныя пули, при чемъ въ этихъ придаткахъ (пуля имѣетъ видъ кувшинчика) сохранялись еще щетины, имѣвшія повидимому цѣлью растравленіе раны.

8. Ружейный замокъ и курокъ отъ кремневки.

9. Метательное трубчатое копье, повидимому, русской кавалеріи,—можетъ быть участвовавшихъ въ бою калмыковъ. Длина копья съ трубкою 4 вершка, а длина остраго трехграннаго стержня $2^3/_8$ вершка.

10. Кавалерійское трубчатое копье, очень тонкой работы, повидимому, шведское. Общая длина его $6^1/_4$ в., въ томъ числѣ длина трубки $2^1/_2$ в. Трубка имѣетъ правильную восьмигранную форму. Въ ней три отверстія для гвоздей и на краю желобокъ для проволоки. Стержень имѣетъ четыре грани: двѣ широкія, какъ и у современнаго копья, и двѣ низкія, находящіяся на противоположныхъ сторонахъ.

Никакихъ знаковъ и буквъ за ржавчиной незамѣтно. Копья подобной формы, насколько извѣстно, представляютъ большую рѣдкость.

Е. Романовъ.

III. Къ исторіи могилевскаго Іосифовскаго собора[1]).

(Новые архивные матеріалы)

I.

Отношеніе Бѣлорусскаго вице-губернатора Ѳеодора Богдановича Энгельгардта къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю Василію Алексѣевичу Хованскому, отъ 11-го февраля 1799 года, изъ Витебска[2]):

«Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Въ городѣ Могилевѣ строилась по высочайшему соизволенію казеннымъ иждивеніемъ церковь святаго Іосифа.—Подрядчикъ былъ неисправенъ[3]). За отрешеніемъ коего досталась достройка поручителю, господину дѣйствительному статскому совѣтнику Маковецкому, который нынѣ и достроилъ съ великою для его тягостію и разореніемъ. Онъ-же человѣкъ небогатый и много семейственный. Я долго служа снимъ[4]) знаю его съ хорошей стороны, но за неприемомъ сей церкви Могилевскимъ архіереемъ Анастасіемъ без повеленія Правительствующаго Синода на его представленіе с рукъ его Маковецкаго еще не принимается, и онъ поноситъ отъ того новыя и невозвратныя издержки.—Ваше сіятельство всенокорнѣйше прошу, чтобъ Синодъ паслалъ незамедлительно повеленіе о приемѣ сей церкви.—А тѣмъ самымъ обяжетѣ и мѣня пребывающего на всегда съ истеннымъ высокопочитаніемъ и таковою-же преданностію Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшимъ слугою. Ѳедоръ Энгельгардтъ. 11 февр. 1799 г. Витебскъ[5]).

II.

Наблюдавшій за постройкой Іосифовской церкви архитекторъ Виссаріонъ Михайловичъ Павловъ 3-го ноября 1799 года подалъ въ бѣлорусско-могилевскую духовную консисторію прошеніе о томъ, чтобы ему выдана была выпись: «когда Іосифовская церковь по доставленіи отъ бѣлорусской казенной палаты прилежащихъ свѣдѣній и требуемыхъ оной церкви рисунковъ принята въ вѣдѣніе духовной греко-россійской консисторіи и котораго мѣсяца и числа отрапортовано о принятіи въ правительствующій синодъ и дано знать Бѣлорусской казенной палатѣ?» Выпись была выдана[6]).

III.

Старостa Іосифовской церкви Евонмій Гортынскій въ ноябрѣ 1799 г. просилъ преосвященнаго Анастасія, епископа бѣлорусскаго и могилевскаго, удержать при церкви бывшихъ при ней во время постройки караульныхъ изъ инвалидныхъ солдатъ, такъ какъ въ ней «даже около оконъ нѣтъ рѣшетокъ и никакихъ заставъ и укрѣпленій»[7]).

IV.

Въ мартѣ 1802 года, по частному запросу, преосвященный Анастасій писалъ: «планa Іосифовской церкви ни у меня ни въ консисторіи нѣтъ; а есть въ витебской казенной палатѣ и въ с. синодѣ[8])».

V.

Отношеніе могилевскаго и витебскаго архіепископа Анастасія Братановскаго оберъ-прокурору святѣйшаго синода, князю Александру Николаевичу Голицыну, отъ 2-го октября 1805 года, въ С.-Петербургѣ:[9])

«Въ губернскомъ городѣ Могилевѣ во время высочайшаго чрезъ оный въ 1780 году проѣзда въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, заложена на случай свиданія Ея Величества съ римскимъ Императоромъ Іосифомъ Вторымъ церковь во имя святаго Іосифа. По окончаніи оныя церкви изъ казны совершенною отдѣлкою отдана она въ духовное вѣдомство. Почему и представлялъ я Святѣйшему Синоду[10]) о учрежденіи ея по коштовной ея отдѣлкѣ и мѣстоположенію на публичномъ мѣстѣ соборною; но Святѣйшій Синодъ, имѣя разсужденіе, что она сооружена на мѣсто бывшей въ томъ самомъ мѣстѣ приходской Воскресенской церкви, которая потомъ перенесена на кладбище, повелѣлъ оставить ее приходскою, съ прилученіемъ къ ней отъ той кладбищной Воскресенской церкви прихожанъ и перенесеніемъ изъ оныя колоколовъ, ризницы и утвари, съ тѣмъ, чтобы прихожане имѣли впредь объ ней попеченіе. Въ теченіи времени открылись въ ней нѣкоторыя поврежденія, кои прихожанскимъ попеченіемъ при всемъ ихъ усердіи никакъ исправлены быть не могли, а доставшаяся ей приходская ризница и малая, и убогая, и ветхая. Сіи обстоятельства заставили бывшаго Бѣлорусскаго Господина военнаго Губернатора Генерала отъ инфантеріи и Кавалера Римскаго-Корсакова по настоянію моему учинить начальству представленіе о учрежденіи ея соборною.

Святѣйшій синодъ, по истребованіи отъ меня свѣденія о сей церквѣ, представлялъ Его Императорскому Величеству докладъ, чтобы Іосифовскую церковь обратить въ катедральный соборъ и отпустить на починку ея 1200 рублей съ произвожденіемъ впредь на починки и умноженіе ризницы ежегодно по 200 рублей[11]). При таковомъ обращеніи ея въ соборъ, нѣсколько священническихъ облаченій велѣлъ я выдать изъ катедральнаго дому моего ризницы, а потомъ изъ отпущенной суммы искуплены нужнѣйшія изъ утвари вещи и постепенно за собственнымъ моимъ присмотромъ сдѣлано на соборное служеніе нѣсколько священническихъ ризъ[12]); но при всемъ томъ скудость и бѣдность въ облаченіяхъ еще знатно не отвѣчаютъ великому памятнику великія Основательницы онаго.—Въ сей крайности прибѣгая къ предстательству Вашего Сіятельства[13]), покорнѣйше прошу исходатайствовать у высокомонаршаго престола всемилостивѣйшее повелѣніе объ отпускѣ на оный соборъ откуда-либо приличной р и з н и ц ы.»

При отношеніи представленъ былъ слѣдующій «Р е е с т р ъ нужнымъ въ Могилевскій каоедральный соборъ облаченіямъ: Ризъ священническихъ съ полнымъ къ нимъ прибором, т. е. подризниками, епитрахилями, поручами и поясами, восемь (8). Стихарей діаконскихъ съ орарями четыре (4). Воздуховъ для покрытія сосудовъ, большихъ и малыхъ по двѣ перемѣны. Напрестольное одѣяніе одно».

О просьбѣ преосвященнаго Анастасія княземъ Голицынымъ «докладывано (было) въ С.-Петербургѣ (Его Величеству) 15 декабря (1805 г.). (Государь Императоръ) высочайше указать соизволилъ дать ризницу не изъ богатыхъ, изъ казенной товарной.

При отношеніи князя Голицына отъ 22 января 1806 года на имя преемника преосвященнаго Анастасія, могилевскаго и витебскаго епископа Варлаама Шишацкаго, ризница отправлена была въ Могилевъ. Ящикъ съ ризницей и пакетъ съ отношеніемъ сданы были на почту въ С.-Петербургѣ 25 января 1806 года. Отъ 31 августа того-же года преосвященный Варлаамъ увѣдомлялъ князя Голицына, что «за п р и б ы т і е м ъ (е г о) 24 а в г у с т а в ъ М о г и л е в ъ (изъ города Острога, волынской губ.) ризница получена вся въ цѣлости и Іосифовскаго собора протоіерею (М. П. Богуславскому) и ключарю (І. Стратоновичу) консисторіею по порядку поручена».

Въ Могилевѣ были очень польщены царской милостью и рѣшились просить для собора пожалованія и у т в а р и. Бѣлорусско-могилевскій гражданскій губернаторъ Михаилъ Михайловичъ Б а к у н и н ъ запиской представилъ оберъ-прокурору св. синода кн. А. Н. Голицыну: «Въ Іосифовскій соборъ прислана ризница, утварь-же осталась прежняя, весьма бѣдная, неприличная прочему великолѣпію и нынѣшнему наименованію сего храма («каоедральный соборъ»). Въ приходѣ жъ обыватели весьма неимущіи». Ходатайство губернатора не имѣло успѣха. О немъ «докладывано (было) въ С.-Петербургѣ 4 августа 1806 г. Высочайшаго соизволенія не послѣдовало», «поелику», объяснялъ князь Голицынъ въ своемъ отношеніи отъ 11 августа 1806 г. М. М. Бакунину, «уже въ сей храмъ пожалована ризница; прочія-же украшенія церкви Государь Императоръ предоставляетъ доброхотнымъ дателямъ».[14])

VI.

Первымъ настоятелемъ Іосифовской церкви былъ протоіерей Михаилъ Прокофьевичъ Б о г у с л а в с к і й. Уроженецъ онъ былъ малороссійскій, сынъ священническій, родился въ 1751-мъ году. Въ семинарію (переяславскую) онъ поступилъ почему-то лишь въ 1771-мъ году, двадцати лѣтъ отъ роду. Здѣсь онъ обучался латинскому языку съ низшихъ классовъ по философію. Въ 1777 г. Богуславскій перешелъ въ кіевскую академію и обучался тамъ богословіи чрезъ три года и еврейскому языку два года. По окончаніи курса М. П—чъ женился на дочери протоіерея города Сорочинцевъ (полтавской губ.) Романа Конисскаго—Екатеринѣ Романовнѣ, родной племянницѣ знаменитаго могилевскаго святителя Георгія, и затѣмъ (въ 1781 г.) былъ рукоположенъ во священника въ помощь своему тестю. Но въ томъ-же 1781 году г. Богуславскій былъ вытребованъ дядею, преосвященнымъ Георгіемъ, изъ переяславской въ бѣлорусскую епархію и опредѣленъ тогда-же въ городѣ Могилевѣ къ Дальневоскресенской церкви настоятелемъ, въ духовную консисторію присутствующимъ

я экзаменаторомъ ставленниковъ. А между тѣмъ, бывъ чрезъ четыре года въ семинаріи реторики учителемъ и префектомъ, произведенъ въ 1792 году къ могилевскимъ городскимъ церквамъ въ протопопа; наконецъ 1795 года переименованъ соборнымъ протопопомъ, въ коемъ званіи будучи, получилъ изъ числа установленныхъ для бѣлаго священства почестей крестъ, изъ Св. Синода 1798 г. декабря отъ 30 дня при указѣ присланный. Съ 1804 г. о. Богуславскій управлялъ благочиніемъ церквей, въ вѣдомствѣ могилевской протопопіи находившихся. 4 мая 1806 г. награжденъ былъ (Государемъ) фіолетовой бархатной камилавкой.[15]) Съ 3-го декабря 1813 г. по 19 августа 1814 г. протоіерей Богуславскій былъ также ректоромъ могилевской духовной семинаріи[16]).

Первымъ ключаремъ Іосифовскаго собора былъ родной братъ епископа Анастасія, протоіерей Василій Семеновичъ Братановскій. Родился онъ въ 1771 году; въ александровской семинаріи въ С.-Петербургѣ обучался философіи и богословіи. По окончаніи курса былъ учителемъ исторіи и географіи въ вологодской семинаріи и грамматики и ариѳметики въ кирилловской. 8 ноября 1791 г. В. С—чъ рукоположенъ былъ въ діакона къ церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, что у Лягова канала, въ С.-Петербургѣ; 17 іюля 1794 г. переведенъ къ церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что на Васильевскомъ островѣ, а 24 декабря 1795 г. произведенъ къ сей же церкви во священника. Въ 1800 году преосвященный Анастасій вызвалъ брата въ Могилевъ и 12 іюля опредѣлилъ его ключаремъ къ каѳедральному Спасо-Преображенскому собору,[17]) затѣмъ назначилъ его учителемъ французскаго языка въ семинаріи, а 2 ноября того же 1800 года—присутствующимъ въ консисторіи;[18]) 17 марта 1801 г. возвелъ его въ протоіерея,[19]) а въ октябрѣ 1802 г. опредѣлилъ ключаремъ новаго Іосифовскаго собора.[20]) 27 октября 1803 г. о. Василій скончался отъ наслѣдственной въ родѣ Братановскихъ чахотки.[21]) Послѣ него осталась вдова Марья Ивановна съ тремя сиротами: двумя дѣвочками и мальчикомъ Андреемъ.[22]) Преосвященный Анастасій отдавалъ братовой на содержаніе и воспитаніе дѣтей свой пансіонъ по ордену св. Анны и завѣщалъ ей нѣкоторый капиталъ. 3 января 1808 г. М. И. Братановской, во уваженіе службы преосвященнаго Анастасія (9 дек. 1806 г.), Высочайше пожалованъ былъ по смерть пенсіонъ изъ Кабинета по 120 рублей въ годъ.[23]) Случай исключительный.

Преемникомъ В. Братановскаго по ключарству былъ Іоаннъ Стефановичъ Котовичъ. съ 18 ноября 1803 г.[24]) 12 октября 1805 г. могилевской духовной консисторіей получено было изъ С.-Петербурга отъ владыки Анастасія слѣдующее предложеніе отъ 30 сентября того же года: «Какъ Могилевскаго каѳедральнаго Іосифовскаго собора ключарь, вдовый священникъ Іоаннъ Котовичъ, присутствовавшій и въ оной консисторіи, изъ Могилевской епархіи выбылъ и по желанію его опредѣленъ въ число братства Александро-Невской лавры[25]) для того на мѣсто его ключаремъ собора быть того жъ собора священнику Іоанну Стратоновичу».[26])

О. Стратоновичъ, сынъ священника с. Герасименокъ оршанск. у., род. въ 1778 г. Кромѣ преподаваемыхъ въ низшихъ классахъ на латинскомъ языкѣ предметовъ, коимъ началъ учиться съ 1792 г. въ могилевской семинаріи, обучался поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ—исторіи, географіи, ариѳметикѣ, началамъ врачебной науки, да языкамъ: нѣмецкому, французскому и греческому. По окончаніи ученія 1803 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ рукоположенъ къ могилевскому Іосифовскому собору во священника. 1804 г. въ январѣ опредѣленъ по свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ увѣщателемъ колодниковъ, въ каковой должности находился четыре года. Въ мартѣ 1807 г. назначенъ присутствующимъ въ консисторію, въ декабрѣ—благочиннымъ могилево-градскихъ и нѣкоторыхъ сельскихъ церквей; въ январѣ 1808 г. префектомъ семинаріи. Въ іюнѣ 1808 г. о. Стратановичъ уволился отъ должности благочиннаго.[27]) Въ 1813 г. исправлялъ должность ректора семинаріи.[28])

Платонъ Горючко.

16 (2) января 1902 г. Гага.

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду статья (Ѳ. А. Жудро)—„Могилевскій каѳедральный Іосифовскій соборъ“, составляющая прибавленіе къ календарю для духовенства могилевской епархіи на 1900 годъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1899.

[2]) Документъ этотъ печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

[3]) Подрядчикомъ былъ петербургскій купецъ П. П. Царевъ. Въ 1798 г. велѣно было: „заковавъ его въ кандалы вѣчно, отослать въ Ригу къ водянымъ работамъ". Архивъ могилевской духовной консисторіи (А. М. Д. К.) Синодскіе указы 1798 г., № 68, отъ 13 мая.

[4]) О. Б. Энгельгардтъ былъ раньше (въ 1795 г.) предсѣдателемъ могилевской уголовной палаты. Въ бабиновицкой округѣ у него была деревня Заозерье. А. М. Д. К., 1795 г. д. № 1. Маковецкій былъ предсѣдателемъ могилевскаго верхняго земскаго суда. „Календарь", стр. 260.

[5]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ С.-Петербургѣ (хранится въ синодскомъ архивѣ), дѣло № 1831 (1799 г.).

[6]) А. М. Д. К., 1799 г. связка дѣлъ съ №№ 180—314, д. № 204.

[7]) Тамъ-же д. № 217.

[8]) А. М. Д. К., 1802 г. предмета 3-го дѣло № 135. Въ архивѣ св. синода (1799 г. д. № 159) планъ, дѣйствительно, имѣетъ я.

[9]) Съ конца іюля 1805 г. архіеп. Анастасій присутствовалъ въ св. синодѣ.

[10]) Рапортомъ отъ 1-й августа 1799 г. А. С. С. 1799 г. д. № 159.

[11]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2279.

[12]) Преосв. Анастасій, повидимому, интересовался портняжничествомъ. Въ 1804 г. онъ взялъ „на свое разсмотрѣніе" устроить „школьную" для „рукодѣльнаго образованія" дѣтей духовенства могилевской епархіи. А. М. Д. К., 1804 г., предм. 16-го д. № 149.

[13]) Князь А. Н. Голицынъ былъ очень внимателенъ къ преосвященному Анастасію Братановскому.

[14]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2964. А. М. Д. К., 1806 г. предм. 3-го д. № 399, въ связкѣ дѣлъ 1805—9 гг. съ №№ 117—131, д. № 118.

[15]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2765.

[16]) „Могилев. Епарх. Вѣд." 1896 г. № 4: М. А. Лобова—„Ректоры могилев. дух. семинаріи", стр. 56, ср. 57.

[17]) А. М. Д. К., 1800 г. предм. 1-го д. № 146.

[18]) Тамъ же, предм. 9-го д. № 31.

[19]) А. М. Д. К., 1801 г. предм. 1-го д. № 302.

[20]) А. М. Д. К., 1802 г. пр. 3-го д. № 134.

[21]) А. М. Д. К. 1803 г. предм. 2-го д. № 198.

[22]) Тамъ же д. № 200.

[23]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 3451.

[24]) А. М. Д. К., 1803 г. пр. 2-го д. № 198. О Котовичѣ см. „Исторію могилев. дух. семинаріи" М. А. Лобова („Могилев. Еп. Вѣд." 1896 г. № 26—27 стр. 495, 37). А. М. Д. К., 1803 г. предм. 1-го д. № 810; 1804 г. предм. 9-го д. № 249.

[25]) А. М. Д. К., 1805 г. предм. 1-го д. № 1447.

[26]) Тамъ же. д. № 1453.

[27]) Архивъ комиссіи духовныхъ училищъ (хранится въ синодскомъ архивѣ въ С. Петербургѣ), 1809 г. д. № 67.

[28]) „Исторія могилев. дух. семинаріи" М. А. Лобова („Могилев. Епарх. Вѣд." 1896 г. № 454,16).

IV. Эпизодъ изъ сношеній могилевской духовной семинаріи съ общественнымъ управленіемъ города Могилева въ 1798—1800 гг.*)

Архіепископъ Георгій Конисскій (+1795 г.) оставилъ по себѣ д в а з д а н і я для могилевской семинаріи: сохранившійся доселѣ главный классный корпусъ, сооруженный въ 1785 г., и двухэтажный каменный домъ для помѣщенія учителей и учениковъ, стоявшій направо отъ входа съ Вѣтреной улицы, почти на одной линіи съ нынѣшней консисторіей.[1]) 20 декабря 1797 г. во епископа богоспасаемаго града Могилева, что на Днѣпрѣ, посвященъ былъ членъ святѣйшаго правительствующаго синода, архимандритъ Анастасій Братановскій, извѣстный проповѣдникъ екатерининскаго вѣка. Въ это время, въ царствованіе Павла Петровича, подъ вліяніемъ просвѣщеннаго санктпетербурскаго митрополита Гавріила Петрова, принимались разныя средства къ возвышенію православнаго духовенства, къ подъему его умственнаго и нравственнаго уровня. Обращено было, между прочимъ, усиленное вниманіе на духовно-учебныя заведенія, семинаріи. Отпускавшіяся на содержаніе ихъ средства были увеличены; курсъ наукъ расширенъ. Преосвященный Анастасій прибылъ въ Могилевъ 31 января 1798 г. какъ разъ во время этихъ реформъ и дѣятельно проводилъ ихъ въ своей епархіи.

Указомъ 11 февраля 1798 г. епархіальнымъ архіереямъ, св. синодъ, между прочимъ, запрашивалъ: «гдѣ находятся училищные домы? сколько потребно людей для отправленія службъ? сколько находится учителей? изъ какого (они) званія и впредь ко обученію... способны-ли»?[2]) Преосвященный Анастасій отвѣчалъ, что «Бѣлорусская (могилевская) семинарія находится близъ архіерейскаго дома; но» (наличныхъ помѣщеній недостаточно, почему) «для учениковъ, на казенномъ коштѣ состоящихъ и живущихъ въ отдаленности, (пред)полагается пристроить н о в ы й д в у х э т а ж н ы й к а м е н н ы й д о м ъ, на который по смѣтѣ положено четыре тысячи пять

*) Изъ №№ 13, 14 и 16 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

сотъ рублей». Владыка просилъ отпустить эти деньги изъ суммъ св. синода,[3]) а между тѣмъ дома занялся изысканіемъ мѣстныхъ средствъ.

I.

Съ 1789 г. верхній этажъ семинарскаго классическаго корпуса занятъ былъ главнымъ народнымъ училищемъ. Городъ обязанъ былъ за это уплачивать семинаріи по двѣсти рублей въ годъ, но дѣлалъ это неисправно: къ марту 1798 г. семинарія не получила еще арендной платы за 1796 и 1797 годы. По приказанію преосвященнаго Анастасія бѣлорусская (могилевская) духовная консисторія требовала отъ могилевской городской думы взноса въ семинарское правленіе за занятіе народнымъ училищемъ семинаріи верхняго этажа по двѣсти рублей за годъ. Сообщеніемъ отъ 18 марта 1798 г. за подписью городскаго главы Кирилы Торочкова дума отвѣчала, что уплатить долга семинаріи она не можетъ, такъ какъ «положена великая сумма» на довольствіе квартирующихъ въ городѣ полковъ и оныхъ гошпиталей; ктомуже дума обременена другими долгами. Тѣмъ не менѣе о претензіи семинаріи дума донесла бѣлорусскому (витебскому) губернатору Семену Семеновичу Жегулину.[4]) Съ своей стороны преосвященный отношеніемъ отъ 23 марта 1798 г. просилъ губернатора велѣть думѣ слѣдуемыя отъ нея семинаріи деньги, «яко нужныя къ обращенію на семинарскую бурсу», въ домъ его взнесть.

Въ отвѣтъ на сообщеніе думы консисторія требовала немедленно взнесть деньги и очистить семинарскій этажъ переведеніемъ народнаго училища въ другое какое мѣсто, поелику таковой (этажъ) необходимо есть нужнымъ для занятія на семинарію. Дума 15 іюля 1798 г. отвѣчала, что за неполученіемъ отъ губернатора въ резолюцію повелѣнія уплатить денегъ не можетъ; «относительно жъ о переводѣ изъ семинаріи училища въ другое мѣсто, то какъ отъ губернатора думѣ послѣдовало предписаніе о перестройкѣ городского дома для училища, каковое уже началось и когда возымѣетъ окончаніе по надлежащему, въ то время дума не преминетъ училище перевесть въ оной». Преосвященный 20 іюля опять написалъ губернатору о нежеланіи думы исполнить требованія семинаріи съ присоединеніемъ просьбы помочь пріобрѣсти отъ города смежный съ семинаріей участокъ земли въ обмѣнъ на архіерейскую землю.

С. С. Жегулинъ отъ 23 іюля 1798 г. изъ Витебска отвѣчалъ: «Исполняя требованіе вашего преосвященства, во всеночтеннѣйшемъ писаніи вашемъ отъ 20-го сего іюля подъ № 1669-мъ изъясненное, предписалъ я могилевской городской думѣ всю слѣдующую сумму за помѣщеніе народнаго училища въ семинарскомъ домѣ немедленно заплатить, а училище вывесть въ другой городской или казенный домъ.—Поелику вышнее начальство требуетъ всегда вѣрнаго отчета въ городскихъ расходахъ и собственности градскіе почитаетъ наравнѣ съ казенными, то по сей причинѣ не могъ я собою рѣшиться на уступку земли градской, думѣ принадлежащей; но однакожъ и въ томъ не отказываюсь вашему преосвященству, потому что вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія въ будущемъ августѣ мѣсяцѣ долженъ я обозрѣть ввѣренную мнѣ губернію и буду имѣть щастіе лично видѣть ваше преосвященство, а въ то-же время и не премину стараться изобресть всевозможное средство удовлетворить желаніе вашего преосвященства относительно до обмѣна земли»[5]).

На сообщеніе объ этомъ консисторіи дума 10 августа 1798 г. отвѣтила, что уплатить слѣдуемыя семинаріи деньги за 1796, 1797 и половину 1798 г., всего пятьсотъ рублей. Домъ для училища городомъ еще не оконченъ. Изъ казеннаго же строенія, гдѣ предъ симъ помѣщались бывшіе могилевскіе: (губернское) правленіе и казенная палата (до 1797 г.), находились (комнаты) для помѣщенія училища до времени, пока городской домъ окончится перестройкою. По общему (мнѣнію) думы съ господиномъ директоромъ (народныхъ училищъ) Цвѣтковскимъ, (комнаты, помѣщенія эти) оказались способными; но какъ во ономъ строеніи находится могилевскаго коменданта господина полковника и ковалера Экеспера полка швальня, то о переводѣ оной въ другое мѣсто и о дозволеніи оныхъ занять училищемъ къ господину коменданту сообщено». Заслушавъ это сообщеніе, по докладѣ о немъ преосвященному, консисторія постановила: для принятія суммы (500 р.) отправить въ думу семинаріи суперъинтендента, архидіакона Захарію Полонскаго[6]).

II.

Благодаря содѣйствію губернатора Жегулина, могилевская семинарія получила отъ города недоимку и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась отъ стѣснявшаго ее народнаго училища. Благосклонному участію того же губернатора семинарія обязана пріобрѣтеніемъ отъ города смежнаго участка земли съ стоявшими на немъ постройками. 14 октября 1798 г. изъ Витебска С. С. Жегулинъ писалъ преосвященному Анастасію: «имѣю честь препроводить здѣсь планъ подписанной мною о мѣстѣ, которое по желанію вашего преосвященства могилевскою городскою думою уступается къ архіерейскому дому, равно и тому, которое по соизволенію вашему, милостивый архипастырь, въ замѣнъ отдается думѣ. Предложеніе о семъ думѣ здѣсь-же включаю». По приказанію владыки, консисторія просила думу отвести по утвержденному губернаторомъ плану землю, «равно какъ и находящемуся на отводимой землѣ ветхому строенію благоволила бы дума положить оцѣнку». 28 октября 1798 г. дума отвѣчала, что нужныя для этого распоряженія ею сдѣланы: отписано губернскому секретарю, архитектору Виссаріону Михайловичу Павлову и коменданту Бистрому.

Четыре съ половиной мѣсяца дѣло это оставалось безъ движенія, быть можетъ, по винѣ архитектора Павлова, мстившаго духовному начальству за уклоненіе отъ пріема изъ его рукъ Іосифовской церкви.[7]) Какъ бы то ни было, 13 марта 1799 г. преосв. Анастасій просилъ коменданта Бистрома произвести поскорѣе оцѣнку строеній на переходившей къ семинаріи землѣ.[8]) Комендантъ 16-го марта отвѣчалъ, что представилъ объ этомъ бѣлорусскому (витебскому) губернатору Матвѣю Симоновичу Бѣлокопытову (преемнику С. С. Жегулина).[9]) Этотъ начальникъ, повидимому, не имѣлъ желанія оказывать услуги духовенству. 11 мая 1799 г. онъ писалъ преосвященному Анастасію: «Могилевскіе городовой магистратъ и дума отъ 29-го истекшаго апрѣля доносятъ мнѣ рапортомъ, что они, имѣя въ общемъ собраніи разсужденіе, опредѣлили: за каменный домъ и за два деревянные при немъ возвратить (вамъ) городу издержанныя на оные четыре тысячи рублей».

Городская оцѣнка показалась преосвященному «несоразмѣрной и весьма увеличенной». На отношеніи губернатора Бѣлокопытова владыка написалъ: «Получено маія 18 дня. Сообщить (т. е. въ формѣ «сообщенія» отнестись) въ думу сбще съ магистратомъ о положенной цѣнѣ за домы, на какомъ они основаніи положена и не будетъ-ли уступки—дабы рѣшительно послѣ представить, куда слѣдуетъ». 27 мая дума отвѣчала консисторіи, что оцѣнка сдѣлана «умѣренна» и потому уменьшить назначенную цѣну дума не можетъ. Между тѣмъ оказалось, что магистратъ и дума «безъ публичной оцѣнки назначили цѣну»; каменный домъ «не отъ города строенъ и ему вовсе не нуженъ»: городъ купилъ его «единственно съ приказанія бывшаго губерніи начальника» (П. Б. Пассека?) у секретаря Манюгевича за цѣну не болѣе двухъ тысячъ рублей. Преосвященный 10 іюня написалъ объ этомъ М. С. Бѣлокопытову съ сообщеніемъ, что двѣ тысячи онъ согласенъ заплатить. Владыкѣ отвѣчалъ смѣнившій Бѣлокопытова губернаторъ Петръ Ивановичъ Северинъ[10]); отъ 23 іюня 1799 г. онъ извѣщалъ Анастасія, что приказалъ думѣ избрать присяжныхъ оцѣнщиковъ. Преосвященный съ своей стороны распорядился: «Быть при оцѣнкѣ дѣятельнымъ отцу намѣстнику (архіерейскаго дома, игумену Александру Корженевскому) или отцу префекту (семинаріи, протоіерею Андрею Якимовичу Пригоровскому)».

Оцѣнка происходили 12 іюля 1799 года. Представителями города были два христіанина и два еврея, отъ преосвященнаго депутатами были игуменъ Александръ и префектъ А. Пригоровскій. Домъ съ прочимъ строеніемъ и землею оцѣнили въ двѣ съ половиной тысячи. Хотя и эту цѣну владыка находилъ ненастоящей, тѣмъ не менѣе онъ согласился заплатить городу 2500 р., но въ три срока.

12 августа 1799 г., въ счетъ слѣдовавшихъ городу денегъ по отношенію губернатора Северина, уплачена была тысяча рублей вдовѣ полковника Маргаритѣ Ушаковой, которой дума должна была по векселямъ.

16 августа 1799 г. состоялась передача городомъ уступленнаго семинаріи участка земли съ находившимися на

немъ постройками. Представители города выдали при этомъ слѣдующій документъ:

«Указомъ Его Императорскаго Величества, отъ могилевской градской думы и могилевскаго городоваго магистрата сего августа 16-го дня подъ № 270-мъ намъ даннымъ, будучи мы назначены къ отдачѣ городскаго каменнаго дома съ внутреннимъ его украшеніемъ и съ протчіимъ при томъ домѣ деревяннымъ строеніемъ и двухъ еще деревянныхъ не въ отдаленномъ за онымъ каменнымъ домомъ къ валу построенныхъ домовъ же и земли подъ тѣми домами и при нихъ находящейся незастроенной, по смежности съ двухъ сторонъ отъ земли, катедрѣ могилевской принадлежащей, съ третьей отъ самаго валу, а съ четвертой отъ улицы Вѣтреной[11]),—упомянутою думою и магистратомъ означенной катедрѣ для семинаріи за двѣ тысячи пятьсотъ рублей безвозвратно по желанію преосвященнѣйшаго Анастасія, епископа Бѣлорусскаго и Могилевскаго и ордена святыя Анны перваго класса Кавалера, уступленныхъ, сегожъ августа 16-го дня той катедрѣ въ вѣдѣніе намѣстника и Оршанскаго Кутеинскаго монастыря игумена Александра отдали, съ тѣмъ, что объявленные дума и магистратъ въ оные домы и земли вѣчно уступаться и никакого притязанія къ онымъ чинить не станутъ; а предоставляется полная свобода и право его преосвященству и катедрѣ всѣмъ прописаннымъ владѣть и обратить оное такъ, какъ угодно покажется его преосвященству.

Данъ сей подавчій листъ 1799-го года августа шестагонадесять дня въ Бѣлорусскомъ городѣ Могилевѣ.

Въ чемъ всемъ своеручно и подписуемся: могилевскаго магистрата ратманъ[12]) Игнатій Цыбикъ. Могилевской городской шестигласной думы и гильдейской гласный Иванъ Пушкаревичъ.

1799 года августа 17-го дня сей подавчей листъ въ могилевской городовой полиціи явленъ и въ книгу подъ № 84 записанъ»[13]).

За полученный отъ города домъ духовное вѣдомство должно было заплатить, кромѣ отданной г-жѣ Ушаковой тысячи, еще 1500 рублей. Между тѣмъ въ консисторіи открыли, что за могилевскими управами числится 1170 рублей долгу духовному вѣдомству. Въ городовомъ положеніи сорокъ третьей статьей о управномъ въ церковную казну платежѣ установлено: «Управа должествуетъ внести въ городовую церковную казну изъ ремесленной казны с е г о д н о п я т ь р у б л е й на содержаніе церквей и церковниковъ». Со времени открытія могилевской думы въ 1786 году такового платежа взносимо не было, почему до 1799 г. ко взысканію въ церковную казну всей суммы причиталось за 13 лѣтъ по 5 р. съ управы, или цеха. Консисторія рѣшила воспользоваться этимъ.

9 августа 1799 года секретарь консисторіи Петръ Соловьевъ написалъ въ думу: «Бѣлорусской духовной консисторіи изъ могилевскаго городоваго магистрата потребно свѣдѣніе: с к о л ь к о въ з д ѣ ш н е м ъ г о р о д ѣ ц е х о в ъ находится?» Восемнадцать, отвѣтили, а именно: кравецкій, ковальскій, кушнерскій,[14]) пирожницкій, рѣзницкій, кожевницкій, римарецкій,[15]) злотницкій, сапожницкій, плотницкій, блехарскій, стекольщицкій, шмухлерскій,[16]) алейницкій, рѣжчицкій, слесарскій, столярскій и гончарскій. 18×5×13=1170 рублей.

По докладу консисторіи отъ 16 августа 1799 г. 23-го числа того же мѣсяца послано было отъ имени преосвященнаго Анастасія губернатору П. И. Соверину отношеніе, чтобъ повелѣлъ онъ магистрату и думѣ принадлежащее число за уступленный отъ города къ семинаріи домъ д о п л а т к и (1500 р.) о с т а в и т ь за отъ ремесленныхъ управъ слѣдуемую сумму, которую магистратъ съ думою могутъ и должны выручить сами отъ тѣхъ же управъ,—да и по другимъ городамъ въ церковную казну деньги отдавать изъ цеховъ. Губернаторъ 28 августа (1799 г.) изъ Витебска отвѣчалъ, что имъ сдѣланы желательныя духовному начальству распоряженія. Но цехи отказались уплатить приписанный имъ консисторіей долгъ, утверждая, что на церковныя нужды ими истрачено больше, чѣмъ требовалось закономъ[17]). Тогда преосвященный попытался добиться того, чтобы оставшійся за семинаріей долгъ не былъ взыскиваемъ городомъ.

22 ноября 1799 года въ бѣлорусское (витебское) губернское правленіе послано было слѣдующее о т н о ш е н і е: «Указами велѣно и долгъ есть пастырей имѣть попеченіе о семинаріяхъ. Согласно чему бѣлорусскій грекороссій-

скихъ церквей епископъ Анастасій, прилежа къ лучшему прежняго семинаріи своей устройству, но между прочимъ обзаведеніемъ, находя зданіе ея къ помѣщенію всѣхъ классовъ, а особливо умножающихся сиротъ и другихъ бѣдныхъ на казенный коштъ воспитанниковъ и самихъ жительствомъ тутъ учителей, крайне невмѣстительнымъ, имѣя же въ виду близъ самой семинаріи градскій каменный домъ, стѣснявшій оную и деревянными своими встхими службами безобразившій публичное мѣсто, старался пріобрѣсть тотъ домъ къ семинаріи, предполагая, срывъ деревянныя пристройки, обратить самое только каменное зданіе въ общественную пользу къ помѣщенію казеннаго содержанія питомцовъ;[18]) но не могши снискать уступки того городу безполезнаго и вовсе ненужнаго дома, для семинаріи безденежно, принужденъ согласиться заплатить за оный по оцѣнкѣ 2500 рублей и въ то число отдалъ уже тысячу рублей; а остальные полторы тысячи по немалому числу казенныхъ воспитанниковъ и по причинѣ возвысившейся въ здѣшнемъ краѣ на все дороговизнѣ уплатить городу изъ семинарской по штату положенной суммы нѣтъ возможности;[19]) почему вышеозначенный преосвященный Анастасій проситъ предпринять мѣры показанный городу долгъ, въ благотворительство училищному общественной пользы мѣсту, сложить изъ семинаріи безъ взысканія».[20])

Эта просьба не имѣла успѣха; поэтому 10 мая 1800 года владыка предписалъ: «Предлагаемъ консисторіи нашей прилагаемый при семъ государственнаго вспомогательнаго банка пятисотнаго достоинства билетъ подъ № 35363-мъ[21]) въ могилевскую городскую думу въ уплату слѣдуемыхъ ей за купленный для семинаріи городской домъ остальныхъ денегъ при своемъ отношеніи отправить и квитанцію въ полученіи тѣхъ 500 рублей отъ ее истребовать». Распоряженіе преосвященнаго исполнено было на слѣдующій день. Въ полученіи 500 р. къ прежней тысячѣ руб. городской голова Кирила Торочковъ 12 мая 1800 г. далъ росписку.

24 мая 1800 г. дума напомнила консисторіи, что за купленный домъ духовное вѣдомство должно уплатить еще тысячу.[22]) Консисторія въ отвѣтъ (въ іюнѣ 1800 г.) требовала отъ думы, чтобы по вычетѣ за купленный для семинаріи домъ доводящихся думѣ тысячи рублей остальные 260 рублей, щитая отъ всякой ремесленной управы по пяти рублей отъ 1786 года по 1-е генваря 1800 года были въ консисторію доставлены, а при доставленіи этихъ денегъ возвращено бъ было завѣрительное о уплатѣ за домъ семинарскій двухъ тысячъ пятисотъ рублей, какъ уже сполна уплаченныхъ, консисторское отношеніе, также въ принятіи суммы прислана бъ была въ консисторію квитанція».[23])

Консисторія считала свой искъ къ цехамъ вполнѣ законнымъ,—отговорки, ссылки ихъ на понесенныя ими издержки признавала недоказанными и даже ложными. Въ свою очередь дума, не получая церковнаго долга съ цеховъ, считала себя вправѣ требовать и дѣйствительно требовала отъ консисторіи уплаты тысячи рублей.[24]) Такъ дѣло тянулось почти десять лѣтъ. Остальная тысяча уплачена была думѣ 3 мая 1809 года, по приказанію преосвященнаго Варлаама Шишацкаго, архіепископа могилевскаго и витебскаго, вопреки мнѣнію консисторіи, продолжавшей настаивать на уплатѣ цехами церковнаго долга. Процессъ этотъ продолжался еще послѣ разсчета семинаріи съ думой въ 1809 году.[25])

Платонъ Горючко.

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки при св. синодѣ въ С.-Петербургѣ подъ № 86-мъ имѣются „планы и фасады строеніямъ могилевской семинаріи“ 1806 и 1830 годовъ. Планъ 1806 г. сдѣланъ губернскимъ архитекторомъ Зражевскимъ. Для историка это важное пособіе при опредѣленіи мѣста и вида построекъ. Консисторія въ то время помѣщалась въ нынѣшней квартирѣ секретаря. На мѣстѣ нынѣшняго присутствія консисторіи находилась зимняя церковь. Гдѣ домъ, занимаемый теперь правленіемъ и экономомъ семинаріи, тамъ стояла каплица. Вмѣсто нынѣшняго семинарскаго переулка существовалъ тогда земляной валъ, пересѣкавшій современный Муравьевскій бульваръ.

[2]) Полное собраніе законовъ россійской имперіи (первое), т. XXV, № 18369.

[3]) Отпущено было всего полторы тысячи (13 августа 1798 г.). Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ, 1798 г. д. № 675.

[4]) Съ 12 декабря 1796 года по 9 сентября 1801 г. нынѣшнія могилевская и витебская губерніи составляли одну „бѣлорусскую“; губернскимъ городомъ былъ Витебскъ. П. С. З. XXIV. 17634; XXVII. 20162.

[5]) Преосвященный Анастасій въ августѣ—октябрѣ 1798 г. также обозрѣвалъ часть своей епархіи. Съ губернаторомъ Жегулинымъ владыка видѣлся въ Чаусахъ 22 сентября. Архивъ св. синода, 1798 г. д. № 619.

[6]) Архивъ могилевской духовной консисторіи, 1798 г. связка №№ 12—160, д. № 87.

[7]) См. «Календарь для духовенства могилевской епархіи на 1900 годъ», стр. 263 и слѣд.

[8]) «1799 года марта 13-го дня въ журналѣ бѣлорусской (могилевской) духовной консисторіи записано: докладывано, что согласно Высочайшему повелѣнію о благоустройствѣ духовныхъ училищъ его преосвященство при учрежденіи по здѣшней семинаріи дальшихъ распорядковъ, находя въ протчемъ отъ пріумноженія уча-

щихся и самихъ учителей домъ семинарскій невмѣстительнымъ, хотя истребовалъ уже отъ здѣшней общественной думы нѣкоторой извѣстной части принадлежащей къ семинаріи городской земли въ замѣнъ на катеральную къ постройкѣ новаго зданія (стоявшаго на мѣстѣ нынѣшняго лѣваго флигеля), „но и засимъ еще въ распространеніи самонужнаго для семинаріи строенія крайнее есть въ мѣсторасположеніи стѣсненіе". Отношеніе къ каменданту заканчивалось воззваніемъ: „окажите, милостивый государь, содѣйствіваше къ споспѣшествованію благонамѣренности"... Архивъ могилев. дух. семинаріи 1802 г.

[9]) Указъ сенату отъ 12 декабря 1798 г. „Сартовскому вице-губернатору д. с. с. Бѣлокопытову быть бѣлорусскимъ гражданскимъ губернаторомъ". А. М. Д. К., синод. указы 1799 г. № 27, отъ 24 февр. 1799 г. Могилевскіе гражданскіе историки не дали до сихъ поръ даже простого списка начальниковъ губерніи. Сл. нецолный и ошибочный перечень ихъ въ „Опытѣ описанія могилевской губерніи" А. С. Дембовецкаго (кн. 1 стр. 161).

[10]) Указъ сенату отъ 3 іюня 1799 г. генералъ-лейтенанта Северина переименовавъ въ наши тайные совѣтники, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть Бѣлор. гражд. губернаторомъ А. М. Д. К., синод. указы 1799 г., отъ 25 іюня.

[11]) Упоминаемый здѣсь домъ существуетъ доселѣ, хотя и въ измѣненномъ видѣ (надстроенъ деревянный этажъ)—въ немъ помѣщаются служителя, инспекторъ и ректоръ семинаріи. На мѣстѣ земляного вала находится теперь семинарскій переулокъ. Вѣтреная улица оффиціально зовется нынѣ Большой Садовой.. Пора Могилеву, по примѣру другихъ городовъ, возвратить своимъ улицамъ и частямъ историческія имена: Днѣпровскій проспектъ долженъ называться Шкловской ул., Московское предмѣстье (?!)—Луполовомъ и т. д. (Пособіемъ къ рѣшенію этого вопроса можетъ служить имѣющаяся въ библіотекѣ могил. дух. семинаріи рукопись хроники Трубницкаго (даръ Н. Г. Гортынскаго) съ ея приложеніями: планами, рисунками и прочимъ).

[12]) Der Rathmann—совѣтникъ.

[13]) Архивъ могилевской духовной консисторіи, 1799 г. связка №№ 180 314 д. № 269

[14]) Скорняжный.

[15]) Шорницкій.

[16]) Бахромный.

[17]) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1799 г. связка №№ 34—66, д. № 54.

[18]) Деревянные дома не были сломаны; они стояли вдоль вала: въ ближайшемъ домѣ къ нынѣшнему ректорскому корпусу находилась «трапеза», въ другомъ помѣщались казенные воспитанники.

[19]) На семинарію съ двумя училищами (въ Невелѣ и Гомелѣ) въ то время отпускалось 3500 р. Могилевская гимназія по штатамъ отъ 17 марта 1803 г. получала 5750 рублей.

[20]) Архивъ могилевской дух. семинаріи 1802 г.

[21]) Билетъ этотъ былъ пожертвованъ.

[22]) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1799 г. д. № 269.

[23]) Тамъ же дѣло № 54.

[24]) Въ 1801 году магистратъ и дума Могилева, тронутые милостивымъ манифестомъ императора Александра Павловича отъ 14 апрѣля, коимъ ихъ городу прощена была недоимка въ 4053 р. 26 к. выдали изъ городскихъ доходовъ на сиротъ при семинаріи пятьдесятъ (50) рублей. Преосвященный Анастасій по этому случаю распорядился: «Сію благодарную признательность думы и магистрата употребить на бѣдныхъ казенныхъ воспитанниковъ на самыя ихъ необходимѣйшія нужды. О здравіи Высочайшемъ отправить молебенъ въ соборѣ преображенскомъ вамъ отцу ректору (архимандриту Іоасафу). Въ думу же и магистратъ заготовить отъ семинаріи благодарное письмо» Архивъ мог. дух. семинаріи 1801 года.

[25]) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1807 года предмета 13-го дѣло № 312.

V. По поводу замѣтки г. Дѣдлова*).

Въ № 14 «Мог. Губ. Вѣд.» была помѣщена замѣтка г. Дѣдлова по поводу варшавскихъ памятниковъ кн. Паскевича и Мицкевича слѣдующаго содержанія:

«Неподалеку отъ собора стоятъ два монумента двумъ моимъ землякамъ-бѣлоруссамъ, Паскевичу и Мицкевичу. Первый—могилевецъ, второй уроженецъ минской губерніи. Оба—одной крови, оба—земляки, но оба такъ враждебны другъ другу, что и теперь стоятъ, хотя и рядомъ, но раздѣленные стѣнами промежуточнаго дома. Что они думаютъ, застывъ въ неподвижной бронзѣ?» Да,—думаетъ могилевецъ Паскевичъ,—я знаменитый полководецъ, я взялъ Варшаву, я вернулъ Россіи то, что стоило ей потоковъ крови, то, чѣмъ Польша расплатилась съ Россіей за 612 годъ, за Бѣлоруссію, за Малороссію, за святой Кіевъ; но зачѣмъ меня поставили здѣсь! Мнѣ тутъ холодно, сиротливо. На меня, никто не смотритъ, а если и взглянетъ, то недобрымъ взглядомъ. Я взялъ Варшаву—и кончилъ свое солдатское дѣло. Мнѣ на смѣну должны притти школа, храмъ, литература, искусства. Пустите меня къ моимъ солдатамъ въ цитадель. Тамъ и до сихъ поръ поютъ о томъ, какъ «графъ Паскевичъ Эриванскій подъ Аршавою стоялъ.» Право, тамъ мнѣ будетъ лучше. И вообще будетъ лучше...

Мысли минчука Мицкевича должны быть посложнѣе. «По ночамъ, размышляетъ онъ, на оградѣ вокругъ моего памятника появляются терновые вѣнки. Вѣнки маленькіе, величиною съ крупный баранокъ, но это не отъ недостатка усердія, а потому, что такой вѣнокъ можно принести подъ полой. Но приносящіе не знаютъ, что составляетъ мои главные терніи. Просвѣтленный по ту сторону гроба, я начинаю думать, что не люди, а рокъ вплели терніи въ мой вѣнокъ. Этотъ рокъ меня, русскаго по крови, по складу ума, по свойствамъ таланта, заставилъ говорить попольски и служить чуждому моей природѣ польскому дѣлу. Я жилъ въ великое время пробужденія моего триединаго

*) Изъ №№ 18, 19 и 20 Мог. Губ. Вѣдом. 1902 г.

великорусско-малорусско-бѣлорусскаго народа, когда народная стихія, какъ нѣкогда морская волна—богиню, родила національное искусство, а съ нимъ вмѣстѣ и національную мысль. Великая Русь дала Пушкина. Малая—Гоголя. Я былъ сыномъ Бѣлой Россіи, но рокъ передалъ меня Польшѣ. Здѣсь мнѣ поставили памятникъ, здѣсь мнѣ приносятъ вѣнки, но ихъ терніи больно меня колютъ. Здѣсь я такой же сирота, какъ и мой землякъ Паскевичъ, и я тоскую о Пушкинѣ, о Гоголѣ... Неужели же и о Москвѣ, гдѣ стоитъ бронзовый Пушкинъ, ожидающій своего младшаго брата Гоголя?!

Люди часто говорятъ: если бы можно было начать жить сызнова! Быть можетъ бронзовый Мицкевичъ думаетъ: если бы сызнова началась исторіи! Быть можетъ также, что онъ недоволенъ своимъ памятникомъ. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Памятникъ и не красивъ, и не выразителенъ, и натянутъ: его дѣлали на-спѣхъ, желали увидить Европу необычной быстротой, съ которой собрали деньги, сдѣлали и открыли монументъ.»

Мнѣ кажется, что «Мог. Губ. Вѣдомостямъ», какъ русскому органу, выходящему въ Западномъ краѣ, нельзя обойти молчаніемъ эту замѣтку, и я позволю себѣ набросать по ея поводу нѣсколько строкъ.

Подъ шуточной формой въ замѣткѣ этой кроется весьма серьезное содержаніе. Не въ отношеніи Паскевича, конечно. К н я з ю В а р ш а в с к о м у такъ же необходимъ памятникъ въ Варшавѣ, какъ Александру I въ Гельсингфорсѣ, Екатеринѣ II въ Западной Россіи, Потемкину Таврическому въ Тавридѣ, Муравьеву Виленскому въ Вильнѣ и т. д.

Тутъ не можетъ быть и вопроса.

Мнѣ хотѣлось бы сказать свое слово о Мицкевичѣ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется умѣстнымъ и необходимымъ, что замѣтка г. Дѣдлова вызвала горячую, но неосновательную и даже въ достаточной степени наивную, отповѣдь на страницахъ «С.-Пет. Вѣдом.», которыя въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, приняли подъ свою особую защиту интересы нашихъ инородцевъ. Забыли «С.-Пет. Вѣд.», что на инородцевъ у насъ никто не нападаетъ, и что напротивъ отъ нападеній инородцевъ русскому человѣку сплошь и рядомъ приходится защищать свои исконныя позиціи, свои самые завѣтные идеалы. Забыли «С.-Пет. Вѣд.», что Русь наша такъ велика и такъ могуча, что намъ, русскимъ, рѣшительно не надо ничего чужого; но вмѣстѣ съ тѣмъ конечно намъ не слѣдуетъ и отдавать кому-либо свое, русское.

Забыли это «С.-Пет. Вѣд.» и, къ стыду ихъ, отдали свои страницы въ кабалу «писателямъ» изъ «юркихъ» зоновъ, берговъ, баумовъ и К°.

Въ сущности, споръ о Мицкевичѣ—споръ очень старый, споръ, возникшій еще до политической уніи Литвы съ Польшею, задолго до 1569 года, и продолжающійся доселѣ.

Никто не можетъ отрицать, что населеніе государства Литовскаго никогда не чувствовало особыхъ симпатій къ полякамъ. Не чувствуютъ ихъ и теперь потомки этого населенія—бѣлоруссы, литовцы, жмудины, даже независимо отъ исповѣданія: православные не могутъ простить Польшѣ страданій, причиненныхъ ею, въ поразительной политической слѣпотѣ, ихъ прадѣдамъ за вѣру; католики не могутъ простить ей своего разочарованія, такъ какъ за свое національное и религіозное ренегатство ожидали отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, а взамѣнъ того получали и п о л у ч а ю т ъ доселѣ со стороны «коронѣжей» одно лишь плохо скрываемое презрѣніе.

Какъ извѣстно, католики-бѣлоруссы и католики-литовцы все еще оскорбляются, если ихъ называютъ ренегатами.

Но это и понятно. Положеніе ихъ поистинѣ печально. Оторвавшись отъ родной вѣры и отъ русской народности и встрѣченные презрительно поляками, они не чувствуютъ почвы подъ собою, и всякое напоминаніе объ и с т о р и ч е с к о й п р а в д ѣ выводитъ ихъ изъ себя.

Хотя казалось бы,—что можетъ быть обиднаго для потомковъ знаменитыхъ могилевцевъ Сапѣгъ и Друцкихъ, гродненцевъ Ходкевичей, витеблянъ Огинскихъ, Корсаковъ, Тихоновецкихъ, виленцевъ Радзивиловъ, Солтановъ и tutti quanti, имъ же имя легіонъ,—знаменитыхъ строителей нашихъ святынь, нашихъ обителей супрасльской, марковской, черейской, варкалабовской и т. д.,—что можетъ быть обиднаго въ томъ... что эти столпы западнорусскаго народа рухнули подъ невыносимымъ гнетомъ Польши? Кто можетъ сказать, что ими руководила только корысть, а

не желаніе своею гибелью спасти хоть что нибудь для своего народа? Потомкамъ этихъ отступниковъ, казалось бы, естественнѣе всего оставить чуждую, навязанную имъ, вѣру, чуждую цивилизацію и вновь вернуться въ лоно родной православной церкви, вновь примкнуть къ родному русскому народу.

Такъ, къ чести ихъ, и поступаютъ нѣкоторые знаменитые потомки знаменитыхъ предковъ. Но ихъ, къ глубокому сожалѣнію западнорусскаго народа, очень мало...

Воинствующій католицизмъ, дѣйствовавшій въ краѣ болѣе 300 лѣтъ, не могъ не оставить слѣдовъ своихъ, и наши братья сторонятся насъ. Въ минуты особаго разгара политическихъ страстей ослѣпленные потомки населенія бывшей Литвы—католики идутъ не къ намъ, а къ полякамъ. Такъ было въ эпоху Костюшки, и въ 1831 году, и въ 1863. Такъ вышло и съ памятникомъ Мицкевича.

Католики-бѣлоруссы въ фанатическомъ ослѣпленіи отдали его полякамъ, чтобы не отдать намъ, а тѣ приняли его съ распростертыми объятіями, опять таки только для того, чтобы онъ не достался намъ.

Но вѣдь, строго говоря, происхожденіе Мицкевича не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній.

Онъ уроженецъ нынѣшняго новгородскаго уѣзда минской губерніи (въ 17 вѣкѣ переименованнаго въ новогрудскій да, къ стыду нашему, такъ и оставшагося съ этой кличкой).

Край этотъ издревле населенъ восточными славянами, но не поляками и даже не литовцами. Возьмите самаго безпристрастнаго свидѣтеля—языкъ земли—и вы убѣдитесь, что здѣсь ничего нѣтъ ни польскаго, ни литовскаго въ названіяхъ урочищъ и селеній, за исключеніемъ позднѣйшихъ, которымъ демонстративно давались чуждыя названія, какъ у насъ въ могилевской губерніи Маріавиль, Свенскополье, Скрыдлево и т. д.

Мнѣ скажутъ, что могла быть позднѣйшая колонизація края поляками. Но послушайте, что говоритъ объ этой колонизаціи мѣстный изслѣдователь Е. Р. Романовъ въ своемъ трудѣ «Матеріалы по исторической топографіи витебской губерніи».

«Больное мѣсто въ опредѣленіи народностей витебской губерніи составляетъ, говоритъ Е. Р. Романовъ, вопросъ о полякахъ, имѣющій весьма важное и практическое значеніе, хотя съ нимъ, по моему мнѣнію, давно бы пора покончить.

Въ 1864 г. Эркертъ[1]) типичнымъ признакомъ польской народности въ краѣ считалъ католичество.

Взглядъ этотъ, конечно, не выдерживаетъ критики въ глазахъ всякаго, кто мало-мальски знакомъ съ исторіей Западнаго края.

Въ самомъ дѣлѣ:

Новѣйшія изслѣдованія показали, что поляки (въ собственномъ значеніи) заселяютъ лишь Вислу, въ среднемъ ея теченіи, и слѣдовательно, никоимъ образомъ не могли заселить нынѣшнюю витебскую губернію.

Изъ поучительной исторіи Холмской Руси видно, что, несмотря на преслѣдованія и на многовѣковой матеріальный гнетъ, поляки не смогли полонизировать (въ національномъ смыслѣ) русскаго племени, живущаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними. Ближайшая къ нынѣшней (административной) Польшѣ губернія гродненская также подвергалась сильной полонизаціи, уже по одному географическому положенію своему, какъ этапный пунктъ между Варшавой и Вильной, бывшій къ тому же нерѣдко резиденціей королевскаго двора.

И однако же губернія эта по національному и вѣроисповѣдному составу населенія—русская и православная.

Такимъ образомъ, если поляки были безсильны[2]) полонизовать Холмщину и гродненскую губернію, тѣмъ менѣе, кажется мнѣ, сколько нибудь значительныя колоніи ихъ могли появиться въ такихъ отдаленныхъ областяхъ, какъ витебская и могилевская.

Затѣмъ, съ другой стороны:

Никто конечно не станетъ утверждать, чтобы поляки явились въ Западномъ краѣ до конца 14 вѣка. Ядвига привезла съ собою единицы, не болѣе.

Вспомнивъ ревнивое оберегательство своей родины, которое проявляло доблестное нѣкогда бѣлорусско-литовское дворянство какъ въ политическомъ отношеніи такъ и въ національномъ и религіозномъ, нельзя удивляться тому, что Поссевинъ въ 1581 г.

[1]) Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи.
[2]) Малочисленность ихъ играла, конечно, тутъ главную роль.

нашелъ въ Витебскѣ только одного ксендза—другого не было ни въ Витебскѣ, ни въ его окрестностяхъ,—и что Баторій въ 1579 г., къ удивленію своему, не нашелъ ни одного костела въ Полоцкомъ воеводствѣ[3]). Исторія, затѣмъ, не даетъ никакихъ указаній на колонизацію края поляками, за исключеніемъ переселенія Сапѣгами мазуровъ въ свое имѣніе Варкляны въ первой половинѣ 17 вѣка, число коихъ въ настоящее время доходитъ до 300 душъ обоего пола.[4]). Ибо нельзя, разумѣется, считать поляками Огинскихъ—строителей витебскаго Маркова монастыря, или Ходкевичей—основателей Супрасльскаго монастыря, Масальскихъ—разгонявшихъ въ Вильнѣ католическія процесіи, Четвертинскихъ—православныхъ епископовъ еще въ 18 в., Черторыйскихъ, Друцкихъ и тысячи другихъ бѣлоруссовъ и литовцевъ, отказавшихся отъ присяги въ 1569 году, заключившихъ союзъ противъ притязаній католицизма въ 1599 г., протестовавшихъ противъ уніи въ 1617, 1619 гг. Не поляки противодѣйствовали въ Полоцкѣ и Витебскѣ злополучному ренегату Кунцевичу, какъ не они же топтали въ грязь и образъ Казимира въ 1643 году въ Полоцкѣ. Нельзя видѣть поляковъ въ потомкахъ тѣхъ бѣлоруссовъ, которые измѣнили православію уже въ 18, или даже въ 19 вѣкахъ—при Черторыйскомъ и при присоединеніи уніатовъ.[5])

Тѣмъ менѣе можно считать поляками бѣлорусскій народъ католическаго исповѣданія. По мѣткому и совершенно вѣрному заявленію митрополита Сѣмашки, западнорусскіе крестьяне перешли въ католичество уже во время россійскаго правленія.

Акты витебскаго центральнаго архива до 16 в. указываютъ только трехъ земянъ католиковъ, пріобрѣвшихъ имѣнія въ предѣлахъ нынѣшней витебской губерніи покупкою[6]) и свидѣтельствуютъ, что до того времени въ витебскомъ воеводствѣ существовалъ только одинъ костелъ.

Все это факты, отрицающіе всякую возможность допущенія польской колонизаціи края, и игнорировать которые рѣшительно невозможно.

Правда, выморочныя имѣнія считались королевщинами и могли способствовать полонизаціи края, но, съ другой стороны, имѣнія такія считались единицами, а съ другой—они отдавались королями лишь во временное пользованіе, на извѣстный срокъ. Были случаи отнятія имѣній у русскихъ землевладѣльцевъ и отдачи ихъ полякамъ[7]) послѣ той или другой войны, но опять таки случаи такіе были очень немногочисленны.[8])

Съ другой стороны, сохранились письменныя доказательства интересныхъ фактовъ, что такіе колонизаторы «сами добровольно поддавались москалямъ и на ихъ вѣру крестились».[9])

При чтеніи «Витебскихъ Актовъ» и «Витебской Старины», можно сдѣлать и еще одно интересное открытіе: «польскія» войска, дѣйствовавшія здѣсь въ 16 и 17 столѣтіяхъ, состояли почти всецѣло изъ западнорусссовъ. Поляки—опять только единицы.

Русскій языкъ въ Западномъ краѣ употреблялся даже въ официальной перепискѣ до 1697 года.

До 1655 г. въ предѣлахъ витебской губерніи, несмотря на несомнѣнную ревность правительства, было лишь 11 костеловъ. Наконецъ, сохранилась весьма интересная жалоба полоцкаго магистрата уже отъ 1725 г. на то, что у него «съ римской стороны—мало католиковъ, а съ греческой—мало уніатовъ»[10]), вслѣдствіе чего къ должностямъ пришлось допустить православныхъ, вопреки закону.

Очевидно, что о полякахъ, въ смыслѣ націи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи».

А минская губернія—родина Мицкевича—не могла составлять въ этомъ отношеніи какого либо исключенія.

Скажутъ, что языкомъ Мицкевича былъ польскій языкъ. Да, былъ. Но это ровно ничего не

---

[3]) Вит. Стар. Сапунова 1,602.

[4]) По доставленнымъ мнѣ въ маѣ 1897 года официальнымъ свѣдѣніямъ, переселенцы не мазуры, а бѣлоруссы, вѣроятно изъ гродненской губ. бѣлостокскаго уѣзда. Среди нихъ даже не сохранилось воспоминаній о переселеніи и сами себя они считаютъ бѣлоруссами.

[5]) Вѣтрино, Горсиля, Полюдовичи, Дубровка, Нача, Бононь, Бедрица и др. 1814 г. (Вит. Акты, т. XXI и др.). А Дерновичи, напримѣръ, дриссенскаго уѣзда—1852 г. (Вил. Акты, т. XVI, №№ 205—214).

[6]) Вит. Акты, т. XX, XXIV.

[7]) Напримѣръ: Вит. Акты, т. XXI, 274, 365.

[8]) Въ 25 томахъ Вит. Актовъ ихъ указано 11 (въ томъ числѣ одно имѣніе было возвращено снова прежнему владѣльцу, три даны мѣстнымъ жителямъ).

[9]) Напр. Вит. Акты, т. XXV, стр. 221, 229.

[10]) Вит. Стар. Сапунова, V, 355.

доказываетъ. Въ виленской губерніи вы и теперь еще встрѣтите семьи православныхъ священниковъ, гдѣ старое поколѣніе говоритъ попольски. Но они не поляки же?

Вопросу этому цитируемый нами авторъ посвящаетъ слѣдующія строки:

«Ближайшія изслѣдованія показываютъ, что языкъ не всегда можетъ служить точнымъ показателемъ національности.

По отношенію къ витебской губерніи, мѣрка эта въ особенности не примѣнима къ мѣстностямъ, пограничнымъ для двухъ народностей, напримѣръ, въ люцинскомъ уѣздѣ; здѣсь православное населеніе говоритъ дома полатышски, будучи заброшено въ среду латышскаго племени, и католическое порусски, живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ населеніемъ русскимъ. Шляхта, историческое происхожденіе которой все еще составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ вопросительный знакъ,[11]) конечно не можетъ причисляться къ полякамъ, несмотря на языкъ свой, такъ какъ послѣдній мѣняется сообразно языку коренного населенія той или другой мѣстности: въ католическихъ приходахъ дриссенскаго уѣзда онъ польскій, въ могилевской и югозападныхъ губерніяхъ съ православнымъ населеніемъ—онъ русскій, — независимо отъ исповѣданія шляхты.

Бывшіе дворовые въ мѣстечкахъ Креславкѣ, Освеѣ, Корсовкѣ, Посини и др., прислужники ксендзовъ и ихъ присныхъ, также говорятъ на quasi-польскомъ языкѣ. Но кто же рѣшится назвать ихъ поляками?

Крестьяне дерновичскаго прихода, совратившіеся, подъ вліяніемъ матеріальнаго гнета со стороны помѣщиковъ—католиковъ, въ 1852 году въ католичество, въ силу присущаго народу консерватизма, употребляютъ доселѣ—въ особенности поколѣніе современное совращенію — польскій языкъ, какъ языкъ молитвы. Считать ихъ за это поляками?

«Въ западно-русской этнографіи продолжаетъ авторъ, констатированъ фактъ, что при совершеніи обрядовъ, однѣ изъ обрядовыхъ пѣсенъ поются на русскомъ языкѣ, другія на польскомъ. Нечего и говорить, что на основаніи этого факта невозможно считать населеніе польскимъ, зная, что въ силу тяжелыхъ историческихъ условій, польскій языкъ въ краѣ [12]) сдѣлался языкомъ аристократическимъ, который—какъ таковой—и употребляется въ торжественныхъ случаяхъ (напр. въ нѣкоторые моменты свадьбы).

Для меня не составляетъ загадки и обиліе полонизмовъ въ текстахъ произведеній бѣлорусской народной словесности, записанныхъ польскими этнографами, даже въ записяхъ вполнѣ добросовѣстныхъ. Я знаю по собственному опыту, что бѣлорусскій пѣвецъ или сказочникъ большія усилія прилагаетъ къ тому, чтобы передать произведеніе языкомъ вполнѣ доступнымъ и понятнымъ его слушателю, и вслѣдствіе этого съ великоруссомъ говоритъ порусски, съ полякомъ, якобы, попольски, «съ паномъ попански» и т. д. Стремленіе это до такой степени сильно, что даже собирателю—бѣлоруссу—являющемуся въ глазахъ разсказчика все же «паномъ»—приходится зорко слѣдить за языкомъ произведенія, во избѣжаніе испещренія его формами и словами, несвойственными бѣлорусскому языку. Поэтому, приступать къ выводамъ на основаніи подобныхъ записей слѣдуетъ съ большою осторожностью, иначе можетъ подучиться такой нежелательный фактъ, что за языкъ народа будетъ принятъ тотъ невозможный жаргонъ, который измышленъ авторомъ или записывателемъ[13]).

Принявъ во вниманіе всѣ перечисленные факты, я не нахожу основаній видѣть въ католической массѣ населенія витебской губерніи поляковъ, какъ націю, и допускаю ихъ только какъ позднѣйшій пришлый элементъ.

Поляками въ витебской губерніи, мнѣ кажется, можно считать: 1) потомковъ тѣхъ немногихъ[14]) выходцевъ изъ Польши, которые пріобрѣли здѣсь имѣнія покупкою; 2) тѣхъ поляковъ, которымъ короли и воеводы отдавали здѣсь имѣнія русскихъ владѣльцевъ[15]); 3) ремесленниковъ, техниковъ, торговцевъ, новобранцевъ и т. п. изъ при-

[11]) Теперь, послѣ изданія витебскимъ центральнымъ архивомъ древнихъ инвентарей, этотъ вопросъ разъяснился. Пынѣшняя шляхта составляетъ потомковъ бывшихъ замковыхъ и путныхъ бояръ. См. Вит. Ак. томъ XXVIII, инв. Чечерска. Также «Мог. Губ. Вѣд.» 1901 г. № 91—92 Ред.

[12]) Такъ же, какъ и пресловутая „польская вѣра".

[13]) Слич. напр. брош. «Выбираймося упрочки! Скарэй у Томскъ! «Pieśni białoruskie z powiatu dziśnieńskiego», А. Чернаго и т. п.

[14]) По «Вит. Актамъ» — три.

[15]) По тѣмъ же Актамъ — семь.

виcлянскаго края, число коихъ не превышаетъ двухъ тысячъ человѣкъ, и наконецъ, 4) немногихъ ксендзовъ [16]).

Изслѣдованіе свое авторъ заканчиваетъ такъ: «Вопросу этому я, вообще, придаю чрезвычайную важность и, въ видахъ окончательнаго его выясненія, приглашаю витебскихъ католиковъ представить факты—конечно, sine ira et studio,—которые опровергли бы мое мнѣніе»...

На сколько я знаю, факты эти доселѣ не представлены.

Не представлены потому, конечно, что ихъ нѣтъ.

Мицкевичъ родился въ совращенной въ католичество шляхетской семьѣ, жившей среди населенія, тоже совращеннаго въ католичество, и потому языкъ его былъ польскій.

Но и только.

Возьмите самую фамилію Мицкевича. Она доказываетъ, что Мицкевичи—потомки какого-то земянина или путнаго боярина М и ц к о (и Миско), то есть Митьки, (по бѣлорусски—Мицьки)—Д и м и т р і я. Но извѣстно, что въ католическихъ святцахъ даже нѣтъ имени «Димитрій» и оно перешло отъ грековъ только къ православнымъ. Справьтесь и съ существующими славянскими именословами, и вы убѣдитесь, что имя Мицко въ 16 в. употреблялось въ западной Россіи и встрѣчается въ кіевскихъ актахъ (т. III. Арх. югозап. Рос. VI и т. п.).

Наконецъ, фамилія Мицкевичъ, Миткевичъ, Мискевичъ, какъ уже указывалъ г. Романовъ въ «Нов. Вр.», распространена и теперь въ средѣ православнаго духовенства минской и витебской губерніи и среди народныхъ учителей виленскаго учебнаго округа. Въ виленской губерніи имѣется и теперь учитель М и ц ь к о, въ неприкосновенности сохранившій ту фамилію, которую носили предки Мицкевича. Учитель этотъ конечно бѣлоруссъ и православный.

Ясно послѣ этого, что Мицкевичъ н е п о л я к ъ, и не литвинъ, а родной сынъ Бѣлой Руси.

[16]) Главный контингентъ ксендзовъ въ вит. губ. доставляютъ крестьяне ковенской губ. (жмудь) и мѣщане виленск. губ.; минская и могилевская дали лишь нѣсколько человѣкъ; одинъ ксендзъ—гличанинъ.

Въ отповѣди г. Дѣдлову «С.-Пет. Вѣдом.» говорятъ еще, что признать Мицкевича бѣлоруссомъ такъ же нельзя, какъ Костюшку.

Увы, я долженъ и въ этомъ разочаровать органъ инородцевъ. Мнѣ даже нѣтъ надобности для этого пользоваться русскими свидѣтельствами, считающими Костюшку происходящимъ изъ духовной семьи гродненской губерніи. Я приведу источникъ, который по меньшей мѣрѣ нельзя заподозрить въ особомъ пристрастіи ко всему русскому. Я возьму словарь Эфрона.

И что же мы находимъ тамъ? На стр. 420 тома 16 совершенно категорически говорится во первыхъ, что родина Костюшки тотъ же новгородскій уѣздъ минской губерніи; что Костюшка, какъ и Мицкевичъ, былъ сынъ небогатаго шляхтича; что родъ Костюшекъ, К.—Валюжинчей и др. вѣтвей ведетъ начало отъ рода дворянъ волынской земли р у с с к а г о п р о и с х о ж д е н і я.

Послѣ этого излишни, конечно, какіе бы то ни было коментаріи, и я добавлю только, что Костюшки (и даже Косцюшки) доселѣ настоятельствуютъ въ церквахъ могилевскаго и чаусскаго нашихъ уѣздовъ, что православные Валюжинчи доселѣ здравствуютъ въ Оршѣ, Климовичахъ, Чериковѣ и Гомелѣ—гдѣ эту фамилію носятъ даже крестьяне и мѣщане.

Да! скажу я вмѣстѣ съ Дѣдловымъ: если бы можно было начать жить сызнова!

Если бы можно было начать жить сызнова,—былъ бы памятникъ Мицкевичу не въ Варшавѣ, а въ Москвѣ, и мы имѣли бы второго Пушкина; если бы можно было начать жить сызнова—Костюшка сражался бы не съ Россіей, а за Россію, и рядомъ съ фельдмаршалами-могилевцами Паскевичемъ и Гуркою мы можетъ быть имѣли бы фельдмаршала-минчука Костюшку...

Но мое письмо разрослось, и я ставлю точку.

Такъ вѣками тенденціозно нагромождавшіеся историческіе предразсудки разсыпаются въ прахъ при одномъ прикосновеніи безпристрастной исторической критики...

—Ъ.

VI. Изъ міра народныхъ легендъ.

Недавно въ словарѣ Брокгауза появилось сообщеніе г-жи Литвиновой о томъ, что въ Малороссіи доселѣ существуетъ архаическій обычай убиванія стариковъ.

Сообщеніе это вызвало цѣлую бурю, и въ печати появилось множество статей, пытающихся опровергнуть утвержденіе г-жи Литвиновой.

Произошло все это отъ нашего незнанія народной жизни и отъ полнаго незнакомства съ народною литературою. Будь мы сколько-нибудь знакомы съ произведеніями народной словесности, не было бы и причинъ волноваться изъ-за сообщенія словаря, такъ какъ преданія и легенды объ обычаѣ убиванія стариковъ имѣютъ всемірное распространеніе.

Распространены онѣ и у насъ въ Бѣлоруссіи, и я считаю нелишнимъ познакомить съ ними читателей, пользуясь для этого текстами моего «Бѣлорусскаго Сборника», въ настоящее время неимѣющагося въ продажѣ.

О существованіи этого обычая у нашихъ старообрядцевъ говоритъ слѣдующее п р е д а н і е, записанное лично мною въ вылевской волости гомельскаго уѣзда, на югѣ нашей губерніи.

———

«Ты вотъ говоришъ про лоповщину. Слухай-ка суды, я табѣ што скажу. Мнѣ вотъ тяперака, гляди-тка, годовъ семдесятъ, да йще й съ хвостикомъ семдесятъ: ну, а якъ мнѣ було такъ годовъ дванатцать, дакъ дѣдъ мой покойный расказавъ намъ, дятямъ, што зъ яго дѣдомъ—пращуромъ уже значитца нашимъ, бывъ такій злучай.

«Ѣхавъ я, кажа, разъ зъ Вѣтки у Зыбкую, везъ товаръ на три коній. Ну, везъ, везъ,—дѣло уже къ повдню потходя, кони позаморились. А тогды жъ ня то, што тяперъ, усюдахъ свѣтъ волный ставъ; тогды жъ такія пущи у насъ были што Божа, Божа! [1]) Вотъ ёнъ, дѣдъ, думая сабѣ: проѣду ще трохи, тутъ знакомый москаль живе, коло яго и попасу. Звѣстно боязно; ну да й думая—зайду квасу попрошу, размочу скорынку хлѣба, самъ трохи понащусь. Танерака, слухай-ка суды, проѣхавъ ёнъ тамъ колькі, пріяжджая къ той сялитьби. Отпрогъ коній, спутавъ, усё якъ треба, и пошовъ у хату,—такъ побочь дороги стояла.

Приходя ёнъ значитца у хату, атамъ гробъ стоить, корыто зъ дубовой колоды, якъ во и тяперака у ихъ дѣлають. Передъ богами свѣчка восковая горить; а Максимъ, хозяинъ, значитца, стоить на уколѣнцахъ и Богу молитца. А ззади два сыны яго стоять: одному годовъ, знать, съ пятьдесятъ, а другому, такъ, годовъ сорокъ. И одинъ довбню держа.

Вотъ дѣдъ пришовъ и ставъ у порози. А Максимъ усё Богу молитца, усё Богу молитца.

Тыя сыны ждали ждали, ды говорать: «ну, батюшъ, кончай!»

Той помолився, уставъ; ставъ зъ дѣдомъ здраствоватца: «ахъ слава Богу, говора, што тябе Богъ нанесъ!»

— Ну, зачимъ? што тутъ у васъ?

— А ты хиба ня бачишъ? сыны кажать: яму у лоповщину пора,—уже восемдесятъ годовъ проживъ!

— «Ахъ, сынки мое, кажа старикъ той: я жъ работаю!

— Ну, да! што съ твое работы? Мы во якъ бъёмся, а ни на насъ, ни у насъ! Пора, пора, батюшъ! Ты на свѣти нажився, дай людямъ жить!.. Да й за довбню.

«Ахъ, сынки мое, говора, дорогія: мнѣ жъ еще двухъ годовъ нема до восемдесятъ!—Братъ Пятрокъ, на дѣда кажа: поговори ты имъ, можа тябе послухаютъ!»

Правды, тутъ и дѣдъ умѣшався: «што вы сто, кажа: старикъ ще жить хоча, а вы у лоповщину. Гляньтя на Бога: ёнъ жа жъ тыки кормивъ васъ, поивъ! Ну, хоть два годы дайтя строку, пехай до восемдесятъ доживе!»

Такъ—сякъ, такъ—сякъ, стали уговаравать—и уговорили тыки.

«Ну, кажа, батюшъ: моли Бога за Петрока,—даемъ табѣ строку два годы. Ну только коли не помрешъ самъ, тогды уже не просись!»

Сычасъ домовину тую вонъ, довбню вонъ, утихомирились и ничого. И жить стали.

Правды, што дѣдъ у тыхъ сторонахъ уже ня бывъ боли, не привялось.

Дакъ во яна якая лоповщина!» [2])

———

[1]) Еще на нашей памяти край этотъ славился разбойничествомъ.

[2]) Б. Сб. IV, 181. [2]) Ibid. 182.

Объ этомъ же обычаѣ сдѣлана запись, носящая уже легендарный характеръ, и на сѣверѣ могилевской губерніи—въ ряснянской волости сѣнненскаго уѣзда, хотя существованіе убійства стариковъ пріурочено въ легендѣ не къ данной мѣстности, а къ какой то далекой чужой сторонѣ.

Вотъ начало этой легенды:

Живъ кравецъ. И пошовъ ёнъ, отъ пановъ уцёкъ, дужа далеко, у чужую сторону. А тамъ была такая мода, што покуль жанитца, дыкъ сшіюць молодзенцу боты, а молодуси чаравики; и якъ вѣнчаютца, насыплюць повны боты и чаравики пяску, и повѣсюць. И што уперадзи поцячець—ци ботъ, ци чаравикъ, того тоды у труну живого кладуць и вязуць на саночкахъ у такій ровъ, што вылѣзьци ниякъ ня можно, и ставюць яго тамъ. И прилетаець туды такая птушка, што якъ лизнець, дыкъ отразу и душу и грудзи вылижець.» [2])

——

Относительно причинъ прекращенія этого архаическаго обычая бѣлоруссы знаютъ три легенды.

Первую мы приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Вотъ значитца, такъ то було здавну, спочатку, у старину: што якъ выйдя чаловѣку восемдесятъ годовъ, или семдесятъ, и ёнъ уже значитца стаия драголъ, работать ня здолѣя—дакъ што зъ яго?—дакъ яго треба уже у лоповщину. Звали, букало, якого грамотнаго, отправляли напахвиду,—отчитаять, значитца, молитвы надъ головой,—усе дно, да й у лобъ.

А съ чаго яно перакратилось, дакъ вотъ съ чаго:

Такъ живъ сабѣ одинъ старый, и два сына у яго. И сыны милосьливыя у яго. И яны сто дѣло оставили, лоповщину сту, значитца. И здѣлали яму склепъ, «штобъ нашъ батька—будомъ питать яго, покудова помре своёй смертю. Ёнъ жа жъ тыки нашъ батька!» Ну, издѣлали склепъ ему и посадили туды, штобъ обчаство—громада не знали, и питаять.

И такъ значитца годовъ зъ десять держали яго.

И случилося имъ тяперака, братяцъ ты мой, выходя такое то дѣло—рахуба, о—нещастя вялікое, няурожай хлѣба. И такое, братяцъ ты мой, худолѣтьтя було, што ня уродило жита а ни кустика. Ну, што жъ: люди кору ѣли зъ ильма, папороть, липовый листъ рвали да товкли, и изъ стаго хлѣбъ пякли. И до того, братяцъ ты мой, дойшло, што хлѣба нечимъ сѣять, нема сѣмяновъ, ничимъ чаго, ни Божа мой. Тяперака, яны пошли якъ батьку у склепъ: «што намъ тяперака, татулька, дѣлать, такъ и такъ, такое и такое дѣло,—нечимъ намъ сѣять поля, сышлось съ плода жито?» Ну, ёнъ имъ сычасъ отвястивъ: «орытя, мое сыны, толоку усю! Што Господи сошле, то я выдумаю!» И вялѣвъ ёнъ орать поля усё чисто.

Ну, по'рали яны поля усё чисто, приходять къ ему:

— «Ну, што, татъ: якъ скажешъ?»

— А вотъ што, мое сынки: дярытя крыши и съ хатъ, солому, и съ хляновъ, усю чисто, и возитя на поля. Тяперака услучай, мое сыны, зовитя своихъ дятей и жонъ, гонитя на поля, и кладитя солому у борозну и приворуйтя зямлёй. Што Господи дасть, тое и будя!..

Ну, тяперака, яны узяли ето, позвали, и давай ето орать; а яны давай ето у межи класть. Тяперака, такъ имъ Господь давъ—къ восяни такое жито! Здѣлалося съ тые соломы жито такое, што Божа мой! Тяперъ, уздивилися люди, которые сусѣди, и сельскіе мужики, што ни у кого нема ни колоса, а у ихъ жито такое. И здѣлали притясненію на ихъ: «хто вамъ показавъ ето? скажитя, да скажитя!» И боялись яны отвѣтить ето слово,—што протчихъ стариковъ усихъ прибрали, а нашъ десятокъ годъ лишнихъ живе: ти будя имъ за ето штранъ, ти нѣ? Отъ яны узяли, да у томъ слови и повинилися,—вызналися обчаству: «ну, што жъ, говорять, господа громада! Мы вамъ винуемся: нашъ старый, батька, значитца, живъ еще; мы яго, значитца, оставили на прокормленіе,—и ёнъ ето намъ выдумавъ. И тяперака мы благодарымъ свойму старику до вѣку вякомъ!»—А гдѣ жъ ёнъ?—«А у склени у насъ!» Приходять къ яму: ти ты ето выдумавъ? - Я! Мнѣ Господи такъ давъ!». Ну, съ тыхъ поръ, развялось опять жито на зямлѣ.

Дойшло дѣло ето, дальше, да дальше—до санота. Разобравъ санотъ, што именно у стариковъ—якъ яны много живуть—именно выходять хорошія слова и выдумки. Составили совѣтъ своимъ санотомъ, што оставлять стариковъ до свое истинныя смерти, покуля Богъ прибяре яго душу, а у лоповщину не отправлять.»

——

Легенда эта записана мною въ с. Кормѣ гомельскаго уѣзда. Аналогична съ нею и вторая, записанная въ сѣнненскомъ уѣздѣ. Она начинается такъ:

———

«Гэто, кажуць, бувало, людзи дужа по много жили. Дыкъ вотъ состарiетца бацька, нiчого ня робiць, а нiщь плохая зь-истари была—Божа, Божа: отъ колоса до колоса ня чуць чаловѣччаго голоса—ну, дыкъ што зь имъ дзѣлаць, исъ старымъ? Дыкъ сынъ возьмець, ды на санычки яго, завязець, ды й укинець туды. А ровы были дужо тогды глубокiя. Дыкъ ёнъ оттуль ня вылѣзець, помрець тамъ.

Ну, дыкъ одзинъ сынъ дужа любивъ свойго бацьку. Дыкъ якъ пришли тыя годы, ёнъ узявъ, бацьку посадзивъ у склепъ, а санычки завёзъ порожнiя ды у ровъ и укинувъ, кабъ сусѣдзи гэтаго не знали. Ну, бацька тэй сядзiць у склепи, ёнъ яму ѣсьци носiць туды; и сусѣдзи гэтаго не знаюць».

———

Третья же объясняетъ дѣло иначе.

«Бувало, говоритъ эта легенда: бувало, гето ще носли Адама, якъ свѣтъ починався, нихто гэтаго ня помнiць, тоды, якъ людзи по много жили, дыкъ людзей такъ не хували, якъ цяперъ. А бувало возьмуць—якъ ужо здзѣлаетца старъ ёнъ, ня можець работаць ужо, ни ѣсьци—дыкъ возьмуць санычки, ды на санычки, яго посодзюць, ды занясуць у большей ровъ, ды й пусьцюць съ санычками туды. Ёнъ покуль доляцiць, дыкъ и забъетца. А тамъ яго птушки разнясуць и вода знясець.

Усё гэдыкъ сыны возили бацёкъ. Якъ состарiетца бацька, сынъ на санычки бацьку ды у ровъ.

Али гэтыкъ разъ повёзъ сынъ бацьку, а за имъ побѣгъ яго сынокъ. Привёзъ ёнъ яго къ рову, ды тольки хотѣвъ пусьцiць бацьку у ровъ, исъ санычками, а сынъ той, яго уже, кажець: «а нѣ, тата: не пускай санычекъ!»—Зачимъ такъ?—А якъ жа: якъ ты здзѣлаесься гэткимъ, дыкъ и я повязу цябе у ровъ; дыкъ мнѣ жъ не на чимъ будець везци цябе!» Ну, тэй тоды за бацьку, ды домовъ, и ставъ яго доглядаць, ажъ покуль помёръ.

Съ тыхъ поръ и не стали возиць стариковъ у ровъ на санычкахъ. Досиць!»

———

Въ общемъ же, всѣ онѣ вмѣстѣ значительно выясняютъ этотъ вопросъ. Фактъ убiенiя стариковъ существовалъ несомнѣнно, но можетъ быть не у всѣхъ народовъ, а только у нѣкоторыхъ племенъ, жившихъ въ крайне неблагопрiятныхъ условiяхъ, дѣлавшихъ тяжелымъ пропитанiе члена семьи, неспособнаго къ труду, или въ особенно голодные годы, когда вымирали цѣлыя области и населенiе перекочевывало на другiя мѣста. Подобные годы были и у насъ. Достаточно вспомнить напр. голодъ при Борисѣ Годуновѣ, голодъ, описанный въ нашей Варколабовской лѣтописи, и т. п.

Въ гомельскомъ уѣздѣ упорно доселѣ держится мнѣнiе, что обычай этотъ еще недавно (сороковые годы 19 в.) употреблялся у мѣстныхъ старообрядцевъ, жившихъ въ дикихъ лѣсистыхъ дебряхъ. Тамъ сохранилось и названiе обычая «лоновщина» и глаголъ «улопать», въ смыслѣ убить и т. п. Но провѣрить это мнѣнiе мнѣ не удалось, и я могъ записать только вышеприведенное преданiе.

Очень возможно, что подобное же преданiе пришлось слышать и г-жѣ Литвиновой въ Малороссiи. Но по винѣ ли разсказчика, или по неопытности записывательницы, преданiе принято за фактъ,—и въ результатѣ появилась страстная полемика по вопросу, по которому не можетъ быть двухъ мнѣнiй.

Характерно въ этихъ легендахъ упоминанiе саночекъ. Вспомнивъ въ поученiи Владимира Мономаха его выраженiе «на санѣхъ сѣдя», надо притти къ убѣжденiю, что вышеприведенныя легенды имѣютъ глубокую древность.

Е. Романовъ.

VII. Матеріалы для исторіи раскола старообрядчества въ могилевской губерніи конца XVIII-го и начала XIX столѣтій[1].

Въ 1795 году къ преосвященному Аѳанасію Вольховскому, епископу могилевскому и полоцкому, вступили прошенія: 1-е отъ присоединившагося уже изъ раскола къ святѣй церквѣ раскольническаго Лаврентьева скита инока Авксентія, 2-е онаго-же Лаврентьева и другаго Чонскаго мужскаго да слободы Спасовой дѣвича скитовъ духовника, бѣжавшаго въ 1764 году изъ черниговскаго архіерейскаго дома и совратившагося въ расколъ іеромонаха Давида, 3-е отъ помянутаго Авксентія и инока Константина. Авксентій, упоминая именной высочайшій указъ, данный въ 1784 году марта 11 дня синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, которымъ, по прошеніямъ жительствовавшихъ въ бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и екатеринославскомъ намѣстничествахъ старообрядцевъ, повелѣно было ему преосвященному митрополиту сообщить преосвященнымъ могилевскому и славенскому, (что потомъ екатеринославскій,) о дачѣ священниковъ помянутымъ старообрядцамъ, по ихъ прошеніямъ, и о дозволеніи имъ службу Божію отправлять по ихъ обрядамъ, давъ знать симъ архіереямъ, что таковое есть высочайшее соизволеніе, —представлялъ, что по сему высочайшему указу въ екатеринославской епархіи священники уже опредѣлены и церкви на старыхъ антиминсахъ освящены; почему и по могилевской губерніи въ округѣ бѣлицкой находящіеся раскольническіе монахи, —нѣкоторые записанные въ городѣ Бѣлицѣ въ мѣщанство, а нѣкоторые за помѣщика, а при томъ и мірскаго званія нѣкоторое число раскольниковъ желаютъ присоединиться къ православной церкви на вышеписанномъ основаніи. А духовникъ іеромонахъ Давидъ, объявляя таковое-же какъ самого себя, такъ и духовныхъ дѣтей его къ присоединенію къ св. церкви расположеніе, просилъ о поимкѣ бѣглыхъ поповъ, пользовавшихся въ тамошнихъ селеніяхъ укрывательствомъ. Въ третьемъ-же прошеніи, общемъ отъ Авксентія и Константина, прописаны были происходившія имъ за то расположеніе ихъ къ св. церкви отъ раскольническаго самоназвавшагося игуменомъ Ѳеофилакта и, по его возмущенію, отъ прочихъ раскольниковъ разныя жестокія обиды, изгнанія, грабленіе имѣнія ихъ и даже явные смертоубійственные умыслы. Во всѣхъ же сихъ трехъ прошеніяхъ, при изъявленіи желанія о присоединеніи къ св. церкви, заключалась просьба о томъ, чтобы они отъ подушнаго оклада и отъ платежа за казенную населенную ими землю освобождены, а отъ обидъ раскольническихъ защищены были.

Прошенія эти въ копіяхъ представлены были преосвященнымъ Аѳанасіемъ на разсмотрѣніе св. синоду. Мая 1 дня 1797 г. поданнымъ св. синоду отъ себя, отъ духовника Давида и самыхъ тамошнихъ жителей прошеніемъ Авксентій просилъ о присоединеніи и приписке какъ ихъ, такъ и скитовъ ихъ, къ екатеринославской епархіи, сообразно тому, какъ и о Никодимовой пустыни учинено. Св. синодъ постановилъ: старообрядческіе монастыри: Лаврентьевъ, Чонскій и Спасовой слободы мужскій и женскій и прочихъ жителей города Бѣлицы, по желанію ихъ, причислить къ екатеринославской епархіи и присоединить ихъ всѣхъ къ св. церкви, по церковному чиноположенію, съ дачею имъ, по ихъ прошеніямъ, священниковъ и съ позволеніемъ службу Божію отправлять по старопечатнымъ книгамъ и ихъ обрядамъ на основаніи именного высочайшаго указа 1784 года марта 11 дня. 8 мая 1797 года объ этомъ даны были изъ св. синода указы могилевскому епископу Аѳанасію и

[1]) Изъ №№ 35, 36, 37 и 39 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

Сокращенія въ цитатахъ: П. С. З.=полное собраніе законовъ, А. С. С.=архивъ св. синода, А. М. Д. К.=архивъ могилевской дух. консисторіи.

митрополиту екатеринославскому и Херсониса таврическаго Гавріилу[2]).

Вѣтка.

Отъ 26 октября 1798 года бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій Братановскій по секрету рапортовалъ св. синоду: «Посѣщая часть моей епархіи, былъ я переѣздомъ и въ Вѣтковской слободѣ, селѣ въ Бѣлорусскомъ краю, столь же древнемъ, какъ и знаменитомъ, виталищѣ старообрядцовъ. За два дни до прибытія моего туды, здѣлался тамо бунтъ, коего слѣдствія не безъ затрудненій ко усмиренію. Земской судья Бѣлицкаго уѣзда дѣлалъ тамо выимку старообрядческаго попа ихъ, яко бѣглаго. Онъ, было, сего попа взялъ и оковалъ; но вѣтковцы, отъ мала до велика збѣжавшись, отбили узника и чуть, было, не приступили къ убійству выемщика. Сей поступокъ явно противузаконный и толико въ упорствѣ утверждающій ветковичанъ, что сами они при разсказываніи сего дѣйствія, знаменуясь крестомъ, рекли: «такъ и быть, а двухъ смертей нѣтъ. Пусть и намъ и дѣтямъ нашимъ рубятъ головы, мы...» здѣсь кійждо свое намѣреніе мормоталъ. (Все сіе говорено было въ поздній вечеръ дорогою, отъ ветковской слободы до перевозу чрезъ рѣку, верстъ болѣе двухъ продолжавшеюся).— Я велѣлъ имъ явиться ко мнѣ по утру, дабы обстоятельнѣе выслушать событіе. Между слушаніемъ уразумѣлъ ихъ и собственно признаемую повинность и желаніе быть помилованными ходатайствомъ начальства того духовенства, къ коему они не имѣли прибѣжища. По сему предлогу на что я успѣлъ ихъ преклонить, тому прилагаю при семъ изъ собственнаго ихъ прошенія копію. А по поводу сего, какое я возымѣлъ къ господину губернатору отношеніе по секрету, и онаго тоже пріобщаю списокъ. Такимъ образомъ бунтъ утушенъ: ибо я изустно отъ г. губернатора при встрѣчѣ съ нимъ (ибо и г. губернаторъ въ то же время объѣзжалъ уѣздныя присутственныя мѣста) въ уѣздномъ городѣ Чаусахъ слышалъ, что все по тому (ветковскому) дѣлу успокоено, а сіе слышалъ я сентября 22 дня. Но какъ мнѣ впредь поступить, благопочтенно о семъ репортуя, всепокорнѣйше прошу наставленія».

Отъ вѣтковскихъ старообрядцовъ—купцовъ и мѣщанъ —прошеніе преосвященному Анастасію отъ 6 сентября 1898 года гласило: «Изъ многократныхъ случаевъ испытали мы, что священники, принимаемые нами, изслѣдываются отъ свѣтскаго правительства, чрезъ что претерпѣваемъ какъ огорченіе душевное, такъ и разореніе спокойствія нашего, чего мы временемъ не въ силахъ будучи вытерпѣть, дѣлаемся принужденно огорчителями свѣтской команды. Но какъ сему служитъ поводомъ мнѣніе о насъ, якобы мы принимаемъ поповъ бѣглыхъ, безчестныхъ и безъ всякаго о нихъ съ нашей стороны розысканія, въ чемъ мы однакъ употребляемъ всевозможную осторожность,—то впредь для спокойствія какъ свѣтскаго правительства, такъ и собственнаго нашего, мы о принимаемыхъ священникахъ съ точнымъ о нихъ показаніемъ имѣемъ впредь относиться къ вашему преосвященству, желая и быть подъ вѣдомствомъ епархіи вашего преосвященства, такъ какъ находимся въ Бѣлорусской губерніи. О чемъ отъ насъ по забраніи точныхъ и несомнительныхъ справокъ о находящихся у насъ священникахъ, имѣемъ представить вашему преосвященству формальное прошеніе; а нынѣ, объявляя таковое наше намѣреніе, просимъ возъимѣть къ спокойствію нашему архипастырское попеченіе. Къ сей запискѣ ветковскій житель Афанасій Семеновъ руку приложилъ вмѣсто всего общества.»

Губернатору С. С. Жегулину преосвященный Анастасій писалъ: «Проѣзжая я чрезъ Вѣтку, узналъ отъ самыхъ ветковскихъ обывателей объ ихъ поступкѣ противузаконномъ. Раскаяніе ихъ подало имъ такое намѣреніе, каковое желательно давно, сколько мнѣ извѣстно по дѣламъ старообрядцовъ[3]). Они впредь не иначе будутъ принимать священниковъ, какъ съ вѣдѣнія духовной власти, къ ней и представлять будутъ о принимаемыхъ попахъ точныя и не-

[2]) А. С. С., 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К. синод. указы 1797 г., № 51. «Христіанское Чтеніе», 1900 г., вып. 12: «Начало единовѣрія (1780—1796 гг.)» прот. В. Жмакина, стр. 590.

[3]) Преосвященный Анастасій въ свое время спеціально занимался расколомъ. Въ 1797 году, по распоряженію новгородскаго митрополита Гавріила, имъ «учинено было «разсужденіе о раскольникахъ россійской церкви.» А. С. С., 1799 г. д. № 377, л. л. 15—26. «Церковныя вѣдомости.» 1900 г., № 46. «Единовѣріе въ 1797—1799 гг.» прот. В. Жмакина, стр. 1869.

подозрительныя справки, желая впредь считаться подъ вѣдѣніемъ епархіи Бѣлорусскія, такъ какъ находятся въ Бѣлорусской губерніи, о чемъ намѣрены подать формальное прошеніе. А какъ таковое ихъ положеніе послужитъ къ спокойствію не меньше церкви, какъ и свѣтскаго правленія: то благоволите, ваше превосходительство, взявъ объ ономъ вниманіе, употребить благонамѣренныя мѣры къ погашенію искры, дабы не произошелъ пожаръ. О намѣреніи-же ихъ вышеписанномъ я увѣдомляю ваше превосходительство, не на словахъ ихъ полагаясь, но на поданной отъ нихъ бумагѣ, яко залогѣ, по которому я и предаю ихъ въ ваше къ успокоенію ихъ касательно находящихся нынѣ у нихъ поповъ благопромыслительство.»

Указомъ отъ 16 декабря 1798 года св. синодъ «по секрету» разрѣшилъ преосвященному Анастасію дозволить вѣтковскимъ старообрядцамъ имѣть у себя церковь и священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, ежели отъ нихъ вступитъ къ нему объ этомъ формальное прошеніе[4]). Но, избѣжавъ кары за противленіе власти, вѣтковцы, повидимому, отказались отъ мысли вступить въ общеніе съ господствующей церковью, — что, разумѣется, было непріятно ихъ ходатаю, преосвященному Анастасію. Владыкѣ досталось огорченіе еще и съ другой стороны. Донесеніе его св. синоду отъ 26 октября доведено было до свѣдѣнія Государя императора Павла I. Его Величество 21 ноября 1798 г. высочайше повелѣть соизволилъ: за названіе происшедшаго въ Вѣткѣ непокоренія бунтомъ, означающимъ оное весьма немаловажнымъ и клонящимся къ нарушенію общаго спокойствія, которое уже тамъ возстановлено,—учинить выговоръ епископу преосвященному Анастасію. Секретнымъ указомъ св. синодъ далъ знать объ этомъ обмолвившемуся епископу преосвященному съ тѣмъ, чтобы впредь поступалъ съ крайнею осторожностью, употребляя приличныя случающимся происшествіямъ выраженія.» Получивъ этотъ указъ 11 декабря, владыка 14 числа отвѣтилъ: «Таковой высочайшей волѣ съ вѣрноподданническою преданностію повинуясь, потщуся всемѣрно повелѣнное исполнять.»[5])

[4]) А. С. С., 1798 г. д. № 619. А. М. Д. К., синод. указы 1798 г., № 153. «Церк. вѣдом.» 1900 г., стр. 1869.

Чонка.

Съ 12 августа 1798 года настоятелемъ чонскаго Успенскаго монастыря былъ извѣстный въ старообрядческомъ мірѣ дѣятель, строитель иргизскій, іеромонахъ Сергій Юршевъ.[6]) Въ 1799 году имъ освящена была церковь въ монастырѣ; антиминсъ для нея данъ былъ изъ тверскаго каѳедральнаго собора.[7]) 7 марта того-же 1799 года о. Сергій просилъ св. синодъ перечислить его монастырь изъ новороссійской епархіи въ бѣлорусскую, въ виду дальняго разстоянія его отъ каѳедральнаго города Новомиргорода (болѣе пятисотъ верстъ, между тѣмъ до Могилева считалось менѣе двухсотъ): происходили весьма великія затрудненія въ переѣздѣ до Новомиргорода по разнымъ монастырскимъ надобностямъ. Приложивъ данное ему о томъ отъ всей братіи вѣрующее письмо, о. Сергій ходатайствовалъ, чтобы чонскій монастырь оставленъ былъ и въ бѣлорусской епархіи на томъ же положеніи, какое занималъ въ новороссійской, именно, чтобъ онъ находился въ непосредственномъ вѣдѣніи преосвященнаго и консисторіи, минуя низшее учрежденіе—духовное правленіе. 10 марта 1799 г. св. синодъ постановилъ удовлетворить желаніе настоятеля и братіи чонскаго монастыря. Указомъ отъ 21 марта (1799 г.) преосвященному Анастасію велѣно было принять, ихъ въ свое вѣдѣніе.[8])

Уѣзжая изъ С.-Петербурга, о. Сергій запасся рекомендательными письмами къ новому своему владыкѣ. Псковскій архіепископъ Иринеи отъ 18 марта (1799 г.) пи-

[5]) А. С. С., 1798 г. д. № 218. А. М. Д. К., синод. указы 1798 г. Указъ съ выговоромъ преосвященный удержалъ у себя, а въ консисторію прислалъ слѣдующее: «Декабря 11 дня (полученный) указъ по секрету подъ № 744 собственно къ преосвященному относящійся. На который и репортовано отъ Его Преосвященства декабря 14 дня.»

[6]) М. (ихаила) С. (еменовскаго) (что нынѣ протоіереемъ въ Варшавѣ): «Историческій очеркъ единовѣрія.» С. П. Б. 1867. Стр. 38 и сл. „Могилев. еп. вѣд.“ 1889 года. №№ 22—23: „Чонско-Макарьевъ монастырь“ С. С. Уклонскаго, стр. 327.

[7]) „Церк. вѣдом“ 1900 г., № 46, стр. 1868.

[8]) А. С. С., 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К., 1799 г. связка №№ 333—402, д. № 348 (здѣсь сложены дѣла о чонскомъ монастырѣ, присланныя изъ новороссійской консисторіи.)

салъ Анастасію: «Преосвященнѣйшій владыко! милостивый благодѣтель! Рекомендуя вашему преосвященству сего письмовручителя, старообрядческаго Успенскаго монастыря игумена Сергія, яко мужа пречестнѣйшаго и давно мнѣ съ хорошей стороны извѣстнаго, покорно прошу принять его въ ваше благоволеніе и въ нужныхъ случаяхъ не отказать ему въ пастырскихъ вашихъ вспоможеніяхъ. Отъ него наслышался я, что въ паствѣ вашей находится теперь волкъ, которой нѣкогда въ Твери расхищалъ у меня овцы, бѣглой попъ Алексѣй Кузминъ. Сего врага Христовой церкви потщитесь, елико возможно, выжить изъ вашей паствы, а паче изъ Покровскаго старообрядческаго монастыря, куда онъ ускользнулъ отъ руки преосвященнѣйшаго митрополита Новгородскаго, преданъ бывъ отъ самаго Государя Императора суду Его, и гдѣ живучи всячески ругаетъ святую церковь и нашихъ пастырей. Впрочемъ, препоручая себя святительскимъ вашимъ молитвамъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ вашего преосвященства, милостиваго благодѣтеля моего усерднѣйшій слуга и богомолецъ Иринеи А. Псковскій».

Казанскій архіепископъ Амвросій изъ С.-Петербурга 20 марта 1799 г. писалъ: «Преосвященнѣйшій владыко! всепочтенный о Господѣ братъ и благодѣтель! Всеусердно благодарю за писаніе отъ 8 марта сего равно и за приложенную на коронацію проповѣдь. На восшествіе-же, хотя и пишете о ней, но ее нѣтъ. Подателя сего, присоединившагося съ обителію своею къ паствѣ вашей, яко давно мнѣ извѣстнаго, прошу принять въ архипастырскую вашу милость и любить его. Онъ можетъ послужить вамъ въ обращеніи заблуждающихъ. Одолжите ево тѣмъ, чтобы обитель ихъ состояла подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ вашимъ и консисторіи. Въ прочемъ прося молитвъ и продолженія любви съ истиннымъ почтеніемъ и усердіемъ пребываю вашего преосвященства усерднопокорный слуга Амвросій Архіепископъ Казанскій»[9]).

Письма эти получены были преосвященнымъ Анастасіемъ 5 апрѣля 1799 г.; въ тотъ же день, конечно, представлялся ему о. Сергій. Владыка принялъ его съ свойственной ему, благожелательностью. Черезъ четыре мѣсяца преосвященный представилъ въ св. синодъ возбужденное Сергіемъ дѣло о пожалованіи чонскому монастырю земельныхъ угодій. Въ рапортѣ при этомъ Анастасій писалъ, что чонскій Успенскій монастырь началъ свое возымѣлъ въ 1775 году чрезъ игумена Ѳеофилакта на помѣщичьей землѣ господъ Кольчевскихъ и Устиновичей по безсрочному контракту съ платой ежегодно сперва двадцати, а потомъ сорока рублей. Впослѣдствіи помѣщики переселились въ Бѣлицу, а земли свои, въ томъ числѣ и монастырскую часть въ сто десятинъ и 144 квадратныхъ сажени, продали въ казну. Монастырь (содержавшійся отъ собственныхъ трудовъ, точію хлѣбопашества) вынужденъ былъ платить теперь довольно значительный оброкъ за арендованную имъ землю. Это было для него обременительно, почему о. Сергій и ходатайствовалъ объ увольненіи его монастыря отъ платежа за казенную землю оброка. Св. синодъ отвѣтилъ, что ему приступить къ этому дѣлу не можно, а принадлежитъ сіе до разсмотрѣнія гражданскаго правительства, гдѣ и просьбу свою Сергій приноситъ долженъ. Поведенное такимъ путемъ дѣло увѣнчалось успѣхомъ. По высочайшему повелѣнію земля оставлена была за монастыремъ безъ платежа оброчныхъ денегъ[10]).

Въ сентябрѣ 1799 года настоятель Сергій просилъ преосвященнаго Анастасія уволить его на полгода въ Москву и Саратовъ для нѣкоторыхъ монастырскихъ надобностей и для свиданія съ родственниками». Владыка 7 октября резолюціей объявилъ: «когда благочинный отецъ архимандритъ (Іоасафъ)—яко недавно въ силу указа и нашей инструкціи осматривавшій всѣ монастыри—репортомъ представитъ, что нѣтъ препятственныхъ обстоятельствъ отлучиться настоятелю именно на какое число: въ то время и дастся пашепортъ». Благочинный 21 октября отозвался, что чонскому монастырю необходимы подаянія отъ знакомыхъ благодѣтелей, препятствій для отпуска настоятеля Сергія нѣтъ: іеромонахъ Іоасафъ со-

[9]) А. М. Д. К., синодскіе указы 1799 г., № 34, приложенія.

[10]) А. С. С. 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К., 1799 г. связки №№ 333—402, д. № 333.

[11]) А. М. Д. К., 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 226.

вмѣстно съ казначеемъ могъ бы управлять монастыремъ. Послѣ этого паспортъ былъ выданъ, но просителю не пришлось имъ воспользоваться [11]). 27 ноября 1799 года настоятель чонскаго успенскаго монастыря іеромонахъ Сергій внезапно скончался. На слѣдующій день, 28-го, его погребли. Наслѣдникомъ имѣнія покойнаго былъ его племянникъ, казначей монастыря, іеродіаконъ Боголѣпъ. Преемникомъ Сергія избранъ былъ братіей чонскаго монастыря монахъ Исаія[12]). На престолѣ монастырской церкви въ запечатанномъ конвертѣ съ надписью покойнаго настоятеля Сергія сыскались разныхъ святыхъ мощей 44 частицы. По распоряженію преосвященнаго Анастасія, мощи эти въ 1802 году вытребованы были въ каѳедральную ризницу [13])

Съ поводу присоединенія къ православной церкви Сергія Юршева, сестра его, монахиня Александра, племянница Анна, монахини Алефтина и Павла и послушница Екатерина также присоединились къ церкви. При жизни о. Сергія онѣ временно проживали въ отдѣльныхъ келіяхъ чонскаго монастыря; настоятель предполагалъ построить для нихъ особыя келіи въ трехъ верстахъ отъ мужского монастыря, но умеръ, не сдѣлавъ этого. Жившія подъ его покровительствомъ въ чонской обители принуждены были поселиться между мірскими людьми въ старообрядческомъ Зыбковскомъ посадѣ, малороссійско-черниговской губерніи. Въ 1801 году монахини эти обратились къ преосвященному Анастасію съ просьбой принять ихъ въ свою паству и дозволить имъ на свой коштъ выстроить предположенныя Сергіемъ келіи въ надеждѣ, что вслѣдъ за ними присоединятся изъ раскола и другія инокини. Рапортомъ отъ 12 ноября 1801 года владыка представилъ объ этомъ въ св. синодъ. Указомъ отъ 20 января 1802 г. преосвященному разрѣшено было дозволить монахинямъ построить себѣ келіи, но по сношенію съ гражданскимъ правительствомъ и съ согласія настоятеля чонскаго монастыря [14]).

Братія чонскаго монастыря была немногочисленна: въ 1800 году ее составляли: іеромонахи Іоасафъ, Аврамій, Филиппъ, іеродіаконъ Боголѣпъ, семь другихъ монаховъ и три послушника [15]). Жили братья несогласно: ссорились, дрались, потомъ мирились. Начальство должно было разбирать монашескія дрязги, но это было нелегко. Старобрядческія обители привыкли жить по своимъ законамъ, общемонастырскому уставу подчиняться не хотѣли. Отъ 28 января 1804 года настоятель чонскаго монастыря Іоасафъ съ братіей просилъ преосвященнаго Анастасія предоставить имъ, на основаніи указа св. синода отъ 27 ноября 1800 г., [16]) управляться самимъ. Владыка 16 февраля (1804 г.) отвѣтилъ: «Когда принимали званіе монашества, развѣ не клялись предъ вратами престола Господня хранити смиреніе, послушаніе, самовольную нищету и братолюбіе? Пусть смотрятъ: коль пагубно обманывать сердцевѣдца Бога. По благодати Господней, діаволъ не коснется христіанина, если сей самъ не приступитъ къ діаволу, чрезъ злобу, чрезъ клевету, чрезъ небреженіе о сердечной молитвѣ, чрезъ нераскаяніе въ грѣхахъ, чрезъ небреженіе чтенія Евангелія и Апостоловъ, чрезъ пустовѣріе [17]). Помирились: пусть-же смотрятъ, чтобъ впредь мира сего не расторгали: и тогда ко мнѣ съ жалобами не относились-бы, а пусть сами себѣ ищутъ судодателей, якоже прописуютъ. Не хотятъ давать отчета консисторіи: пусть остается на ихъ совѣстяхъ и на отчетѣ предъ Богомъ. Старообрядческихъ священниковъ избираютъ монахи своими судьями: хорошо по ихъ избранію, если не можно лучше по установленію св. церкви. Ежели кого наказываетъ Правосудный Богъ, то оставляетъ того ходити по своей его воли. Злобные доносы ихъ оставить безъ изслѣдованія. И о прочемъ, что прописано въ пунктѣ: того ради [18]) оставить имъ по ихъ прошенію: тольк

[11]) Тамъ-же, д. № 297.
[12]) А. М. Д. К., 1802 г. предмета 3-го дѣло № 178.
[13]) А. С. С., 1801 г. д. № 816. А. М. Д. К., синод. указы 1802 г., № 7.
[14]) А. С. С., 1800 г. д. № 133.
[15]) П. С. З. т. XXVI. № 19 621.
[16]) Перечисленными пороками братія чонскаго монастыря страдала въ особенности.
[17]) „Того ради ваше высокопреосвященство покорнѣйше просимъ соблаговолить повелѣть, противу синодальнаго указа 6-го пункта, удоборѣшительныя дѣла, также и счеты о приходахъ и расходахъ, настоятелю съ братіей рѣшать въ монастырѣ, дабы не безпокоить консисторію и начальство, о чемъ и учинить на сіе наше нижайшее миролюбное прошеніе милостивѣйшую свою архипастырскую резолюцію".

ко-бы и они оставили безпокоить начальство по своему обѣщанію» [19]).

Единовѣрческій миссіонеръ.

По приказанію новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила, старообрядческій протопопъ стародубскаго повѣта Власій Авраамовъ, съ письменнымъ видомъ отъ новороссійской консисторіи, отпущенъ былъ въ разныя старообрядческія селенія малороссійской и бѣлорусской губерній для присоединенія живущихъ въ нихъ раскольниковъ, по ихъ желаніямъ, къ православной греко-россійской церкви. 3 января 1799 года въ могилевскую консисторію вступило донощеніе гомельскаго протопопа Іоанна Григоровича: миссія о. Аврамова здѣсь представлялась самовольной. Преосвященный Анастасій распорядился: «Сообщить въ новороссійскую духовную консисторію: на какомъ основаніи старообрядческому протопопу Власію Авраамову данъ видъ свободной къ обращенію старообрядцевъ, въ губерніи Бѣлорусской находящихся, и почему о семъ позволеніи не благоволено было увѣдомить или нашу консисторію или свѣтское правительство, дабы можно было несомнительно подавать помощь въ толь знаменитомъ намѣреніи». На этотъ запросъ отвѣтили, что находящіеся въ новороссійской, малороссійской и бѣлорусской губерніяхъ старообрядцы, по указу св. синода (отъ 8 мая 1797 г.) должны состоять въ вѣдѣніи митрополита Гавріила [20]). Но съ теченіемъ времени старообрядцы подчинены были архіереямъ тѣхъ епархій, въ предѣлахъ которыхъ они жили.

Радуль.

Въ 1795—1796 году присоединились къ православной церкви изъ раскола жители слободы Радули, черниговскаго повѣта, въ количествѣ болѣе двадцати семействъ (до ста душъ). Прошеніемъ отъ 26 февраля 1800 года повѣренный старообрядческаго общества Радули, купецъ Никита Костылевъ просилъ преосвященнаго Анастасія дозволить освятить выстроенную въ Радули церковь, въ расколѣ еще состоявшую, съ опредѣленіемъ къ ней для священнослуженія и исправленія требъ, до дальнаго времени, изъ чойскаго монастыря іеромонаха, прежняго ихъ духовника, отца Авраамія. При этомъ Костылевъ выражалъ надежду, что, ежели церковь будетъ освящена, то, навѣрно, и прочіе той слободы пребывающіе въ расколѣ жители обратятся къ православію. Рапортомъ отъ 28 февраля 1800 г. владыка донесъ объ этомъ св. синоду. Указомъ отъ 7 мая (1800 г.) преосвященному разрѣшалось церковь въ Радули освятить и къ ней впредь до разсмотрѣнія опредѣлить Авраамія; при этомъ св. синодъ запрашивалъ: въ какомъ имянно оная слобода отъ Чернигова и Могилева разстояніи? 21 сентября преосвященный донесъ, что Радуль находится въ 270 верстахъ отъ Могилева [21]) и 80 отъ Чернигова. Церковь въ Радули еще не была освящена, по причинѣ ненахожденія нужныхъ въ ней вещей. Высочайше повелѣно было, чтобы выстроенная въ слободѣ Радули старообрядческимъ иждивеніемъ часовня освящена была въ православную церковь, не взирая на то, что только пятьдесятъ человѣкъ сего освященія желали, а прочіе, раскольники, (до шести сотъ душъ), на то не согласны были. Церковь подчинена была вѣдѣнію черниговскаго архіерея. Указомъ отъ 29 ноября 1800 года дано было знать объ этомъ преосвященному Анастасію [22]).

Бѣлица.

Бѣлицкіе старообрядцы просили преосвященнаго Анастасія дозволить имъ выстроить церковь во имя св. Николая и рукоположить къ ней во священника стихарнаго дьячка Петра Максимова. Предполагалось выстроить деревянную церковь на казенной землѣ. Прихожанъ насчитывалось до двухсотъ душъ. Они обѣщали довольствовать священнослужителей десятой частью отъ своихъ прибытковъ. Рапортомъ отъ 4 сентября 1800 года владыка представилъ объ этомъ св. синоду. Указомъ отъ 10 января 1801 года преосвященному Анастасію велѣно было: «Ежели бѣлицкіе старообрядцы согласятся имѣть ту церковь на точномъ основаніи положенія 12 марта 1798 года и 27

[19]) А. М. Д. К., 1804 г. предм. 11-го д. № 274.
[20]) А.М. Д. К., 1799 г. св. №№ 3—180 д. № 4.
[21]) Отъ границы бѣлорусской епархіи въ 15 верстахъ.
[22]) А. С. С., 1800 г. д. № 133. А. М. Д. К., синод. указы 1800 г., №№ 63 и 109.

октября 1800 г.[23]) и притомъ представятъ о числѣ желающихъ построенія ея подписку, то имъ оную построить дозволять. Максимову въ рукоположеніи отказать, яко бѣглому, а произвесть вамъ къ той церкви во священника по избранію ихъ старообрядцовъ и по своему разсмотрѣнію другого способнаго и достойнаго къ сему званію»[24]).

Раскольническія книги.

На основаніи именного указа отъ 27 іюля 1787 года, въ 1789 году изъ могилевскаго намѣстническаго правленія трикратно присланы были архіепископу Георгію книги, печатанныя въ польскихъ типографіяхъ. Книги эти сложены были въ каморкѣ на сводахъ каѳедральной спасопреображенской церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ пропали. Рапортомъ отъ 10 августа 1798 года преосвященный Анастасій испрашивалъ разрѣшенія св. синода продать эти книги охотникамъ, а деньги употребить на покупку учебниковъ для семинаристовъ, а также богослужебныхъ книгъ для бѣдныхъ церквей, возвращенныхъ изъ уніи. Между тѣмъ указомъ св. синода отъ 10 февраля 1799 года велѣно было: «Ежели у кого окажутся старообрядческія книги, какого-бы онѣ изданія ни были, но никакой въ нихъ противности святѣй церквѣ усмотрено не будетъ, а относятся оныя или къ церковному кругу, или содержатъ въ себѣ духовныя нравоученія, возвращать тѣмъ, у кого они взяты, а естьли которые по разсмотрѣнію найдены будутъ наполненными ругательствъ противу православной церкви и ея обрядовъ, то таковыя, яко развратныя и клонящіяся къ нарушенію общественной тишины и покоя, отбирая по силѣ указовъ св. синода 1787 года іюля отъ 29 дня, хранить въ консисторіяхъ». Въ отвѣтъ на рапортъ преосвященнаго Анастасія отъ 10 августа 1798 г. св. синодъ указомъ отъ 21 марта 1799 г. велѣлъ ему поступить по указу 10 февраля: безобидныя для православія книги возвратить тѣмъ, у кого онѣ взяты, а ругательныя хранить при консисторіи.[25])

Раскольническія обители.

По порученію архіепископа Анастасія, архимандритъ могилевобратскаго богоявленскаго училищнаго монастыря Іоасафъ бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ семинаріи и благочиннымъ монастырей, въ сентябрѣ 1802 года осматривалъ нѣкоторые монастыри и церкви, причемъ велъ дневникъ. 18 сентября 1802 г. о. Іоасафъ учинилъ «вѣдомость о раскольническихъ монастыряхъ и церквахъ и скитахъ въ Бѣлорусской епархіи и гдѣ оные какъ называются и въ чіемъ владѣніи состоятъ». Въ вѣдомости этой значатся:

1. Лаврентіевъ монастырь, отъ мѣстечка Гомля въ 12 верстахъ (въ лѣсу), во владѣніи графа Николая Петровича Румянцова. Монаховъ и бѣльцовъ болѣе ста человѣкъ.

2. Іоасафовскій монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 20 вв. Монаховъ и бѣльцовъ болѣе ста.

3. Скитъ близъ Огородни, отъ Гомля болѣе 40 вв., влад. Румянцова, (братіи) болѣе пятидесяти человѣкъ.

4. Пыханской монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 35 вв., мужеска и женска пола братіи до двадцати (душъ).

5. Тырловскій монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 7 вв., (насельниковъ) до сорока человѣкъ.

6. При Спасовой слободѣ близъ м. Гомля женскій монастырь. Братіи мужеска и женска пола болѣе пятидесяти человѣкъ.

7. Скитъ Чистыя лужи, въ 7 вв. отъ Гомля, Румянцова, братіи до десяти человѣкъ.

8. Другихъ помѣщиковъ Вѣтковскій монастырь. Братіи мужеска и женска пола до ста душъ.

9. Абрамовка, футоръ близъ Вѣтки, насельниковъ до сорока человѣкъ.

Преосвященный Анастасій на вѣдомости этой написалъ: «Во извѣстіе, по одной токмо части бѣлорусско-могилевской губерніи, о раскольникахъ

[23]) П. С. З. №№ 18. 428 и 19. 621.

[24]) А. С. С., 1880 г. д. № 558. А. М. Д. К., 1802 г. пр. 3-го д. № 126.

[25]) А. С. С., 1798 г. д. № 55. А. М. Д. К., 1798 г. св. №№ 160—339.

по ихъ духовноначальству заготовить репортъ въ с. синодъ: изъ котораго будетъ явствовать, кто разстроиваетъ церковь, и безъ того уніатами раздираемую.[26]) При рапортѣ отъ 2 октября 1802 г. архимандритъ Іоасафъ представилъ владыкѣ свой дневникъ. Въ Лаврентьевомъ старообрядческомъ монастырѣ братія состояла изъ разнаго рода бѣжавшихъ людей. Прочитавъ это, преосвященный на полѣ дневника отмѣтилъ: «извѣстно-ли о семъ свѣтское правительство? Сообщить. И ежели раскольники монахи накопляются безъ вѣдома духовнаго начальства: по крайней мѣрѣ должно завѣдовать о томъ свѣтское, дабы бѣглецы не укрывались отъ государственныхъ повинностей. Учинивъ выписку изъ новѣйшихъ милостивыхъ указовъ о раскольникахъ, представить мнѣ въ непродолжительности. Ежели-бы не было таковаго сокрывательства не безъинтереснаго:[27]) то бы сія гангрена мало-бы обрѣтала жиру».[28]) О раскольникахъ сообщено было губернскому правленію. Но нижній земскій судъ донесъ, что, по изслѣдованіи, бѣглыхъ не оказалось. Въ отвѣтъ на это архимандритъ Іоасафъ представилъ именной реестръ бѣглыхъ монаховъ Лаврентьева, Тарловскаго и Іоасафовскаго монастырей.[29])

Въ дневникѣ, далѣе, сообщалось, что въ Іоасафовскомъ раскольническомъ монастырѣ, близъ Добруша, монахи года три тому назадъ (въ 1799 г.) объявили чудотворной иконы Божіей Матери, написанную въ ихъ-же монастырѣ. Преосвященный противъ этого замѣтилъ: «О семъ поступить по законамъ: ибо мы репортуемъ въ с. синодъ, нѣтъ-ли кликушъ, новоявленій и о прочемъ». Тамъ же архимандритъ Іоасафъ имѣлъ съ раскольниками преніе о вѣрѣ. Владыка отмѣтилъ: «Отвѣты преосвященнаго Никифора не соблаговолитъ-ли с. синодъ разослать по всѣмъ таковымъ скопищамъ»?[30])

[26]) Были случаи совращенія православныхъ въ расколъ. А. С. С., 1802 г. д. № 964; 1803 г. д. № 346.
[27]) Намекъ на взятки чиновниковъ.
[28]) Лаврентьевъ монастырь имѣлъ капиталъ около пятидесяти тысячъ рублей.
[29]) А. М. Д. К., 1806 г. пр. 10-го д. № 229.

Заграничные раскольники.

Прошеніемъ отъ генваря 1803 года нѣсколько вышедшихъ изъ-за границы раскольническихъ монаховъ просили «великаго господина» преосвященнаго Анастасія, архіепископа бѣлорусскаго и могилевскаго, принять ихъ въ свою епархію. О себѣ они, между прочимъ, писали: «Со усердіемъ прочитывали мы святыхъ отецъ житіе»; владыка на это замѣтилъ: «А Евангеліе читали? А апостольскія посланія читали-ли?» На просьбу ихъ преосвященный отвѣтилъ: «На основаніи высочайшаго манифеста о возвращеніи выходцовъ, таковые должны, куда слѣдуетъ, явиться, а оттуда, по избраніи государственно-узаконеннаго рода жизни, и вступить при видахъ узаконенныхъ».[31])

Браки раскольниковъ.

Двухъ лицъ изъ раскола перевѣнчалъ уніатскій священникъ. Рапортомъ отъ 23 іюля 1801 года преосвященный Анастасій донесъ объ этомъ св. синоду. Ревнивому архипастырю дано было знать, что мѣшаться въ чуждое исповѣданіе нельзя; если же старообрядцы будутъ обращаться въ православную церковь за вѣнчаніемъ, то совершать его не иначе, какъ по напечатанному требнику.[32])

Платонъ Горючко.

[30]) А. М. Д. К., 1802 г. пр. 3-го д. № 178.
[31]) А. М. Д. К., 1803 г. пр. 1-го д. № 751.
[32]) А. С. С, 1801 г. д. № 554.

VIII. Крестьянская свадьба въ м. Забычанѣ.[1])

Въ нашемъ мѣстечкѣ крестьянская свадьба въ настоящее время совершается въ такомъ порядкѣ:

Крестьянинъ, задумавъ женить сына, зоветъ одного или двухъ изъ своихъ почетнѣйшихъ сосѣдей, причемъ старается выбрать человѣка «бывалаго», знающаго всѣ «установы» по задуманному дѣлу, въ полномъ смыслѣ «свата».

Выбранный сватъ и отецъ жениха, а также и самъ женихъ, становятся предъ иконами и, крестясь, говорятъ: «Благослови Господи». Выходя изъ хаты, сваты берутъ со стѣны кожаную торбу

[1]) Изъ № 37 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

или кошель изъ лыкъ, съ краюшкой хлѣба, кускомъ сала и бутылкой водки. Съ этимъ припасомъ и идутъ «у сваты». Ходятъ «у сваты» по большей части ночью.

Подойдя къ жилищу будущей невѣсты, сваты стучатъ въ окно и говорятъ: «добрый вечеръ! ти ня пуститя на ночь»? А изъ хаты отвѣчаютъ: «хто вы»? Сваты добиваются: «пуститека жъ, тады увидитя». Хозяинъ или хозяйка догадываются—«хто тамъ» и впускаютъ.

Войдя въ хату, сваты крестятся, чего въ другихъ случаяхъ у насъ не дѣлаютъ.

— Ну, штожъ вы скажетя?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Ды што мы скажемъ: у сваты пришли! отвѣчаютъ сваты.

— Якѣя сваты? Еще не пора, мы не отдадимъ дочку: молода ина!—отпѣкивается родитель невѣсты.

Долго въ подобномъ родѣ идутъ переговоры. Наконецъ «неуковырные» родители невѣсты ссылаются на «яе» желаніе: «якъ дѣвка». А дѣвка отвѣчаетъ: «якъ батька, такъ и я».

—«Ну, бѣги звать крестныхъ батьку да матку!» —говоритъ невѣстѣ родитель. Невѣста убѣгаетъ.

Приходятъ крестные родители, и всѣ встаютъ для молитвы, которую, ставъ по направленію къ иконамъ, гдѣ уже горитъ свѣча, каждый громкимъ шопотомъ прочитываетъ самъ. Читаютъ всѣ молитвы «хто скольки умѣить», и если одинъ «умѣить молиться» больше другихъ, то всѣ прочіе стоятъ молча въ ожиданіи конца. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ и начинаютъ угощаться тѣмъ, что принесено сватами.

Въ это время, несмотря на поздній часъ почи, невѣста бѣгаетъ по деревнѣ изъ двора въ дворъ и подъ окнами громко зоветъ: «дядьки, тетки, сестрицы, прошу на заручины»! Въ скоромъ времени молодежь обоего пола собирается въ сосѣдней избѣ и начинаютъ пѣть первую пѣсню:

Хвалить Бога,
Што заручины Богъ намъ давъ.
Заручили дѣвку
Проти понядѣлку,
Богъ намъ давъ.
Кроили подарки
Изъ тонкой китайки,
Кому-сяму пяньковыя
А (жениху) шавковые—
Богъ ему давъ.

Приходитъ «музыка»: скрипачъ и бубенщикъ или барабанщикъ. Молодежь становится оживленнѣе. Болѣе «хлесткіе» подхватываются первыми и начинаютъ плясать «круговую», а «хто еще похлеще»—казака. Въ болѣе просторныхъ избахъ и «чижика» выдѣлываютъ, хотя нѣкоторые танцоры уже называютъ его «кандрилемъ».

Вперемежку съ танцами «хлюсты» покуриваютъ, угощаются водкой, а «драпенъ», какъ зовутъ они своихъ «дамъ», угощаютъ «фіалкой». Промочивъ горло «фіалкой», дѣвушки «зачинаютъ пѣть пѣсни, ажну вулица тращить», въ родѣ слѣдующей:

Въ поли конопелька
Льномъ зеленѣнька.
Не давъ ей вѣтеръ
Въ поли постоять,
Вѣтьтемъ помахать.
Разсыпавъ конопельку
По сырой землѣ,
Разнесъ перьико
По чистомъ полю.
Ганка у мамочки молоденька,
Не давъ ей Самусь
Боли погулять,
Косы поплетать.
Рассыпавъ косочку
По бѣломъ плечу,
Разливъ слезочку
По румяномъ лицу.

Нагулявшись досыта, молодежь ведетъ невѣсту въ «сѣнцы» той избы, гдѣ ея родители съ сватами и прочими пожилыми гостями до сихъ поръ угощались „чѣмъ Богъ послалъ“. Изъ избы въ „сѣнцы“ выходитъ мать невѣсты, неся хлѣбъ-соль и, по числу сватовъ, количество подарковъ на булкѣ этого хлѣба. Двери хаты затворяются, а невѣста все вынесенное матерью держитъ въ рукахъ. Въ хатѣ въ это время сваты выбираютъ одного изъ родственниковъ распорядителемъ пира, который впослѣдствіи и бываетъ „дружкомъ“.

— „Ведика намъ,—кричатъ они,—товару“.

Распорядитель выходитъ въ „сѣнцы“ и, по указаніямъ невѣсты, беретъ одну изъ „дѣвокъ“ и ведетъ въ хату къ сватамъ.

— „Вотъ вамъ,—говоритъ,—товаръ“.

А сваты: „товаръ хорошъ, да не нашъ. И етыго не гудимъ, да поищи лучшаго“.

Распорядитель бѣжитъ еще въ сѣнцы, а сваты угощаютъ приведенную дѣвушку рюмкой водки. Она, „поломавшись“ немного, пьетъ.

Такъ вводятъ и другую дѣвушку. А въ третій разъ ведутъ уже невѣсту, которую и узнаютъ сваты по тому, что она несетъ подарки.

— „Молодецъ!—кричатъ они распорядителю, —докопались хорошаго, ето нашъ товаръ“.

Потомъ каждый сватъ отдѣльно угощаетъ не-

вѣсту водкой, откушивая до трехъ разъ изъ одной рюмки: „то сватъ, то ина. то сватъ, то ина“ и т. д. Выпивши водку, невѣста даетъ свату подарокъ, а сватъ, повертѣвъ имъ три раза надъ своей головой, кладетъ его себѣ въ карманъ; невѣсту же въ свою очередь даритъ деньгами.

Наконецъ, сваты уходятъ, но не надолго. Молодежь идетъ въ прежнюю избу „догуливать“, а сваты чрезъ часъ или два приходятъ опять на „добрыдень“ къ родителю невѣсты. Въ это время сваты „договариваются“, за какую цѣну можно уступить невѣсту. Иногда невѣсту отдаютъ за безцѣнокъ—ведро водки, а иногда за два. Къ разсвѣту кончаются заручины и вся молодежь до полудня спитъ „якъ пяньку продамши“.

Сваты, проспавшись, идутъ къ мѣстному причту заявить о желающихъ вступить въ законный бракъ. Причтъ справляется по метрическимъ книгамъ о лѣтахъ жениха и невѣсты. Впрочемъ, и сами сваты спрашиваютъ, какъ молоды ихъ будущіе „молодые“. Тутъ же назначается и день брака.

Когда же придетъ день брака, женихъ пріѣзжаетъ утромъ забирать невѣсту въ церковь. Въ это время родители благословляютъ „молодыхъ“ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются имъ въ ноги. Послѣ этого молодые ходятъ ко всѣмъ роднымъ и хорошимъ сосѣдямъ и, кланяясь въ ноги, просятъ ихъ на „веселье“.

Окончивши эти походы, „молодые“ ѣдутъ въ церковь, а за ними поѣзжане.

По окончаніи бракосочетанія, всѣ, кромѣ „молодыхъ“, выходятъ изъ церкви; „музыка“ со скрипкой, стоя за церковной оградой, „наводитъ струны“, а барабанщикъ въ нетерпѣніи постукиваетъ въ бубенъ. Наконецъ показываются на церковной паперти „молодые“. Все заволновалось. Скрипка визжитъ „скобелевскій маршъ“, бубенщикъ изо всей силы „лупить по бубну“, а „подневѣстницы“ и прочія дѣвушки, желая заглушить музыку, „на всю вулицу дярутца“—поютъ пѣсню:

Спасибо попу Што скоро зьвѣнчавъ,
И поповичу, Ня дорого взявъ.

Въ это время „молодые“ и поѣзжане садятся на телеги (или въ сани) и мчатся до дома невѣсты, какъ угорѣлые. Лошади несутся во весь духъ не столько отъ ударовъ кнута, сколько отъ необычнаго шума и пѣсенъ.

Если домъ невѣсты отъ церкви не далеко, то споютъ одну пѣсню, а если далеко, то и нѣсколько.

Подъѣхавши къ воротамъ невѣстина дома, дѣвушки начинаютъ пѣть:

Выйди, мамочка, погляди, И молодую княгиню.
Што мы табѣ привезли: Выйди, мамочка, съ свѣчами,
Привезли скрыню, перину Мы твою дочушку зьвѣнчали.

А если у невѣсты матери въ живыхъ нѣтъ, то поютъ вмѣсто этой другую пѣсню:

Виденъ соколъ по полету, По яс родиночку.
Што низенько летаитъ. Ни мамочки зъ раю,
Видна дѣвочка по заручинамъ, Ни родины со краины!
  —Рада бъ я встати,
Што не родная мати; Свойму дитяти
А родъ яе великъ, Порядочекъ дати—
Суборъ не великъ— Дубовы дошки
Не вся яе родина. Стиснули ножки,
Пошлемъ, пошлемъ соловеичку Не могу встати.
  Сырая мать земля
На той свѣтъ по мамочку, Двери заняла,
Зязюлечку на скраиночку Вокошки затворила...

Послѣ этого растворяютъ ворота и „молодые“ въ сопровожденіи „подневѣстницъ“ и „дружка“ входятъ въ отдѣльную избу, гдѣ и садятся за столъ обѣдать. Прочіе гости обѣдаютъ въ другой избѣ.

Послѣ обѣда начинаютъ болѣе спокойные танцы въ родѣ „чижика“, „барыни“. Послѣ этихъ танцевъ „молодыхъ“ сажаютъ за общій столъ и невѣста своей и жениховой роднѣ раздаетъ подарки, сопровождаемые рюмкой водки. Когда невѣстины подарки розданы, „дружокъ“ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ „даровать“ молодого князя и молодую княгиню:

„Даруйтя, спомогайтя,
Кони ковать, возки малювать,
У вяликую дорогу ѣхать.
А хто будить даровать,
Тому будемъ по семь чарокъ горѣлки давать“.

Даровать подходять всѣ. Кто несетъ деньги, кто холстъ, ленъ, овцу, поросенка и т. п. А дружокъ провозглашаетъ: „даруить васъ тетка Гарпина хлѣбомъ-солью, сребромъ-златомъ и добрымъ здоровьемъ; а вы штобъ ни подивны были и подарокъ приняли, а ей низко уклонились“.

При этомъ женихъ съ невѣстой кланяются, а „дружокъ“ наливаетъ рюмку водки и угощаетъ ею тетку Гарпину.

Когда дружокъ уже нѣсколько разъ прокричитъ: „хто забывъ, хто прибывъ, даруйтя молодого князя и молодую княгиню“,—подается ужинъ для „молодыхъ“ и „подневѣстницъ“. Послѣ ужина дружокъ отъ дѣвокъ „выкупляетъ невѣсту“: даетъ имъ по одному баранку и по другому, а онѣ все ухмыляются и не идутъ изъ-за стола. Дружокъ беретъ поясъ и закидываетъ его за невѣсту, какъ бы зовя ее, а дѣвки не даютъ забросить поясъ до трехъ разъ. Въ третій разъ дружокъ закинетъ поясъ и кнутомъ гонитъ дѣвокъ изъ-за стола, а родня садится ужинать.

Послѣ этого ужина одинъ изъ братьевъ невѣсты, залѣзши за невѣсту, кричитъ: „заплатитя за косу“! При этомъ онъ, смѣшивая невѣстину косу съ косою-орудіемъ, держитъ въ рукахъ сдѣланную изъ лучины косу. А дружокъ, грозя кнутомъ, говоритъ:

— „Ча ты залѣзъ туды; я тябе во кнутомъ“!

— „А я тябе косою“—отвѣчаетъ тотъ.

Тогда даютъ „косцу“ рюмку водки, баранокъ и копейку. Но на такую цѣну онъ не соглашается. Торгъ этотъ доходитъ до 50 копеекъ. Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола. „Молодые“ кланяются роднѣ въ ноги и потомъ готовятся ѣхать въ домъ жениха. Мать невѣсты въ вывернутой шерстью наружу шубкѣ и въ шапкѣ обсѣиваетъ поѣзжанъ зернами три раза, бѣгая вокругъ всего „поѣзда“, причемъ „дружокъ“ кнутомъ погоняетъ ее. Отъ шума кони пугаются, а сдержать ихъ нечѣмъ: дѣти поразвозживали ихъ и повынимали изъ колесъ „загвоздки“ во время пьянства взрослыхъ.

Въ домѣ жениха уже отплясываются всѣ танцы по одной формѣ, а именно: столпятся всѣ вокругъ какого либо старика, захотѣвшаго вспомнить молодость, и показываютъ ему какія кто можетъ выдѣлывать „финтиклюшки“. Бѣдняга никакъ не выберется изъ круга, а танцоры все „выдѣлываютъ“ и „барыню“, и „кандриль“, и русскаго трепака. Тутъ и „польки“ поминаются, а „хлюсты“ зачинаютъ и „вальца“. Музыка отъ усердія чуть двигаетъ руками. Скрипачъ „повѣсилъ носъ на квинту“, а барабанщикъ еще „лупитъ“ въ барабанъ.

Наплясавшись, гости дѣлятъ баранки вмѣсто стариннаго „каравая“ и опять дарятъ молодыхъ князя и княгиню.

На слѣдующій день ходятъ „на банкеты“ къ роднѣ жениха, потомъ на третій день „несутъ пироги“ къ родителямъ невѣсты, а на слѣдующій день ходятъ „на банкеты“ къ роднымъ невѣсты.

Такъ справляютъ у насъ свадьбу бѣдные крестьяне. Говорятъ, въ старину было веселѣе. Свадьбы „гуляли“ по двѣ и по три недѣли. Теперь уже находятъ такую долгую „гульню“ лишней.

С. Барташевичъ.

IX. Къ исторіи города Могилева.[1])

Намъ уже приходилось указывать на любознательность могилевской учащейся молодежи, съ которою она относится къ своей родной старинѣ.

На дняхъ мы получили новое подтвержденіе этой любознательности: одинъ изъ воспитанниковъ могилевскаго реальнаго училища г. Іосифъ Мочульскій доставилъ намъ собранные имъ старинные документы, касающіеся города Могилева, которые, какъ оказалось по разсмотрѣніи, имѣютъ немалый историческій интересъ, ввиду полной неразработанности исторіи города Могилева.

Всѣхъ документовъ представлено намъ г. Мочульскимъ 16. Три изъ нихъ относятся къ 16 вѣку, одинъ къ 17 в., десять къ 18 в. и два къ началу 19 в. Помѣщая ниже нѣкоторые документы полностію, даемъ краткое описаніе всего собранія.

Документъ № 1. Грамата на русскомъ языкѣ короля Стефана Баторія 19 марта 1584 г. князьямъ Олельковичамъ, старостамъ могилевскимъ. Подлинникъ. Писанъ на первой страницѣ листа писчей бумаги съ водянымъ знакомъ въ видѣ двухъ

[1]) Изъ №№ 40—45 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

w; строки расположены перпендикулярно сгибу; письмо отчетливое, прямой полуставъ, съ титлами, употребленіемъ буквъ ѡ, ѿ, ѣ, отсутствіемъ буквы *ѣ*. Подпись короля латинская. Печать «малая» изъ краснаго воска, безъ кустодіи.

Извѣстно, что Стефанъ Баторій, какъ и его предшественники, старался оживить промышленность въ русскихъ волостяхъ и поселялъ въ нихъ разнаго рода промышленниковъ и ремесленниковъ, устраивавшихъ здѣсь рудоплавильные, стекольные и поташные заводы,—откуда и ведутъ свое названіе наши многочисленныя Рудни, Буды и Гуты,—мельницы, мастерскія и т. д. Имъ же, между прочимъ, по свидѣтельству лѣтописи Ореста, поселены въ Могилевѣ кожевники. Описываемый документъ и относится именно къ этой чертѣ дѣятельности Баторія. Имъ онъ защищаетъ отъ замка права строителя могилевской мельницы Еськовича. Напечатанъ документъ этотъ не былъ.

Документъ № 2. Грамата на русскомъ же языкѣ короля Сигизмунда III отъ 1 февраля 1589 года. Копія. Писана на трехъ страницахъ листа большой книжной бумаги, съ водянымъ знакомъ въ видѣ щита съ трехлопастнымъ листомъ и буквами «iKool»; скоропись 18 в. Не посвидѣтельствована. Король подтверждаетъ Могилеву право выбора депутатовъ. Напечатанъ въ 1824 году Григоровичемъ въ «Бѣлор. Архивѣ» подъ № 23. Есть нѣкоторыя разночтенія.

Документъ № 3. Грамата на русскомъ языкѣ Сигизмунда III подкоморому оршанскому Григорію Сапегѣ отъ 3 сентября 1599 года. Подлинникъ. Писанъ на первой страницѣ листа писчей бумаги, съ водянымъ знакомъ въ видѣ вазы съ короною наверху. Строки перпендикулярны сгибу. Письмо—крупный прямой полуставъ, съ титлами, съ буквами ѣ, ѧ, ѡ, ѿ; буква *ѣ* не употребляется; шипящія сочетаются съ *ы*; *р* твердое, за исключеніемъ одного случая. Подпись короля латинская. Печать малая восковая; вмѣсто кустодіи на оборотѣ—второй полулистъ.

Грамата дана по слѣдующему поводу. Въ 1595 году 20 ноября извѣстный казацкій гетманъ Наливайко напалъ на Могилевъ, взялъ его и прожилъ здѣсь двѣ недѣли. Когда къ Могилеву подступили литовскія войска, Наливайко сжегъ въ городѣ 500 домовъ, двѣ церкви—Рождество-Богородицкую, на углу Виленской улицы и Пушкаревичева пер., и Благовѣщенскую, на углу Вѣтреной и Костерни, сжегъ 400 лавокъ, острогъ, «побилъ, порубилъ, попоганилъ мѣщанъ, бояръ, людей учтивыхъ такъ мужей яко и женъ и дѣтей малыхъ», и забравши «скарбовъ незличоныхъ», отбилъ литовцевъ и отошелъ къ Быхову, а оттуда къ Рогачеву и далѣе на низъ. Въ довершеніе несчастія, и литовцы, съ которыми было и 4000 татаръ, также сдѣлали «больший лупъ» въ городѣ и окончательно его разорили. Узнавъ объ этомъ, король освободилъ городъ отъ уплаты чинша на четыре года. Въ 1599 году этотъ срокъ истекъ и король предлагаетъ Сапегѣ собрать чиншъ въ суммѣ 6000 золотыхъ польскихъ.—Документъ напечатанъ не былъ.

Документъ № 4. Грамата на польскомъ языкѣ короля Яна Казимира отъ 9 іюня 1661 г. городу Могилеву съ подтвержденіемъ правъ его. Копія, скорописью 18 в., на трехъ страницахъ листа такой же бумаги, какъ № 2. Не засвидѣтельствована. Одна изъ тѣхъ четырехъ привилегій, которыя даны Могилеву 9 іюня 1661 года за избіеніе могилевскими мѣщанами 1 февраля 1661 года московскаго гарнизона. Подробности этого избіенія описаны у Ореста. Благодаря ему, многіе заговорщики-мѣщане на основаніи королевскихъ привилегій купили имѣнія и сдѣлались помѣщиками. Въ числѣ таковыхъ могилевскій лѣтописецъ приводитъ фамиліи Рони, Казановичей, Ярошевскихъ, Ракусъ, Корольковъ, Гортынскихъ, Леоновичей, Стошъ и др.—Одна изъ этихъ привилегій, объ амнистіи за сдачу города Москвѣ въ 1654 году, напечатана въ «Бѣлор. Арх.» подъ № 40; три другія, въ томъ числѣ и описываемая, только упоминаются въ лѣтописи Трубницкаго.

Документъ № 5. Выпись съ книгъ могилевскаго магистрата отъ 13 авг. 1780 г. (видымусъ) долгового обязательства Легиніи Ларіоновичевой и Васки Автушковича на 33 та-лера и 2 тынфа, выданнаго 29 мая 170[illegible] года Павлу и Ѳедору Лапицкимъ, бурмистр[illegible]

вичамъ и купцамъ могилевскимъ, съ залогомъ дома въ Лучоловской сотнѣ и 2 морговъ сѣножатей на Синей клади вверхъ р. Днѣпра. Писанъ попольски, но на русской гербовой бумагѣ 1779 года съ водянымъ и печ. гербами, ц. въ 4 коп. Имѣетъ частный характеръ.

Документъ № 6. Выпись изъ книгъ гродскихъ повѣту оршанскаго, отъ 4 окт. 1725 года объ освобожденіи Могилева отъ платежа гиберны и др. Писана попольски на двухъ листахъ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ въ видѣ щита съ 4-конечнымъ крестомъ внутри и короной на верху. Скрѣплена писаремъ Вершинскимъ и скарбникомъ Піотровскимъ. Документъ этотъ въ видѣ актикаціи изъ книгъ мѣстскихъ могилевскихъ напечатанъ съ незначительными измѣненіями въ «Ист. юр. матер. Вит. ц. арх.» т. XIII, стр. 169.

Документъ № 7. Грамата на польскомъ языкѣ короля Августа III, отъ 9 декабря 1752 года, подтверждающая привилегіи могилевскихъ евреевъ, данныя королями Владиславомъ IV 3 ав. 1634 г., Михаиломъ 10 ноября 1669 года, Іоанномъ Казимиромъ 12 янв. 1676 года, Августомъ II 15 сент. 1701 года и 13 дек. 1730 г. Подлинникъ. Писанъ на пергаментѣ, на двухъ листахъ, сшитыхъ вдвое, форматъ книжный in folio ($8^5/_8 \times 7$ в.). Документъ занимаетъ семь страницъ, по 36—39 строкъ. Писанъ польскою скорописью. При немъ на зеленыхъ шнуркахъ привѣсная большая красная восковая печать вел. кн. Литовскаго въ жестяной коробкѣ. Въ верхней части у шва и въ правомъ нижнемъ углѣ документъ изгрызенъ мышами. Офиціально документъ названъ: «Konfirmacya praw, prziwilejow y wolnosci, zydom mohilowskim nadanych». Къ нему приложенъ русскій переводъ, сдѣланный въ началѣ XIX в. переводчикомъ могилевскаго главнаго суда 2 департамента Стратиновичемъ, о чемъ на переводѣ сдѣлана скрѣпа. Объ испорченности документа переводчикъ пишетъ: «На выгрызенномъ мѣстѣ подлинника недостающія слова въ 11 строкахъ пополнены въ переводѣ изъ имѣющейся копіи сей самой привилегіи». Документъ переплетенъ въ сафьянъ зеленаго цвѣта съ золотыми тисненіями и надписью: «Могилевскаго еврейскаго общества привилегій». Полностію документъ не напечатанъ, но отдѣльныя, упоминающіяся въ немъ, привилегіи напечатаны.

Документы №№ 8—14 представляютъ изъ себя частныя купчія крѣпости и отказные листы 1781—1804 гг. на русскомъ языкѣ (кромѣ одного док.) и на русской гербовой бумагѣ (ц. въ 8 коп., 2 р. и 20 р.). Документы №№ 15 и 16 суть контракты на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевѣ. Одинъ изъ контрактовъ 1798 г. написанъ на двухъ листахъ простой бумаги, другой 1800 г. на двухъ лл. гербовой, 50-рублеваго достоинства.

Изъ этого перечня видно, насколько важны доставленные намъ документы. Одни изъ нихъ проливаютъ яркій свѣтъ на темное прошлое города Могилева, другіе имѣютъ общеисторическое значеніе.

Предлагая вниманію читателей тексты нѣкоторыхъ документовъ въ подлинникѣ или въ переводѣ, выражаемъ желаніе, чтобы г. Мочульскій принялъ мѣры къ сохраненію документовъ отъ истребленія.

Лучшимъ способомъ для этого была бы передача ихъ въ могилевскій музей.

Документъ № 1.

н ж с л л и и з
Стефа бою млтию коро поски велики кня ли-
в и и и т и ц и нт и
тоски руски пруски жомоиски мазовоки ифляски
д д
кн҃же семикгроское и иныхъ.

р и
Кнѧзю юю, кн҃зю семену и кнѧзю алексадру
р м л и ц т
юевичо ѡлековичомъ кн҃жато слукимъ, а в небы-
х х х
ности самы и мл҃ти в могилеве, наместнику и
м м
мл҃ти тамошнему и инъши на потомъ будучи
м р м
староста албо дежавца могилевскимъ.
л и м д и р
Би на чоло поданы нашъ млына могилевски во

х ч д д х
те ескови и поклада пере нами листы бывши
старость могилевъскихъ, а меновите п̃на вилен-
з
ского гетмана великого кнıаства литовского не-
ж р д е
бочика п̃на григоıа хокевича и сына его млти
ж н д
небочика п̃на александра хокевича старосты го-
н х
родеского и могилевского, в которы ѡписано есть,
ж я
и за працу звышъ помененого млынара вотеха
с н д л
ековича, которую ѡ понıа робечи млыны на реце
х
дубровне в месте могилевскомъ ѡ дву колехъ, на
х х и х
реце любужи ѡ тре кола, а в селе полуковича ѡ
д м х в
ѡно коле, поступлено ему с ты млыно пожитку
и и д м
грошъ трети, а на замокъ гроши два; ве же таки
м ж н в и р
ѡбычае и на направовае млыно оны млына мелъ
ст с и
накладати ча третюю, а замокъ чати две, зачи
н х в ш
де ѡ и до сего часу ты млыно ѡбычаем звы
р в х н
помененымъ дежали и часо недавно прошлы млы
в м
в месте могилеско направуючи немалую працу и
к д д л ж и и
нала, понıа нили де намѣстникъ в. м̃. могилевски
и х в н
воте ıаснески,[1]) нарушаючи ему тое право его, ѿ
р х ст
пеши старо паданое, того третего гроша ему з
в м н
млыно преречоныхъ выдавати не хотечи, в чо ц
л с х
собе шкоду великую бачечи, проси на, абымо ему
ж н
в томъ ѡборону вделали. Инокгды ѡ здавна тые
и н
млыны в заведоваю своемъ маючи повиности свое
т т и
досы чини, хоче мети и приказуемъ, штобы в. м̃.
н с х х
помененого млынара вотеха ековича при вси ты
млынехъ заховавши, того гроша третего ему не

д м
боронили я труности никоторое в то ему не за-
давали.

р
Писанъ у вилни року а̃ ф̃ п̃ д̃ м̃ца маца ѳ̃ı дніа.

Stephanus Rex.

в
Венцла Акгрипа писаръ с. р.

(На тылѣ истершаяся надпись порусски въ 4 строчки, которую нельзя разобрать, кромѣ нѣ-
ст ети
сколькихъ словъ: «ли е. к. м стефана до... абы ведлугъ... » и попольски: List upominałny j. kro. mci Stephana do Olelkowiczow xiążąt Słuckich za Woyczechem Jeskiewiczem, aby wedle prawa otrzymanego nienaruszenie zachowany był. Ano Dmni 1584 marty 19 d.)

Документъ № 3.

нт и ж ст л л и и
Жыкгимо трети, бою млю коро поски, велики
з и и и и и ц и
кнıа литовски, руски, пруски, жомотъски, мазовеки,
и д и т и и ль
ифлянтъски, а швески, кгоски, вандалски коро
д р р
Покоморому ѡшанскому урожоному грыгою са-
з и м р т и д
цезе. Ѡнамуе ве: вое, ижъ што волугъ декрету
р т
нашого, межы веностью воею з одное, а мещаны
и р
нашими могилевскими права мадебуского зъ дру-
гое стороны, учыненымъ ѡ цыншъ з места моги-
и
левъского прыходячы которы на сесьчасъ самому
м р т
албо потокомъ ве: твоее бра до ѿданьѧ сумы
и и х л х
пенезе шеститисече золоты поски з скарбу на-
т т т т
шого належы в семъ року деведесıа девıатомъ
и с
за вышстьемъ волноти на чотыры лета месту
з
могилевъскому възглıадомъ спустошеньıа чере ла-
т ц
латровсво козакое ѿ насъ гд̃ра даное прыходитъ,
т р т и
то цыншъ ве: вое в семъ року ѿдати, длıа чо

[1]) Или: Яшевскій.

писати есмо росказали ли нашъ до урожоного
з т
ꙗроша воловича писара великого кнꙗсва литов-
и т х р в
ского вота могилевъского и до славуны бумистроъ
п е
раде лавниковъ мета нашого могилевъского, абы
д з д
ѡни волугъ давъного звычаю и уставы чере вра
и ст и с и т р
сво мески на ча певны то цыншъ выбравши, ве:
т и и н р ст
вое ѿдали, которы цышъ ве: твоꙗ ѿ рады мес-
и и
кое прынꙗвши, квитъ прыстоны имъ на то дати
р
маешъ, ꙗкобы имъ за тымъ квитомъ ве: твоее
р
на личбе в скабе нашомъ прынѧто было.

р
Писанъ у вашаве лета ѿ нароженьѧ сына
т т т т
божого тисеча пꙗ со деве десꙗ девꙗтого месеца
сентебра третего днѧ.

Sigismundus Rex. Матей Война писаръ.

На тылѣ надпись другимъ почеркомъ: «З сто-
ь з д ст и
роны выбирае цы ша чере врꙗ мески». И ниже: «Вписанъ». На документѣ, подъ подписью писаря, попольски: «Do podkomorzego Orschanskiego oznajmuiac o wyjsciu wolnosci mieszczanom Mohilew: daney».

Документъ № 7.

(Переводъ съ польскаго.)

Божіею милостію, Августъ третій, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, самогитскій, волынскій, кіевскій, подольскій, инфлянтскій, смоленскій, сѣверскій, черниговскій; наслѣдственный же князь саскій и преемникъ.

Объявляемъ сею нашею привиллегіею, всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому бы о томъ нынѣ и на предбудущія времена вѣдать надлежало, что хотя мы на сеймѣ счастливой коронаціи нашей, въ присутствіи всѣхъ сословій рѣчи посполитой, жалованныя отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ, королей польскихъ, тѣмъ же сословіямъ и частнымъ лицамъ, права и привиллегіи, учиненною нами присягою подтвердили съ тѣмъ, что каждаго имѣемъ предохранить при оныхъ ненарушимо; по которой присягѣ всѣ права и привиллегіи и должны имѣть свою важность и силу:—однакожъ докладывана намъ была отъ находящагося при насъ совѣта нашего просьба старѣйшинъ еврейскихъ и всего ихъ общества, подвѣдомыхъ економіи нашей могилевской, что жалованныя имъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ, королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, права, частію непріятельскими на государство наше наѣздами, частію же пожарными случаями, въ самыхъ подлинникахъ пропали и погорѣли. Почему, представляя однѣ только подтвердительныя граматы предковъ нашихъ, блаженныя памяти королей: Владислава, Михаила, Іоанна третьяго и родителя нашего, Августа второго, въ точныхъ выписяхъ, выданныхъ изъ книгъ канцеляріи нашей великаго княжества Литовскаго, просили, дабы мы тѣ привиллегіи,—коихъ подлинники пропали и погорѣли и кои въ точныхъ выписяхъ изъ книгъ канцеляріи нашей имъ выданы,—властію нашею королевскою возобновили и подтвердили для нихъ особенною нашею граматой и какъ самые подлинники предохранили на вѣчныя времена въ полной силѣ ненарушимо. Сказанныя же выписи помянутыхъ привиллегій, вписывая отъ слова до слова, суть слѣдующаго содержанія:—«Божіею милостію, Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій и проч.—Объявляемъ сею выписью нашею, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ нашей большой канцеляріи великаго княжества Литовскаго имѣется конфирмація правъ отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, польскаго короля и великаго князя литовскаго Михаила, ноября 10 дня 1669 года могилевскимъ евреямъ жалованная;—и прошено насъ, чрезъ находящихся при насъ чиновниковъ нашихъ, дабы мы означенную конфирмацію дозволили выдать выписью изъ тѣхъ метрическихъ книгъ, въ коихъ явствуетъ:—«Божіею милостію Михаилъ, король польскій и великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмаціонною привиллегіею, кому о томъ нынѣ и на предбудущія времена вѣдать надлежитъ: представляемы намъ были отъ фак-

тора нашего и могилевскаго арендатора, еврея Лейбы Засьмановича, привиллегіи, конфирмаціи (оныхъ), декреты, дозволяющіе подданнымъ нашимъ могилевскимъ евреямъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предшественниковъ нашихъ свободное производженіе торговли разными товарами и всякое пользованіе открытыми лавками, въ коихъ локтемъ мѣрить и фунтомъ вѣсить;—дѣлать солоды, упражняться мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, портнымъ и всякими другими ремеслами. Къ тому внесена намъ отъ тѣхъ же чиновниковъ нашихъ просьба, дабы мы, подтвердивъ сіе (для помянутыхъ евреевъ), оставили оныхъ при тѣхъ же правахъ и свободахъ спокойными. Затѣмъ, снисходя на таковую просьбу, мы, король Михаилъ, властію нашею предохраняемъ могилевскихъ евреевъ въ полной мѣрѣ ненарушимо, при всѣхъ вышеписанныхъ правахъ и свободахъ, равно и при той землѣ, гдѣ издавна въ тамошнемъ городѣ пристроена есть школа ихъ, другой же впредь (не строить); при кладбищѣ, которое они издревле имѣютъ, для погребенія умершихъ тѣлъ ихъ, безъ всякой съ той земли и кладбища повинности;—съ тѣмъ при томъ, что ни отъ кого (не будетъ имъ причиняемо) препятствіе въ ихъ собственныхъ домахъ, которые они могутъ покупать, такъ какъ и земли, въ самомъ городѣ, съ свободнымъ распоряженіемъ оными и наймомъ для ихъ надобности, изъемля ихъ отъ городскихъ цѣховъ и купеческихъ складокъ; и естьлибы (сохрани Боже!) послѣдовала тому городу какая либо отъ непріятеля опасность, то дабы тамошніе мѣщане на могилевскихъ евреевъ нападать не смѣли, но обходились бы съ ними такъ, какъ между собой, кротко; всѣ таковыя права, во всѣхъ пунктахъ утверждаемъ; желая же, дабы они евреи во всемъ томъ наглостей и насилій не потерпѣли, пріемлемъ помянутыхъ евреевъ въ нашу королевскую протекцію.—Во увѣреніе чего подписавъ настоящую конфирмаціонную привиллегію нашею рукою, мы повелѣли приложить къ оной печать великаго княжества Литовскаго—въ Краковѣ, на главномъ сеймѣ счастливой коронаціи нашей—ноября 10 дня, лѣта Господня 1669. Царствованія же нашего 1 года. Подпись:—Король Михаилъ.—Почему, снисходя на изъясненное прошеніе, мы король повелѣли вышеозначенную конфирмацію правъ, изъ помянутыхъ книгъ выписью просящей сторонѣ выдать и для вящшаго вѣроятія приложить печать великаго княжества литовскаго;—въ канцеляріи нашей того жъ княжества—12 декабря 1730 года. Царствованія же нашего 34 лѣта.—При печати меньшей подписался подканцлеръ великаго княжества литовскаго князь Михаилъ Чарторыйскій.—Скрѣпилъ его к. в. секретарь, Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.

Другая привиллегія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею выписью, что имѣется въ метрическихъ актахъ нашей меньшей канцеляріи велик. княжества Литовскаго конфирмація привиллегіи пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего Іоанна третьяго, служащей могилевскимъ евреямъ, слѣдующаго содержанія:—Августъ второй и проч. Объявляемъ сею нашею привиллегіею всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что представляема намъ была привиллегія, блаженныя памяти отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, Іоанна третьяго, короля польскаго, заключающая въ себѣ конфирмацію прежнихъ правъ, служащихъ могилевскому кагалу, такого содержанія:—Божіею милостію Іоаннъ третій, король польскій, великій князь литовскій, и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмаціонною привиллегіею, всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы, принимая въ уваженіе причиняемое могилевскими мѣщанами тамошнимъ евреямъ большое притѣсненіе и разореніе, заблаго-разсудили всѣ жалованныя симъ послѣднимъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предшественниковъ нашихъ права и привиллегіи подтвердить, и оныя настоящею граматою нашею подтверждаемъ, дозволяя имъ производить всякіе шинки и торговую промышленность; лавки какъ въ городѣ, такъ возлѣ вала и въ предмѣстьѣ построить, и въ оныхъ сукна и матеріи, штуками ль или локтемъ, продавать. Школы двѣ—одну въ городѣ, а другую за Днѣпромъ, въ Луполовѣ, соорудить вновь. Съ домовъ же, принадлежащихъ къ школамъ, и отъ могилъ, никакой подати платить не должны будутъ вѣчно. А всѣ евреи, какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстьѣ, въ слободахъ и на городскихъ земляхъ живущіе, хотя бы дѣло, про-

исходило и о городскихъ земляхъ, не подлежать разбору никакого другого суда, кромѣ лишь замковаго, и ремесленники евреи ни въ какіе цехи позываемы быть не должны. Всякія подати, которыя бы на городъ налагались, отъ всѣхъ евреевъ, въ городѣ, предмѣстьѣ и въ слободахъ живущихъ, будутъ взноситься только въ тридцатой части. Имъ же евреямъ всѣмъ вообще дозволяемъ строить домы деревянные и каменные, оставляя ихъ при всѣхъ привиллегированныхъ правахъ, свободахъ и прежнихъ обыкновеніяхъ. Что дабы иначе быть не могло, о семъ благороднымъ коммисарамъ и администраторамъ нашей могилевской экономіи накрѣпко предписываемъ.—Во увѣреніе чего, подписавшись рукою нашею, мы повелѣли приложить печать великаго княжества Литовскаго. Въ Краковѣ на главномъ 6-ти недѣльномъ сеймѣ, 12 генваря, 1676 года.—Подпись: Король Іоаннъ. Прошено насъ чрезъ находящихся при насъ чиновниковъ, отъ имени помянутыхъ могилевскихъ евреевъ, о подтвержденіи для нихъ вышеозначенной привиллегіи. Снисходя на таковое, яко справедливое, прошеніе, во уваженіи претерпѣнныхъ сказаннымъ могилевскимъ кагаломъ частію въ нынѣшнія бѣдственныя времена, частію чрезъ пожарные случаи, значительныхъ разореній,—какъ изъ вышепрописанной тому же кагалу служащей привиллегіи явствуетъ,—мы подтверждаемъ оную во всѣхъ частяхъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы какъ замокъ нашъ могилевскій, такъ и тамошніе мѣщане и никто другой, означенную привиллегію и настоящей нашей конфирмаціи ни въ чемъ нарушать не смѣлъ, подъ взысканіемъ на таковый случай съ нарушителей привиллегій нашихъ положеннымъ въ общемъ законѣ. Для чего и поручаемъ немедленное исполненіе сего благороднымъ коммисарамъ нашимъ могилевскимъ, какъ настоящимъ, такъ и напредбудущимъ. Во увѣреніе чего, подписавшись нашею рукою, мы повелѣли приложить печать великаго княжества Литовскаго. Въ Варшавѣ, 28 февраля 1713 года, царствованія же нашего 16 лѣта. Подпись: Король Августъ.—Каковую конфирмацію мы изъ метрическихъ книгъ нашей меньшей канцеляріи выдать и печать великаго княжества Литовскаго приложить повелѣли—въ канцеляріи нашей великаго княжества Литовскаго дня—1731 года, царствованія же нашего 34 лѣта. При печати меньшей великаго княжества Литовскаго подписался того жъ княжества подканцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій. Скрѣпилъ его к. в. секретарь Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.

Третья привиллегія—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій, и проч. Объявляемъ сею нашею граматою выписи, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ нашей канцеляріи меньшей великаго княжества Литовскаго имѣется конфирмація правъ, жалованная отъ насъ могилевскимъ евреямъ, 16 сентября 1701 года. Чрезъ находящихся же при насъ чиновниковъ нашихъ прошено насъ о дозволеніи выдачи ея изъ тѣхъ книгъ выписью, которая есть слѣдующаго содержанія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмаціонною привиллегіею, кому о семъ вѣдать надлежитъ нынѣ и на предбудущія времена, именно—благороднымъ экономамъ нашимъ съ подчиненными ихъ, настоящимъ и впредбудущимъ, также магистрату города нашего Могилева и всему онаго обществу,—что ввѣренные попеченію нашему, отъ Всевышняго промысла и пресвѣтлѣйшими предшественниками нашими издавна покровительствуемые народы, разнаго рода, званія и вѣры, желая высокою милостію нашею защитить и всѣмъ подданнымъ нашимъ доставить благоденствіе, мы всѣ жалованныя отъ предшественниковъ нашихъ подданнымъ нашимъ, могилевскаго кагала евреямъ, привиллегированныя права, коими предоставлена имъ свободная промышленность, въ торговлѣ разными товарами и всякимъ пользованіемъ, въ открытыхъ лавкахъ локтемъ мѣрить и фунтомъ вѣсить, солоды дѣлать, упражняться мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, портняжествомъ и прочими ремеслами, на основаніи конституціи 1678 года; въ отношеніи свободнаго въ городѣ нашемъ Могилевѣ и у рынка онаго жительства ихъ, также изысканія разныхъ пользъ чрезъ торговлю въ лавкахъ; свободное скупливаніе скота, продажу онаго еврейскими рѣзниками и дозволенныя отъ насъ и отъ предшественниковъ нашихъ шинки подтверждаемъ. Выданныя же въ которое либо время изъ канцеляріи нашей противоположныя (граматы),

яко свободамъ еврейскимъ противныя, уничтожаемъ. Посему (они евреи), въ силу сего нашего и предшественниковъ нашихъ соизволенія, могутъ въ городѣ безпечно упрочивать свои поссесіи, въ лавкахъ торговать, имѣть промышленность, въ шинкахъ и въ другихъ предметахъ изыскивать для себя какимъ либо образомъ пользу, безъ всякаго отъ могилевскаго магистрата и тамошняго общества препятствія. А если бы, въ противность воли нашей, дерзнулъ кто либо причинять имъ какія наглости, въ такомъ случаѣ благородные экономы и ихъ подчиненные, въ замкѣ нашемъ пребывающіе, имѣютъ оныхъ (евреевъ) отъ всѣхъ таковыхъ защищать и при свободахъ, отъ насъ жалованныхъ, предохранять. При семъ и привиллегію 1687 года, на сооруженіе въ могилевскомъ предмѣстьѣ, называемомъ Луполовѣ, за Днѣпромъ, школы, подтверждаемъ. Буде жъ какъ вопреки сему, такъ и всѣмъ прежнимъ еврейскимъ привиллегіямъ, происходили бы для нихъ обиды, повелѣваемъ замку нашему могилевскому, чтобы оный, не допуская евреевъ до обидъ, имѣлъ обо всемъ свое наблюденіе. А какъ изъ прежде принесенныхъ къ намъ тѣми жъ евреями жалобъ значитъ, что могилевскій нашъ замковый судъ дѣлаетъ имъ не малыя отягощенія, прибавляя къ истязаніямъ новыя истязанія, для того, убѣждаясь таковою жалобой, мы постановляемъ на вѣчныя времена всегдашнимъ правиломъ, дабы по позву каждый еврей повѣщаемъ былъ чрезъ замковаго служителя о кондемнатѣ (неявочномъ рѣшеніи); за четвертымъ же разомъ, таковая, по взнесеннымъ позвамъ, имѣетъ уже приводиться въ дѣйствіе; за отсрочку дѣла должно вносить 6 грошей,—отъ апеляціи, которая недовольному судебнымъ рѣшеніемъ должна допущаема быть къ намъ, 2 злотыхъ съ половиной;—но никакое злоупотребленіе власти, въ насильномъ забраніи столовъ, бочекъ и солодовень, простираемо быть не можетъ, подъ штрафомъ, подлежащимъ съ разорителей, какой бы задворнымъ нашимъ ассесорскимъ судомъ, по усмотрѣнію онаго приговоренъ ни былъ. Впрочемъ, дабы впредь какъ благородныхъ экономовъ, такъ равно магистрата и мѣщанъ могилевскихъ положенія имѣли свою важность и значеніе, о семъ накрѣпко повелѣваемъ. Въ Варшавѣ, 15 сент. 1701 года, царствованія же нашего пятаго лѣта.—Подпись: Король Августъ.—Почему мы король, снисходя на вышесказанное прошеніе, повелѣли означенную конфирмацію правъ, выписью изъ помянутыхъ книгъ, просящей сторонѣ выдать и для вящшей важности печать вел. княж. Литов. приложить.—Писано въ канцеляріи нашей вел. княж. Литов. 25 ноября 1730 года, царствованія же нашего 34 лѣта. При печати меньшей вел. княж. Литов. подписался того жъ княжества подканцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій. — Е. к. в. секретарь Григорій Ройкевичъ.

Четвертая привиллегія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, князь литовскій и проч. Объявляетъ сею нашею выписью, кому о семъ вѣдать подлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ канцеляріи нашей большой вел. княж. Литов. имѣется конфирмація документа, могилевскимъ евреямъ, отъ тамошняго магистрата, на два участка земли, въ г. Могилевѣ, жалованная 3. августа, 1634 года, отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, короля польскаго и великаго князя литовскаго, Владислава четвертаго; и прошено насъ о дозволеніи выдачи изъ помянутыхъ книгъ выписью сказанной конфирмаціи, которая есть слѣдующаго содержанія:—Божіею милостію Владиславъ четвертый, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею грамотою всѣмъ вообще и каждому, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что представляемъ намъ былъ могилевскими евреями: Изакомъ Гершеновичемъ и Шліомою Дановичемъ документъ, отъ членовъ магистратскихъ города нашего Могилева, подлинникомъ, служащій на два участки земли, въ окружности городскаго вала, на супротивъ городской вѣсовой, смежныя съ одной стороны съ землею еврея Глебка, а съ другой Семена Куля, въ замѣнъ за землю ихъ, лежащую въ томъ же валѣ, близъ лавокъ, въ Могилевѣ выданный 28 іюня, 1630 года: прося насъ, дабы мы утвердивъ сей документъ, оставили ихъ евреевъ на всегда при той землѣ, на которой они не малымъ коштомъ построили уже каменный домъ.—Снисходя на таковое, яко уважительное прошеніе, утверждаемъ сказанный замѣночный документъ во всей его силѣ, и означенную землю съ находящимся на ней каменнымъ строеніемъ вѣчно оставляемъ какъ за самыми помянутыми евреями,

такъ и за женами и дѣтьми ихъ, въ свободномъ и потомственномъ распоряженіи, подъ вѣдѣніемъ нашего могилевскаго замка. Къ которому дому ворота для въѣзда и выѣзда, а также и окны (они евреи) могутъ имѣть свободныя, безъ всякаго препятствія и загражденія отъ нашихъ могилевскихъ мѣщанъ. Для чего мы и выдали сію нашу грамоту, за нашимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ печати вел. княж. Литов.—въ Варшавѣ августа 3 дня 1634 года, царствованія же нашего въ королевствахъ—польскомъ второго, а шведскомъ третьяго лѣта.—Подпис. король Владиславъ.—Референдарій и вел. княж. литов. писаръ, Мартинъ Тризна.—Снисходя на помянутое прошеніе, мы король повелѣли, означенную конфирмацію изъ книгъ просящей сторонѣ выдать и для вящшаго вѣроятія, печать вел. княж. Литовскаго приложить.—Писано въ канцеляріи нашей вел. княж. Литов. 13 декабря 1730 года, царствованія же нашего 34 лѣта. — При меньшей печати подписался: подканцлеръ вел. княж. Литов. князь Михаилъ Чарторыйскій.—Его к. в. секретарь, Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.—Почему мы, король польскій и великій князь литовскій, Августъ третій, снисходя на прошеніе могилевскихъ евреевъ, вышеозначенныя привиллегіи на права и свободы проживанія въ городѣ нашемъ Могилевѣ, постройки каменныхъ домовъ, пріобрѣтанія городскихъ земель и произвожденія всякой торговли, жалованныя тѣмъ евреямъ, блаженныя памяти отъ предшественниковъ нашихъ и столь многими монархами, королями польскими, предшественниками жъ нашими конфирмованныя и за усердіе реченныхъ евреевъ, въ способствованіи къ возвращенію крѣпости, конституціею 1678 года, за согласіемъ сословій республики утвержденныя, намъ же и въ канцеляріи нашей точными выписями представляемыя, во всѣхъ пунктахъ, властію нашею королевскою подтверждаемъ и въ таковой же силѣ, каковую самыя оригиналы имѣть должны, оставляемъ ихъ съ тѣмъ, чтобы оныя ни въ чемъ нарушаемы не были, но тѣ евреи, такъ какъ и мѣщане наши могилевскіе, оставались бы обезопасенными; для чего и рекомендуемъ благороднымъ экономамъ нашимъ, дабы евреевъ, яко обывателей города нашего Могилева, старались при тѣхъ правахъ и поссесіи ихъ предохранять, для нашего королевскаго благоволенія. Во увѣреніе чего подписавъ рукою нашею, мы повелѣли приложить печать. Въ Варшавѣ 9 дек. 1752 года, царствованія же нашего двадесятаго лѣта.

Augustus Rex. Jozep Duleba je krolewskiey mosci pieczeci W. W. X. Litto sekretarz.

Konfirmacya praw, przywilejow j wolnosci zydom mohilowskim nadanych.

За бытность канцлеромъ вел. княж. Литов. князя Михаила Чарторыйскаго.

М. П.—Въ метрическихъ книгахъ записана.

(На выгрызенномъ мѣстѣ подлинника, недостающія слова въ 11 строкахъ, пополнены въ переводѣ изъ имѣющейся копіи сей привиллегіи).

Скрѣпа: переводилъ могилевскаго главнаго суда 2-го департамента переводчикъ 9-го класса Стратиновичъ.

Документъ № 16.

Контрактъ на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевѣ.

Тысяча восьмисотаго года марта двѣнадцатаго дня заключенный могилевскими городовыми магистратомъ и думою со мною, могилевскимъ евреемъ Орликомъ Абрамовичемъ Лурьею, въ силу указа правительствующаго сената прошлаго 1799 года отъ 26 декабря подъ № 17943 послѣдовавшаго, а въ насланномъ изъ бѣлорускаго губернскаго правленія отъ 19 генваря сего 1800 года подъ № 976 указѣ прописаннаго, срокомъ съ пятнадцатаго февраля сего 1800 года впредь на два года и десять съ половиною мѣсяцевъ, то есть по первое генваря будущаго 1803, съ платежемъ состоявшейся по учиненной въ бѣлорускомъ правленіи переторжкѣ цѣны въ годъ по двадцать три тысячи тридцать рублей, а во все двугодичное и десяти съ половиною мѣсячное время шестьдесятъ шесть тысячъ двѣсти одиннадцать рублей двадцать пять копеекъ на нижеслѣдующихъ кондиціяхъ,

а именно:

1) Содержать мнѣ откупщику въ городѣ Могилевѣ питейную продажу, какъ выше значитъ, сего 1800 года февраля съ 15 впредь чрезъ два года и десять мѣсяцевъ съ половиною, то есть 1803 года генваря по 1 число, съ исправною

заплатою въ городскую думу ежегодно состоявшейся по учиненной въ бѣлорусскомъ губернскомъ правленіи переторжкѣ откупной суммы по двадцать три тысячи тридцать рублей и взносить оную каждаго года помѣсячно за каждой третью часть для нужныхъ городскихъ расходовъ въ началѣ, а послѣднія двѣ части по прошествіи и при наступленіи каждаго оныхъ не далѣе 3 числа равною частію сколько причтется, въ томъ числѣ мѣдною монетою третью часть непремѣнно.

2) Откупщику въ городовомъ магазинѣ хранить, а изъ онаго и питейныхъ домовъ продавать вино, водку, медъ, пиво и полпиво въ розницу или подробно.

3) Откупщику напитки продавать чрезъ два года десять мѣсяцевъ съ половиною, а именно: вино простое полугарное по три рубля, ординарную водку вдвое каждое ведро, сладкую водку хорошей доброты безъ штофа по рублю, а въ штофѣ по рублю десяти копеекъ, меду каждое ведро ординарнаго по рублю, а двойнаго по два рубля, пива ординарнаго по тридцати копеекъ, простого жъ по пятнадцати копѣекъ, а марцоваго хорошаго по восьмидесяти копеекъ ведро а въ удовольствіе покупателей, буде откупщикъ пожелаетъ, ниже невоспрещается и вырученныя за всѣ оныя питья деньги оставляются откупщику за назначенный въ 1 пунктѣ платежъ откупной суммы.

4) Харчевая въ питейныхъ домахъ продажа отдается откупщику нераздѣльно съ продажею питей за откупную сумму съ послѣдняго торгу состоявшуюся какъ въ 1 пунктѣ явствуетъ.

5) Откупщику изъ питейныхъ домовъ продавать вино, водку, медъ, пиво клейменными мѣрами, а неклейменными отнюдь чтобъ не было продаваемо.

6) Вино на продажу подряжать откупщику самому у имѣющихъ право винокуренія и платить своими деньгами, почему договориться только чтобы не было недостатка въ винѣ, а сдѣланные договоры съ поставщиками объявлять въ узаконенномъ мѣстѣ, дабы въ провозѣ не послѣдовало на нихъ затрудненіевъ и не было безъ явки контракта почтено запрещеннымъ товаромъ, а самому откупщику винокуреніе въ городѣ и на городской землѣ не имѣть, поелику сіе предоставлено въ Бѣлоруссіи только однимъ помѣщикомъ, у коихъ или у кого пожелаетъ и покупать ему довольною цѣною.

7) Буде откупщикъ пожелаетъ вино брать въ которыхъ либо казенныхъ винокуренныхъ заводахъ, то о цѣнѣ вина долженъ договориться съ казенною палатою, имѣющею въ вѣдомствѣ ея заводы, съ коихъ вино получать захочетъ и долженъ при пріемѣ его съ заводовъ заплатить ту цѣну, посколько договоръ будетъ сдѣланъ.

8) Откупщику имѣть всегда въ наличности вина сверхъ употребленнаго на продажу противу узаконенія въ четвертую часть изъ потребнаго на годовой расходъ количества. Сію часть ставить для храненія откупщику въ городовомъ винномъ магазинѣ или гдѣ откупщикъ особо для себя по вольною цѣною возьметъ въ наймы за собственныя свои деньги. При поставкѣ вина въ магазинъ давать знать г-ну коменданту и то вино ему освидѣтильствовать, чтобъ было узаконенной пробы полувыгорное безъ дурнаго запаху и замѣса, а въ магазинахъ хранить вино откупщику на своемъ страхѣ и отчетѣ; а дабы помянутая часть вина всегда была въ наличности, за тѣмъ наблюдать имѣетъ право г-нъ комендантъ, для освидѣтельствованія чего имѣетъ онъ право входить въ магазинъ, когда похотитъ. Сей же четвертой части должно быть всегда на лицо, а ежели по самой необходимости произойти могущей отъ невыставки вина тѣми людьми, у которыхъ откупщикъ брать его договорится, или отъ другихъ какихъ причинъ откупщикъ принужденъ будетъ отпускать на продажу вина изъ той четвертой части, тогда долженъ представить залогъ натаковую сумму, по какой цѣнѣ въ то время продаваться будетъ, а безъ залога запасного вина въ продажу не употреблять. По наполненіи же той четвертой части и тотъ залогъ возвратится но въ послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ послѣдняго года откупа отпускать вино изъ четвертой части безъ залога и дополнять его не принуждать, поелику тогда употребляться будетъ оное въ расходъ.

9) Вино, водку на продажу изъ питейныхъ домовъ пріуготовлять откупщику столько, сколько потребно, такъ же меда, пивъ, и сіи послѣднія варить на своихъ или нанятыхъ у посторонныхъ пивоварняхъ повольною цѣною за собственныя свои деньги съ заплатою пивовару за его работу, какъ договорятся.

10) Буде въ питейныхъ домахъ учинится вина, водки. меда и пивъ недостатокъ и послѣдуетъ въ оныхъ продажа вину ниже узаконенной пробы съ дурнымъ запахомъ или замѣсомъ, а меда и пивъ окислыхъ, и о томъ будетъ жалоба, то на мѣстѣ изыскать двумя свидѣтелями допрямо по изобличеніи наложить и взыскать съ откупщика пеню по узаконенію за каждый день какъ за недостатокъ вина, водки, меда и пивъ, равно что продавалъ вино худое, а медъ и пиво окислыя по шести процентовъ за то питье что продать могъ въ тѣ дни за первую жалобу и что вино худое, а медъ и пиво окислыя продавалъ до удвоеніе пени, за вторую и болѣе жалобу и отдать часть жалобщику, а другую часть по силѣ Высочайшаго городоваго положенія 150 статьи доставлять въ городскую думу, такъ какъ по корчемнымъ дѣламъ и во время питья недостатка на счетъ откупщика таковые магистратъ и дума купятъ, съ какою бы то передачею не было и тѣ переданныя деньги взысканы быть имѣютъ безъ недоимки съ откупщика.

11) При уступленіи въ откупъ принять покупщику городскую питейную контору, винный магазеинъ и посуду, до питейной продажи принадлежащую, какая въ думѣ находится съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ, безъ платежа, а питейные домы, какъ таковыхъ городскихъ не имѣется, а производится питьямъ продажа въ обывательскихъ, то и можетъ откупщикъ у таковыхъ нанять повольною цѣною за собственныя свои деньги или, гдѣ есть внутри города порожжія земли, магистрату и думѣ принадлежащія, построить на оныхъ питейные домы своимъ коштомъ пристойныхъ фасадомъ тому мѣсту, на которомъ будутъ построены; по прошествіи же срочнаго откупа и къ времени долженъ откупщикъ оные снять и очистить городскія мѣста или продать магистрату и думѣ, ежели пожелаетъ повольною цѣною; если жъ, паче чаянія (чего да сохранитъ Богъ), во время содержанія его который питейный домъ сгорѣлъ и отъ того послѣдовалъ убытокъ для откупщика въ заготовленныхъ питьяхъ, объ оныхъ откупщикъ никакой претензіи до города имѣть не долженъ и отъ думы требовать награжденія, равномѣрно если бы оное послѣдовало и въ магазеинѣ.

12) Откупщику принятые городской магазеинъ и посуду. до питейной продажи принадлежащія, съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ тамъ же (гдѣ есть) улицы около питейныхъ домовъ и мосты каменные или деревянные, содержать ему, откупщику, починкою въ исправномъ состояніи. не требуя за то зачета или заплаты и сію починку чинить вовремя, то есть тогда, когда нужда того требуетъ, не портя архитектурнаго наружнаго вида строенія, гдѣ оное есть.

13) Вино, употребляемое на продажу, хранить откупщику въ городовомъ магазеинѣ или, какъ въ 8 пунктѣ сказано, у кого нанять повольною цѣною за собственныя свои деньги; по истеченіи жъ откупнаго контракта откупщикъ имѣетъ отдать городской магазеинъ, кому городовые магистратъ и дума поручать, такъ равно и посуду, до питейной продажи принадлежащую, съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ, какъ принялъ; буде же изъ строенія или посуды при возвратной отдачѣ чего не явится, или не такъ будетъ хорошо, какъ принялъ, то откупщикъ имѣетъ заплатить деньгами по оцѣнкѣ, во описи значущейся; буде же откупщикъ что вновь пристроитъ, или прибавитъ, или же вычинитъ, то за пристройки, или прибавки, или починки откупщикъ не имѣетъ чинить требованія о заплатѣ отъ города.

14) Буде откупщикъ въ городѣ Могилевѣ запрещенное куреніе вина или запрещенный привозъ онаго, или запрещенную продажу его, или покупку таковаго усмотритъ, то о томъ откупщикъ имѣетъ приносить жалобу, гдѣ слѣдуетъ по узаконеніямъ.

15) Буде откупщикъ захочетъ производить подвижную питейную продажу въ лагерѣ при полку, или при перевозѣ, или гульбищѣ, или въ палаткѣ, или шалашѣ, то оное дозволяется производить ему на собственныхъ городскихъ земляхъ.

16) Буде откупщикъ въ платежѣ откупной суммы окажется неисправнымъ, то поступлено съ нимъ будетъ по 13 и 14 статьямъ даннаго 1776 года декабря 8 дня постановленія о контрактахъ; въ случаѣ же безнадежности, отрѣша отъ содержанія откупа, отдать на счетъ его и поручителя по немъ другимъ, съ какимъ бы то ни было

ущербомъ, онъ долженъ платить изъ заложеннаго имѣнія или еще какое можетъ оказаться у нихъ.

17) По пріемѣ откупа и во время содержанія онаго въ винномъ магазеинѣ, работу исправлять работникамъ его откупщика, которыхъ онъ и долженъ содержать на всемъ своемъ коштѣ и платежѣ.

18) Всякаго чина или званія люди вино, водку, пиво, медъ, брагу не должны въ городъ ввозить, какъ устава о винѣ во 114, 115 и 116 статьяхъ предписано, но для лучшаго въ томъ смотрѣнія откупщику учредить заставы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пожелаетъ, и столько, сколько ему понадобится, а для разъѣзда въ городѣ и за городомъ команду имѣть на своемъ коштѣ; ежели же кто покупное вино и прочее на сторонѣ въ городъ привезетъ и съ тѣмъ пойманъ будетъ, то онаго для учиненія ему надлежащаго штрафа отсылать куда по законамъ слѣдуетъ; что жъ касается до ввоза въ городъ дворянамъ вина, то объ ономъ поступать, какъ устава о винѣ 60 отдѣленіемъ предписано; но такихъ, которые въ городѣ останавливаться будутъ, привозимое вино ему откупщику или повѣренному его осматривать со всякою пристойностію и отнюдь никакихъ грубостей и наглостей при томъ осмотрѣ не чинить да и на пути для осмотра не останавливать, но препровождая до квартиръ, тамъ осмотры дѣлать, а проѣзжающіе въ городъ возы съ хлѣбомъ, сѣномъ и дровами дозволяется имъ осматривать щупами, нѣтъ ли въ нихъ подвознаго вина, однако не развязывая возовъ, а сверхъ того осматривать и въѣзжающіе въ городъ обозы, съ какими бы товарами ни было, на мѣстѣ, и то гдѣ съ таковыми остановится, не развязывая оные и болѣе одного часа не продолжать и обозовъ отнюдь не останавливать, исключая отъ таковыхъ осмотровъ господъ съ ихъ фамиліями; напротивъ того, если онъ откупщикъ или его повѣренный для выемки корчемства съ данною отъ г-на каменданта командою и въ такіе домы ходить будутъ, въ которыхъ по собственному его осмотру никакого корчемства не окажется, то въ такомъ случаѣ, хотя за крестьянскій домъ и ничего не отвѣтствуетъ, но дворянскимъ, равно купеческимъ и мѣщанскимъ платить слѣдуемое по законамъ безчестье безъ суда; если же кто изъ здѣшнихъ помѣщиковъ или имѣющій на то право горячее вино чрезъ городъ въ другія свои деревни провозить, не запрещать, но смотрѣть самому откупщику, чтобъ оное въ городѣ остановлено не было, а препровождено бъ чрезъ городъ и городскую землю, куда везено будетъ. Г-нъ же комендантъ для выемки корчемства по требованію откупщика и его повѣреннаго имѣетъ давать команду того жъ самаго времени, какъ устава о винѣ 108 и прочіе пункты повелѣваютъ.

19) Въ питейныхъ домахъ продажу питьямъ производить лѣтомъ отъ восхожденія до захода солнечнаго, а зимою отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера; воскресные жъ, праздничные и табельные дни, тако жъ и во время крестнаго хода, продавать напитки на основаніи устава благочинія 203 статьи и прочихъ узаконеніевъ.

20) Повѣренныхъ, писцовъ, служителей и работниковъ къ продажѣ питей и къ прочему употребленію принимать откупщику свободныхъ людей съ указанными пашпортами, кого похотитъ, и съ запискою не только тѣхъ пашпортовъ, но и о поставляемыхъ съ ними договорахъ, гдѣ по указамъ надлежитъ, а бѣглыхъ и безпашпортныхъ людей и другихъ подозрительныхъ никого не имѣть, подъ взысканіемъ за то штрафа, по указамъ. Показанные жъ откупщикъ и принятые имъ прикащики и ихъ служителей всякъ по своему состоянію или дѣлу да будетъ вѣдомъ судомъ или расправою, гдѣ узаконеніями предписано.

21) Въ продажное и заготовленное въ магазеинѣ и питейныхъ домахъ вино водки не мѣшать и другого ничего не дѣлать, ежели же кто въ томъ изобличенъ будетъ, то поступлено съ нимъ будетъ, какъ законы повелѣваютъ.

22) Буде откупщикъ, или въ питейномъ домѣ служитель, или повѣренный учинитъ обмѣръ или обманъ при продажѣ или порчѣ вина, то почтется ему сіе за измѣну личную и притомъ изслѣдовано будетъ порядкомъ уголовныхъ дѣлъ и по изслѣдованіи сужденъ будетъ преступникъ, какъ законами предписано.

23) Въ прочемъ же откупщику или повѣренному его, будучи при содержаніи того откупа, поступить во всемъ, какъ законы повелѣваютъ, непремѣнно; что жъ касается до покупки на вареніе пива, хлѣба и дровъ и прочихъ припасовъ, то откупщику всѣ оныя покупать въ городахъ

и уѣздахъ на законномъ основаніи повольною цѣною и въ томъ ему запрещенія не дѣлать.

24) Но отъ держаніи откупщику урочныхъ лѣтъ оставшее въ магазеинѣ и питейныхъ домахъ вино отъ него принять магистрату и думѣ или будущему откупщику на мѣру съ платежемъ за оное таковой цѣны, по какой имъ будетъ куплено, но отнюдь не выше 500 в. и недороже будущихъ въ то время цѣнъ въ покупкѣ въ прочихъ, равно пива и меду не вышло не болѣе какъ на двѣсти рублей, а буде положена цѣна выше, въ томъ магистратъ и дума или новый откупщикъ не должны быть къ принятію принуждаемы, а должны тѣ напитки вывезены быть изъ города, а сладкой водки не болѣе ста штофовъ.

25) Въ городъ уѣздовъ и выѣздовъ, кромѣ учрежденныхъ дорогъ, другимъ не быть, а гдѣ есть потаенныя малыя дорожки или тропинки, тѣ уничтожить и дозволяется покопать рвы, кои сдѣлать откупщику изъ своего кошта.

26) Касательно до герберговъ и трактировъ быть и поступать на основаніи 1750 и 1765 годовъ указовъ, относительно жъ запрещеній винокуреній по смежности съ городомъ, не имѣющимъ права производить оное, дума, яко въ той части, которая не принадлежитъ до города, не имѣетъ власти, и каковая противность для меня откупщика къ моему подрыву иногда послѣдуетъ, какъ то буде по силѣ состоявшагося правительствующаго сената на представленіе бывшаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора и кавалера Петра Богдановича Пассека въ 21 день октября 1784 года указа, помѣщики, имѣющіе въ трехверстной пропорціи отъ города корчмы, меньшею цѣною горячіе напитки продавать будутъ противъ положенной для продажи въ городѣ, то онъ откупщикъ въ то время самъ просить и стараться гдѣ слѣдуетъ долженъ, не требуя отъ думы за то заплаты или убытка его на откупщика надъ договорную сумму никакой прибавки.

27) Откупщику продавать вино, водки, медъ, пиво и полпиво за узаконенную цѣну, но ежели откупщикъ пожелаетъ для предостереженія себя отъ подвозу корчемнаго вина, таковые напитки продавать нижними цѣнами, то ему того не возбранятъ, дабы расходъ его напитковъ и выручка денегъ не умалились и дабы, охраняя себя отъ подрыву, могъ онъ быть исправенъ въ своемъ дѣлѣ, вырученныя жъ за всѣ оныя питья деньги оставляются откупщику за назначенный въ 1 пунктѣ платежъ откупной суммы, равно и въ 3 пунктѣ изъясненное.

28) Не воспрещается откупщику имѣть пивовареніи и для дѣланія водокъ заведеніе въ здѣшнемъ городѣ, равно не возбраняется ему приготовлять изъ вина всякіе обыкновенные ординарные и на подобіе иностранныхъ подслащенные медомъ или сахаромъ со спеціями разнаго сорта напитки и наливки.

29) Составленіе вѣйновыхъ и на манеръ французской дѣлаемыхъ водокъ дозволяется въ тѣхъ только мѣстахъ, которыя виноградомъ и приуготовляемымъ изъ онаго виномъ изобильны, а во всѣхъ прочихъ, гдѣ виноградъ не растетъ, запрещается, за исключеніемъ тѣхъ только по именнымъ Высочайшимъ или сенатскимъ указамъ заведеній, которыя имѣютъ особыя на дѣланіе вѣйновыхъ водокъ привилегіи, но дабы и на сихъ дѣлаемы были водки изъ однихъ дозволенныхъ припасовъ, то откупщику не воспрещается за симъ имѣть смотрѣніе, а законно сдѣланныя продавать не воспрещать.

30) Ежели откупщикъ для выгоды своей пожелаетъ пиво и портеръ на аглинскій манеръ варить на своихъ или постороннихъ пивоварняхъ, то таковаго пріуготовленія, а равно и продажи того пива и портеру въ позволенныхъ по откупу его заведеніяхъ ему не воспрещается.

Документъ № 16.

Контрактъ на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевѣ.

31) Откупщикъ имѣетъ учредить питейныхъ домовъ столько, сколько его надобность требовать будетъ, шинкарей нанимать повольною цѣною за собственныя свои деньги, однакожъ обязанъ завсегда предпочесть могилевскаго обывателя какъ изъ христіанъ, такъ и изъ евреевъ предъ иногородными. Мѣра же при продажѣ питей не иная должна быть какъ казенная; о платежѣ за вареніе пива и меду на вышинкѣ, буде кто изъ шинкарей варить пожелаетъ, оставляется на волю откупщика, на чемъ они съ нимъ договорятся.

32) Если откупщикъ предъ наступленіемъ

откупа или въ теченіи откупныхъ лѣтъ пожелаетъ кого къ тому откупу принять въ товарищи, въ томъ ему не возбраняется, равномѣрно буде похочетъ и весь свой откупъ или нѣкоторую часть онаго сдать кому изъ своихъ товарищей или и постороннему, то сіе ему позволяется. но съ тѣмъ, дабы таковыя сдачи сдѣланы были съ позволенія городовыхъ магистрата и думы, и съ тѣмъ, буде сдающій откупъ не оставитъ за съемщика своего залога, сей послѣдній новый благонадежный залогъ въ положенномъ законами количествѣ, то изъ залога, взятаго отъ сдающаго откупъ, исключится настолько, сколько отъ вновь вступающаго принято будетъ; а послѣ сего съемщикъ долженъ уже отвѣтствовать исполненіе контракта въ принятомъ имъ откупѣ, сдающій же ни къ какимъ отчетамъ и отвѣтамъ не подвергается; такъ же позволяется откупщику представленный отъ него залогъ перемѣнить другимъ благонадежнымъ и безсомнительнымъ по силѣ законовъ и по мѣрѣ обязанности достаточный.

33) Какъ здѣсь нѣкоторыя церкви, то есть Николаевская, Троецкая, Петропавловская, Успенская блѣжнѣ и дальнѣ Воскресенскія и прочія, по силѣ ихъ привилегіевъ и дозволительныхъ грамотъ, медъ варятъ и продаютъ безъ всякаго платежа за оное въ думу, то и во все постановленное въ контрактѣ время показаннымъ церквамъ продажу онаго имѣть невозбранно, въ чемъ откупщику препятствія никакого не чинить и платежа не требовать и обывателямъ для собственнаго ихъ обыхода какъ медъ, такъ и пиво варить не препятствовать, безденежно жъ по силѣ узаконеніевъ, равно изъ покупного изъ конторы вина дѣлать водки или наливать на разные фрукты не воспрещать, и если у кого изъ обывателей имѣется предъ симъ изготовленныя наливки изъ покупного изъ конторы вина, оныхъ откупщику не забирать и платежа за таковыя не требовать, а пользоваться тѣмъ обывателямъ для своего употребленія не возбранно.

34) Долженъ откупщикъ принять отъ бывшихъ откупщиковъ сколько останется въ магазеинѣ на лицо принятаго ими по прежде заключеннымъ магистратомъ и думою контрактамъ изъ поставокъ госпожи генеральши Пассековой и господина коллежскаго совѣтника Воплярлярскаго не болѣе какъ причитающееся число за продажею ими во время содержанія по расчисленію, въ силу указа бѣлорусскаго губернскаго правленія по день заключенія сего контракта, да особо отъ него г-на Лярскаго таковаго жъ принять въ нынѣшнемъ 1800 году, буде сколько окажется недоставленнаго. съ заплатою за оное денегъ въ положенный въ контрактѣ срокъ, а откупщикамъ по заключеніи контракта безъ замедленія и недалѣе 3 дня съ заплатою въ теченіи одного мѣсяца непремѣнно каждое ведро госпожи Пассековой по два рубля тридцать копеекъ, г-на совѣтника Воплярлярскаго по два рубля; по принятіи жъ онаго вина долженъ откупщикъ въ вѣрномъ платежѣ за таковое слѣдующихъ денегъ обезпечить залогомъ кромѣ того, который къ откупу принадлежать будетъ.

35) Долженъ откупщикъ простого вина принять по особо-заключеннымъ бывшими откупщиками въ прошломъ 1798 году контрактамъ, согласно постановленныхъ во оныхъ условіевъ, а именно: отъ г-на польскаго двора шамбеляна Игнатія Сеноженскаго въ 1800 и 1801 годахъ по три тысячи ведръ, отъ г-на польскаго двора шамбеляна Иларіона Шанявского 1800 и 1801 годахъ по три тысячи шести сотъ ведръ цѣною каждое ведро, какъ въ контрактѣ явствуетъ, по рублю тридцати копеекъ, и особо, въ силу данной откупщиками росписке, какъ они въ репортѣ своемъ магистрату и думѣ донесли въ прибавѣ по пяти копеекъ на ведро, буде въ томъ сумнѣніе; равномѣрно по контрактѣ, съ Сеноженскимъ заключенномъ, который ни въ каковомъ присутственномъ мѣстѣ не явленъ не окажется, заплатить тѣмъ поставщикамъ въ положенные въ контрактѣ сроки непремѣнно слѣдующія деньги, когда только онѣ по онымъ контрактамъ согласны будутъ доставить теперешнему откупщику; а въ случаѣ на сіе не согласны, въ томъ ихъ не принуждать,— равномѣрно и отъ прежнихъ откупщиковъ, буде сколько за продажею останется принятаго ими отъ прописанныхъ въ семъ пунктѣ поставщиковъ съ заплатою имъ по описаннымъ въ контрактахъ цѣнамъ, по принятіи въ теченіи одного мѣсяца, въ вѣрномъ же платежѣ за то вино денегъ въ положенные по контрактамъ сроки долженъ откупщикъ обезпечить залогомъ, особо кромѣ слѣдующаго по откупу и за вино, въ 24 пунктѣ изъясненное.

36) Если жъ откупщикъ во взносѣ за который нибудь мѣсяцъ откупной суммы, какъ сказано въ 1 пунктѣ, окажется не исправнымъ, то взыскать съ его самого и съ отданныхъ за него въ залогъ госпожею генералъ маіоршею Софіею фонъ Бринковою дву сотъ шестидесяти одной души мужеска пола бѣлоруской губерніи бѣлицкаго повѣта въ деревняхъ, называемыхъ Столпняхъ, Химахъ и Углахъ, состоящихъ въ безспорномъ его владѣніи; въ прочемъ таковой контрактъ во всѣхъ его постановленіяхъ чрезъ все отданное двугодичное и десяти съ половиною мѣсячное время соблюденъ да будетъ какъ со стороны откупщика, которому съ сего контракта выдать копію на гербовой бумагѣ шести десяти копеешнаго клейма, такъ и со стороны магистрата и думы свято и не нарушимо.

Документъ № 4.

Янъ Казимиръ, Божіею милостію, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, инфлянтскій, смоленскій, черниговскій и потомственный король шведскій, готскій и вандальскій.

Симъ объявляемъ, кому надлежитъ вѣдать... Неожиданныя затрудненія наступили, когда на врученное намъ отъ Господа Бога царство, не объявляя войны (silentibus armis), съ одной стороны насѣлъ съ несмѣтною силою москаль, нарушившій вѣчный миръ съ вел. княж. Литовскимъ; съ другой—шведъ до окончанія срока перемирія; съ третьей стороны венгерецъ, увлеченный лишь алчностью на чужое государство. Они, какъ будто по данному сигналу, сговорились на погибель отчизнѣ и составили противъ нея враждебный союзъ совершенно неожиданно. Но простеръ Богъ съ неба всемогущую руку и привелъ къ пристани прежней свободы Рѣчь посполитую, согбенную и погруженную въ пучину притѣсненій. Приписывая это божественному Провидѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ прославляемъ безмѣрную божественную благость, всемогущество за освобожденіе отъ непріятеля—москвитянина нашихъ могилевскихъ мѣщанъ вслѣдствіе подъема ихъ собственнаго мужества (proprio motu virtutis), что мы пріемлемъ съ благодарностію и любовью. Ибо, послѣ того какъ счастье измѣнило, непріятель одолѣлъ и они вынуждены были оставаться съ нимъ,—доблестно и съ отвагой порѣшили между собой то, что всѣхъ москалей, бывшихъ въ могилевскомъ укрѣпленіи, вырубили, двухъ же предводителей и высшихъ начальниковъ въ качествѣ подарка отдали намъ чрезъ присланныхъ къ намъ отъ города на нынѣшній общій сеймъ: войта могилевскаго, нашего секретаря, Петра Казановича и шляхетныхъ бурмистровъ могилевскихъ Василія Леоновича и Іосифа Ивановича.

Мы нынѣ съ обычною нашею милостію беремъ ихъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности подъ охрану свою королевскую и покровительство, какъ бы очищая ихъ отъ нѣкоего заблужденія (deviatum). И какъ мы оставили и сохранили ихъ при всѣхъ правахъ, привиллегіяхъ, вольностяхъ, свободахъ, кои милостиво имъ самимъ и церквамъ наданы были нашими предшественниками и нами были подтверждены, такъ и на сей часъ оныя имъ утверждаемъ и одобряемъ въ лучшемъ видѣ и мѣрѣ.

Въ намѣреніи доставить имъ нѣкоторое облегченіе, дабы они могли сберечь болѣе въ имуществѣ и въ торговлѣ и дабы они могли быть болѣе способными къ несенію на будущее время общественныхъ повинностей,—мы навсегда увольняемъ ихъ отъ всѣхъ военныхъ налоговъ, отъ сбора податей (exacti) на подводы [1]), лагерей (stanowie), квартиръ (les), перехода, ночлеговъ и кормленія. А такъ какъ къ болѣе успѣшному согласію душъ и желаній принадлежитъ и то, чтобы наши могилевскіе мѣщане могли заниматься, дружно и безъ столкновеній, судомъ и управленіемъ, имѣя войта изъ нѣдръ магистрата, то мы, нашею королевскою властью воздѣйствовали на войта могилевскаго, воеводу витебскаго Владислава Воловича, и онъ отказался отъ принадлежавшаго ему пожизненнаго права на оное (могилевское) войтовство, о чемъ представилъ намъ офиціальное донесеніе и передалъ магистрату могилевскому и посполству города нашего Могилева полную власть судебной юрисдикціи. Въ силу означеннаго отказа, уступки и оффиціальнаго объявленія, могилевскій магистратъ оную

[1]) Exacti podwod; очевидно, что exacti нужно exactij; вмѣсто же podwod кажется нужно «wojewod»?

юрисдикцію войта имѣетъ свободною для себя и своихъ потомковъ и, за силою настоящей привиллегіи нашей, въ правѣ на вѣчныя времена такъ ее употреблять, что отнынѣ ни мы, ни наши преемники не будемъ имѣть права никому другому вручать того войтовства могилевскаго, какъ только тому, кого законно и по согласіи между собою изберетъ и поставитъ магистратъ совмѣстно съ поспольствомъ. Поставляемый ежегодно по свободному избранію магистрата и сообщества (kommunitatis), согласно городскимъ условіямъ, сей войтъ будетъ имѣть полную власть, но совмѣстно съ магистратомъ, во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ согласно съ давними правами въ своихъ постановленіяхъ (plebiscitum), а равно и право веденія судовъ, постановленія опредѣленій и исполненія ихъ, за исключеніемъ (salva) апелляціи къ намъ и къ суду нашему задворному.

Для избранія должностныхъ лицъ городского управленія имѣютъ наблюдать слѣдующій срокъ: ежегодно 17 декабря; засѣданія же магистрата открываются 1 января новаго года по новому календарю. При этомъ, дабы не показалось, что правосудіе изгнано изъ города нашего Могилева,— явленныя (въ семъ магистратѣ) рѣшенія (dekreta) бывшихъ судовъ, постановленныя во время непріятельскаго (владычества) безъ притѣсненія сторонъ, также крѣпостные акты (zapisy na wiecznosc) и закладныя на недвижимыя имѣнія мы возстановляемъ значеніе ихъ въ должной силѣ, предоставивъ могилевскому магистрату во всемъ полную власть по отношенію къ судебнымъ изслѣдованіямъ и ихъ исполненіямъ, согласно съ нормою магдебургскаго права.

Всѣ цехи мы оставляемъ при порядкахъ и вольностяхъ, данныхъ имъ привиллегіями.

Блаженной памяти король Владиславъ, братъ и предшественникъ нашъ, изволилъ уравнять городъ Могилевъ въ вольностяхъ съ нашимъ столичнымъ городомъ Вильною за его особливыя издержки и заслуги во время московскаго похода и пораженіе московскаго вождя Шеина (?), какъ о томъ шире гласитъ привиллегія короля, данная въ обозѣ подъ Краснымъ въ 31 день августа 1633 года. Сію привиллегію во всѣхъ ея пунктахъ и параграфахъ, въ цѣломъ и въ части, мы подтверждаемъ и одобряемъ, и даемъ позволеніе пользоваться всѣми правами, вольностями и свободами виленскихъ привиллегій.

Утверждаемъ также и то, чтобы, согласно привиллегіи блаженной памяти короля Сигизмунда Августа г. Вильнѣ, данной на общемъ сеймѣ въ Гроднѣ 15 іюня 1568 года,—лица, входящія въ составъ магистрата, не только носили бы титулъ дворянства, но и на будущее время имѣли доступъ къ землевладѣнію (ad possessiones terrestres); а кромѣ того, чтобы (лица магистрата) сами и потомки ихъ, какъ нибудь (aliqua) согласившись фамиліею, употребляли шляхетскія печати и общественную городскую печать съ нижеслѣдующимъ на ней изображеніемъ, а именно: на голубомъ полѣ три башни; въ средней башнѣ надъ воротами на верху Pogonia (=гербъ вел. кн. Литовскаго, т. е. всадникъ съ мечемъ на конѣ); ниже въ открытыхъ воротахъ стоитъ вооруженный рыцарь съ саблей на-голо—это въ ознаменованіе той отваги, которая указана выше. И имѣютъ прикладывать печати изъ червоннаго воска, какъ наша столица Вильна.

Затѣмъ, въ видахъ желанія довести нашъ городъ Могилевъ до такого совершенства, чтобы онъ, какъ пограничный и подверженный набѣгамъ московитовъ (i insaltibus Moscovitis), въ такомъ случаѣ могъ давать лучшій и болѣе мужественный отпоръ непріятелю,—дѣлаемъ обязательнымъ для него, чтобы отнынѣ не позволялось жидамъ ни строиться внутри самаго окопа, ни жить тамъ подъ чьимъ либо вѣдомствомъ, ни имѣть лавки; но они могутъ селиться внѣ окопа, гдѣ была ихъ школа (=синагога), и не ближе какъ на два шнура (=около 50 саженей) до окопа,—тамъ же они (жиды) могутъ заниматься и своими торговыми дѣлами, подъ опасеніемъ штрафа въ тысячу копъ литовскихъ (=около тысячи рублей на нынѣшнія русскія деньги), половину каковой суммы назначаемъ доносчикамъ, а половину въ казну на исправленіе городскихъ окоповъ.

Подъ опасеніемъ того же штрафа не имѣютъ права приближаться съ постройками къ окопамъ мѣщане, развѣ только отступивъ на два шнура отъ окопа. Это—на случай непріятельскаго нападенія, чего нынѣ нѣтъ. При этомъ за свои земли и плацы близъ вала шляхта должна получить отъ магистрата и поспольства могилев-

скаго или уплату, или замѣну; а дома и плацы жидовскіе, поелику они не внесены нашими комиссарами въ предшествующую перепись (praevia taxotione), имѣютъ оплатит- мѣщане наши могилевскіе. Жиды же со всѣхъ домовъ и плацовъ, гдѣ бы они ни жили внѣ окопа, должны нести всякіе государственные налоги.

Ключи отъ могилевскихъ воротъ на вѣчныя времена должны находиться ни у кого иного, какъ при магистратѣ могилевскомъ. И ни городничій, ни могилевскій замокъ не должны ихъ добиваться происками (intrigować). Однако, на тотъ случай, когда неожиданно откроется война и по указу нашему туда будетъ присланъ гарнизонъ (presidium), то на это время ключи будутъ храниться у коменданта нашего.

Означенныя права (wolnosci) и иныя, не выраженныя здѣсь, но наданныя предшественниками нашими городу Вильнѣ, каковыя по желанію нашему должны имѣть силу какъ и выраженныя, должны быть общими и на вѣчность магистратъ и поспольство могилевское въ лучшемъ видѣ и формѣ мы оставляемъ при употребленіи оныхъ въ сравненіи (съ г. Вильною). Именемъ своимъ и преемниковъ нашихъ обѣщаемъ, что мы сохранимъ и преемники наши соблюдутъ помянутый магистратъ и поспольство города нашего Могилева при всѣхъ правахъ и прерогативахъ, одинаковыхъ съ столичнымъ нашимъ городомъ Вильною, и при всѣхъ иныхъ, милостиво имъ отъ насъ наданныхъ.

Въ удостовѣреніе чего, собственноручно подписавшись, печать велик. княж. Литовскаго приложить приказали.

Дано въ Варшавѣ на шестинедѣльномъ общемъ сеймѣ, въ 9-й день мѣсяца іюня 1661 года, королевства нашего польскаго и шведскаго въ тринадцатый годъ.

На оригиналѣ собственноручная подпись королевская такая: Jan Kasimierz, krol.

Подтвержденіе правъ городу Могилеву.

1675 г. 29 ноября, въ Могилевѣ, сія привиллегія его величества короля передъ нами комиссарами его королевскаго величества явлена. Кипріанъ Лапинъ (?) Мортовскій, ротмистръ вел. кн. Литовскаго. Кс. Лт. Бусонскій. Николай Владимиръ Прездѣцкій маршалокъ, секретарь комисіи его королевскаго величества. Свѣрялъ Ис. Валецкій.

X. ПАМЯТНИКЪ СТАРИНЫ.[1])

Псаломщикъ забычанской церкви г. Бартошевичъ доставилъ намъ старинный рукописный ирмологій, о которомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Рукопись сильно пострадала; форматъ ея— 16 д., на каждой страницѣ по семи нотныхъ линеекъ; всѣхъ листовъ уцѣлѣло 242, въ томъ числѣ имѣется 17 лл. съ нотными линейками, но незаписанныхъ. Начала и конца нѣтъ, не достаетъ нѣсколькихъ листковъ и въ срединѣ текста; пагинаціи нѣтъ.

Бумага бѣлая, съ водяными полосками, продольными и поперечными, и съ водяными знаками, однообразными во всей книгѣ.

Задумана книга была роскошно, и первые листы ея, почти до конца литургіи, изобилуютъ киноварью и раскрашенными виньетками, но затѣмъ у переписчика не хватило повидимому времени и онъ писалъ ирмологій съ перерывами, менѣе тщательно и часто безъ киновари. Необходимыя заставки сдѣланы черными чернилами. При такомъ порядкѣ писанія мѣнялся и почеркъ. Написана рукопись мелкимъ полууставомъ, съ значительною частью рукописныхъ буквъ, но онъ часто переходитъ въ крупный уставъ, а отдѣльныя слова и въ рукопись.

Въ составъ книги вошли: 1) Лутѹргіа кіевскаго напѣлѹ; 2) Бг҃огородичны на ѡсемъ гласо́въ; 3) Лутѹргіа пре҃дес҃щенная; 4) Стихира Іѡсафѹ цр҃вчѹ великіа инъдіа; 5) Антифоны на ѡсе҃ гласовъ; 6) Ірмосы недѣ҃ныя на ѡсемъ

[1]) Изъ № 52 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 года.

гласовъ (текстъ безъ нотъ); 7) Ірмосы отъ н ли Ѳоминой до н҃ли ѡ слѣпо҃ъ; 8) Ірмосы разныѧ праздникомъ, начиная отъ новаго лѣта и кончая 16 августа; 9) Ірмосы отъ н҃ли блꙋднаго сына до великаго четвертка (неокончены).

Переписчикъ былъ малограмотенъ и искажалъ начертанія словъ и самыя слова массами. Напримѣръ, постраничныя заглавія стихиры Іоасафа написаны имъ на различныхъ страницахъ такъ: «Стихира гл҃а и҃; Іѡсафꙋ ц҃рвчꙋ великіа индіа»; «ст҃ра іосафꙋ ц҃рвчꙋ великіѧ индіи»; «ст҃ра Іасафꙋ цр҃вчꙋ великіѧ инъдіѧ». Стихира: «Да молчитъ всяка плоть» въ одномъ мѣстѣ написана такъ: «Да мочи всѧка пло человѣча и да стои страхо и трепето и ничтоже зенаго всебѣ да помышлѧють, ц҃рь царующи и гопо гопосвующи хрито бг҃ъ нашъ происходи заклати сѧ... и вопіюще пѣснь алилуія». Въ другомъ же: «Да мочи всѧка пло человѣча И да стои страхо и трепето. И ничто же всебѣ зенаго да помышлѧетъ. Царь бѡ царвующи и гопо гопосвующы Хрито бг҃ъ на происходи заклати сѧ... и поюще пѣснь алилуіа». Такія же искаженія есть и въ напѣвахъ.

Разница между современными текстами и текстами рукописи встрѣчается въ каждомъ пѣснопѣніи. Въ этомъ отношеніи рукопись представляетъ большой научный интересъ. Судя по палеографическимъ даннымъ, рукопись должна быть отнесена къ началу XVIII вѣка, но переписчикъ пользовался несомнѣнно древнѣйшимъ оригиналомъ. Писана книга здѣсь, въ нашемъ краѣ, какъ доказываютъ особенности языка: спорадическое твердое *р* (звѣру, цара), употребленіе *ы* послѣ шипящихъ и др. и сдѣланная переписчикомъ надпись на стихирѣ «Да молчитъ всяка плоть» польскими буквами: «Toyźe tworec». Встрѣчаются и другія польскія надписи, напр. «Bazyley Biełousow rukoiu». «Koniec» и др.

Для образца привожу здѣсь тексты ирмоса рождеству Пресв. Богородицы и стихиры Іоасафу царевичу.

Ирмосъ.

Чуже е матеремъ дѣвою быти и страно дѣва дѣти радати. На тебѣ богородице ѡбое сморение бы. тѣ тѧ всѧ племена зенаѧ непрестанъно величаемъ.

Стихира.

Пріими мѧ, пустыни, ꙗко мати чадо свое во тихое и бемовное нѣдро свое, ѡ прекранаѧ пустыни, волюби бо тѧ паче царьски чертогъ и позлащенны пола, ѿбѣгши ѧ ѿ лукаваго блуница мира сего. Не брани, пустыни, страшилищи своими, и поиду в луги по краному твоему винограду. Вѣтвие твое зеленое движащесѧ ѿ водуха малы вѣтро, и буду ꙗ ꙗкѡ дикій звѣрь еди скитаѧсѧ и бѣгаѧй человѣ, и многомятеныѧ сеѧ жини, сѣдѧ, плача и рыдаѧй во глубоко и дико нѣдрѣ твоемъ. О хрите все царю, не лиши мене небенаго царствіѧ твоего.

Такимъ образомъ, нашъ чудный народный духовный стихъ «Іоасафъ Прекрасный»[1]) имѣетъ своимъ первообразомъ церковную стихиру. Черта весьма любопытная.

Е. Романовъ.

XI. ОСТАТКИ УНІАТСКАГО ХРАМА*).

Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ историческаго Куковячина[1]) и въ такомъ же почти разстояніи отъ ст. Княжицы р.-о. ж. д. на самомъ берегу (лѣвомъ) р. Западной Двины раскинулась деревушка Конаши[2]), щербинской вол. витебскаго уѣзда. Насельники — бѣлоруссы, православные, дворовъ двадцать. Близъ самой деревушки, къ югу, на высокомъ холмѣ, который царитъ надъ окрестностью, находится древнее кладбище. А на немъ, среди вѣковѣчныхъ сосенъ, пріютилась деревянная церковка... Еще съ праваго берега Двины виднѣется крестъ этой церковки, но уже сильно накренившійся на-бокъ. Когда же, взобравшись на могильникъ, приближаешься къ церкви, то съ грустью видишь, что это—только бывшій нѣкогда храмъ Бога Вышняго; нынѣ же—руины. Люди совсѣмъ оставили эту церковку: даже замка не имѣется на единственной ведущей въ храмъ двери.

Пріоткрывъ эту однорядную широкую дверь (ни крыльца, ни паперти нѣтъ и не было) съ невольнымъ чувствомъ страха, что вотъ, молъ, сію минуту очутишься подъ развалинами, вступили мы въ церковь. Глазамъ предстала картина крайне тяжелая... Потолокъ и крыша алтарной части обрушились внутрь храма, и обломки загромоздили полъ алтаря; шатровый досчатый куполъ еле держится на прогнившихъ стѣнахъ и ежеминутно грозитъ паденіемъ; священныя изображенія, во множествѣ покрывавшія стѣны, уже едва замѣтны: совершенно почти исчезли они отъ дождей и непогоды... Даже кирпичный полъ и тотъ отчасти разобранъ чьею-то заботливой рукой.

Но присмотрѣвшись къ картинѣ разрушенія и освоившись съ чувствомъ опасности быть раздавленнымъ,—невольно приковываешься всѣмъ вниманіемъ къ тому, что уцѣлѣло. И чѣмъ дальше разсматриваешь, тѣмъ очевиднѣе убѣждаешься, что этотъ храмъ нѣкогда украшался весьма заботливо: чья то щедрость доходила до желанія не только благолѣпно устроить, но и расписать внутреннія стѣны храма священными изображеніями. Скажемъ однако сначала нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ этой церкви...

Храмъ крестовидный ($4^1/_2 \times 4$ саж.), съ шатровымъ 8-граннымъ куполомъ. Въ куполѣ 4 небольшихъ оконца; въ стѣнахъ храма три окна, по одному съ западной, сѣверной и южной стороны, кои устроены почти у самаго потолка. Выстроена церковь изъ прекрасныхъ сосновыхъ брусьевъ и снаружи обшита (горизонтально) досками. Крыта гонтомъ (?); крестъ одинъ,—на куполѣ. Къ алтарю съ обѣихъ сторонъ придѣланы ризницы. Снаружи церковь безъ покраски.

Входъ въ храмъ съ западной стороны. Алтарь правильно на востокъ. Высотою церковь отъ пола до потолка около 2 саж.

Внутри вся церковь была выкрашена. Куполъ былъ окрашенъ въ голубой цвѣтъ, съ росписями: въ самомъ верху въ центрѣ купола, вѣроятно, было изображеніе Св. Троицы,—по крайней мѣрѣ такъ можно заключать по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ чертамъ. Куполъ опирается на карнизъ, который вѣнчаетъ предбарабанный кубъ; на каждой изъ стѣнокъ этого куба написано по евангелисту: Іоаннъ на западной, Лука на южной, Матѳей на сѣверной и Маркъ—на восточной. Какъ барабанъ такъ и стѣны церкви были окрашены въ свѣтлорозовый цвѣтъ клеевою краскою; цоколь же сдѣланъ полъ сѣрый мраморъ въ плитки.

*) Изъ №№ 56 и 58 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

[1]) См. Ист. отеч. войны 1812 г. Богдановича, т. 1, стр. 193—197.

2) Конаши, Коныши, Каныши—всѣ три названія одинаково слышатся у аборигеновъ. Любопытное названіе. Корень чисто славянскій (несомнѣнно) конъ (ис-кони) Авт.—Позволимъ себѣ дополнить это замѣчаніе автора. Названіе Конаши—патронимическое. Основателемъ деревни былъ нѣкто Конашъ, древнерусское названіе Конона, употребляющееся у бѣлоруссовъ и доселѣ. Отсюда и фамилія Конашевичъ. См. м. пр. Морошкина, Слав. именосл., 102. Мѣстный бѣлорусскій говоръ безударное *а* произноситъ краткимъ *ы*. Отсюда Каныши, Коныши и даже Кѣныши, какъ официально и зовется эта деревня по спискамъ волости (Кныши). Ред.

Весь алтарь былъ расписанъ снизу до верху. Дожди смыли изображенія настолько, что понять сюжетъ трудно. Можно полагать, однако, что тутъ были изображены отдѣльные моменты изъ Тайной вечери и Моленіе о чашѣ. Заалтарная стѣна вся занята кіотомъ въ уніатскомъ (вѣрнѣе латинскомъ) духѣ (ołtarź), съ свящ. изображеніями Благовѣщенія и Приснодѣвы, попирающей змія, а также и другими—съ цѣлымъ рядомъ надписей, сдѣланныхъ латиницей. Къ сожалѣнію, разобрать надписи не представляется возможности.

Росписями украшенъ и одинъ юговосточный уголъ въ средней части храма. Крыша надъ этимъ уголкомъ еще держится и сохранила намъ, хотя и не вполнѣ, священныя изображенія, покрывавшія этотъ уголъ храма.

Чтобы понимать особое значеніе этого угла храма, необходимо обратить вниманіе на то, что въ этомъ углу сдѣланъ былъ боковой алтарь. Престолъ (дл. 2 арш., шир. 1 арш.) приставленъ къ иконѣ свят. Николая Чудотворца Мирликійскаго, писанной на полотнѣ, наклеенномъ на доску (2 арш. × 1 арш. 3 верш.) въ простенькой рамѣ.

Свят. Николай изображенъ (съ бородою), въ митрѣ съ крестомъ на верху; одѣтъ въ фелонь и омофоръ; съ шеи спускается на цѣпочкѣ четырехконечный крестъ—въ видѣ ордена; лѣвою рукою святитель прижимаетъ къ груди евангеліе, правой благословляетъ. Къ рамѣ прикрѣплены 8 небольшихъ, обрѣзанныхъ узоромъ, дощечекъ (въ родѣ медальоновъ) и на каждомъ медальонѣ отдѣльное выраженіе изъ акаѳиста св. Николаю.

Надписи эти сдѣланы латиницей въ такомъ порядкѣ:

1) Вверху рамы посрединѣ: «Радуйся Николае чесная главо»[4]). 2) На верхнемъ правомъ отъ зрителя углу: «Радуйся Николае пастырю великій». 3) На срединѣ правой стороны рамы: «Радуйся Николае столпе церковный». 4) Ниже на углу рамы: «Радуйся Николае избавителю готовый». 5) Внизу на срединѣ рамы: «Радуйся Николае чесный ойче». 6) На углу слѣва: «Радуйся Николае вирнымъ утвержденіе». 7) На срединѣ лѣвой стороны: «Радуйся Николае пресвитлый свитыльниче». 8) На верхнемъ лѣвомъ углу: «Радуйся Николае Троицы Святые чесный сосуде».

Внизу къ рамѣ этой иконы (вѣроятно, сравнительно недавно) прибита сосновая некрашеная дощечка для установки свѣчъ предъ иконою. Подъ этою дощечкой сдѣланы въ два столбца новыя подписи, тоже латиницей. Съ лѣвой стороны отъ зрителя: «Правило виры и образъ кротости... | (нѣсколько словъ очевидно уничтожено) за тя стаду твоему Хрис | тосъ Богъ. Святителю Николае | Въ Мирихъ бо миромъ благо | ухая сіяютъ свитло Божест | венныя твоя исцеленіа». Въ правомъ столбцѣ: «Сирымъ и вдовицамъ предста | телю; тымже моля не престай | спастыся душамъ нашымъ, | душамъ нашымъ. | Стыхира».

Внизу за надписями (только что приведенными) къ образу св. Николая приставленъ тотъ престолъ, о которомъ мы сказали выше. Передняя часть этого престола украшена изображеніемъ особой композиціи. Изображено всѣхъ пять фигуръ. Въ центрѣ фигура, одѣтая въ монашеское платье, поднятыми кверху руками держитъ большую книгу, въ черномъ переплетѣ, на коемъ написано: «Heresis Albiensium»[5]). Эта книга какъ будто должна быть брошена на землю, къ ногамъ... Слѣва отъ этой фигуры—вторая въ особомъ головномъ уборѣ: полуоборачиваясь къ третьей фигурѣ, въ образѣ ксендза, который изображенъ въ состояніи глубокой думы, съ перстомъ правой руки, приставленнымъ ко лбу,—вторая фигура спокойно держитъ въ рукахъ фоліантъ въ черной оправѣ. Справа отъ центральной фигуры—также двѣ, изъ коихъ одна, бородатая, стоитъ въ нѣмомъ созерцаніи того, что происходитъ около, а другая (послѣдняя) полуоблокотилась на раскрытую книгу, на 2-хъ страницахъ которой была нѣкая, довольно длинная, надпись (строкъ 7—8 на каждой сторонѣ). Надпись исчезла.

Описанный кіотъ приставленъ плотно къ стѣнѣ, на коей сдѣланъ по полотну, наклеенному на бревна, цѣлый рядъ другихъ изображеній.

[4]) Такимъ образомъ: Radujsia Nikołaje czesnaja Hlawo, и т. д.

[5]) Не хотѣли-ль этимъ сказать—Бѣлоруссовъ, см. «Альбигойцевъ».

Симетричность ихъ расположенія по отношенію къ помянутой иконѣ св. Николая чуд. показываетъ, что эти изображенія должны быть поставлены въ связь съ этимъ образомъ, представляя въ своей совокупности нѣчто въ родѣ одного кіота. Такъ, по сторонамъ образа св. Николая чуд. на стѣнѣ изображено по одной колоннѣ; на колоннахъ же—изображенія въ архіерейскихъ облаченіяхъ и съ жезлами архіерейскими. Надписей нѣтъ; самыя фигуры сохранились неясно.

Надъ иконою св. Николая упомянутыя колонны соединены общимъ карнизомъ, на которомъ опять утверждены двѣ колонны съ капителями въ коринѳскомъ стилѣ. Между колоннами сдѣланы были три изображенія въ такомъ видѣ: въ срединѣ, въ особомъ медальонѣ, колѣнопреклоненный святитель въ митрѣ, съ крестомъ, и въ архіерейскомъ облаченіи; волоса на головѣ длинные, на бородѣ—средніе; правая приподнятая рука указываетъ на небо; лѣвая покоится на жезлѣ; вправо отъ святителя изображеніе Св. Духа, съ лучами исходящими во всѣ стороны; слѣва—горящій факелъ, обвитый лентою, на коей сдѣлана надпись: «Talis est Basilius magister». Вверху же надъ изображеніемъ святителя надпись:—«Ст. Василій Великій».

Поближе къ самымъ колоннамъ съ обѣихъ сторонъ св. Василія Великаго видны остатки изображеній также святительскаго сана: въ митрахъ, въ фелоняхъ съ омофорами и съ архіерейскими жезлами. Разобрать композицію этихъ изображеній и надписи не представляется возможности. Не представляютъ ли эти два лица святителей Іоанна Златоуста и Григорія Двоеслова?

Выше къ потолку надъ описанными изображеніями новые три медальона, обвитые пальмовою вѣтвью. Въ каждомъ изъ этихъ медальоновъ особое изображеніе съ надписью внизу подъ каждымъ, а именно: подъ среднимъ «К. М. Архіепп Іосифатъ», справа (отъ зрителя) «Ст. Ѳеодосій Печерскій»,—слѣва «Ст. Антоній Печерскій».

Это любопытное сочетаніе Іосафата Кунцевича съ основателемъ и устроителемъ Кіево-Печерской лавры, вѣроятно, имѣло свидѣтельствовать о той исторически ложной, но излюбленной латино-уніатскими писателями мысли, что унія принята русскимъ народомъ еще съ крещеніемъ, и что въ уніи просіяли еще задолго до Кунцевича такіе подвижники, какъ св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе. Послѣдніе изображены въ мантіяхъ и голубыхъ схимахъ съ 4-хъ конечн. крестами; головы безъ убора; волоса длинные, бороды умѣренныя. Въ правой рукѣ преп. Антоній держитъ книгу, которую прижалъ къ груди; въ приподнятой кверху лѣвой рукѣ держитъ чотки. Преп. Ѳеодосій, какъ будто изображенъ такъже, какъ и пр. Антоній, но изображеніе пострадало сильно. Изображеніе Іосафата Кунцевича вѣнчаетъ всю группу изображеній описываемой части храма. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что изображеніе сдѣлано не прямо въ медальонѣ, а въ восьмиконечной звѣздѣ, лучи коей далеко расходятся во всѣ стороны. Іосафатъ Кунцевичъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи православной церкви прижатыми къ груди руками поддерживаетъ большой крестъ съ распятіемъ, который лежитъ у него на плечѣ. Въ головѣ изображенъ топоръ на длинной рукояткѣ. Съ лѣвой стороны отъ Іосафата Кунцевича изображенъ крестъ; съ правой—архіерейскій жезлъ, но безъ сулка. Два ангела держатъ надъ головой Кунцевича корону...

Непосредственно къ описанному кіоту съ южной стороны примыкаетъ полотнище, отъ низу до потолка, шириною арш. $1^1/_2$, разрисованное медальонами своеобразной формы. Въ трехъ изъ этихъ медальоновъ находятся изображенія отдѣльныхъ эпизодовъ изъ житія св. Николая чуд., а въ трехъ меньшихъ подписи къ предыдущимъ. Такъ, въ самомъ верху изображенъ наполненный людьми корабль, обуреваемый морскими волнами. На кормѣ является св. Николай чуд. и простираетъ на волны свою десницу. Подъ этимъ изображеніемъ подписано «Kowczeń» и дальше въ особомъ медальонѣ надпись по-польски, въ коей разсказывается смыслъ изображенія, что нѣкоего купца Даніила корабль, находившійся въ опасности крушенія, былъ спасенъ явленіемъ святителя, каковое чудо обратило ко Христу всѣхъ плывшихъ на кораблѣ язычниковъ.—Слѣдующій медальонъ заключаетъ въ себѣ вторую картину. Св. Николай удерживаетъ своею рукою мечъ, занесенный палачомъ надъ головами трехъ воеводъ. На картинѣ представленъ эшафотъ,

позорный столбъ съ кольцами и флюгеромъ; палачъ въ кунтушѣ и красной накидкѣ; у казнимыхъ на глазахъ повязки. Въ медальонѣ подъ этимъ изображеніемъ такая подпись (латиницей): «Трiехъ воєводъ христіанъ: [6]) Павла, Стефана и Купріяна одъ напрасныя смерти святитель Николай ратуетъ; спекуляторъ же зъ чуду святителя въ монастыры Барскимъ воспрыя».—Въ новомъ медальонѣ изображеніе святителя Николая, который съ облаковъ бросаетъ три кошелька съ деньгами въ домъ бѣдняка, чтобы спасти отъ распутной жизни его троихъ дочерей... Надписи къ этому изображенію уже нельзя разобрать.

Соотвѣтствующій уголъ церкви съ сѣверной стороны разрисованъ изображеніемъ сѣни съ короною наверху. Къ этому, по стѣнамъ церкви въ различныхъ мѣстахъ изображены вѣнки. На балкѣ же, которая поддерживаетъ хоры, на сторонѣ къ срединѣ храма была какая то надпись на польскомъ языкѣ, въ двѣ строки, на протяженіи всей балки (2 саж.); къ сожалѣнію, надписи разобрать нельзя.

Изъ отдѣльныхъ иконъ на стѣнахъ этой церкви осталось немного. Двѣ висятъ на южной стѣнѣ храма. Одна въ средней части, почти подъ окномъ, въ простой рамѣ изображеніе Пресвятой Дѣвы, на полотнѣ (ок. $^3/_4 \times ^3/_4$ арш.) Въ хитонѣ, съ короной на головѣ и бусами на шеѣ, Пресвятая Дѣва руками распростираетъ порфиру. Въ лонѣ у нея изображенъ Св. Духъ въ видѣ голубя, впереди ея сидящій на тронѣ Богъ-Отецъ, поддерживаетъ перекладину креста съ распятымъ на немъ (3 гвоздя) Іисусомъ Христомъ. Вторая подъ хорами, близко къ выходу изъ церкви, икона св. Николая на холстѣ . (1 арш. 9 верш. × 1 арш.). Внизу на этой иконѣ надпись «А. I г. 1768 odnowiony». Святитель въ саккосѣ, омофорѣ и митрѣ. Правою рукой благословляетъ (замѣтно уклоненіе отъ перстосложенія церкви православной); на обычномъ мѣстѣ надпись «С. wuz—Nikolai»; чуть пониже уже обнаруживаются слѣды старой надписи: «Святитель Христовъ Николай». Характеръ начертанія буквъ этой прежней надписи даетъ право относить настоящую подновленную въ 1768 году икону смѣло къ XVI вѣку.

[6]) Такимъ образомъ: Trijech wojewod christian и т. д.

Нельзя обойти молчаніемъ и еще одну икону, которая нами осмотрѣна въ этомъ храмѣ. Она стоитъ подъ хорами и, несомнѣнно, представляетъ часть иконостаса. Уцѣлѣла мѣстная икона Спасителя въ одной связи съ иконой архидіакона Стефана. Послѣдняя на завѣсахъ, кои свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ назначеніи этой иконы; это—остатокъ южной двери. Размѣръ иконъ 2 арш. 4 верш. × 14 вершк. На иконѣ Спасителя славянская надпись: «Пріидите, благословенніи, наслѣдуйте уготованное вамъ царство» и т. д.

Быть можетъ, подъ обломками потолка и крыши гніютъ и другія иконы [7]) изъ иконостаса, который, несомнѣнно, былъ въ этой церкви. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нарочито устроенная балка, перекинутая вверху съ сѣв. на южную стѣну при устьѣ алтарной части. Отсутствіе покраски на нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣхъ угловъ, къ которымъ примыкалъ иконостасъ—другой безспорный свидѣтель того, что здѣсь былъ иконостасъ. Что же касается установки престола, то онъ уже не среди алтаря водруженъ, а придвинутъ къ алтарной стѣнѣ...

Мы кончили описаніе свое... Излишними быть можетъ подробностями мы желали насколько можно выяснить историко - археологическое значеніе описаннаго храма... Надѣемся, что уже на основаніи настоящаго нашего сообщенія всякій, сколько-нибудь знающій Бѣлорусскую старину, поймемъ, что это «уніатскій» храмъ, уцѣлѣвшій до насъ со второй половины XVIII в.[8]) И какъ характерно отлилась здѣсь унія, этотъ неудачный сплавъ православія и латинства? Тутъ мы находимъ иконостасъ и въ то же время уже престолъ у самой восточной стѣны; тутъ встрѣчаемъ любопытную смѣсь кириллицы и латиницы; церковнославянскій, латинскій и польскій языки перемѣшаны точно въ какомъ-то калейдоскопѣ. Наряду съ именами православнаго типа (св. Николай чуд., преп. Антоній и Ѳеодосій Печерск.) мы уже встрѣчаемъ «б. м. Іосафата»

[7]) По крайней мѣрѣ мы лично замѣтили образъ (мѣстный) Богоматери. Авт.

[8]) Дата на иконѣ св. Николая (1768) характеромъ буквъ весьма напоминаетъ надписи на медальонахъ къ другой иконѣ сего же святителя и росписей. Посему утверждаемъ эту дату. Авт.

Кущевича и непонятное сочетаніе стоящей Дѣвы Богоматери съ «Отечествомъ».

Не можемъ выразить всей жалости нашей, что намъ пришлось осмотрѣть эту церковь, когда уже безвозвратно погибли ея внутреннія украшенія!.. Какъ жалко, что не нашлось силы, которая могла бы поддержать и сохранить этотъ рѣдкій пережитокъ уніатской старины нашей...

Любопытно отмѣтить, что мы нашли образъ св. Николая чудотворца убраннымъ полотенцами и даже остатки конеечной свѣчи желтаго воска, которую, какъ видно, кто-то изъ боголюбивыхъ душъ еще недавно вжигалъ на свѣщникѣ въ этомъ разрушенномъ храмѣ... Святое чувство къ своему храму еще и донынѣ живо въ сердцахъ конашевцевъ; но не было у нихъ доброй инициативы... Богослуженіе со времени возсоединенія въ ней не совершалось... [9]) Крестьяне забыли даже, во имя какого святого былъ ихъ храмъ. Правда, одинъ передавалъ, будто во имя Іоанна Предтечи; но тутъ же добавилъ, что было три престола и дѣды, кромѣ Ивана, праздновали Благовѣщеніе и Воздвиженіе креста Господня...

Къ своему описанію можемъ добавить, что однимъ нашимъ сотрудникомъ былъ снятъ храмъ этотъ какъ мы его застали въ день осмотра (19 іюня 1902 г.) снаружи, и, что можно было, внутри.

Дм. Ив. Довгялло.

[9]) Но съ другой стороны, конашевской церкви уже нѣтъ въ спискахъ 1839 года. Ред.

XII. Къ біографіи игумена Ореста. [1])

Г. П. Горючко сообщаетъ въ «М. Еп. Вѣд.» слѣдующія біографическія свѣдѣнія о нашемъ лѣтописцѣ игуменѣ Орестѣ.

«Орестъ Костко (Онуфрій Стефановичъ)—авторъ извѣстныхъ записокъ, напечатанныхъ (съ пропусками) во II и V томахъ «Археографическаго Сборника». Отецъ его былъ уніатомъ, но потомъ обратился въ православіе и служилъ священникомъ при гомельской Троицкой церкви. 11 марта 1784 г. въ св. синодъ прислано было отъ архіепископа Георгія доношеніе, что о. Костко «оказался въ неотправленіи прошлаго 1783 г. въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества (24 ноября) подлежащей по табели церемоніи, обращается въ пьянствѣ и другихъ развращенныхъ поступкахъ, а сверхъ того произносилъ въ пьянствѣ же нѣкоторыя дерзостныя и неистовыя (въ томъ доношеніи прописанныя) слова»; владыка «полагалъ мнѣніе о лишеніи его Костки священства и потомъ, яко страха и подданническаго благоговѣнія къ высочайшей особѣ неимѣющаго, отослать для поступленія съ нимъ по законамъ въ свѣтскую команду». Св. синодъ предоставилъ преосвященному наказать о. Костко «по (своему) разсмотрѣнію». Владыка, повидимому, ограничился переводомъ о. Стефана изъ Гомеля въ Гайшинъ на мѣсто второго священника. Въ 1796 г. о. Костко скончался. 12 февраля 1796 г. «м. Гайшина отъ священнической жены вдовы Маріи Косткиной» подано было «великому господину преосвященнѣйшему Аоанасію Вольховскому, епископу могилевскому и полоцкому», слѣдующее „нижайшее прошеніе“: „Мужъ мой церкви гайшинской половинный настоятель священникъ Стефанъ Костко сего февраля перваго числа волею Божіею преставился, оставя по себѣ сиротъ: трехъ сыновей и одну дочь, изъ коихъ два сына обучаются въ семинаріи. Но какъ изъ нихъ ни одинъ во священство къ заступленію отеческаго мѣста по младымъ ихъ лѣтамъ еще не способенъ, а къ обученію ихъ и воспитанію другихъ меньшихъ при вдовствѣ моемъ и недостаткахъ предвидя я трудность, упросила на мѣсто мужа моего безмѣстнаго и одинокаго старика, бывшаго при церкви пѣтуховской священника Якова Кащица, который согласенъ будучи на сіе, уступаетъ на сиротъ до совершенныхъ лѣтъ большему сыну моему половинную часть доходовъ». Владыка положилъ резолюцію: «Впредь до резолюціи быть священнику Якову Кащицу на положенномъ договорѣ». Кащицъ вскорѣ переведенъ былъ въ Дриссу, а на

[1]) Изъ № 62 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

его мѣсто въ Гайшинъ въ сентябрѣ 1796 г. поступилъ священникъ Симеонъ Галковскій.

По кончинѣ родителя трудно жилось Костко. Онуфрій съ 1791 г. обучался въ могилевской семинаріи «съ низшихъ классовъ»; прослушавъ годъ риторику и „не имѣя чѣмъ снабдѣвать себя“ въ будущемъ, Костко 15 января 1798 г. подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ буйницкій монастырь за послушника. Резолюція была отложена до пріѣзда вновь назначеннаго преосвященнаго Анастасія. Владыка прибылъ въ Могилевъ 31 января. Семинаристовъ на лицо оказалось всего 60, хотя по вѣдомостямъ за 1796 г. ихъ показано было съ небольшимъ сто: прочіе находились въ своихъ домахъ, считаясь семинаристами. Преосвященный Анастасій немедленно принялся собирать этихъ „разсѣянныхъ“. Между прочимъ владыка обратилъ вниманіе и на Костко. Послѣдствіемъ этого было то, что Онуфрій Стефановичъ 6 февраля (1798 г.) подалъ прошеніе объ обратномъ пріемѣ его въ семинарію, въ бурсу на казенное содержаніе. Преосвященный положилъ резолюцію „проситель каковыхъ былъ успѣховъ и поведенія, семинарскому правленію подписать на семъ прошеніи“. Отзывъ данъ былъ благопріятный. 20 февраля (1798 г.) владыка опредѣлилъ: „о принятіи его въ семинарію, явиться къ господину префекту; а жительство до времени имѣть въ домѣ нашемъ, гдѣ и нынѣ живетъ, и пользоваться также пищею“. Благодаря преосвященному Анастасію, Костко „кончилъ курсъ философіи и богословіи, притомъ греческаго языка, и между тѣмъ находился при семинаріи чрезъ полтора года сеніоромъ“. Съ сентября 1801 г. по декабрь 1804 г. включительно Костко былъ учителемъ невельской духовной гимназіи. 2 ноября 1802 г. Онуфрій Стефановичъ постриженъ былъ въ монахи, съ именемъ Ореста, игуменомъ невельскаго Преображенскаго монастыря, директоромъ тамошней гимназіи, Захаріей Полонскимъ. Молодой инокъ, повидимому, не отличался смиреніемъ. На докладѣ консисторіи отъ 29 января 1803 г. о производствѣ Ореста въ іеромонаха преосвященный Анастасій написалъ: „Навыкнувъ къ монашескому житію, пусть явится въ вакацію, чтобы умъ безъ киченія позналъ на все полезное благочестіе подъ руководствомъ директора“. 20 іюля 1803 г. Орестъ удостоенъ былъ священства. Въ декабрѣ 1804 г. Орестъ назначенъ былъ комисаромъ могилевской семинаріи; но онъ, отказываясь нездоровьемъ, не выѣзжалъ изъ Невеля. По этому поводу архіепископъ Анастасій 7 мая 1805 г. писалъ игумену Захаріи: „Орестъ не принуждается, когда не имѣетъ своей умнодоброй воли“. Почти два года Орестъ прожилъ въ Невелѣ безъ должности. Новый преосвященный Варлаамъ Шишацкій вызвалъ его въ Могилевъ и поручилъ ему сперва казначейство, а затѣмъ и экономство архіерейскаго дома. Время архіерейства Варлаама (1805—1813 гг.) было лучшей порой въ жизни Ореста. Скончался онъ въ 1850 г.“

Рукописная лѣтопись игумена Ореста хранится въ виленской публичной библіотекѣ (рукопись № 300).

XIII. КЪ ИСТОРІИ МОГИЛЕВА. [1])

Въ могилевскомъ церковномъ древлехранилищѣ находится одинъ рѣдкій, и можно сказать единственный, документъ, на который мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе людей науки и изслѣдователей западнорусской старины.

Документъ этотъ «регистръ» или полный списокъ гражданъ города Могилева за 1636 годъ, съ указаніемъ земельныхъ участковъ, которыми они въ то отдаленное время пользовались.

По внѣшнему виду документъ представляетъ изъ себя обычную канцелярскую книгу, въ листъ писчей бумаги; книга была нѣкогда переплетена, но затѣмъ переплетъ изорвался и утратился; повидимому, это было недавно, такъ какъ книга сохранилась вполнѣ за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ въ концѣ. Бумага книги однообразная, съ едва замѣтными густыми горизонтальными ли-

[1]) Изъ № 66 „Могил. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

ніями и съ девятью водяными вертикальными. Водяной фабричный знакъ на всѣхъ листахъ одинаковъ. Это обычный щитъ, увѣнчанный вверху короной съ тремя крестами, и на полѣ котораго изображены двѣ змѣи въ стоячемъ положеніи съ изогнутыми въ противоположныя стороны головами. Положеніемъ своимъ онѣ даютъ фигуру вазы. По сторонамъ щита—слѣва буква M, справа B. Бумага заграничная, вѣроятнѣе всего гданская (данцигская).

Книга безъ пагинаціи; но на большей части страницъ на верху текста указаны заголовки городскихъ сотенъ, такимъ образомъ: на лѣвой страницѣ надпись: сотъня, а на правой—Выгонъская и т. д. Такихъ заголовковъ не имѣетъ только одна сотня (Перехрестинская), морги больные, волоки местскія и сѣножати.

Всего въ книгѣ 84 листа, или 168 страницъ. Неписанныхъ листовъ шесть: 1 въ началѣ книги, 1 въ концѣ и 4 въ срединѣ, между сотнями.

Содержаніе рукописи слѣдующее:

На первой страницѣ на верху крестъ + и слова: «In nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti. Amen». Вторая страница чистая. На третьей вверху крестикъ +, польская надпись: «W roku 1636» и ниже заголовокъ: **Сотъня Папи ска**я. Подъ заголовкомъ идетъ перечисленіе гражданъ названной сотни, съ указаніемъ количества земли у каждаго. Списки эти ведутся столбцомъ, такимъ образомъ:

Семенъ Шкъсютиничъ прут. пол к
Яцько Кушънеръ прут. пол к
Улита Митьковая прут. пол к
Хатимья Бруиха прут. пол к
п(анъ) Вуколъ Ивановичъ бурмистръ прут. к
и (ани) Богдановое бурмистровое моркговъ к
Авсей Семеновичъ Бутакъ прут. г и чверть
Феся Ехимовая прут. кг, шгородъ
Жданъ Скарботичъ прут. s, а шписныхъ пол s прут.,

и такъ далѣе, безъ нумераціи.

По окончаніи сотни Папинской приписка:

«В то же Паписко сони плитъницы:
Еско Леньковъ прут. к
Спиридонъ Соболевъ прут. г
Мартинъ Кладинога прут. к
и такъ далѣе.

Затѣмъ замѣтка: «Поту сотъни Папиское». Далѣе такимъ же порядкомъ переписаны сотни:

2) **Косковская** и въ ней ровъ Илинскій. Приписка:

«В то же сони за валомъ на моркго пруты померены».

и при этомъ перечисляются огороды. Затѣмъ опять: «Потуль сотня Косковская» и т. д.

3) **Сотъня Триснинская**. Къ ней приписки: «Въ той же сотни за валомъ домы и огороды, Пляцы Мышкинские.

Въ той же сотни на уволокахъ задубровленскихъ пруты при домохъ померены въ початку».

4) **Выгонская**. Къ ней приписка: «В той же сотни Выгонской домы, которые чернцомъ Братскимъ досталисе» и—«в той же Выгонской сотни местскихъ домовъ замковые зашъли.»

5) **Доброселовская**. Къ ней приписка: «В той же сотни домов местских которые до замъку отошли».

6) **Ледковская**. Къ ней приписка: «В той же сотъни ледковской на уволокахъ пруты при домохъ померены».

7) **Нагорская**. Безъ приписокъ.

8) **Курденевская**. Къ ней приписка: «В той же сотни за валомъ домы и шгороды. Уволочъные шгороды».

9) **Гривлянская**. Къ ней приписка: «В той же сотъни домы за валомъ».

10) **Слободская**. Безъ приписокъ.

11) **Березская**. Тоже.

12) **Луполовская**. Тоже.

13) **Зарецкая**. Тоже.

14) **Покровская**. Тоже.

15) **Встрозская**. Въ концѣ приписка:

«Потуль сотни Встрозские. Кляшторныхъ домовъ, и которые до фары належатъ, тедыжъ тыхъ не писал.»

16) **Перехрестинская**. Приписка:

«В той же сотни которые домы месту пущоны ѿ п҃на Шванского». И при нѣкоторыхъ домахъ отмѣтка: «Прутовъ не ведомо. Померу не было». Въ концѣ: «Потуль всее сотьни Перехрестинское».

Перехрестинской сотней оканчивается ихъ перечисленіе.

Далѣе слѣдуютъ:

1) **Моркги поные** на горе Спаско.

Здѣсь поименованы:

а) Першая л а в а ѿ рову Куръденевъского напервей.

б) Лава концами до першое.

в) Лава до второе.

г) Лава концами до треттее.

д) Лава концами до четвертое.

е) Лава концами до пятое.

2) **Моркги** за рекою Дубровною померены при стене волочъной, ѡбрубу Задубровленского и при уличныхъ плацахъ местскихъ.

Здѣсь слѣдующія лавы:

а) Лава концомъ до реки Дубровны.

б) Лава концомъ (пропускъ), а другимъ к дорозе княжицкой.

в) Лава к дорозе княжицкой.

г) Лава концомъ до четьвертое.

д) Лава концомъ до улицы Боярское.

е) Лава концомъ до шестое, за улицу Боярскую.

ж) Лава на горе Иллинской концомъ до стены уличьной, а другимъ до плацовъ уличьныхъ.

з) Лава концомъ до девятое.

Потуль всих моркговъ польных и которые на пруты тые ж моркги померены.

3) **Волоки** м е с т с к і я.

а) Ѡбрубу Задубровленского, волокъ н҃, кгрунту середнего.

б) Ѡбрубъ Трисненский, уволокъ з҃з, кгрунъту середьнего.

в) Ѡбрубъ Ледковскій, волокъ м҃в, кгрунъту середьнего.

При том же ѡбрубе Ледковскомъ межы ѡбрубу Тесеньского застенакъ по конецъ уволокъ местскихъ межы ровами на двух концахъ.

г) Ѡбрубъ Тесеньскій, волокъ н҃є, къгрунъту середьнего.

Къ нему приписка:

«У вобрубе Ледковскомъ моркговъ н҃к держыт Радька Павъловичъ, с того застенку плату грошей л҃в. Тамъ же Есьманъ Гарбачовъ нановe»...

д) Ѡбрубъ Дубенецкій, волокъ к҃с, кгрунъту середьнего.

«Потуль всихъ волокъ местскихъ, платныхъ и неплатныхъ, чарнецких, церковныхъ и пушкарскихъ».

Здѣсь на поляхъ много отмѣтокъ: Чарнецкая, Церковная, Пушкарская, Писарская, Впусте, Волный.

4) **Сеножати** м е с т с к і я. Надъ рекою Днепромъ, изъ выгона Курденевского, подле горы, къ Бородчычомъ.

Другая лава.

Третяя и четвертая лава къ кургану альбо выгону месътъскому под Бородъчычы.

5) **Сеножати** внизъ реки Днепра, за речкою Дубровною, к Буйничомъ, тремя лавами.

Першая лава—береговая.

Другая лава—середняя.

Треттяя лава—одъ поля.

6) **Сеножати** за рекою Днепромъ, уверхъ ѡтъ Луполова.

Лава береговая.

Лава вторая до бору.

7) **Сеножати** внизъ реки Дънепра ѿ выгону.

Лава береговая. Тутъ записанъ «попъ Троецъкій».

Лава другая, къ бору.

Треттяя лава, за Светымъ ѡзеромъ, при болоте Синичъчомъ.

8) **Сеножати** болотные местские.

а) На болоте Синичъчомъ, почавшы ѿ дороги Мстиславские, ѿ Кочерыги, надъ Мостишчомъ.

б) На томъ же болоте Синиччомъ сеножати в тех лав померены:

Першаꙗ лава концами до бору, другимъ концомъ до второе лавы, почавшы ѡтъ бору до бору.

Лава концами до бору, другими концами до першое лавы, почавшы ѿ горы, з Могилева до села Ѡписковичъ, до треттее лавы.

Лава концами до бору.

Лава ѡбоима концами до бору.

в) Там же, на болотѣ Синичомъ, подлѣ стены Веенъское.

г) Там же, при стене Веенъской вниз ѿ єзера Ст҃ого, ѿ Кавшевника.

д) Болото, урочыщомъ Бяшыно.

Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ перечисленіи сѣножатей, такъ какъ нѣсколько листовъ здѣсь утеряно. Далѣе въ рукописи идетъ уже перечисленіе рѣзниковъ, всего 10, пользующихся городскими лавками. И оканчивается рукопись замѣткою:

«Потуль лавокъ всихъ резъницкихъ».

Вѣроятно, на утраченныхъ листахъ по окончаніи списка земельныхъ угодій города, находились списки городскихъ зданій, за которыя взималась плата въ городской доходъ. Это подтверждается приходными книгами Могилева за 1679—1682 годы, напечатанными въ вып. 1 вит. «Матер.». Здѣсь, кромѣ прутовщизны, полокотщины, напляцового, заморгового и цынша, поименованы сборы:[1]) за важницу, за крамы, за прилавки, за ятки ряду рѣзницкаго и какой то сборъ за гумна луполовскія.

Таково содержаніе этого единственнаго у насъ документа.

Писанъ онъ весь однимъ лицомъ, очень мелкою скорописью того времени, съ титлами, съ употребленіемъ ѡ, ѿ, ꙗ, съ славянскими цифрами, отсутствіемъ буквы ѣ. Латинскія и польскія приписки, приведенныя выше, писаны другимъ почеркомъ. Имѣются въ текстѣ и другія приписки и поправки въ текстѣ, сдѣланныя позднѣе и большею частью порусски. Какъ слабо было еще развито въ то время знаніе польскаго языка, показываетъ слѣдующая поправка въ сотнѣ Покровской: «Просꙗ wdowa». Одна запись такою же скорописью сдѣлана въ Слободской сотнѣ, на поляхъ, свинцовымъ карандашомъ и хорошо сохранилась: «Василеи Митковичъ».

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе данныхъ инвентаря, которое вышло бы очень обширнымъ, я ограничусь лишь приведеніемъ главнѣйшихъ цифръ по первой Папинской сотнѣ.

Земельныхъ жилыхъ участковъ въ этой сотнѣ было 247 и плитницъ 9; при нихъ огородовъ 55 и отписныхъ пляцовъ 23. Общее количество земли въ этой сотнѣ было 1486 прутовъ и 28 прутиковъ, т. е. $16^1/_2$ морговъ, (моргъ литовскій равенъ 1654 саж.; 30 морговъ составляли уволоку, равную 19 десятин. 1354 с.) Въ этомъ числѣ $76^1/_4$ прутовъ «отписныхъ». Для опредѣленія цифры платежей по этой сотнѣ въ документѣ нѣтъ данныхъ. Спустя около сорока лѣтъ (1679 г.), когда Могилевъ пережилъ московское владычество, платежи эти опредѣлялись такъ: «панове магистратовые упатруючы барзо великие росходы, теды вси згодне а едностайне уфалили прутовщизну: зъ жылого прута по золотыхъ два, а съ отписного по асмаковъ є҃і, а съ пашъни по асмаковъ ѕ҃» [2]). Тоже повторено и въ слѣдующіе годы. [3])

Всего такимъ образомъ прутовщины поступало въ городскую кассу 2858 золотыхъ, т. е. около 1317 р. на наши деньги.

Если принять во вниманіе, что такихъ сотенъ въ Могилевѣ въ то время было 16, и что кромѣ плацовъ городъ владѣлъ полями, лугами, лѣсами и лавками, то доходы его надо признать очень крупными.

Правда, и расходы его на посольства, подарки, подношенія, угощенія и т. п. были громадны и часто превышали сумму городскихъ доходовъ.

Изъ древнерусскихъ именъ въ документѣ упоминаются: Чурило, Юрко, Трушко, Асипъ, Юрецъ священникъ, Меркуша, Клишко, Жданъ, Яцъко, Ясь, Ганна удова, Тишко, Хоцко, Харка, Водя удова, Лагута, Масюта удова, Селюта, Кухта, Ивашко, Миско, Зенко, Палуянъ, Михно, Мося удова, Малко, Малышка, Хилко, Дроня, Ярошъ, Митко, Аникша, Мишакъ, Микула, Евланъ, Ол-

---

[1]) Съ 1637 года введенъ сборъ бруковый на устройство мостовыхъ.

[2]) Вит. «Матер.» вып. I, 15. [3]) Ib. 85, 207.

феръ. Хоня удова, Дашко, Халей, Родзя, Ходаръ, Харка, Атаманъ, Якушъ, Стома.

«Пановъ» въ этой сотнѣ записано 35 на 193 домовладѣльца. Здѣсь же 3 попа, 1 поповичъ и 1 паламаръ.

Рѣдкій документъ этотъ даетъ вообще точное понятіе о числѣ гражданъ города Могилева, владѣвшихъ здѣсь въ первой половинѣ 17 вѣка недвижимою собственностью; указываетъ размѣръ земельныхъ угодій города въ то отдаленное отъ насъ время и его имущественное положеніе; опредѣляетъ отчасти вѣроисповѣдный и сословный составъ населенія, такъ какъ въ спискахъ владѣльцевъ собственности указаны «попы», «чарницы:, «жиды» и т. д. напр., на горѣ Спасской жили: Аниконъ попъ, Хася Гамзиная, Яковъ попъ, Авдей попъ, Фома пратапопъ и др.; въ другихъ сотняхъ указаны: панъ Алексѣй Федоровичъ, Тося пападдя, попъ Иллинскій, панъ Северинъ бурмистръ, панъ Янъ Ивановичъ Шевня, панъ витебскій, вдова пана Карпа Казанова, панъ Миколай Дашковичъ райца, отецъ Михаилъ свещенникъ, панъ Ясь Кулага возный, панъ Уваръ Казановичъ лавникъ, домъ Пречыстенскій, Яцко и Семенъ пушкари, панъ Михайло Путято и т. д. Большое значеніе имѣетъ документъ для исторіи бѣлорусскаго языка, давая формы: Алякъсей Пазнякъ, Гарасимъ Ивановичъ, Авхимъ Хадареевичъ, Никинаръ Дойлидъ, отецъ Дарафей, своима концами, Бородчычы, чаботаръ, и т. д., — для исторіи русскихъ именъ, и въ особенности могилевскихъ фамилій, которыя въ связи съ данными Варкалобовской лѣтописи, облегчаютъ рѣшеніе вопроса о первоначальныхъ насельникахъ Могилева, и т. д.

Все это говоритъ за необходимость скорѣйшаго изданія документа въ свѣтъ. По своей обширности и спеціальному тексту онъ, къ сожалѣнію, не можетъ найти мѣста въ «Губ. Вѣд.». По всей вѣроятности дѣломъ изданія займется или управленіе виленскаго учебнаго округа или какое либо столичное ученое учрежденіе.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ повторится исторія могилевской лѣтописи Трубницкаго, печатныхъ экземпляровъ которой до моего вступленія въ редакцію «Губ. Вѣд.» въ Могилевѣ не было.

Мнѣ думается, что озаботиться дѣломъ изданія этого рѣдкаго памятника, касающагося города Могилева, прежде всего слѣдовало бы могилевскому городскому управленію.

Е. Романовъ.

XIV. ИЗЪ МОГИЛЕВСКОЙ СТАРИНЫ. [1])

На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ..

Строки эти невольно пришли мнѣ на память, когда я зашелъ надняхъ въ Кожемяцкую Слободку, подъ-Николаемъ, посмотрѣть на тѣ разрушенія, которыя причинилъ Днѣпръ Могилеву въ нынѣшнее многоводное лѣто.

Разрушенія эти дѣйствительно серьезны и Слободкѣ грозитъ скорое уничтоженіе, если министерство путей сообщенія, по требованію городского управленія, не поспѣшитъ укрѣпить здѣсь берегъ и защитить его отъ ударовъ волнъ, развиваемыхъ пароходами, и отъ напора теченія, особенно здѣсь сильнаго.

Насколько серьезны поврежденія въ Слободкѣ, можно судить потому, что за послѣдніе годы здѣсь уничтожены цѣлыя аллеи, находившіяся на берегу, проѣздныя дороги и т. д. Огороды, прилегающіе къ берегу, ежегодно отмываются почти на сажень, плетни и сараи повисли надъ кручей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже рухнули. Нѣкоторые домовладѣльцы, видя безучастность подлежащихъ сферъ къ этому вопросу, спѣшатъ

[1]) Изъ № 69 „Могил. Губ. Вѣд.“ 1902 года.

продать свои имущества, пока они еще не поглощены Днѣпромъ,—и чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ слобода изчезнетъ.

Но не объ этомъ теперь моя рѣчь.

Меня удивила масса могилевскихъ древностей, валяющихся здѣсь прямо на берегу. Особенно ихъ много на поворотѣ Днѣпра къ перевозу и тамъ, гдѣ находились несуществующіе теперь дома Громыко.

За короткое время мною поднято здѣсь:

1, болѣе двухсотъ древнихъ изразцовъ;

2, до десяти старинныхъ подковъ отъ обуви;

3, нѣсколько старинныхъ замковъ, ключей, удилъ и т. п.

4, много старинныхъ грузилъ отъ рыболовныхъ сѣтей;

5, нѣсколько древнихъ пуль;

6, старинныя трубки;

7, древній перстень;

8, старинныя серьги;

9, три древніе оловянные шейные креста;

10, двѣ доисторическія пряслицы;

11, корпоушки;

12, пуговицы;

13, пломбы;

14, свинцовые карандаши;

15, мѣдныя и серебряныя монеты и много другихъ мелкихъ предметовъ, а также безформенныхъ кусковъ свинца.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ.

Почти всѣ **изразцы** покрыты зеленой глазурью, и первоначально можно было подумать, что они привезены сюда изъ Шклова, гдѣ въ 16 и 17 в. было развито ихъ производство. Но многіе изразцы найдены неоконченными, непокрытыми глазурью, или покрытыми только отчасти. Это доказываетъ, что они приготовлялись здѣсь же въ Могилевѣ и можетъ быть на этомъ же берегу. Характеренъ очень лѣпной орнаментъ на найденныхъ изразцахъ. Его можно раздѣлить на пять видовъ:

а, Орнаментъ геометрическій, преимущественно на рамкахъ изразцовъ, въ нѣсколько линій; обыкновенно край занятъ полукругами, слѣдующій рядъ треугольниками, съ вершинами въ противоположныя стороны; или край покрытъ прямыми линіями, а подъ ними изображены треугольники вершинами къ центру изразца, за которыми идетъ рядъ крупныхъ точекъ; есть изразцы съ такимъ орнаментомъ: у края треугольники вершинами внутрь; каждый изъ нихъ обведенъ внизу и съ боковъ цѣпью, между концами которой тоже треугольники вершинами кнаружи. На треугольникахъ вдавлены продолговатыя точки; такимъ образомъ, треугольники изображаютъ извѣстные древніе замки и около нихъ цѣпи. Цѣпь вообще часто употребляется въ орнаментѣ. На нѣсколькихъ изразцахъ сохранилось символическое изображеніе солнца. Это—кругъ, съ точкой посрединѣ, отъ котораго во всѣ стороны идутъ 8 изогнутыхъ лучей, также оканчивающихся точками. По угламъ часты звѣзды, стрѣлы и крестики.

б, Орнаментъ растительный встрѣчается наиболѣе часто, и самъ по себѣ, но чаще въ соединеніи съ другими видами. Но сложный растительный орнаментъ встрѣчается только изрѣдка. Наиболѣе часты: пальмовые стволы, на изразцахъ служившихъ колонками, и пальмовые листья; затѣмъ очень часты цвѣты, напоминающіе гвоздику, въ вазонахъ, а также розы и цвѣтки въ видѣ звѣздочекъ. Есть орнаментъ, изображающій крупный цвѣтъ, отъ стебля котораго въ обѣ стороны идутъ большими завитками вѣтви. Часты виноградныя кисти, дубовые листья и жолуди.

3, Орнаментъ животный занимаетъ второе мѣсто въ могилевскихъ изразцахъ. Изъ птицъ чаще всего встрѣчается двуглавый орелъ, который изображается и по угламъ, въ маломъ видѣ, и въ центрѣ—въ большомъ. Если же въ центрѣ изображается большой орелъ, то по угламъ вверху изображены львы или фантастическіе звѣри, а внизу малые двуглавые орлы. На одномъ изразцѣ изображенъ одноглавый орелъ съ раскрытымъ клювомъ и далеко выдвинутымъ языкомъ. На другомъ надъ двуглавымъ орломъ польскія буквы LI, вмѣсто обычныхъ трехъ листовъ въ видѣ креста.

Изъ звѣрей изображенъ на изразцахъ почти исключительно левъ, и притомъ или во всю величину изразца, или въ видѣ орнамента при орлахъ. Только на одномъ изразцѣ изображенъ какой-то фантастическій звѣрь съ длинной крокодиловой пастью.

Совершенно особнякомъ стоятъ изразцы—карнизы, съ парными, крайне грубыми, изображеніями львовъ, поддерживающихъ корону. Такихъ изразцовъ (не цѣльныхъ) найдено пять. Они интересны потому, что на нихъ имѣются польскія буквы: на одномъ D, на другомъ W, на третьемъ: M, P, Z и W. На двухъ другихъ буквъ не сохранилось. Повидимому, это изразцы, изготовлявшіеся по заказу, или носящіе фабричныя клейма.

4, Орнаментъ архитектурный. Такихъ изразцовъ немного. Одни изъ нихъ изображаютъ павильонъ на толстыхъ витыхъ колоннахъ, между которыми находятся болѣе тонкія колонки и затѣмъ, подъ крышей, вьющіяся растенія. На другихъ посреди растительнаго орнамента изображены 8-гранныя плиты. Третьи изображаютъ щитъ съ различными эмблемами—подковою, стрѣлами, крестами и т. п.

5, Орнаментъ религіозный. Встрѣчается онъ довольно часто. Любимымъ изображеніемъ здѣсь былъ херувимъ съ главою и крыльями. Встрѣчаются такія изображенія и съ нимбомъ (вѣнчикомъ). Есть изображенія ангеловъ. Найдено два изображенія св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона. Эти изразцы повидимому монастырскіе или церковные. Напомню, что въ древности изразцы были излюбленнымъ украшеніемъ церквей, даже снаружи (напр. Коложа).

Затѣмъ, изъ найденныхъ предметовъ характерны ружейныя **пули.** Онѣ двухъ величинъ и всѣ съ придатками, дѣлающими ихъ кувшинообразными. Такія пули были находимы мною на полѣ сраженія у д. Лѣсной и относятся слѣдовательно къ началу 18 в. Чрезъ придатки пуль протягивалась обыкновенно щетина, разъѣдавшая рану.

Свинцовые **карандаши** представляютъ видъ маленькихъ пирамидокъ, неправильной формы. Они вѣроятно вставлялись въ пустыя деревянныя палочки, гусиныя перья и т. п.

Перстней найдено два: одинъ оловянный, какіе и теперь изготовляются въ захолустныхъ мѣстечкахъ для деревни, другой—мѣдный, съ глазкомъ въ видѣ печати. На печати рѣзьба въ видѣ ромба, перерѣзаннаго еще тремя линіями—отъ стѣнокъ и отъ тупыхъ угловъ Видомъ своимъ перстень очень напоминаетъ тѣ перстни, которые были находимы въ Дрогичинѣ вмѣстѣ съ извѣстными пломбами и въ придруйскомъ могильникѣ. Относится вѣроятно къ 16 вѣку.

Найденные шейные **кресты**—оловянные, 4-конечные; два съ закругленными концами и съ лучами по угламъ, одинъ съ прямыми концами и безъ лучей. Величина ихъ $1^1/_4 \times {}^3/_4$ д. Надписей нѣтъ, но имѣются выпуклыя изображенія крестовъ. Повидимому, могилевскаго изготовленія.

Монетъ найдено нѣсколько десятковъ, но только двухъ эпохъ. Больше всего здѣсь солидовъ Іоанна Казимира 1660—1666 гг. и серебряныхъ копеекъ Петра I. Какъ на большую рѣдкость, надо указать на то, что на нѣкоторыхъ копейкахъ уцѣлѣла цифра года чеканки—аѳа (1701). Нѣкоторыя монеты найдены въ обрывѣ берега вмѣстѣ съ вышеописанными изразцами. Позднѣйшихъ монетъ я не нашелъ, изъ древнѣйшихъ же найдены только двѣ серебряныя монеты Алексѣя Михайловича. На монетахъ слѣдовательно отразились двѣ эпохи жизни Могилева—рѣзня 1661 года, за которую на него Польшею излиты великія и богатыя милости, и Сѣверная война, когда Великій Труженикъ земли русской вдоль и поперекъ исколесилъ Западную Россію вообще и могилевскую губернію въ частности.

Въ общемъ же, находки на размытомъ берегу Днѣпра относятся ко времени 16—18 вѣка и только двѣ пряслицы относятся ко временамъ доисторическимъ. Результатъ можетъ быть былъ бы иной, если бы въ указанныхъ мѣстахъ были произведены тщательные поиски, но я бралъ только то, что лежало на поверхности земли.

Громадный интересъ въ этомъ отношеніи представила бы наша Дубровенка на протяженіи отъ казенной палаты до устья, но она ждетъ еще своего «собирателя».

Напомню, что именно такимъ путемъ собраны громадныя коллекціи почтеннаго Авенаріуса въ Дрогичинѣ, г. Федоровича въ Витебскѣ и мн. др.

Е. Романовъ.

МАТЕРІАЛЫ

для изученія говоровъ могилевской губерніи[1]).

Могилевская губернія въ наибольшей чистотѣ сохранила бѣлорусскій типъ и бѣлорусскій языкъ. Отдѣленная отъ восточной и южной Россіи витебскими, смоленскими и черниговскими бѣлоруссами и находясь въ большой отдаленности отъ Польши, она подверглась чуждымъ вліяніямъ меньше, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ бѣлорусскихъ губерній. Меньше, чѣмъ витебская губернія, соприкасающаяся на сѣверѣ съ сѣверноруссскимъ племенемъ и на западѣ съ латышами, и даже менѣе, нежели минская, которая, несмотря на дебри и болота, подверглась, благодаря сосѣдству съ Вильной, сильному вліянію полонизма и литвы, а за Припетью вліянію южнорусскаго племени. Не говоримъ уже о виленской губерніи, гдѣ славянское населеніе разъединено большими островами населенія литовскаго, и о гродненской, населеніе которой представляетъ интереснѣйшій конгломератъ, съ потомками ятвяговъ, литовцевъ и мазуровъ на сѣверѣ, съ бужанами и волынянами на югѣ, и которая, какъ этапный пунктъ между польской Варшавой и литовской Вильной, подверглась сильному вліянію и Литвы и Польши. Точно также подверглись болѣе сильному постороннему вліянію и бѣлоруссы черниговской, орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерній, живущіе рядомъ съ сильнымъ великорусскимъ племенемъ.

Вотъ почему говоры могилевской губерніи имѣютъ особо важное научное значеніе, и мѣстный органъ, какимъ являются «Губернскія Вѣдомости», всѣми мѣрами обязанъ способствовать ихъ изученію.

Вслѣдствіе нашей недавней замѣтки по этому поводу къ намъ поступили интересные матеріалы отъ нѣсколькихъ лицъ изъ сельской интелигенціи и отъ крестьянъ, и мы съ настоящаго номера начинаемъ ихъ печатать. Для руководства же лицъ, желающихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, мы даемъ нѣкоторыя общія указанія.

Извѣстно, что признаки современныхъ русскихъ нарѣчій опираются на черты древнихъ говоровъ, которыми различались древнерусскія племена. Могилевская губернія, по Нестору, населена р а д и м и ч а м и, занимавшими бассейнъ Сожа, и к р и в и ч а м и двухъ вѣтвей: смоленской—въ сѣверовосточной части, и полоцкой—въ сѣверозападной (полочанами). Такимъ образомъ, населеніе наше должно дѣлиться по говорамъ на три вѣтви. Это дѣленіе въ дѣйствительности существуетъ и до сихъ поръ, и особенности говоровъ еще довольно рѣзки, несмотря на сильную нивелировку школы и военной службы.

Если мы возьмемъ область р а д и м и ч е й—Присожье, то есть нынѣшніе гомельскій, рогачевскій, быховскій, отчасти могилевскій, чаусскій, чериковскій и климовичскій уѣзды, то отличительными чертами говора этой области будутъ:

1, Отсутствіе д з е к а н ь я.

Круть-верть, у чарапочку смерть.

Годи, годи кучараваго любить.

2, Твердое *р*.

Была̀ у ба̀бки ку́рка-ра̀бка.

Зара̀ зара̀ла, ключи́ патира̀ла.

Я̀къ памро́мъ, дакъ пахава̀ють.

3, Отсутствіе флексіи *ть* не только въ глаголахъ перваго спряженія, но и въ тѣхъ втораго спряженія, гдѣ удареніе находится не на окончаніи.

Хто кру́тя да мата́я,
Таму́ Богъ памага́я. (Воровская.)

Хо́дя, хо́дя, да й ни ша́мая.

Гаво́ра, гаво́ра—а у ро́ти хо́лодна.

Лю̀бя, ни лю̀бя,
Пацалу́я, наплю̀я,
Къ се́рцу прыжме́,
Къ чо́рту пашле́.

Но подъ удареніемъ флексія сохраняется во 2 спряженіи:

Ляжы́ть—маўчи́ть,
А возьмишъ—запла̀ча.

[1]) Изъ №№ 70 и 71 „Могил. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

4, Значительныя лексическія особенности и нѣкоторыя фонетическія и граматическія. Въ другихъ могилевскихъ говорахъ, напр., невозможны формы:

Я паўзъ ку́зьню йшла̀.
Вугалёкъ знайшла́,

———

Ѣвъ-ѣвъ, накуль и *годи*.

———

Хиба що такъ.

———

Ди́дава ка̀зка даўга́а, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ говоръ раньше имѣлъ здѣсь болѣе значительное распространеніе, чѣмъ теперь, и вѣроятно захватывалъ все Присожье, средній Днѣпръ и Придрутье. Но когда радимичи потеряли свою независимость и когда образовалось сильное смоленское княжество, въ радимичскую область широкими потоками хлынулъ кривичскій говоръ и оттѣснилъ его на югъ. Въ уѣздахъ пограничныхъ съ Смоленскомъ—климовичскомъ, чериковскомъ, и даже чаусскомъ и могилевскомъ, вышеуказанные признаки наблюдаются теперь только спорадически.

Но примыкая къ другимъ южнорусскимъ говорамъ, онъ имѣетъ громадное распространеніе по черниговской, минской, виленской, гродненской и другимъ губерніямъ.

Съ другой стороны, если мы возьмемъ область полочанъ, то есть—въ нашей губерніи—нынѣшній сѣнненскій уѣздъ, часть оршанскаго, могилевскаго и чаусскаго, то увидимъ тамъ слѣдующія особенности:

1, Сильнѣйшее дзеканье.

Дзѣдъ ба̀бу тапи́ць вядзе́ць,
А ба̀ба крычи́ць—ня йдзе́ць.

———

Дзе́нихъ ма́иць, во́тку пъе́ць,
Дзѣвакъ лю́бицъ, жо́нку бъе́ць.

2, Твердое *р*.

Я у се́раду радзи́лася,
Го́рка мая до́ля.

———

Кала бру́ха завиру́ха.

———

Чаразъ мо́ра като́у хвостъ, и т. п.

———

3. Постоянное присутствіе флексіи *ть* во всѣхъ глаголахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Говоръ этотъ можно назвать чистымъ бѣлорусскимъ. На югѣ онъ соприкасается съ радимичскимъ, на востокѣ съ кривичскимъ и простирается на западъ и на сѣверъ въ минскую и витебскую губерніи.

Наконецъ, въ восточной части нашей губерніи, прилегающей къ области смоленскихъ кривичей, слѣдующія особенности:

1, Сильное дзеканье.

2, Мягкое *р*, даже съ усиленнымъ смягченіемъ, въ родѣ: кряпчѣй стар*я*йся, тр*ю*бучку пукуриць и т. п.

3, Постоянное присутствіе флексіи *ть* въ глаголахъ.

Говоръ этотъ въ нашей губерніи употребляется въ уѣздахъ мстиславскомъ, горецкомъ и оршанскомъ, въ большей части климовицкаго и чериковскаго и спорадически въ чаусскомъ. Онъ имѣетъ громадный раіонъ распространенія въ смоленской, калужской, тверской, псковской и витебской губерніяхъ.

Всѣ эти говоры могилевской губерніи относятся къ числу а к а ю щ и х ъ, хотя это названіе въ отношеніи ихъ несовсѣмъ точно, такъ какъ въ полочанскомъ и кривичскомъ говорахъ безударное *о* въ извѣстныхъ случаяхъ произносится какъ *ы*:

«Ныбрали кырабельщики тывару и паѣхыли. Ѣхыли кылы таго острыва, а катокъ скокъ на вострывъ и пабѣхъ у горытъ» (сказка «Сынъ Хораборъ» въ «Бѣл. Сб.», III).

Если мы скажемъ, что каждый изъ этихъ говоровъ дѣлится на нѣсколько подговоровъ и что доселѣ у насъ точно не установлены тѣ границы, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ даже главные говоры, то важность собиранія на мѣстахъ образцовъ мѣстныхъ говоровъ выяснится сама собою.

Дѣло же записыванія—немудреное дѣло. Надо только со всею точностью слѣдовать рѣчи разсказчика и не позволять себѣ мудрствовать лукаво надъ формами и словами невполнѣ понятными для записывателя. Этотъ совѣтъ мы даемъ въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя записываютъ образцы говора не на родинѣ и которыя,

какъ мы знаемъ по многочисленнымъ опытамъ, склонны при записяхъ уклоняться въ сторону своего роднаго языка: говорящіе съ твердымъ *р* не замѣчаютъ мягкаго *р*, дзекающіе не замѣчаютъ отсутствія дзеканья и т. д.

Что касается лицъ, отъ которыхъ надо записывать образцы говора, то это зависитъ отъ рода записываемыхъ произведеній. Сказки напр. звѣринаго эпоса (о медвѣдѣ, волкѣ, лисицѣ, собакѣ, котѣ, быкѣ и т. д.) лучше записывать отъ старухъ, такъ какъ подобныя сказки снизошли въ разрядъ дѣтскихъ. Отъ старухъ же лучше записывать толкованія сновъ, примѣты и обряды: родинные, крестинные, обиходные, религіозные, свадебные и погребальные. Пѣсни удобнѣе записывать отъ дѣвушекъ. Пословицы, загадки, сказки бытовыя и богатырскія—отъ стариковъ. Заговоры отъ знахарей (знахарки очень плохо знаютъ заговоры); духовные стихи—отъ нищихъ (майстровъ). Сказочниковъ избѣгать надо грамотныхъ и бывшихъ въ военной службѣ. Ихъ сказки отношенія къ Бѣлоруссіи не имѣютъ и во всякомъ случаѣ внушаютъ подозрѣнія.

Затѣмъ, надо слѣдить, чтобы разсказчики говорили своимъ обыденнымъ языкомъ, не стараясь говорить «попански».

Каждое произведеніе должно быть снабжено записью—гдѣ, отъ кого и кѣмъ оно записано. О пѣсняхъ непремѣнно надо сказать, когда онѣ поются: въ Коляды, на масляницѣ, въ гуканье весны, на Купалу, на свадьбѣ, на крестинахъ и т. д.

Хорошій опытъ такихъ записей сдѣлалъ въ селѣ Высокомъ І. П. Миткевичъ - Далецкій, пользовавшійся личными указаніями нашими и привлекшій къ этому хорошему дѣлу мѣстныхъ грамотеевъ, окончившихъ курсъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ. Этимъ записямъ мы и даемъ первое мѣсто.

Село Высокое оршанскаго уѣзда.

I. ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ.

Кыли курица трéплить хвастóмъ, то бýдить мятелица[1]).

Сколькі у Марцы вады, столькі у Пралѣ травы.

(*Ѳома Ермоленокъ*).

[1]) Д надо читать какъ *дьз*, т—какъ *тьс*.

Кыли пятýхъ зыняéть у лíшку, то бýдить атлíга, а кыли у цоть—тады будить марóсъ.

Кыли вóрынъ узлятúть ны магíльникъ крычучы, то бýдить мяртьвéцъ у народи.

Кыли варóна лятить ны пуудьня и крычыть, дыкъ будить тёпла, а кыли на пóунычъ, то будить сьтидёно.

Кыли ны Удакѣи (1 марта) сьнѣхъ мятéть, дыкъ и с пуни вымитить чыста.

(*Лукьянъ Шакуро*).

Ны Раштвó нада на кутъ сьмятьтё мéсь, то раи ня будуть утикать.

У Кыляды нилизя прáсьти, а то карóвы ня будуть тялúцца.

Кыли у Кыляды што нилна нада дѣлыть, дыкъ нада на тóустыю Кыляду пыставить вѣникъ дыгары у кычарэжнику и пирядъ тымъ якъ дѣлыть, нада ны яго пыглядѣть.

Кыли жыдоуськими празьниками будить халóдна, то наша будить тёплая Вялúкыдьня.

На Русалный нядѣли нилизя брать кыли што найдишъ: ета русалка на бяду поткинула.

(*Полик. Мартусевичъ*).

Пирэйдишъ чирисъ крухъ, на лицу бýдить крухъ (лишэй).

(*Герас. Коржицкій*).

Кыли ны Раштвó мятéлица идéть, дыкъ и улѣтку раёу нéйди будить дéть.

Искырья с пéчы сыплюцца—гóсьти будуть.

Тры сирады мылыдикóвыхъ, кажуть, нада выласы пыдрызáть, канъ расьли большы.

Кыли йдéть с пóля напéриди рыжыя карóва, дыкъ нагóда будить, а кыли чóрныя—дыкъ дожъ; кыли рабыя—дыкъ дожъ пирамѣнами, а кыли бѣлыя—дыкъ туманъ будить.

Кыли ны Масьлинику нагóда, дыкъ нада пашаницу сѣить, будить уруджай харóшый.

Кыли гарэлку пьютъ ды пупирхáюцца, етэ кажуть, што й налѣта такéй парóй будишъ пить.

Кыля у вадным мѣсицы титярлюкъ зыбалбóчить, тады у другимъ мѣсицы пастухъ зырагóчить (заиграетъ въ рожокъ). Или: пастухъ зыгагóчить (закричитъ: го-го-го).

Кыли карóва тёлна, ня трэба ѣсь акрáицъ.

Кыли нимá зóрыкъ на уси тры Кыляды на неби, дыкъ грыбоу ня будить, а ягыды и арэхи будуть.

Кыли будуть зорки на пéрвыю Кыляду, то будуть грыбы, якъ жыта ныливáить; а кыли ны сярэдьнію Кыляду—то будуть, якъ жита пасьнивáить, а кыли ны пасьлѣдьнію, тады будуть, якъ авёсъ высыпáить (или: асéньськія грыбы).

Кыли што лóпнить, то нѣхта сылгáу.

Кыли на Русалный нядѣли што дѣлышъ, то вовцы будуть радúцца то съ пяти ныгáми, то гырбáтыя, то дурнэя.—бо авечки ны Русалный нядѣли бѣгуюцца.

На тоустыю Кыляду́ дѣ́уки блины пяку́ть, ны паро́хъ кладуть, сыбаку мо́нють; чый блинъ упяротъ сыбака схво́тить, тая скарэй за́мушъ за́йдить.

Кыли мя́тлушка лита́ить, дыкъ кажуть: пами́нки ся́ни чые́ нибу́ть.

Кыли бутя́нъ ськи́нить дятёнка, дыкъ будить гало́дный готъ, а кыли яйцо, дыкъ будить уруджа́й.

(Гр. Бусъ и др.)

II. ТОЛКОВАНІЕ СНОВЪ.

Кыли видишъ ва сьнѣ—мы́исься, дыкъ твае́ я́бидьники гаво́рють абъ тябѣ́ нихарашо́, зло мысьлють ны тябе́.

Кыли видишъ маро́съ, бу́дить пагóда.

Кыли пажаръ видишъ, маро́съ бу́дить.

Кыли ва сьнѣ видишъ грыбы, тёпла будить.

Игру́шы яси́ во́ сьнѣ, баля́чки будуть, ску́льля.

Гро́шы, мѣдь—дыкъ слёзы, а кыли гро́шы-серябро́, дыкъ радось.

Кыли видишъ журавóвъ, дыкъ мятѐлица будить.

Кыли кыпа̀ишъ ямки, дыкъ зло́сьники твае́ нака̀пыють ны тябе́.

Кыли ва сьнѣ гаро̀дишъ плятéнь, дыкъ ны тябе́ зло́сьники бунту́ють.

(Захарій Голясъ).

III. ПОСЛОВИЦЫ.

Ти нада краўцы́?—Дальшы кракчи́!

Ти нада шыпува́лы?—Дальшы пышыва́ли!

Краўцу бува́ить, што на 'днымъ дни тры пе́чы хлѣба спы́тыить.

Дыбрахво̀чый усяды́ гляди́ть скупому у во́чы.

Мыладецъ, ды ни хызяинъ.

(Лукьянъ Шакура).

Хырашо́ у людёхъ, ды хри́пыть у грудёхъ.

Хырашо та тамъ, идѣ насъ нима́, а йдѣ мы пабу́димъ, дыкъ усё пагу́димъ.

Хто парася́ ўкравъ, у таго ў ву́шшу пишчы́ть.

Якъ жани́ўся—га̀лиўся, а жаниўшиси каюся.

Жыви́ якъ бра́тьтя, а раху́йся якъ жыть.

По́сьли насъ ня будить насъ.

Работа ни мядьвѣдь, мо́жна за́ўтра пыглядѣ́ть.

Ву́шы пыдыми́, а скрось палцы ни гляди.

Пу́сьтишъ дятéй па во́ли, дыкъ самъ будишъ у ня во́ли.

Якéй пень, такéй и атуро̀стыкъ.

Тая каро́ва мало́шна, като́рыю прыда́ли.

Аднаго́ пасо́дють, а семъ ро́дицца, а ўсё зладѣ́и ня сво́дюцца.

Пло́тьникъ ня плотьникъ, а ля́пыть ахво́тьникъ.

(Ѳома Ермоленокъ).

Хаўту́ры—до̀брый натуры; хуть гало̀сють, ды гарэ́лки падно́сють.

Твоё дѣ́ла—зъ но́са капъ, а ро́тамъ хапъ.

Твая си́ла г—о мяси́ла.

Ны чужэ́й шы́и вала́ сьпёкъ бы, а ны своёй и во́шыны бай́цца забить.

Чужыми блинами уся́кій сваи́хъ дядо́ў пумяну́ў бы.

Ско́льки у дяру́зи рядо́ў, сто́льки мнѣ гадо́ў.

Капъ ни 'дéжа ды ни ѣжа—апо́хъ бы лéжа.

Ви́диў, якъ ганьча̀ръ гаршки́ лѣпить, ды самъ ни научи́ўся.

Табѣ 'сё 'дна (все одно) што пу́гай па вадѣ́.

Табѣ кажы якъ пню, табѣ 'сё ро́ўна.

Табѣ такъ гово́рка прыстаѐть, якъ гаро́хъ къ сьтянѣ́.

Твая гаво́рка—якъ ваду́ вядéть на гару́, а вада́ ни йдéть.

(Полик. Мартусевичъ).

Каму́ лядо́къ, а кывалямъ мядо́къ.

Ны дварѣ лётъ—кывыля́мъ мётъ.

Кыли ўста̀нить Китай, тады жысь (жизнь, жисть) кидай.

Дармо̀ што пра́зьникъ, а ўроку ни знаю.

Го́ра гару́ишъ, а бяды никыда́ ни мину́ишъ.

Хади мя́кка—бу́дить гла̀тка.

Я съ табой буду зю̀кыть, а ў кырма́ни бу́дить ру́пить.

Кыва́ль куéть, жонка пяéть; шавéцъ шы́ить, а жонка кул' углóў вы́ить.

Збрадли́ваму сыба́ку хуть хвостъ атсячы́, а ёнъ усё пу вакна̀хъ ла́зить.

Бѣ́дныму шыў Бохъ торбу, а быга̀тыму дьвѣ.

Хто быга̀тъ, таму́ й ладна, сыбака кысма́тъ, яму́ й тёпла.

Што панъ, дыкъ сыба́ка.

Што жытъ, дыкъ палка.

Цыга́нъ ни цыга́нъ, тольки тѣ́ла зыкаптѣ́ла.

У вяли́кимъ ро̀ди уда̀сца кур.. и зло́дій.

Ты знаишъ то́я кальцо́, што семъ ны яйцо́.

(Тим. Ермоленокъ).

Мятéль пывива́ить—пастухъ усьпива̀ить (воспѣваетъ).

Ды Миколы ни вывади́ кони на по̀ля, а да Юрья карми ўся́кыга дурня.

Бывала и варо́па лапти абыва́ла, а тяпéрь и гракъ хо́дить такъ.

У гаду́ дьвѣ Миколы, два Юрьи, а ободва .....: адинъ хало́дный, другéй гало́дный.

Дѣти, жы́та ў клѣти, а на по́ли ящо́ бо́ли.

Хто ў тро́нки гуляить, тэй саро́чки ни ма́ить.

Клади гной гу́ста; ня бу́дить у клѣти пу́ста.

Адинъ быў сыба́чка брахли́вый, и таго воўкъ зьѣў.

На што мнѣ краўцы́, кыли нима̀ аўцы́.

Ча́ ты худы́й, ти хварэ́ў?—Нѣ, ни хварэ́ў, а натъ хворымъ сядѣ́ў.

(Ефремъ Будисъ).

У каго́ даўгій языкъ, дыкъ шыро̀ка даро́га ув 'адинъ канéцъ, а ў другéй дыкъ и ву́зкія нима̀.

Гни бярёзу паку́ль гнéцца, а якъ ни сагнéшъ, дыкъ самъ пави́сьнишъ.

Мала даю̀ть—бяри́, а нидалéка шлють—ня йди.

Бисъ пра̀цы ни зьяси́ кыла́ча.

У Витэ́бську ке́нська, у Во́ршы ящо́ го́ршы, а Дуброўна ня ўсимъ роўна.

Даро́га сли́ска, ды гыра́ ня ни́ска.

(*И. Полункишкисъ*).

Рыба и́щить глыбаты́, а чилавѣ́къ дыбраты́.

Капъ ня плѣшъ, дыкъ ба го́ла ни було́.

Чаго ни яси́, у ротъ ни няси́.

Працу́ишъ-працу́ишъ, и сма́ку ня чу́ишъ.

Ни буть ни во́йтымъ, ни сва́тымъ—ни бу́дишъ чилавѣ́кымъ прыкля́тымъ.

Ко́зы ни ста́тыкъ, дѣ́ўки ня люди.

Што лопъ ныпати́шъ, дыкъ пуза ныкати́шъ.

Улѣ́тку наго́й ко́пъ, а ўзи́мку рукой хопъ.

Авечка круго́мъ чилавѣ́чка.

До́брыя жонка хату приглида̀ить, а худая й рукавы́ рыстрыса́ить.

Якъ дамъ табѣ пыдъ дивя́тыю рабры́ну.

Зыдави́ў бы бы́ка, капъ были́ вяро́ўки.

Атъ на́шыга паро́гу валися ўсю даро́гу.

Би́цца ни гадицца, а тольки пихну́ў, капъ ни дыхну́ў.

Пруть, дыкъ якъ ня ўмруть—изъ ладоникъ.

Я шъ пупудьдя́, вамъ ни руўна̀.

Кыли конь, дыкъ вязи́, а кыли каро́ва, то дыва́й мылако́.

Адинъ сьвя́та ня зьдѣ́лыить.

Скольки ў мо́ры глыбаты́, стольки да неба висаты́.

Да не́ба сто́льки вярсьти́ныкъ, скольки ны кани́ шарсьти́ныкъ.

О, ты нъ та каси́ў, капъ хто касу́ наси́ў.

Што вашы бабы дѣ́лують?—А што дѣ́лують: таўку́ть ды ме́лють, яду́ть ды с—ть.

Дрэ́нныя дѣти ни быя́цца кія, а сла́ўныя дыкъ быя́цца ки́ва.

Памно́га ѣсь ни вяли́ка чесь: ня бу́дишъ быга̀тъ, ды будишъ пуза́тъ.

Али ты ла̀дисься: усё рывно́ якъ сьвёкыръ пялёнки мыть.

Усякій цы́ганъ сваи́хъ дяте́й хва́лить: о, батыньку! мае́ билагало́вики!

Хуть я ма́лыя, а зы тябе́ вяли́кыю хува̀цца ня буду.

Богу мали́цца у цэ́ркву, а абѣ́дыть к папу́.

С анны́мъ пу́зымъ на семъ абѣ́дыў ни спра́висься.

Хуть мала, ды приса́диста.

Хто зь изычко́мъ, тэй и сь пирашко́мъ.

Хто кра́дить, тэй самъ сабѣ вѣ́ку кырыча̀ить.

Мы тады к вамъ при́димъ, якъ ны сталѣ́ блины уви́димъ.

Сыба́ка виля́ить хвасто́мъ, а амма́ньщикъ изыко́мъ.

(*Дарья Ермоленкова*).

Ни у ку́сьти сядѣ́ть, ни с ку́ста лятѣ́ть.

Па'дномъ, па'дномъ уси памро́мъ.

Ны чужэ́й стыранѣ́ кла́нійся быранѣ́.

Бо́ха ня ўчи́ть, якъ хлѣпъ ради́ть.

На ти́хыга Бохъ нынясе́ть, а жо́сткій самъ ныбяжы́ть.

Кыли ё—дыкъ ни папи́ть, а нима—дыкъ ни купи́ть.

Хто хлѣпъ но́сить, тэй ѣсь ня про́сить.

Старо́га кыня́ гань, ды на дворъ мань, а мыладо́га хвали, ды з двыра̀ гани́.

Ста̀рый воўкъ зна́ить толкъ.

Старый воўчы́шча знаить поряди́шча.

Ни стыя́вшы ў паро́зи, ня бу́дишъ сядѣ́ть ны кутѣ́.

Дай Бо́жа прыда́ть у дварэ́, а купи́ть ны быза́ры.

Ласка ни кыля́ска: ни ўсься́дишъ, ни паѣ́дишъ.

Доўгъ ни раве́ть, а спать ни дае́ть.

Душу́ ўпита̀у, дыкъ якъ Бохъ даў.

Вяли́кій куса́ныкъ ротъ дярэ́ть.

Чужо́я сирабро́ ко̀лить пыдъ рабро́.

Мижъ тѣ́сныхъ дьвяре́й па̀лца ни клади́.

Пашо̀ўшы ны тяньки́, бу́дишъ хади́ть тры дяньки́.

Ни надѣ́йся Рыма̀нъ ны чужэ́й кырма́нъ.

Гу́стыя ка̀ша дяте́й ни рызгыня́ить.

Со́нныга дабу́дисься, ляни́выга дашле́сься.

Каму клыпатно́, а папу́ пылатно́.

У быга́тыга чортъ дяте́й калы́шыть, а у бѣ́дныга зь лю̀льки выкида́ить.

Куды, во̀ўча, бяжы́шъ?—Ны удави́ну каро́ўку.

Сыба̀ччый брохъ да неба ни дахо́дить.

Уси́ пако́йники хырашы́. (*Л. Рохлина*).

Каро́ста ни папо́ўства, семъ гадо́ў одбу́дить, тады ни бу́дить.

Кишка́ ня зе́ркыла̀, што ўпёръ—абы́ ня ке́ркыла.

Пу мату́ли уси ро́ўны, а пы шкату́ли панъ.

Абъ вашыхъ ма̀лцыў здароўя гывары́ть саро́мна.

Самъ ни зьяси́, а другимъ рыздаси́.

А я и быра̀нкуў з го́лыду падъѣ́ў.

А дѣ Йва̀нька?—С—а зьѣла, и ны тябе́ зубы найстры́ла. (*Гр. Вусъ*).

У дѣ́ўки семъ скулъ ны баку́ и то ни ў знаку́, а замушъ за̀йдить, адна ся́дить и тая ва́дить.

Кыли жыве́цца, дыкъ жыви́ся, а кыли самкне́цца, дыкъ то́льки дяржы́ся.

До́брыму чилавѣ́чку ё мѣ́ста и у запе́чку, а блыгатѣ́ нима́ мѣста и на кутѣ́.

Макъ чорный, ды сало̀ткій, а рэ́тька бѣ́лыя, ды го̀рькыя.

Кыли ёсь у кылитѣ́, дыкъ со́дють ны кутѣ́, а кыли уви́дють хату́ль, дыкъ пыта́юцца: аткуль? (*З. Голясъ*).

Дай Бо̀жа спажы́ть, што у чужэ́й клѣти ляжы́ть, а ў свае́й ни́ха́й дали пыляжы́ть.

Спо́рня ў дяжу́!—Спасиба, сто рублей табѣ ў машну́ и жаниха (или невѣсту) ны вясну́.

Пень тваю̀ малину.

У каго́ Раштво́, а у насъ ня што.

Нидумѣ́лый дуракъ ху́жы зло́га зло́бника.

Рызвиза́ўся мѣхъ ни на смѣхъ. (Утѣшеніе родильницѣ).

Адну́ сыба̀ка пѣсьню ўмѣ́ў, а ты и тую атыбра́ў.

Капъ ты ат вѣтру мыта̀ўся ды за згаро́ду диржа̀ўся.

Кыли пырабо́туў, ня грэхъ и аддыхну́ть.

У в адзінъ часъ усё лу́нула. (О пожарахъ).

Семъ го́ть у за́пичку сядѣла, ищё ны свадьбу зыхатѣла. (Или: пасьпѣла).

Пакуля́ на вўвкуразьзё атмалі́уся, дыкъ ны истрабъё забыўся. (Стихи нищихъ о скотинѣ и о птицѣ).

Ты вѣдышъ пять, ды ни вѣдышъ якъ щитать.

Вы́игра съ про́игрый на 'дны́мъ кани́ ѣдить.

Мая́ систра́ ни ўдува́, пыдыва́й сыда́ рубля́ сирыбра́.

Мой шваgро́ ни ўдавёцъ, пыдыва́й сыда́ чырване́цъ. (Обѣ первоначально свадебныя).

Азъ, буки, вяди́, глаголь, добро́—баба разьби́ла вядро́, клёпычки у печъ, ня бу́дить течъ.

Купи касу́ зы два́ццыть капе́икъ: ня бу́дишъ каси́ть, бу́дишъ гыласи́ть.

Будуть даро́ги ка́минныя, будуть суды́ ниправи́дныя. Бу́дить то, што аго́нь мо́жна ў кырма́ни диржа́ть. (Древнія предсказанія).

Маé сыны́ ўдалі́йси: адзінъ у міры, другёй у Сибі́ры, а трэтьтій на сьвёту хо́дить ды людей зво́дить.

Ня бы́ икая варо́на: ни диравёньськыя, ды гырыцка́я.

Ня ѣ́ў тры гады, ня буду ѣсь никады́.

На Юрья выпускай уся́кыга дурня. (О скотѣ. Но можетъ быть и историческая).

Хто наѣ́уся кынапе́ль, тэй уда́рўўся апъ пень. (Отказъ въ конопляхъ).

Отъ крупёни дѣти наглупѣ́ли, а якъ ни стала крупъ, стаў батька глупъ.

Зыгыда́й кабы́лу, а кабыла жырыбя́.

Якъ нима́ вады́, дыкъ ни купи́ть, а якъ ёсь вады́, дыкъ ни пани́ть.

Питьтё—сьмятьтё, а пысядёнка до́рыга.

Хто зъ быради́й, таму́ зы вади́й.

Пашли́ дурука́ за бы́камъ, а ёнъ привядёть тёлку.

И я ищо́ гнило́му тялёнку атарву́ хвостъ.

И ра́куў ни хати́, и с—и ни мачы́.

Моръ на во́шы!—Споръ на гро́шы! (Взаимныя пожеланія).

А зы вашы гаво́рки вамъ на шы́и выро́ўки.

Ла́пыть ни княсь, абу́ў ды ў грась.

Кыжано́ва матка пляшы́выя, сыря́я капусты ня лю́бить.

Яго́ ў сту́пу усади́ўшы, у семъ ту́ўкачо́ў ни пупаде́шъ.

Куды ўлёсъ, такъ и атвёть.

Кашъ ни пыгоатыя, дыкъ бы ни была пыкивира́тыя.

Лу́ччы ў лужыну ўтапи́цца, нячы́мъ сапли́вую люби́ть. (Изъ пѣсни).

Ну, шту́чка: ня зьёсь ни воўкъ, ни су́чка.

Капъ счасьли́ў быў, вялі́къ росъ, батьку-матку зы хахо́лъ тро́съ. (Шутливое пожеланіе на крестинахъ).

Братъ нытъ систро́ю, якъ воўкъ нытъ казо́ю.

Сяди́ть ны кани́ и кыня́ пыта́ить.

У тябе́ сумурда́ки у но́си. тря́ба ихъ вы́гныть.

Кроў чылавёчча ня 'вёчча—ни прынадёть.

Ви́динъ пу вычáхъ што зло́дій.

Дираўшы́на дираўшы́ный и па́хнить. (Деревенщина).

Ни пыдняўшы, ни кажы б.....

Я самъ Ма́рка, жына́ мыя Варка: лѣ́тымъ каси́ть было́ жа́рка, а зимой маро́съ,—усклаў на восъ ды й павёсъ. (О лѣнящихся работать).

Ныура́тъ. ти вы́йдить ря́шыта бобу.

Дамъ табѣ́ шы́тикъ кыла но́хъ.

Идѣ и зо́лыта дива́лыся, капъ ни ўпада́лыся.

Кыли бу́дишъ знать ды кынца́, сыста́рыпсься якъ аўца́.

Якъ уда́рю, дыкъ цы́блы рассы́плюцца.

Из Бо́гымъ Хадо́ска, яйцо́мъ даро́шка.

Цы́тьтя дѣти: рыжжывёмся, якъ у пустухи́ наймёмся, тады́ намъ уси́ винува́ты будуть.

Дамъ ура́нку ны быра́нку, а ўдень пить, а ўве́чыры буду кіимъ бить. (Пугаютъ дѣтей нищими).

Музы́ки ды круўца́ никали́ ни на́шыцца бырызна́ ды кынца́.

Хто Богу ўго́динъ, ни бу́дить гало́динъ.

Два ду́рни на сьвёти: адзінъ, што ко́ни по́ючы свиі́шчыть, а другёй—ни пытира́вшы и́шчыть.

За́утры свистуно́ў будуть сушыть, тёрть и ў ж... пёрть. (Свистать въ домѣ нельзя: запустѣетъ, вѣтеръ только будетъ свистать).

Што́ ты, пусты́ня, свишчы́шъ: тутъ вубразы́ ёсь. (Тоже).

Рыступи́ся земля́ мать—по́йдить пъя́ница гуля́ть.

Наѣ́уся пупъ крупъ, зыхатѣ́ў сала.

Зыгу... ня́ў 'сю сваю пыра́хвію.

Плюва́ть ны каря́ту, што лышадёй нѣ́ту, сыма́ пувязёть.

Удави́ная ку́рыца и пря́сла ло́мить.

Аччаго́ грыжа (ссора) стала: кыли хлѣба ни стала.

Нихай расьтёть ба́тьку—ма́ццы ны патѣ́ху, а лю́дямъ ны зайздрысь. (Крестинное пожеланіе).

(І. П. М.-Далецкій, К. Гонакъ и др.).

IV. СКОРОГОВОРКИ.

Ча́ ты к намъ прышо́ў: зы прысьмихаўство́мъ, ти за вы́прысьмихўўствымъ?

Я тябе́ прысьмихаўству́ю и вы́присьмихўўствыю.

И вы́круўлю и вы́прымлю, зы варо́ты дамъ и ў вакно́ выдамъ.

Пайду́ у лѣсъ ны ря́быю каро́ву. (Шы́нка пиригыня́ть двына́ццыть разо́ў.). *(К. Гонакъ.).*

V. ЗАГАДКИ.

Два каты́ адзінъ комъ масла ли́жуть.

Зывали́лыся бяро́ска ны кажный дворъ пу сучку́.

Чо́рныя карова́ пували́ла трасьни́къ, а бѣлый быкъ выдняў трасьни́къ.

Семсотъ вуюва́ла, адна матка пухува̀ла, а дьвѣ и тяперь ваю̀ють.

Чорну чарну́шку гонъ пыдъ валю̀шку.

Ня гонь, ды пячѐть.

Пераксьтися ды й лѣсь ны мяне́.

Громъ грымаве́нь, дожъ зыливѐнь, выда̀ ны калѣ́ни, а напи́цца не́йди.

Ма́ла мале́нька, зь лѣ́сымъ рауне́нька, и зь лѣсу ни вида́ть.

10, На де́нь зыгыняють, на́ нычъ выпуска́ють.

Ишоу кылы шупули́ныя ха̀тки, вы́скычыли шупули́ныя рибя́тки, якъ стали мяне шупули́ть, чуть ни зушупули́ли.

Ни свѣтъ-ни зыря бяжы́ть носъ зыдира̀.

Два гальни́ у бо́ти ска̀чуть.

Ишоу даро́гый, ишоу шыро́кій, ви́джу—дабро́ у дабрэ́ хо́дить. Я у́зяу, дыбра́ вы́рвуу и дабро́ дабро́мъ вы́гнуу и у́зно́ва дабро́ у дабро́ уки́нуу.

Бяру́ть у рыга́тыга, прупуска́ють скрось пысканно́я, ильлю̀ть у глиня́ныя, а з глиня́ныга у кытяло́къ.

Бочка сто́гнить, быля́ры мётъ пъють.

Пашо́у дѣ́ндра у лѣ́ндру, узя́у с сабой пасѣ́йника; вы́скычыу с ку́ндры путя́тьникъ, ухапи́у пасѣ́йника; дѣндра ухапи́у па́ндру и адбырани́у пасѣ́йника.

Сяди́ть дѣ́ндра на пе́ндры, крычы́ть на ко́ндру: ня́ лѣсь, ко́ндра, у пе́ндру, у пе́ндры стайть ка̀ндра. (Обѣ—видъ условныхъ языковъ).

Узыйду́ на го́рку, аччиню́ камо́рку; кап ня дымъ, дык бы сыба́ки зьѣли.

20, А у тёмный тямни́цы ткуть панны красьни́цы—ни вузла́, ни пятьли́цы.

Иде́ть мядьмѣ́дь пыт зяме́льлю, зямлю̀ дярэ́ть и вонъ кладе́ть.

Сяди́ть мядьмѣ́дь на ку́пинцы у свае́й халу́пинцы, трясе́цца, коло́тицца, аб уси́хъ клапо́тицца.

Ишла баба ло́гымъ, сустрэ́ла Бога: «атними́ ат мяне́ то́я, чаго у тябе нима́».

Стайть рузруби́ха, у рузруби́си рызвали́ха, у рызвали́си хо́хыла, у хо́хыли во́хыла, у во́хыли бо́утикъ, у боу́тику ты́кыла.

Прышо́у хто, узя́у што; гани́ся за имъ, нима вѣ́дыма за кимъ.

Пу вадѣ́ йде́ть—ни пяле́щицца, ны сало́ми йдѐть—ни шало́хницца.

Лы́синькій жирябо́чикъ с-пыт навѣ́тьтя гляди́ть.

Што у ха̀ти бизы дна́?

Пять пунъ, адны́ варо́ты.

30, Стайть чилавѣ́къ и крычы́ть, а зь яго́ жы́шка бяжы́ть. У сиротки зыгарѣ́лыся у сярётки, а у до́брыга мылыцца́ пыкати́лыся с кынца̀. Рыскраснѣ́уся, рыспыхтѣ́уся якъ из ла̀зьни, а с кынца̀ капъ-капъ.

Каро́ва кывалёва, а быкъ гынчаро́у, абняли́си, пувяли́си пря́ма у роу.

Сяди́ть мядьмѣ́дька ны красныхъ яе́чкахъ.

По́уна бало́цца кычарэжычыкъ.

Ѣхыли былга̀ры, узя́ли маю пи́чу ны сани, а я крычу: аддай маю пичу.

Дры́ги дрыгають, жы́лы у́стыва̀ють, голый дія́вылъ ди́рки шука́ить.

Чатыры чатырнички, пя́тыя лубу́шычка, шыста́я жыву́шычка.

Ѣду-ѣду ны стары́мъ дѣ́ду, якъ прыѣду к броду — шусь у во́ду.

40, Прашу пако́рна пумачы́ть у чо́рна, вынуть — пате́рти ды й ящо упе́рти.

Мядьмѣ́дь стайть, а вушы пле́щуть.

Пу́ня шырьсьтина́я, замки́ зялѣ́зныя.

Што збу́дицца с тэй варо́ный, кыли мине́ть сёмый готъ?

Пытъ капо́й мышы до́хнуть.

Ишла ры́бина да Кіюва, свае́ ко́сьти поки́ныла.

Дупъ, дупъ, дупъ и вясъ, исяно́вый пытпиря́съ, а у баку́ ди́рка, а у заду́ шпилька.

Пи́ндри́къ вяли́къ, а пиндри́чка нивяли́чка.

Плѣшъ на́ плишъ ящо ка́плишъ, усу́нуу пу па́ри и вы́нюу ади́нъ.

Де́сить бра́туу Пынкра́туу ны пир—но́ву гару́ не́вытъ тя́гнуть.

50, Ишо́у, дьвѣ дароги нашо́у и у вабѣ́дьви пашо́у.

А у на̀шыга пана пысярётъ пуза яма.

Лятѣ́ли бѣлыя галу́би, сѣли ны пиряру́би.

Сининькій клубо́чыкъ шмыкъ пудъ лубо́чыкъ.

Ны яки́мъ де́рюви дьвѣ шкуры?

Што у лѣ́си, а што у по́ли?

Што у доми, а што у вадѣ́?

Сяди́ть бабу́ся у сями́ кажу́ся (хъ), хто яе заче́пить, тэй зыпла̀чить.

Батька тольки-што ради́уся, а сынъ ужо на кры́шы.

Ляжы́ть лижа́нка, ны лижа́нцы бяжы́ть зьмія́.

60. Стайть яли́на, ны ялини пыскани́на, ны пысканини аржани́на.

Ади́нъ иде́ть, а два̀ццыть сьлядо́у дѣ́лыить.

Ишоу на по́лю хаде́нь—ны двына́нцыть нохъ адинъ ступе́нь.

Чаты́ры кыта́нычки пабѣ́гли ны паля́нычки, ухвати́ли ву́тычку, пысади́ли ны заку́тычку.

Што расьте́ть дыгары́ каре́ньнимъ?

Сухая кабы́ла у́сё сѣна паѣ́ла.

Мой братъ прукура́тъ скрось сьтяну́ гро́шы ли́чить.

Два сыба̀ки даро́гу ли́жуть.

Матка таусту́ха, дычка́ краснуха, а сыны́ ви́сильники.

Миз ду́ба мизь ели тиля́ увя́зла.

70. Кло́ницца, кло́ницца—брыкъ и вы́тигницца.

У печы мо̀чыцца, у вадѣ́ су́шыцца.

Паткину пырашо́къ патъ тёмный лясо́къ, вы́рысьтить ку́пкымъ пыт зялёнымъ ду́пкымъ.

Хто ны сябе́ грясь тя́гнить?

А усё по́ля у ла́дычкыхъ.

А усё по́ля у свѣ́чкыхъ.

А усё по́ля у мутузка́хъ.

У зямлю кро́шки, а зь зямли́ липёшки.

Улѣ́тку ни ель ни сысна́, а у́зимку каро́уцы систра́.

Адно́ палѣ́на у дьвюхъ пе́чыхъ гары́ть.

80, Матка вирыя́тка, до́чки пылизу́хи, сыны лыпутуны́, ба́тька шарсьте́нь.

Силихо́нъ, убяри́сь вонъ.

Абѣ́дыу, абѣ́дыу, а жыво́тъ ня вѣ́дыу.

Гось—сыласьте́й, ѣсь мя́са биз касьте́й, гось сытъ, мя́са цэ́ла.

Скручу́, зьвярчу́, за мо́ря пушчу́.

Ты братъ иди туды, а я пайду́ сюды: на пу́павый гарэ́ сы́йдимся.

На ели сяди́ть, скрось клёнъ гляди́ть, бирозы шытаить.

Туды рохъ, сюды рохъ, басла́у Божа, лѣсь ны мяне́.

Чиризъ миску струнка.

Ѣхуу́ плухъ на чорный лухъ, за имъ пара слухъ, туды́ ѣхуу́ ве́силъ, атту́ль гылаву́ звѣся.

Лятѣ́ла пава, ны каме́ньня пала, каменьня пабила, мя́ртвыхъ узбуди́ла, мя́ртвыя у́ста̀ли, у́ пи́шчыки зайграли.

90, У чыстымъ поли лижа́ть люди заби́тыя, мистыхъ людей стаи́ть ви́тылка, а у ви́тылцы сямьи́—краса; прыбѣ́хъ бутя́тьникъ, ухвати́у сямьи—красу; мой милый дружокъ, карми́ пасѣ́йнька, бяры́ суха де́рева, дыгани́ бутя́тьника, адбяри́ сямьи́-красу́.

Дьвѣ Гапу́ли, адинъ Гапо́нъ.

У выднаго́ вупря́ два лычы́.

Миз дьвюхъ лисицъ парсу́къ виси́ть.

Памёръ капту́ръ, нима хау́ту́ръ.

Лятѣ́у тѣнь ны Пятро́у де́нь, мѣ́ить волю нудъ усими, нытъ царя́ми, нытъ кырыля́ми, тольки ня мѣ́ить воли што у мо́ри.

Рыгазю́лька ны кра́сный гарэ́ ска́чить, а чортъ мыхна́тый сьмяе́цца. Ни радуйся, чортъ мыхна́тый—бу́дить и табѣ е́та.

Тры сястры́ на печь лѣзуть, ды нира̀зу ня у́зьлѣ́зуть.

Аднымъ снапо́мъ ёвню нысаджу́, а два снапы́ ме́ньшыхъ вы́станицца.

Быу́ я ны пика̀нцы, бы́у я ны лижа́нцы, быу́ я ны пыжа́ры, быу́ я ны таргу́.

Ста̀рыя баба на печь лѣ́зить, ды́ ня у́зьлѣ́зить.

Самъ мя́ккій, а хвостъ кылянэ́й.

(І. М.-Далецкій, Г. Коржицкій, Н. Матюкъ, Л. Шакура, В. Берестень, В. Мыська, Е. Смольянъ, Г. Вусъ, Н. Суботникъ и др.).

Отгадки.

1, Сани. 2, Дорога и стежки. 3, Ночь, день и люди. 4, Деревья лиственныя, хвойныя и снѣгъ. 5, Горшокъ. 6, Водка. 7, Сорочка. 8, Водяная мельница или печь въ банѣ. 9, Сердцевина. 10, Лапти. 11, Пчелы. 12, Стрѣлецъ. 13, Толкачи въ ступѣ. 14, Конь во ржи. 15, Корова, молоко, цѣдилка, кувшинъ, ротъ. 16, Свинья и поросята. 17, Дѣдъ, лѣсъ, собака, кустъ, волкъ, палка. 18, Дѣдъ, печь, кошка, каша. 19 Пчелы. 20, Пчелы. 21 Кротъ. 22, Мельница. 23, Грѣхи. 24, Хата, печь, огонь, горшокъ, вода, ложка. 25, Смерть. 26, Солнце. 27, Ветошокъ. 28, Скамейки. 29, Перчатка. 30-32, Самоваръ кипящій. 33, Ухватъ, горшокъ, печка. 34, Горшокъ на угляхъ. 35, Чашка и ложки. 36, Сковорода и колбаса. 37, Кросна, поножи, челнокъ. 38, Люлька съ ребенкомъ. 39, Ведра. 40, Дегтярка. 41, Ступа и толкачи. 42, Сѣрмяга и пуговицы. 43, Пойдетъ восьмой. 44, Уголья въ печуркѣ подъ золой. 45, Пенька. 46, Боченокъ. 47, Чепельникъ и чепела. 48, Блинъ. 49—50, Надѣванье брюкъ. 51, Корыто. 52, Зубы. 53, Глаза. 54, На березѣ. 55, Кленъ и ленъ. 56, Клинъ и линь. 57, Лукъ, 58, Огонь и дымъ. 59, Желѣзная дорога. 60, Столъ, скатерть, хлѣбъ. 61, Борона. 62, Колесо. 63, Телега, хлѣбъ, гумно. 64, Волоса на головѣ. Также: сажа. 65, Розвины (орудіе). 66, Буравъ. 67, Сани. 68, Евня, токъ, цѣпы. 69, Цѣпъ. 70, Топоръ. 71. Воскъ. 72, Рѣпа. 73, Колесо. 74, Слѣды копытъ. 75, Ржище. 76, Межи. 77, Рѣпа. 78, Конопля. 79, Ось. 80, Евня, метлы, цѣпы и токъ. 81, Дымъ. 82, Грудной младенецъ. 83, Письмо. 84, Поясъ. 85, Пряха. 86. Сорочка. 87, Почепка въ ведрѣ. 88, Пѣтухъ. 89, Цыплята. 90, Младенецъ въ люлькѣ на полѣ, волкъ. 91, Лавки и столъ. 92, Ночевки. 93, Косякъ. 94, Горшокъ. 95, Комаръ. 96, Кочерга и помело. 97, Беременность. 98. Горшокъ. 99, Печурка. 100, Щетка.

VI. ЗАГОВОРЫ.

Атъ крыви́.

1, Ишо́у Максимъ шыро́кый даро́гай, ишла́ Вульля́на кылы камня. Якъ Вульля́на камня ни стро́ныла, копъ такъ кроу́ ни ка́нула.

(Тры ра́зы кыза́ть и ме́зинымъ па́лцымъ апчи́ркывать).

Атъ круга (лишая).

Намазывая оконнымъ потомъ:

2, Крухъ, крухъ, дабры́-динь—прыпади́ за де́нь! Крухъ, крухъ, дабры́-вечиръ—прыпади́ за ве́чиръ, Крухъ, крухъ, дабра́-нычъ—прыпади́ за́ нычъ. (Смотря по времени произнесенія заговора).

Нада да со́нца расу́ сыбира́ть изъ вакна́ и ме́зинымъ па́лцымъ круго̀мъ лишыя́ ма́зыть и кыза́ть:

3, Крухъ, крухъ—лишай! пашоу сьвиньнямъ миша́й!

(П. Мартусевичъ).

VII. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

У ма́рцы мѣ́сицы ў воскрэ́сный д̄ень Мат̄ь Прысьвита́я Быгаро̀д̄ица спычыва́ла на Во́лгій гары́ тры дьни, тры ночы́, тры часы́. Прышо́ў ды яе́ Сусъ Хрыстосъ.

— «Мат̄ь Прысьвита̀я Быгаро́д̄ица 'Лады́чыца! Ти спишъ, т̄и зришъ, т̄и спрасо́нку во́ сьни вида́ишъ»?

— Сы́нку мой любе́зный! Я сплю и зрю, спрасо́нку во́ сьни вида́ю: 'зя́ли Хрыста̀ на му́ку, рыспя́ли на ке́тры, на пе́дры, ны святы́мъ кыпаро̀си, ны 'Да̀мывый гало́ўцы, прабили правый бачо́къ ко́піимъ, пыт̄якло́ пы 'Да́мывый гало́ўцы тры кро́вы: пе́ршая кроў гару̀ча, друга́я кроў нягрэ́шна, трэ́т̄я кроў нисмяртэ́лна (безгрѣшна, безсмертна).

— «Мат̄ь Прысьвита́я Быгаро́д̄ица. Што ви́д̄ила ва сьнѣ́, то́ бу́д̄ит̄ь на́ йви: зда̀мся, зда́мся зы хрыст̄я́ньськыю кро́ў на му́ку!»

Мат̄ь Прысьвита̀я Быгаро́д̄ица зыпла́кыла—зырыда́ла.

— Сынку мой любе́зный: сь кимъ мяне́ кида́ишъ?

— «Ни плачь, ни рыдай, Мат̄ь Прысьвита̀я Бы́гаро́д̄ица: во́ тры дьни выскрасну́ и на́ ныбиси ўступлю и т̄ябѐ, мат̄ь Прысьвита̀я Быгаро́д̄ица. з душо́ю-т̄ѣ́лымъ вазьму́, ў субо́ры ны прысто́ли пылажу́, на ўвесь бѣлый сьвѣтъ у гра́мыту ўпишу́. Аццы ш праро́ки стыяли ны выда̀хъ, ны рыка́хъ, ны святы́хъ Ирда́нихъ, сы сьвича̀ми, сы крыжа́ми, че́сными абрыза̀ми, и т̄ибе́, Мат̄ь Прысьвита́я Быгаро́д̄ица, 'спымина́ли и мине́, Су́са Хрыста́ Сына Бо́жа, ўзьвилича́ли».

Хто Прысьвяты́я Быгародицы сонъ 'спо́мнить, таму́ Бохъ грахо́ў уво́лит̄ь, атъ агня́ныга пыжа̀ру, атъ напа́сьт̄и, атъ напра́сьницы, сыхрани́т̄ь Бохъ и пами́лыить на мно́гыя лѣ́та.

Отъ кр. с. Высокаго Ст. Шавеля, 80 лѣтъ, запис. г. М.-Далецкій.

А ў лужочку, на кру́т̄инькимъ биряжо́чку,
Стаи́т̄ь цэ́рьква мурува́ныя.
А ў тэй цэ́рькви прысто́лъ стаи́т̄ь,
Зы прысто́лымъ Бо́жжыя Мат̄ь сяди́т̄ь.
Ина сяди́т̄ь, листы́ пи́шыт̄ь,
Си́лно пла́чыт̄ь. т̄я́шко уздыха́ить,
Т̄я́шка ўздыха́ит̄ь, узры́гыит̄ь.
Прышла́ ды яе́ сьве́нта Марэ́я,
Сьве́нта Марэ́я пыта̀ицца:
— «Чаго, Бо́жжыя Мат̄ь, силна пла̀чышъ,
Си́лна пла́чышъ, т̄яшка ўздыха́ишъ,
Т̄яшка ўздыха̀ишъ и ўзры́гыишъ?»
— А якъ жа ш мнѣ ни пла̀кыт̄ь, ни ўзры́гыват̄ь:
Што майго́ Сына жыды́ ўзяли,
На кры́шъ ручки рысьпина́ли,
Капъёмъ сэ́рца прыбива̀ли,
Гарю̀чу кроў рызьлива̀ли,
На се́мъ са̀жынь у зе́млю пушча̀ли,
Дярнэ́ўикымъ прыклыда̀ли.
Каме́ньнійкымъ зыкыча́ли...

— «А йди́, Божжыя Мат̄ь, къ свайму́ Сыну,
Вазьми́ ключы́ пяке́лныя.
Атамкни́ пе́кла ниўгаси́мыя
А пусьт̄и́ ду́шы нягрэ́шныя.
Адну душу́ ни выпушча́й,—
Тая душа гряшнѣ́й за ўси́хъ:
С аццо́мъ, з ма̀ткый пысвары́лыся,
З бо́льшымъ бра́тымъ паби́лыся,
Бо́льшый сястрэ́ кро́ў спусьт̄и́ла—
Вотъ тэй душэ рай зычынёный,
Рай зычынёный, пе́кла аччынёныя».
Пашла́ душа́ узрыга́ючы.
Ацца́-ма́т̄и прыклина̀ючы:
Быда́й про́клиты аце́цъ—ма̀т̄и,
Чаму́ мяне́ ма́лыю ня ўчы́ли,
Маё т̄ѣ́ла ни дьвижы́ли [1]).

(Зап. М. Матюкъ).

VIII. ПРИЧИТАНІЯ.

Причитанія матери по ребенкѣ.

1. А мой жа ты сыну́личка! А мой жа ты либядю̀личка! А чаго ш ты, мой сынуличка, ат мяне ут̄ика́ишъ? А т̄и я ш табѣ́ надаѣ́ла?

2, А скажы ш, скажы, мой сынуличка: а кали́ ты ка мнѣ пры́д̄ишъ у госьт̄ійки? А т̄и з васхо́ду, а т̄и з за́хыду? Кап я зна̀ла, мой ты либядёчикъ, кали ты пры́д̄ишъ ка мнѣ, тады и я ничо́га и ни рабо́тыла...

3, А ты ш паѣ́д̄ишъ, мой сыну́личка, у ха́тычку ду́жа т̄ёмныю,—бизвако́нныю. А тамъ жы дужа т̄ёмна, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа быя́ўся т̄ёмныга, а т̄япе́рь жы ты иде́шъ у ха̀тычку т̄ёмныю и бизвако́нныю и ни бай́сься...

4. Гасьт̄ю̀й, гасьт̄ю̀й, мой ты сыну́личка! Нямно́шка ш табѣ́ ужо́ у насъ гасьт̄юва̀т̄и. Праси́ ш, праси́, сыну́личка, свайхъ т̄ёт̄иникъ и дя́д̄иныкъ, кап яны т̄ябѐ прыбра́ли...

5, Прышча́й, прышча̀й, мой сынуличка! Прыхо́д̄ицца исъ табо́й рыстря́цца на вѣки,—мой ты сыну́личка, мой либядю̀личка!...

6, Упруўля́имъ жа мы т̄ябѐ, маё д̄итя́тычка, про́т̄и лѣ́т̄ичка, про́т̄и т̄ёплыга! А ўси ш дѣ́т̄ычки будут̄ь па ву́лицы гуля́т̄и и кра̀сычки ирва́т̄и, а майго́ ж жы д̄итя́тычки ня буд̄ит̄ь вида́т̄и!...

7, Агарчы́ў жа ты мяне, маё д̄итя́тухна!... Знат̄ь жы ты ны мяне дужа разгнѣ́вуўся,—што ты са мно́й ничо́га ни гаво́рышъ... Знать жы ты, маё д̄итя́тухна, дужа Бо́ху ўго́д̄инъ, што Ёнъ т̄ябе́ ат насъ атнима́ит̄ь, къ Сабѣ́ у выслу́жнички...

8, Пыт̄ихусиньку вы, мае́ дя́д̄ички, яго вы сьнима́йт̄я. Яго́ ш ко́стычки дужа бо́лныя...

9, Т̄и праси́ў жа ты, мой сынуличка, свайго́ тату́личку, какъ ёнъ табѣ́ запрёхъ свайго́ коника заѣ́хыт̄ь у ха̀тычку, дужа т̄ёмныю, бизвако́нныю? За-

---

[1]) Ср. подвижникъ.

мкнуть жа тябѣ, маё дитя́тычка, трёми замо́чкыми. Первый жы замо́чыкъ—грабо́выи до́шчычки; другёй жы замо́чыкъ—жо́ўтый пясо́чыкъ, а тря́тьтій замочыкъ—тра́вычка мура́вычка...

10. А я ш к табѣ, маё дитя́тычка, буду ха́дить ка́жный дянёчыкъ. Я ш буду ны табѣ кукува́ти, тябё ў госьтійки к сабѣ зва́ти... Якъ жа мнѣ забы́цца ёткыга дитя́тычку, ёткыга лю́бинькыга? Ёнъ жы висяли́ў жы нашу ўсю сямёнчку... Мой ты дитя́тычка! мой ты лю́бинькій сыночыкъ...

(*Запис. кр. Гонакъ*).

IX. ПѢСНИ РОДИННЫЯ И КРЕСТИННЫЯ.

Ай у нядѣ́льку ве́льма ра́нинька
Што ў не́би зызьвинѣ́ла?
— Го́спытъ Бохъ иде́ть и до́лю нясе́ть
Етыму дитя́ти.
А пыта́ицца ў Бугуро́дицы:
— «Яку́ю долю дать дитя́ти?
Ти грышаву́ю, ти дыжжаву́ю,
Ай ти тую виньча́лную?»
Бабычка сяди́ть и Бога про́сить:
— «Дай, Божа, усякыю!»

—

Ай у нядѣ́льку ве́льма ра́нинька
Што у неби зызьвинѣ́ла?
— Го́спытъ Бохъ иде́ть и долю нясе́ть
Етыму дитя́ти.
А пыта́ицца ў Бугуро́дицы:
— «Якую долю дать дитя́ти?
Ти грышаву́ю, ти дыжжаву́ю,
А ти тую виньча́лную?»
Ку́мычка сяди́ть и Бога про́сить:
— «Дай, Божа, усякыю!»

—

Ай ў нядѣ́льку ве́льма ранинька и т. д.
Кумо́чикъ сяди́ть и Бога про́сить:
«Дай, Божа, усякыю!»

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты ў мяне́ ба́бый бу́дишъ—
Пысади́ла и я тябе́
У гаро́ди ны грядѣ,
Пыливала и я тябе́
Ни вадо́ю, ды сыто́ю,
Кап сыты ни ста́ла,
Я и ме́ду дыста́ла.

—

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты ў мяне кумо́й бу́дишъ—
Пысади́ла и я тябе́ и т. д.

—

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты ў мяне́ ку́мымъ бу́дишъ—
Пысади́ла и я тябе и т. д.
Я й ме́ду и дыста́ла.

Кылы двыра́ сьтёжычка,
Кылы двыра́ даро́шка,
Туды и ишла́ баба́ўська,
Туды и ишла́ любу́ська.
Суструка́ить Го́спытъ Бохъ,
Суструка́ить Духъ Сьвятэ́й.
— «Куды иде́шъ, бабу́ся,
Куды иде́шъ, любу́ся?»
— Ай на ксьти́нки, Го́спытъ Бохъ,
Ну́ муравинки, Духъ Сьвятэ́й!
— «Што ты нясе́шъ, бабуся,
Што ты нясе́шъ, любуся?»
— Пялёнычки, Го́спытъ Бохъ,
Пялёнычки, Духъ Сьвятэ́й!

——

Кылы двыра́ сьтёжычка,
Кылы двы́ра даро́шка.
Туды и ишо́ў кумо́чикъ,
Туды и ишо́ў гулубо́чикъ.
Суструка́ить Го́спытъ Бохъ и т. д.
«Што ты нясе́шъ, кумочикъ,
Што ты нясе́шъ, гулубо́чикъ?
— Чирво́ньчики, Го́спытъ Бохъ,
Чирво́ньчики, Духъ Сьвятэ́й.

——

Кылы двыра сьтёжынька,
Кылы двыра́ даро́шка.
Туды ж ба йшла́ куму́ся,
Туды ж ба йшла любуся!
Сустрика́ить Го́спытъ Бохъ,
Сустрика́ить Духъ Сьвятэ́й:
— «Куды иде́шъ, куму́ся,
Куды иде́шъ, любу́ся?»
— Ай на ксьти́нки, Го́спытъ Бохъ,
Ну муравинки, Духъ Сьвятэ́й.
— «Што ты нясе́шъ, куму́ся,
А што нясе́шъ, любуся?»
— Ныпря́тычикъ, Го́спытъ Бохъ,
Ныпря́тычикъ, Духъ Сьвятэ́й!

А кап я ёта знаў,
А кап я ёт вѣдуў—
Я ж бы тябе́ ба́бый ни ўзяў:
Ина́ й гаря́лки ня пъёть,
Ина́ й пѣсинъ ни пяёть.

—

А кап я ёта знаў,
Кап я ета вѣдуў—
Я ж бы тябѣ кумо́й ни узяў:
Ина й гаря́лки ня пъёть,
Ина й пѣсинъ ни пяёть.

—

— А кап я ёта знаў,
Кап я ёта вѣдуў—
Я ж бы тябе ку́мымъ ни ўзяў:

Ёнъ гарэ́лки ня пъёть,
Ёнъ и пёсинъ ни пяёть.

А сидѣ́ли ў бясѣ́дзи
Мужы́ чёсныя,
А ра́дили яны́ ра́ду,
Ра́ду до́брую:
Аччаго́ а сьвѣ́тъ—Мысква́
Зыгарэ́лыся?
Зыгарэ́лысь сьвѣ́тъ—Мысква́
Ать удо́вушки,
А згарэ́ла тры цэ́ркуўки,
Тры суборнинькыхъ;
А згарэ́ли тры папы́,
Тры духо́ўнинькыхъ;
А згарэ́ла тры дякі́,
Тры наўчо́нинькыхъ.
А ни жаль жа трёхъ папо́ў,
Трёхъ духо́ўнинькыхъ,
А ни жаль жа трёхъ дяко́ў,
Трёхъ наўчо́нинькыхъ—
А и жаль жа тры цэ́ркуўки,
Тры субо́рнинькыхъ.

(*Д. Ермоленкова*).

X. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ,

дѣтскія, игорныя, шутливыя.

Лю́ли-люли-люли,
Прылятѣ́ли ву́ли;
Сѣ́ли-па́ли ны варо́тыхъ
У чырво́ныхъ бо́тыхъ.
Ста́ли яны́ брукува́ть:
Чымъ Иваньку гудува́ть?
Адѝнъ ка́жыть: пирашко́мъ,
Другѐй кажыть: мылачко́мъ,
Трэ́тьтій кажыть: сыто́ю,
И пало́жымъ спать с сабо́ю.

Лю́ли-лю́ли, спать-мыўча́ть,
Я сь (я жъ) тябе буду кылыха́ть
Кап табѣ́ було́ сма́шна спать.

Иди, ко́тикъ, ни вурчи́,
А Иванька сыпи—маўчи́;
А ны ката́ вуркыта́,
А ны Йваньку дрымыта́.

А псикъ, ко́тикъ, ны таржо́къ!
Прыняси́ Иваньку пиражо́къ,
И самъ тро́шку укуси́,
И Иваньку прыняси́!
А псикъ, ко́тикъ, на вулку,
Прыняси́ Иваньку хлѣба булку,
И самъ тро́шку укуси́
И Иваньку прыняси́!
Иди, ко́тикъ, на ры́нькъ,
Прыняси, ко́тикъ, скары́нькъ,
И самъ, ко́тикъ, ни зьяси́,
Астално́я прыняси́!
Иди, ко́тя, ни вурчи,
А Иванька, зьѣ́ў, маўчи́!

Зайчикъ дро́вы сячѐть,
Казёлъ дро́вы но́ситъ,
Кыза́ хату то́питъ,
Аўца́ муку́ сѣ́ить,
Сьвиньня́ дяжу́ мѣ́сить,
Кро́ликъ мы́ить столикъ,
Ка́ўки мы́ють ла́ўки,
Кошки мы́ють ло́шки,
Ли́ски мы́ють ми́ски,
Блыха́ ха́ту мятѐть.
Зайчикъ атьсѣ́къ па́льчикъ,
Казёлъ з драўми́ пувалиўся,
Кыза́ хату спали́ла,
Аўца муку́ рассы́пыла,
Сьвиньня́ ў дяжу́ ўвя́зла,
Кро́ликъ пыщипа́ў столикъ,
Ка́ўки пылыма́ли ла́ўки,
Кошки пыщипа́ли ло́шки,
Ли́ски пабѝли ми́ски,
Блыха́ вѣ́никъ рассы́пыла.
(Каждая строка два раза).

Мужыкъ—во́жыкъ
Прада́ў ножыкъ,
Купи́ў мыла,
Памыў рыла.

Латки—латки
Дяко́вы рыбя́тки
Гаро́хъ мылати́ли,
Цапы́ пулума́ли,
За 'ви́нъ зыкида́ли,
Дяку́ ни скыза́ли.
Дякъ зыбрани́ўся
И с пыла́ть звали́ўся,
Дячи́ха сь пѐчи—
Пабѝла плѐчи,
Пятўхъ зь я́мки—
Пабѝў кля́мки,
Курица с пали́цы—
Пабѝла шкляни́цы.

А чи-чи саро́ка,
Куды ля́тишъ далёка?
Сѣ́ла-па́ла ны таку́
У чурво́нымъ кылпаку́.
Ня би́ мяне́ пы баку́,
Буду табѣ́ го́тъ служы́ть,

Сахў на́ паля наси́ть.
Прышо́ў ў по́ля—сахи́ нима́,
Прыко́ў ў дворъ—жаны́ нима́.
— А йдѣ́ жана?—У мякйни!
— Што ради́ла?—А Якима!
— Хто купа́ў?—Сыба́ка!
— Чимъ завў́ть?—Кылбака!
— Идѣ́ ляжы́ть?—Пыд ла́ўкый!
— Чимъ накры́ўся?—Кыря́ўкый!
— Йдѣ́ пыкла́ли?—Пут кото́мъ!
— Чимъ накры́ўся?—Лускуто́мъ!
И припѣ́ўцы кане́цъ,
А мнѣ ме́ду каря́цъ.

——

Питушо́къ, питушо́къ,
Зылатэ́й грыбянёкъ!
Ны сало́мцы спаў,
Ёнъ ра́на уста́ў,
Пу вади́чку пашо́ў,
Мылади́чку нашо́ў;
Мылади́чка дыбра́,
Ямў́ штоники дыла,
Ёнъ и тэ́я ни знасйў
И другея́ пупрасйў.

——

Мати сына ради́ла,
На коника сади́ла,
Шаўко́выя пувады́,
Вяди́ кыня́ ды вады́.
Арэ́хува карыта
По́ўна вады́ нали́та.
Тамъ мальчики но́ги мы́ли.
А дѣ́вычки ваду́ пи́ли.
А дѣ́вычки чаты́ры,
Кап ихъ чэ́рьви стачи́ли,
А ма́льчикуў пять, пять—
У зо́лыти сьпять, сьпять.

XI. ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

Бо́жжыя рада ды пирылятѣ́ла
Чирысъ ‘брусъ ды бялёвинькій,
Чирисъ столъ ды тисо́винькій—
Ра́дыйся сярдэ́чка тату́лькина!
— Тады маё сярдэ́чка рудува́лыся,
Якъ маё ча́дюхна ныряжа́лыся (нарожалося).
Тяпе́рь маё сярдэ́чка рыдашнёй ста́ла,
Якъ маё ча́дюхна прыбра́лыся,
Прыбра́вшыси ча́дюхна, зы стало́мъ сѣ́ла,
Зы стало́мъ зы тисо́винькимъ,
За ‘бру́сымъ зы бялёвинькимъ,
За ку́пкымъ зы виномъ зы зилёнинькимъ,
А зы пираго́мъ за пшо́ньнинькимъ.

——

Ня стой, Го́спытъ Бохъ, пыдъ вакно́мъ,
А ходи́, Го́спытъ Бохъ, у ха́ту.
Сиратѣ́ до́лючку пирашли́.
— Я и ў хатыньку ни пайду́.
Я и ў сѣ́нычкахъ пыста́ю,
Чирысъ люде́й пыляджу́,
Сиратѣ́ до́лючку пирашлю́.

——

✓Кап у насъ сяго́ньни ды ни сирида́,
Улавили ж бы мы вирыбъя́,
Апску́бли и яго́ чи́сьтинька,
А памыли и яго бѣ́линька,
Зварили и яго мя́кынька,
А па ми́сыхъ яго́ рыскла́ли.
А ў дися́тыя паўми́ски.
«Ѣсьтя вы, сва́тійки, спыжыва́йтя,
То́льки пы кишэ́нихъ ни хува́йтя:
А наши сыба́ки сярьди́ты,
Яны вамъ кишэ́ни пытарву́ть,
Яны ў васъ вирябъйну адбяру́ть.

——

А на ву́лицы вы́тыла, вы́тыла, вы́тыла,
А на вы́тыли цэ́глинка,—3
А на цэ́глинцы цэ́ркуўка,—3
А на цэ́ркуўцы пы́жычикъ,—3
А на пыжычку кры́жычикъ,—3
А на крыжычку булдо́ўка,—3
Ну булдо́ўцы гнязьдэ́чка,—3
Ны гнязьдэ́чку яе́чка,—3
А ны яе́чку ла́стувица.—3
Сяди́ть ина́ висо́ка,—3
Гляди́ть ина́ далёка:—3
Што ў Бу́дницы дѣ́ицца?—3
Дэ́вить дитюко́ў жэ́ницца,—3
А дися́тый винча́ицца, винча́ицца, винча́ицца.

——

По́йдимъ, дѣ́вычки, лёнку братъ,
По́йдимъ, ду́шычки, лёнку братъ!
Ныбярёмъ мы рукави́чки
Ны сва́е бѣлы ручки,
Ны сва́е, ны сва́е.
Стрэ́нимъ мы Андрейку, Андрейку, Андрейку,
Ёнъ ѣ́дить, ёнъ ѣ́дить,
Ёнъ ѣ́дить с Чижо́ўки;
Яго́ пу́за, яго пу́за,
Яго пуза з начо́ўки.
Ёнъ ѣ́дить (3 раза) с пад лёду,
Ёнъ вязе́ть (2), вязе́ть гарщо́къ мёду.
Ёнъ ѣ́дить (3) с патку́тьтя,
Ёнъ вязе́ть (2), вязе́ть восъ лашку́тьтя.
Ёнъ ѣ́дить (3) с патпе́чча,
Ў яго (3) шапка кашэ́чча.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пад ду́ба
И нима́ (3) ў яго́ зу́ба.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пыт гря́дыкъ,
Яго ко́ничикъ ни гла́дыкъ.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пад ве́рбы,
И вядѣ́ть коника за рэ́бры.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пад гру́шы,

Атъ́ѣли (3) че́рьви ву́шы.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пыд жарэ́ньня,
Ёнъ вязе́ть (2), вязе́ть восъ карэ́ньня.

Пышла́ дѣ́ўка пу ваду́, пу ваду́, пу ваду́,
Пыста́вила вёдры ны ляду́, ны ляду́, ны ляду́.
Ста́ньтя вы вёдры кымянёмъ, (3)
А пачо́пычки лунцуго́мъ, (3)
А каро́мисилъ я́ворымъ, (3)
А я мыладе́нька вярбо́ю (3)
Пат кру́тыю гаро́ю, (3)
Нат бы́йстрыю ряко́ю. (3)
Ѣхыли куцы́—тыргаўцы́, (3)
Стали ету ве́рбу сѣчь—рубить, (3)
Ды на до́щички ськипа́ти, (3)
Зво́нкія гу́сьли выйма́ти. (3)
Каму́ еты гусьли на́дыби? (3)
На́ды е́ты гу́сьли Антону, (3)
Сына жанить Иваньку, (3)
Дачку́ ддыва́ть Ма́рьичку, Ма́рьичку, Марьичку.

Зыгриба́й матка жаръ, жаръ,
Кыли табѣ́ дачки́ жаль, жаль.
Зыгриба́й матка по́пилъ, по́пилъ,
А мы тваю́ дачку́ схо́пимъ, схо́пимъ.

Аччи́ни, та́тухна, варо́ты, варо́ты,
А вязёмъ мы чорта з балота́, з балота!
Ай играй, музы́ка, ни сьтиха́й,
Ўжу́ твыя́ плата оддата:
Вира́бе́ичка у стра́сѣ,
А кыча́нъ капусты ны гра́дѣ.

Кап табѣ, су́жынька,
Котъ во́чи лупи́ў,
Якъ ты мнѣ, сужынька,
Чирявы́къ ни купиў.
Кап табѣ, дѣвычка,
Сыва́ во́чи дра́ла
Якъ ты ў мяне, дѣвычка,
Чирявы́къ ни бра́ла.

Куку́ аб мяне́ мамўлька
Сяго́нишній вечиръ,
Вышыўшы зы варо́ты,
Пыглида́ть бу́дишъ:
А йдѣ, дѣ дачўшка падѣ́лыся:
Ти с сыкало́мъ, ти з либядёмъ
Ў по́ля пылятѣ́ла?
— З мыладымъ су́жынькымъ
А паѣхыла.

А чаму ш вы, сва́тьтійки,
А ни пінтё, а ни пінтё?
— А пяе́цца жжа намъ пу душэ́, (2)
У чужы́мъ платьтійку,
Сѣ́дя ну кутѣ́ (2).
А на́тя вы, дѣ́тухны,
Зыняси́тя, (2)
И людёмъ спасиба скажы́тя.

Ру́та мята зилина́я,
Нисаджо́ныя (2),
Пла́чить, пла́чить кра́сна дѣ́ўка
Зыручо́ная. (2)
Умы́лыся, прыбра́лыся,
На ры́нык пышла́. (2)
На ры́нычку спулюби́ла
А трёхъ мылайцо́ў. (2)
Ади́нъ дяржи́ть за ру́чиньку,
Другёй зу рука́ў, (2)
Трэ́тьтій стаи́ть, сэ́рца бали́ть,
Люби́ў ды ни узя́ў. (2)
Дыбря́ було́ дяўчо́ныццы
Гасьти́ньчики брать, 2
Дыбря́ було́ дяўчо́ныццы
Гарэ́лычку пить. 2
Ў майго́ та́ты дворъ вяли́кій
Новый чистако́лъ, 2
А с пыт таго́ чистако́лу
Вылита́ў сако́лъ. 2
Я ду́мыла, я гыда́ла,
Што сако́лъ, сако́лъ— 2
Ажны майго ми́линькыга
Варо́нинькій конь. 2
Прыѣ́хыли чужазе́мцы
Хо́чуть мяне́ ўзять (*двы* разы).

А лятѣ́ли пта́шычки
На три ста́дички—
Зязю́ля напе́риди.
Пта́шычки пали,
Зыщибита́ли—
Зязю́ля зыкукува́ла.
Ай ишли́ дѣвычки
Чирысъ сѣ́нычки—
Ва́ричка напе́риди.
Дѣвычки сѣли,
Пѣсьни запѣли—
Ва́ричка зыпла́кыла.
Пришла ды я́е́
Ма́мычка я́е́
Ды пыта́ицца:
Чимъ-чаго́ дитятка,
Чимъ-чаго дырагоя,
Едыкъ си́лна плачишъ?
— А ти табѣ жаль
Падворья майго,
А ти ста́рысьти ма́е́?
А ни жаль жа мнѣ
Ста́рысьти тва́е́
Ни падво́рійка,
Ай жаль жа мнѣ, жаль,

Свае́ русыя касы́,
Ды дявоцкія красы́.

Зилина̀я ты дубро́вушка,
Знать у тябе́ дубъя́ мно́га,
Бярёзычки ды ни розычки,
Але́шычки ды ни вѣтычки.
— Быў у мяне́ адинъ дубо́къ,
Таго́ буря пылыма̀ла.
Мылыда̀я ты Марьёшычка,
Знать у тябе́ ма̀тыкъ многа,
А ро́дныя ды ни во́дныя.
— Была̀ ў мяне́ адна́ ро́дныя—
И тая Богу ўго́дныя.
Пиратъ Бо́гымъ стаи́ть,
Ручки на̀крышъ дяржы́ть,
А у Бога про́сицца:
«Пусьти ш мяне, Божа,
А зь не́ба на зе́млю
Пылядѣть мнѣ́ свайго́ дитяти:
Ти харашо̀ прибярёна,
Ти висо́ка пысаджо́на?
— Прибярёна, якъ пыня́тычка,
Пла̀чить нна̀, якъ дитя́тычка.

Пылъ ды дымъ, пылъ ды дымъ
Ды на вулицы,
Ны кани́ Миха̀лька
Ды ваюицца,
Ста̀рыхъ банъ, старыхъ банъ
Ёнъ ме́ччу ва́лить,
Ма̀линькыхъ рыбя́тыкъ
Ды канёмъ то́пчить,
Мылады́хъ жонъ, мыладыхъ жонъ,
У шаре́нъ ста́вить,
Кра́сьнинькыхъ дѣвычикъ
Зы сабо́й во́дить.

Вы́йди, выйди,
Ныста̀сичка, сь тирима́,
Вынись, вынись
Кубыкъ мёду, два вина,
Часту́й, частуй
Ста́ршыга свата ны кани́.
Конь си́винькій,
Самъ щасьли́винькій—
Ста̀ршый сватъ.
Конь ка́рынькій,
Самъ старынькій—
Сьвяко́рка.
Конь выранѐнькій,
Самъ мыладе́нькій—
Девёрка.
Што у тла́си,
Коникъ пля́шыть—
Су́жынька.

Ель мыя́, ель, 2
Ель зялёныя!
Ти ўсё пры табѣ,
Ель мыя, ель,
Тваё вѣтьтійка?
Усё пры мнѣ, 2
Маё вѣтьтійка,
Тольки нѣтъ, 2
Нѣтъ маку́шычки,
Самыя вышнія вярху́шычки.
— Ти ўся́ пры табѣ, Ма̀рьичка,
Твыя́ ради́на?
Ўся пры мнѣ, 2
Мая́ ради́на,
Тольки нѣтъ, 2
Ро́дныя мамки.
Прысла́ли ат Бога
А два я́нгыльки,
Ўзяли́ ма́мычку
Зы пытпа́шыньки,
Пувяли́ мамычку
У даль дале́ка,
Замкнули мамычку
У тры замки́.
Первый замо́къ, 2
Тра́ўка мура̀ўка,
Другій замо̀къ, 2
Жо́ўтый пясо́къ,
Трэ́тьтій замокъ, 2
Грыбавэ́я до́ски.
А ўзго́ньтя, ўзго́ньтя
Ды табунъ ко́ній,
Вы́трутя, вы́трутя
Тра́ўку мура́ўку,
Прайди́тя, прайди́тя
Дро́бны до́ждики,
Размы́йтя, размыйтя
Жо́ўтыя пяски́.
А ўдартя, удартя
Лютыя моро́зы,
Разьби́тя, разьбитя
Грыбавэ́я до́ски.
Вы́пусьтя ма̀мычку
Ны пыра́дычку!
— Ни пайду́, дачу́шка, ни пайду́:
Сонъ маю, сонъ маю
Гало́ўку сыкланіў,
А на вѣки, а на вѣки
Спа́тьки пылажы́ў.
Я ш табѣ сястры́цу
Спыради́ла,
Кап табѣ пыра́тки
Пывади́ла,
Кап были́ пыра́тки,
Якъ у матки.

Ста̀ньт̄я, ба́бычки,
А ўсѣ̀ ў рядъ—
По́йдит̄ь Марьичка
Мамки шука́т̄ь.
А ўвесь рядо́чикъ абыйшла̀,
Ро́дныя ма́мычки ни знышла̀.
Ўжэ́ ш мыя гало́ўка ў вяно́чку,
Нима̀ мае́ мамычки ў рядо́чку,
Ўжэ́ ш мыя гало́ўка у квѣ̄ти,
Нима́ мае́ ма́мычки на сьвѣ̄ти.

А на вызярэ́ ву́тычка ды купа́лыся,
Пукупа́вшыси ву́тычка пусушы́лыся.
А ни выхади́ вутычка с трысьнику́ вонъ,
Прылят̄и́т̄ь пт̄ица аро́лъ, забъе́т̄ь т̄ябе́,
Рызальле́т̄ь тваю туску́ па жо́ўтымъ пяску́
Рассы́плит̄ь сиза перья па си́нимъ мо́ру.
Ў камо́ры Марьёшка прыбира̀лыся.
А ни выхади́ Марьёшка с каморы вонъ,
Прыѣ̄дут̄ь дивярьё т̄ябе́ во́зьмут̄ь.
Растрэ́плют̄ь ру́су касу́ па бѣ̄лыхъ пле́чкыхъ,
Рызальлю̀т̄ь сьлёзыньки пу румя́нымъ ли́чку.

Сьви́сныў силязе́нь на мо́ры,
Зыпла́кыў князь мылады́й ў камо́ры:
«На што мине́ мыладо́га жэ́нит̄я?
Я ў е́тымъ дѣ̄ли ни быва́ў,
А на тёмныхъ нычàхъ ни нжджàў!»
А зачу́ў ба то́я тату́лька:
«Дурачокъ, сыночикъ, неразумный!
Мы ш т̄ябе́ аднаго́ ни пашлёмъ,
Пашлёмъ мы т̄ябе́ с свыта̀ми,
А ўсё з ро́дными брыта̀ми.
Бо́льшыга брата зы сва́та,
Ме́ньшыю сястри́цу зы сва̀т̄ьт̄ю,
А сусѣ̀диньку ў пыдбра̀т̄ьт̄ю.

Драмли̇̀ва по́ля, драмли́ва,
Ны я́гадыньки радли́ва.
Тамъ кра̀сныя дѣ̄вица хади́ла.
Ина́ тэ́я я́гыдки сыбира́ла,
Биручи́ я́гыдки заснула,
Ѣ̄хыў су́жынька—ня чу́ла.
Ѣ̄хыў ны кани́—ни стыпта̀ў,
Махну́ў ху́стую—ни дыста̀ў,
Пыкат̄и́ў пярсьт̄ёныкъ—ды ни дыкат̄и́ў.
«Сьпит̄ь мыя́ ми́лычка, ня чу́ит̄ь,
Якъ мой ко́ничикъ гарцу́ит̄ь;
Сьпит̄ь мыя́ милычка, ни зна̀ит̄ь,
Якъ мой коничикъ гуля́ит̄ь.
Сьпи ш мыя́ милычка, сьпи ду́шка,
Кыли ў т̄ябе́ ўгылыва́хъ паду́шка.
Сьпи мыя́ милычка да ‘бѣ̄ду,
Паку́ль я пы т̄ябе́ прыѣ̄ду.
У в абѣ̄дъ дару́ют̄ь ху́стую,
А пабѣ̄дыўшы дѣ̄ўкыю.

С пат лѣ̄су ўзыйшо́ў ту́чкую,
А па по̀лю пашо́ў до́жджикымъ,
Пат дворъ пытхади́ў рако́ю,
У варо̀тыхъ стаў страло́ю,
Пысяро́тъ двыра̀ сь сьвячо̀ю,
А ў ха́ту ўлят̄ѣ̄ў гулупцо́мъ,
За сто́ликымъ сѣ̄ў мылайцо́мъ.
«Хади́, мыя́ ми́лычка, сят̄ь ли мяне́!»
— Пыдажджи́, ми́линькій, прыбяру́ся,
Па по́исъ у зо́лыта увъю̀ся,
А па пле́чиньки ў сирабро́.

(Дарья Ермоленкова и др.).

А т̄и я табѣ̄, ма́минька, ня трэ́ба,
Што ‘ддае́шъ мяне за дѣ̄да?
А ў дѣ̄да бырыда̀ па по́исъ,
Якъ ста́нит̄ь цулува̀т̄ь—пако́лит̄ь.

Зялёнинькій пыдале́шничикъ,
Кали росъ, кали рыськида́ўся?
— Я росъ у вяли́кій постъ,
Рыськида́ўся про́ти лѣ̄тичка,
Про́ти лѣ̄та, про́ти т̄ёплыга,
Про́ти во́сини сьт̄идёныя!
Мылыда́я Кыт̄яри́нка,
Кали рысла́, кали рузумѣ̄ла,
Кали ў лю̀ди пасьпѣ̄ла?
— Рысла́ ў мату́льки,
Рузумѣ̄ла ў брату́льки,
У сьвёкырки викува́т̄ь бу́дит̄ь.

А йдѣ̄ ш мы бува́ли,
А йдѣ̄ ш мы ѣ̄зьдили,—
Еткыга мы дива ня ви́дили,
Кап матка дачко́й ныбива́лыся,
Зы пра́выю ручиньку вонъ выво́дит̄ь,
Ни хлѣ̄ба, ни соли ни выно́сит̄ь,
Вѣ̄рныга сло́вичка ни гаво́рит̄ь.

Си́вый ко́ся ны ста̀инцы ряго́чит̄ь,
Матка з дачко́й рыстря́т̄иси ня хо́чит̄ь.
Сивый ко́ся, заржы́, заржы ўзно́ва,—
Астыва́йся, матка, здаро́ва.

Го́рдыя т̄е́ща, го́рдыя!
Стаи́т̄ь зят̄ь зы варо́тыми,
А ны яго́ ды мят̄е́ль мят̄е́т̄ь,
А ны яго́ ка́пли ка́плют̄ь,
А на имъ су́кны мякнут̄ь,
И синія, и зялёныя,
А ны вярху чирво́ныя.
Ну ты, т̄е́ща сьце́ха,
Накры́й зя́т̄я мѣ̄хымъ!

Чимъ-чаго, Андре́йка,
Нивясёлъ сяди́шъ:
Ти тябе́, Андрейка,
Те́ща била?
— Била мяне́ те́ща
И ни жа́лувыла
Миди́нымъ ку́бычкымъ
Ды па гу́бычкымъ,
Зылаты́мъ пярьсьтёнкымъ
Ды пу па́льчику.

Ёть, ёть, Андрейка, ды ни ба́уся:
А даро́га твыя́ до́ўгыя,
Те́щухна твыя́ го́рдыя,
Ина тябе́ ў во́чи ня пры́мить,
Ина табѣ́ варо́ты ня 'ччы́нить,
Ина табѣ́ Кытяры́нки ни пыка́жыть.
— Самъ жа я варо́ты аччыню́,
И ради́нку на дворъ успушчу́,
Самъ я Кытяры́нку спызна́ю:
Па пле́чкыхъ у яе́ ко́сынька,
А па ли́чку я́е сьлёзынька.

Силязе́нька, а ти быў ты на мо́ры,
А ти ви́дюў ты вутычку?
— Чаму́ ш я ня быў
Чаму ш я ня ви́дюў—
На бе́рышку сядёў, на ву́тычку гляде́ў.
У мае́ ву́тычки пёрья зылатэ́я,
Крылушки быйстрэ́я.
Мылады́й Давытька.
А ти быў ты у те́щи,
А ти ви́дюў ты дёвычку?
— Чаму ш я ня быў,
Чаму ш я ня ви́дюў:
За столикымъ сядёў,
На дёвычку гляде́ў.
У мае́ дёвычки лицо румя́ныя,
Пла́тьтя шаўко́выя.

(*В. Корбанова и др.*).

XII. СКАЗКИ.

Вирябе́й и былина.

Стыя́ла былі́на. Ляте́ў вирябе́й, сёў ны былі́ну.
— Былина, былина! кылышы́ мяне́!
— Нѣ, ня буду!
— Ну, пыгади́ былина: нашлю́ я ны тябе́ казло́ў! Казлы́, казлы́, иди́тя былину ёсьти!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, казлы́: нашлю я ны васъ ваўко́ў! Ваўки́, ваўки́ —иди́тя казло́ў ёсь!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, ваўки́: пашлю я ны васъ стральцо́ў! Стральцы́, стральцы́! иди́тя ваўко́ў бить.
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, стральцы́: нашлю я ны васъ вяро́выкъ! Вяро́ўки, вяро́ўки! иди́тя стральцо́ў визать!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну пыгади́тя, вяро́ўки: нашлю я ны васъ агня́! Аго́нь, аго́нь! иди́ вяро́ўки пали́ть!
— Нѣ, ни пайду́!
— Ну, пыгади́, агонь: нашлю́ я ны тябе́ ваду́! Выда́, выда́! иди́ аго́нь тушы́ть!
— Нѣ, ни пайду́!
— Ну, пыгади́, выда́: нашлю́ я ны тябе́ вало́ў! Валы́, валы́! иди́тя ваду́ пить!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, валы́: нашлю́ я ны васъ даўбни́! Даўбни, даўбни! иди́тя вало́ў бить!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, даўбни́: нашлю я ны васъ чарве́й. Черви, черви! иди́тя даўбни́ тачи́ть!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, черви; нашлю я ны васъ курэ́й! Куры, куры! иди́тя чарвей дюўба́ть!
— Нѣ, ня пойдимъ!
— Ну, пыгади́тя, куры: нашлю я ны васъ истрабо́ў. Истрабы́, истрабы́! иди́тя курэ́й драть!

Истрабы́ пашли́ курэ́й драть, куры пашли́ чарве́й дяўбти́, черви пашли́ даўбни́ тачи́ть, даўбни́ пашли́ вало́ў бить, валы́ пашли́ ваду́ пить, выда́ пышла́ аго́нь тушы́ть, аго́нь пашо́ў вяро́ўки пали́ть, вяро́ўки пашли́ стральцо́ў визать, стральцы́ пашли́ ваўко́ў бить, ваўки́ пашли́ казло́ў ёсь, казлы́ пашли́ былину ёсь, былина стала вирибъя кылыха́ть.

Котъ и лисица.

Быў у дёда котъ. Не́чимъ яго́ карми́ть. Прыгна́ў дёдъ кыта́, даў яму́ кусо́къ са́ла и ски́нку хлёба.

Пашо́ў котъ у гумно́. Идёть лисица.
— Хто тутъ?
— Я тутъ!
— Хто ты?
— Котъ я!
— Ну, буть ты мой мужыкъ, а я буду твыя жо́нка!

Котъ ка́ить: буду!

Тады лисица пувила́ яго у сваю пича́ру.

Идёть воўкъ. Лисица гаво́рить:
— У мине́ ёсь мужыкъ з до́ўгій пи́кый: каго́ увидить, таго на́скрысь праколить!
— Ти ба́чишъ ты!

Идёть барсукъ.
— Ага, у мине́ ёсь мужыкъ з до́ўгій пи́кый: каго́ увидить, таго на́скрысь праколить!
— Ти ба́чишъ ты!

Идёть за́ицъ.

— Ага́! а ў мине́ ёсь мужыкъ, з до́ўгій пикый: каго увидить, таго́ на́скрысь прако́лить!

— Ти ба́чишъ!

Иде́ть бѣлка.

— Ага̀, бѣлка! у мине́ ёсь мужы́къ з до́ўгій пи́кый: кого уви́дить, того́ на̀скрысь прако́лить!

— Ти бачишъ ты!

Затика́вились зьвѣри, сыбра́лиси на е́лку, глядѣ́ть лиси́цыныга мужука. А йде́ть пяту́хъ. Лисица ка̀ить:

— Ага, пяту́хъ! у мяне ёсь мужы́къ з до́ўгій пикый: каго уви́дить, таго́ на̀скрысь прако́лить!

— Ну, пыкажы ш яго́ мнѣ!

Лисица пувила́ питуха́ пыказывать сва́йго мужука̀. Пришли к кату́. Котъ питуха ла́пый копъ-копъ. А пятухъ спужаўся ды: куда́къ-куда́къ! А воўкъ, ды барсукъ, ды заицъ, ды бѣлка ду́мують, што лисицынъ мужыкъ крычить: «пыда̀й, пыда̀й ихъ мнѣ!» Спужалиси, якъ зычали́ вали́тца з е́лки—утика́ть, и паби́лиси. Кату́ надо́ўга харчи́ ста́ла.

Быкъ и ваўки.

Наси́ў быкъ по го́рыду ко́сы, прыдыва̀ў, каму́ на́да. Тады́ на бы́ка гово́рутъ: нашто табѣ́ ко́сы?

А быкъ гово́рить: буду каси́ть!

Пашо́ў у дворъ, вы́клипуў касу́ и пашо́ў каси́ть.

Ко́сить быкъ. иде́ть икъ бы́ку воўкъ. И гаво́рить бы́ку:

— Ты быска?

— Я быска!

— Сѣна ко́сишъ?

— Кашу́!

— Рыга́ми кру́тишъ?

— Кручу́!

— Хвасто́мъ ме́лишъ?

— Мялю̀!

— Ти бай́сься ты мяне́?

— Я васъ диситяры́хъ ни баю̀ся!

Воўкъ пашо́ў иска́ть. друго́га вуўка́. Знашо́ў друго́га вуўка́ и гаво́рить: «Тамъ ко́сить быкъ ду́жа крэ́пкій: мяне аднаго́ ни бай́цца!» Пашли́ удвайхъ ваўки к бы́ку. Иду́ть и гаво́руть:

— Ты бы́ска?

— Я быска!

— Ты сѣна косишъ?

— Кашу́!

— Рыга́ми кру́тишъ?

— Кручу́!

— Хвасто́мъ ме́лишъ?

— Мялю̀!

— Ти бай́сься ты насъ двайхъ?

— Ни баю̀ся!

Пашли ваўки́ искать трэ́тьтига вуўка́ (и т. д. повторяются тѣ же діалоги, пока собралось пять волковъ.)

— Ти бай́сься ты насъ питяры́хъ?

— Нѣ, ни баюся!

Пашли ваўки иска̀ть шо́стыга.

Тады быкъ ужу стру́сиў и пашо́ў у дворъ. Прышо́ў у дворъ, касу́, вы́клипуў, найстры́ў, а кыня́ наўчи́ў брыка̀ть, а кызла́ наўчи́ў туўха́ть, а бырына́ наўчи́ў басьти́, а питуха̀ наўчи́ў драть. Тады ваўки́ прышли́ ўшысьтиро́хъ, а бы́ка ўжу́ нима̀.

Яны пашли к бы́ку у дворъ. Прышли́ и гаво́руть:

— Ага, быска: стру́сиў!

— Нѣ, я ни стру́сиў, а я зыхатѣ́ў палу́днывать, дыкъ я пашо́ў у дворъ.

Тады яны за бы́ка. А быкъ ихъ касо́й, а конь зыча̀ў брыка́ть, а казёлъ стаў туўха̀ть, а быра́нъ зыча́ў басьти́, а пяту́хъ зыча̀ў драть—чуть ихъ ни заби́ли, чуть тыя ваўки́ утякли́.

(*Дм. Новикъ*).

Дѣдыва рукавичина.

Жыў дѣтъ из ба̀бый. Паѣхуў дѣтъ у лѣсъ и пытиря́ў рукави́чинку.

Ска́чить люга́шка. Прискака́ла къ рукави́чинцы и пыта́ицца: «хто ў етый рукави́чинцы жыве́ть?»

Нихто ни атгука́ицца. Ина палѣ́зла ў рукави́чину и стала жыть.

Троху спыгыдя́ паўзе́ть ракъ.

Прыпоўзъ к рукавичини и пытаицца: «Хто тутъ, у етый рукави́чини, жыве́ть?» А люга̀шка говорить:

— «Сыма́ паня-пытягу́ня. А ты хто?»

— А я ракъ тырабу́нъ! Ти мо́жна мнѣ?

— Лѣсь!

Троху спыгыдя́ бяжы́ть зайчикъ.

Прыбѣхъ к рукавичинцы и пытаицца:

— Хто ў етый рука́вичинцы?

— Сыма паня-пытягу́ня и ракъ-тырабу́нъ. А ты хто?

— А я пу бярэ́зьничку-прыгунъ. Ну й я палѣ́зу к вамъ?

— Лѣсь!

Троху спыгыдя́ бяжы́ть лисица.

— Хто ў етый рукави́чинцы?

— Сыма паня-пытягу́ня, ракъ-тырабунъ, пу бярэ́зьничку-прыгу́нъ. А ты хто?

— А я лисица-до́брыя мылади́ца. Палѣ́зу й я к вамъ?

— Лѣсь!

Лисица ўлѣ́зла й сидя́ть.

Троху спыгыдя́ иде́ть воўкъ.

— Хто ў ѐтый рукави̇чини жыве́ть?

— Сыма па̀ня-пытягу́ня, и ракъ-тырабу́нъ, пу бярэ́зьничку-прыгу́нъ и лисица-до́брыя мылади́ца. А ты хто?

— А я з—за куста́ хапу́нъ. И я палѣ́зу к вамъ?

— Ну, лѣсь!

Улѣзъ и воўкъ.

Троху спыгыдя́ иде́ть мядьмѣ́дь. Прышо̀ў к рукавичини и пыта̀ицца:

— Хто ў етый рукави́чини жыве́ть?

— Сыма паня-пытягу́ня, и ракъ-тырабу́нъ, пу бя-рэ́зьничку-прыгунъ, и лисица-добрыя мылади́ца, и з— за куста хапунъ. А ты хто?

— А я зверху пытиску́нъ. Пусьти́тя мяне к сабѣ!

— Нѣ, ў насъ нѣйди!

— Ну, я зверху сяду!

Узьлѣзъ наверхъ, якъ тискану́ў—и пати́сный усихъ на прысна́къ.

Зьлѣзъ з рукавицы, пыдня́ў бпряжокъ рукави́чины, пылядѣ́ў—аш уси патиснуты...

(*С. Малькович*).

Кыза Дарота.

Жыў сабѣ дѣтъ ды баба. И ни было́ у ихъ никаго́ с скати́ны. Пашо́ў дѣтъ у лѣсъ, якъ сту́книть у бя-рэ́зину—выскакнить кыза́ бѣлыя. Ёнъ яе́ узя́ў за ро́ги и прывёў у дворъ.

— «Ну, баба: дай!» Ина́ зьлѣзла сь пе́чы, пыдайла, зыгнала казу ў хлѣў.

Ну другій день узно́ў дѣтъ пашо́ў у лѣсъ. Якъ сту́книть у рабинину—выскычыла кыза́ ра́быя. Ёнъ яе́ ўзя́ў за ро́ги и прывёў у дворъ.

— «Ну, баба: ступай, дай!» Баба зьлѣзла, пыдайла, и зыгна́ла яе́ ў хлѣў.

На тре́тьтій день дѣтъ апя́ть пашо́ў у лѣсъ не ты-паро́мъ. Якъ сту́книть у васи́нину—вы́скычыла кыза́ си́выя. Ёнъ яе́ узя́ў за ро́ги и прывёў у дворъ.

— «Ну, баба: иди́, дай!» Баба зьлѣзла сь пе́чы, пыдайла казу́ и ў хлѣў зыгна́ла.

Ны чатьвёртый день апя́ть узя́ў дѣтъ тапоръ и пашо́ў у лѣсъ. Якъ сту́книть у е́лку—вы́скычыла кыза́ чо́рныя. Ёнъ узя́ў яе́ за ро́ги и прывёў у дворъ.

— «Ну, баба: дай!» Баба зьлѣзла сь пе́чы, пыдайла, а казу́ зыгна́ла ў хлѣў.

Тады, ну другій день пысыла́нить дѣтъ бо́льшыю дачку́ па́сьвить козъ. Ина́ пыгна́ла козъ у лѣсъ. Па́сьвила-па́сьвила ны мхахъ, ну бало́тыхъ, у вечыры го́нить у дворъ. А дѣтъ стаў у варо́тыхъ и пыта́нцца у козъ: ко́зы маé, ко́зыньки: ти пили́ вы, ти е́ли? А ко́зы ка́жуть: нѣ, мы ня е́ли й ни пили: ны кляно́вый лисьти́нцы зьѣли, ны пыпя́рстычку вады́ вы́пили. Дѣтъ узя́ў, дачку́ забу́ў, пат печъ паткинуў, сту́ный зыкати́ў, скыварóдый завѣсю́ў, сало́мкый пытпали́ў.

Ну другій день выпрыўля́нить дѣтъ другу́ю дачку́ па́сьвить козъ. Пыгна́ла ина ихъ у лѣсъ, па́сьвила-па́сьвила ны мхахъ, ну бало́тыхъ. Яны наѣлиси якъ бочки. У вечыры ныпайла и го́нить у дворъ. А дѣтъ забѣхъ к имъ нане́рытъ и пыта́нцца: ти е́ли вы, козыньки, ти пили́ вы?—Нѣ, дѣтъ,—ня е́ли мы и ни пили, то́льки зьѣли ны кляно́вый лисьти́нцы и ны ныпя́рстычку вады́ вы́пили! Дѣтъ узя́ў, дачку́ забу́ў, пат печъ паткинуў, сту́ный зыкати́ў, скыварóдый завѣсю́ў, сало́мкый пытпали́ў.

На тре́тьтій день пысыла́нить дѣтъ тре́тьтію дачку́ па́сьвить козъ (и т. д. Козы даютъ тотъ же отвѣтъ. На четвертый день погнала козъ баба, и опять тотъ же отвѣтъ).

Ны пя́тый день ужу́ самъ пыгна́ў дѣтъ па́сьвить козъ. Па́сьвиў, па́сьвиў ны мха́хъ, пу бало́тыхъ,—наѣлиси, ныпилиси, у ве́чыры го́нить у дворъ. А самъ забѣхъ к имъ напе́рытъ и спра́шыить: «козы маé, ко́зыньки,—ти наѣлиси, ти ныпилиси?»—Нѣ, дѣтъ,—ни ныпилиси, ни наѣлиси, то́льки зьѣли ны кляно́вый лисьти́нцы и ны ныпя́рстычку вады́ вы́пили!

Дѣтъ усе́рдюуся. Узя́ў, зыгна́ў ихъ у хлѣў, а самъ пашо́ў у ха́ту зы нажо́мъ. Прышо́ў з нажо́мъ у хлѣў, улазиў адну́ казу́ и стаў лупи́ть. Лупи́ў-лупи́ў, ношъ ступи́ў. Пашо́ў ёнъ ў ха́ту пстры́ть ношъ, а кыза́ атырва́лыся и набѣгла. Бѣгла-бѣгла, прыбѣгла ў лѣсъ. Си́ки-бры́ки—и пупа́ла ў лисиччыю пича́ру. А лисицы нима́ у дварэ́. Прыхо́дить лисица: «хто тута ёсь у маёй пича́ры?»—Я кыза́ Дарóта, пау́бóка парóга, бокъ дранъ, бокъ ни дранъ, бокъ луплинъ, бокъ ня луплинъ. Якъ вы́скычу—зьѣмъ, зыбаду́ [1])! Лисица сядить и пла́чыть. Бяжы́ть за́ицъ: ча́ ты, ку́мка-галу́пка, пла́чышъ?—Чаму́ мнѣ ни пла́кыть, кыли ў маёй пича́ры нѣхта сядить!—Ну, пастой: ти ни вы́гыню я? Прышо́ў к пичары, пытаицца:—Хто тутъ ёсь у пича́ры?—Кыза́ Дарóта, пау́бóка парóта, бокъ дранъ, бокъ ни дранъ, бокъ луплинъ, бокъ ня луплинъ. Якъ выскычу—зьѣмъ, зыбаду́! Заицъ спужа́ўся и набѣхъ у лѣсъ. Идéть воўкъ. «Ча ты, кумка-галу́пка, пла́чышъ?» (и т. д. Послѣ волка пришелъ медвѣдь и тотъ испугался козы). Литить щимялёкъ. «Ча́ ты, кумка-галупка, плачышъ?»—Чаму мнѣ ни пла́кыть, кыли ў маёй пича́ры нѣхта сядить. Заицъ гнаў ни вы́гныў, воўкъ гнаў ни вы́гныў, мядьвѣть гнаў ни выгныў.—«Ну, хади-тку, ти ни вы́гыню я!» Ина прывила́ яго къ пича́ры, ёнъ пытаицца: «Хто тутъ ёсь у пича́ры?»—Кыза Дарота, пау́бóка парóта, бокъ дранъ, бокъ ни дранъ, бокъ луплинъ, бокъ ня луплинъ,—якъ вы́скычу—зьѣмъ, зыбаду́! А щимялёкъ залѣсъ у пичáру, за луплиный бокъ якъ кусну́ў!... Кыза и набѣгла с пича́ры.

Бяжы́—бяжы, ажны́ стайть хатка ны куры́ныхъ но́шкыхъ, ны быра́ньнихъ ро́шкыхъ, ста́ить пакру́чы-ицца. Ина́ ў тую хатку и стала жыть. Акызянилыся тамъ. Тады сыма́ пышла́ ѣсьти искáть, запёрла кызня́ть у ха́ццы и скыза́ла имъ никаму́ ни ‘ччыня́ть, а то воўкъ паѣсь. Пышла́, наѣлыся и прыходить: «кызьлиня́тки—гулубиня́тки, аччыни́тя хатку! нясу́ гарщóкъ твырыга́, цыцку́ мылыка́!»[2]) Яны атпёрлиси,

[1]) Варіантъ: Я кыза билабóкыя, у мине с. глубóкыя, два раги́, чатыры наги́ —якъ дамъ, дыкъ и духъ вонъ!

[2]) Варіантъ: «Дитя́тычки, кызьлиня́тычки, аччыни́тися, атапры́тися, я вамъ ѣсь прынисла: по́уны цыцы вади́цы, по́уны ро́ги тваро́ги».

кыза́ пыкарми́ла ихъ и зно́ву пышла́. «Ляди́тя ш, никаму́ ни ччыня́тя, а то воу́къ зьѣсь!» Пачу́у воу́къ, што кызиня́ты бля́ють, пыдыйшо́у к ха́ццы и ка́ить грубымъ го́лысымъ: «кызьлиня́тки, гулубиня́тки, аччыня́тя хатку! нясу́ гарщо́къ твырыга́, цыцку́ мылыка́!» А яны́ кажуть: «нѣ, ты ни матка, а ты воу́къ; матка то́нинька ня́сть, а ты гру́ба. Табѣ ня ччынимъ!»

Воу́къ пашо́у к кывалю́ и ка́жыть: «ну, кываль! пакуй мнѣ язык!»—Ну, дывай! Ёнъ пыкла́у языкъ ны кало́тку, а кыва́ль узя́у тапоръ—якъ дась ны язык у́ абу́хымъ—языкъ и пытапѣ́у. Воу́къ тады пашо́у к хаццы и ка́жыть тонинькимъ гыласо́мъ: «дѣтки гулубиня́тки, аччыня́тя хатку! нясу́ гарщо́къ твырыга́, цыцку́ мылыка́!» Яны́ и аччынили, ёнъ и паѣ́у ихъ, тольки а́динъ схува́уся у щѣпы. Прышла матка и кажыть: дѣтки гулубинятки, аччыня́тя ха́тку! нясу́ гарщо́къ твырыга́, цыцку́ мылыка́! А кызьлянёнькъ байцца аччынять, ёнъ ду́муу, што воу́къ. Кыза пыт сьтяну́ пыткыпа́лыся и у́лѣзла у ха́тку. «Кызьлинятки-гулубинятки, идѣ вы?» Ёнъ вы́скычыу́ и ка́жыть: воу́къ паѣ́у тыхъ!

Ина у́зила, пысыбра́ла тэя ко́стычки, пусуши́ла, у ступи пытуу́кла́, учыни́ла блину́ и пысла́ла зайца ну вуу́ка́, зва́ть ны памѝнки. Ёнъ набѣхъ къ вау́ку́. «Стукъ-грукъ у воучую хату!»—Зачымъ?—«Пысла́ла кыза́ зва́ть ны памѝнки!»—Ну, пыдажджы́, тольки абу́юся ды пумалю́ся! Зайцъ и набѣхъ. А кыза ка́жыть: «ну, ти йде́ть ёнъ?»—Тольки, кыза́у́, абу́юся ды пумалюся!—«Ну, бяжы́ ны яго́!» Ёнъ набѣхъ. «Стукъ-грукъ!»—Хто тамъ?—«Зайцъ!»—Зачымъ?—«Пысла́ла кыза́ ны памѝнки звать!»—Пыдажджы́, тольки надѣнуся!—«Ну, барджѣй!» Воу́къ вы́шуу и нашли́. Прышли у́ хатку. Кыза́ пыма́зыла блинъ ваукуу́, ёнъ зьѣ́у. Кыза ка́жыть: «ти смашна?»—Смашна, кумка-галунка!—«Ну, я смашнѣ́йшыга дамъ. Ыкладѝ-тку ру́ки ны калѣ́нн, вочы заплю́шчы, ротъ разѝнь, я табѣ у́кину блинъ». Воу́къ сѣ́у ны паро́зи, вочы заплю́шчуу́, лапы пыкла́у ны калѣ́нн, ротъ разѝныу́, а кыза рыспали́ла скыварóду, ды яму у́ ротъ я́сную скыварóду и у́кѝпыла. Ёнъ на тымъ мѣсьти и у́весь...

(*В. Корбина*).

Котъ и пятухъ.

Жыу́ дѣтъ из бабый. Быу́ у ихъ ко́тикъ и питушо́къ. Баба и дѣтъ помёрли, зыстали́си котъ и питушо́къ. Жывуть. Тады́ котикъ пашо́у арать, а питушка́ пысади́у мало́ть: «мяли́ ш, пе́тя, ды у вакно́ ни пыка́зыйся, а то лисица схо́пить». Ме́лить питушо́къ, аш бяжы́ть лисица и зыйграла на гусьлихъ: «питушокъ, питушокъ, аччыни́ вако́нца». Питушокъ ни паслу́хуу́ кыта́ и гылаву́ вы́сынуу́. Лисица цапъ питушка зы галоу́ку и пынисла́. Питушокъ крычи́ть: «а ко́тичикъ, а брахнійка! нясе́ть мяне́ ли́ска у махи́, у бало́ты, у гнилэ́я кало́ды!» Ко́тикъ почу́у, бяжы́ть: «вуръ-вуръ!..» Грэбъ лисицу ды аб зе́млю! Атыбра́у питушка́ и нясе́ть. Прынёсъ у хатку, пысади́у у я́чій. «Мяли ш, пе́тя, ни пыка́зыйся лисицы!» Пашо́у ко́тикъ арать, а лисица узно́у бяжы́ть пыдъ вакно и игра́ить: «питушокъ, питушокъ, аччыни ваконца! я у бѣлымъ шылпычку́, у красномъ наро́жничку!» Ёнъ аччыни́у ваконца, а ина́ хапъ яго зы галоу́ку и пынисла́. Питушокъ крычи́ть: «а ко́тичикъ, а бра́хнійка! нясе́ть мяне́ лиска у махи́, у бало́ты, у гнилэ́я кало́ды!» Пачу́у котикъ, бяжы́ть: «вуръ-вуръ!» Грэбъ лисицу ды аб зе́млю. Атыбра́у питушка и нясе́ть. Прынёсъ яго́ ко́тикъ у дворъ, пысади́у у я́чій. «Мяли ш, пе́тя, ни пыка́зыйся лисицы, бо я паѣ́ду далёка арать, ни пачу́ю!» Пашо́у ко́тикъ, а лисица прыбѣ́гла и игра́ить на гу́сьлихъ: «питушокъ, питушокъ, аччыни́ ваконца, я у бѣлымъ шылпучку́, у краснымъ наро́жничку!»

Ёнъ аччыни́у вако́нца, ина яго хапъ! и пынисла́. Крыча́у-крыча́у питушо́къ,—ни пачу́у ко́тикъ. Прынисла́ у дворъ, во́чы вы́кылыла и утбркныла у сьтяну́. Прышо́у ко́тикъ у дворъ—нима́ питушка́. Ёнъ тады зьдѣлуу́ искры́пычку сы смычкомъ и пашо́у к лисицыный ха́тки. Сѣ́у ны бирве́ньни и игра́ить: «ти-ли-ли́, ти-ли-ли́, хуть ба по́лиу́ки у́лили́, и блинъ, и цацэ́нь, а по́лиу́ку зы плите́нь». Прышла́ дычка́ лиси́ччыя, прынисла́ блинъ: «музы́чка, хади́ к намъ!» Ёнъ блинъ узя́у, а дачку́ забиу́. Сѣ́у ны бирве́ньни и игра́ить (и т. д. котъ убиваетъ трехъ дочерей, наконецъ и лисицу). Прышо́у тады у́ хатку, вы́ниу́ вочы сь сьтяны́, усади́у питушку́, и пашли́. И стали́ тады́ жыть.

(*И. Мыска*).

Жарэнцы.

Жыу́ дѣтъ из ба́бый. Паѣхыли яны расъ у Во́ршу и знашли яны жарэ́нцы ма́линькія. Мало́ли яны́ у ихъ по́пилъ и пясо́къ и пяклѝ яны с таѐ муки блины и пираги́. Заѣхуу́ расъ панъ к имъ нучувать. Тады ныма́ло́ли яны́ ямý у жарэ́нцы по́пилу и пяску́, ныпяклѝ ямý блину́ и выкармѝли яго́ блинами. Ляглѝ яны́ спать, и панъ лёхъ из ими. Тады но́ччы панъ уста́у́, жарэ́нцы у́крау́ ды ны павоску, ды запро́хъ кыня́ и у́тёкъ иж жарэ́нцыми. Дѣтъ из бабый устали; агледи́лиси яны́, што жарэ́нцуу́ нима́, тады яны гавору́ть: хто по́йдить жарэ́нцы йскать? Тады быу́ у ихъ пятух и ку́рица. Пятух гавори́ть дѣду и баби: я пайду́ жарэ́нцы йскать! Тады ямý дѣтъ ка́жыть: на чимъ жа ты паѣ́дишъ жарэ́нцы йскать? А пятухъ дѣду кажыть: я вазьму, ны пымяло́ сяду и паѣду! Тады пятухъ ѣ́дить и крычить: панъ у дѣда нучува́у и жарэ́нцы у́крау́! Вы́скычыу́ из лѣсу мядьвѣ́ть и гавори́ть ны питуха́: пыдвязи́ мяне! А пятухъ кажыть: лѣсь у затъ! Мядьвѣ́ть улѣсъ, пятухъ и паѣхуу́. Ѣ́дить и крычить: панъ у дѣда нучува́у и жарэ́нцы у́крау́! Вы́скычыу́ из лѣсу воу́къ и гавори́ть ны питуха́: питушокъ, пыдвязи́ мяне? А пятухъ кажыть ну вуу́ка́: лѣсь! Воу́къ улѣсъ, пятухъ и паѣхуу́. Ѣ́дить и крычить: панъ у дѣда нучува́у и жарэ́нцы у́крау́! Вы-

скычыў из лѣсу заицъ и гаво́рить ны питуха́: пыдвязи мяне!—Лѣсь! Заицъ улѣсъ, пятухъ и паѣхуў. И крычить: панъ у дѣда нучува́ў и жарэ́нцы ўкраў! Выскычыла изъ лѣсу лисица: «питушокъ, пыдвязи мяне!» А пятухъ гаво́рить: лѣсь! Лисица ўлѣзла, пятухъ паѣхуў и ўзно́ву гаво́рить: панъ у дѣда нучува́ў и жарэ́нцы ўкраў. А панъ ужу пираѣхуў мо́ра иж жарэ́нцыми и ныня́ў людей рызыбра̀ть на мо́ры мостъ. Тады пяту́хъ прыѣхуў к мо́ру ны пымялѣ, пылядѣ́ў—не́куды пираѣхыть чирисъ мо́ра. Тады ёнъ улѣсъ у мо́ра ны калѣни и гаво́рить ны ваду́: «выда̀, выда̀! лѣсь у затъ!» Уся́ выда́ из мо́ра и ўлѣзла. Пятухъ и прыѣхуў к пану. Сѣў ны варо́ты и гаворить: панъ у дѣда нучува́ў и жарэ́нцы ўкра̀ў. Панъ пачу́ў, што пятухъ етыкъ гаво́рить—па́ну таму́ ста́ла со̀висна. Тады ёнъ гаво́рить на слухъ ны сваихъ: уки́ньтя вы е́тыга питуха̀ к жырипца̀мъ! Слуги па́нувы уки́ныли питуха у хлѣвъ к жырипца́мъ. Жырапцы́ питуха̀ зыча̀ли бить, а пятухъ узьлятѣ́ў ны ба̀льку и ка́жыть: мядьвѣть, пылизай вонъ! Мядьвѣ́ть вылисъ и паби́ў жырапцо́ў. Прышо́ў панъ у хлѣў глядѣть, ти заби́ли жырапцы́ питуха—аш тольки руками спляснуў. А пятухъ вы́литиў, сѣў ны варо́тыхъ и гаво́рить: панъ у дѣда нучува̀ў и жарэ́нцы ўкраў! Тады панъ зыгыда̀ў сваихъ слухъ: злави́тя вы е́тыга питуха, укиньтя к выла̀мъ! Слу́ги улави́ли питуха́ и ўки́ныли к выла̀мъ. Валы́ стали питуха́ бить. А пятухъ узьлятѣ́ў ны ба́льку и гаво́рить ну вуўка: воўкъ, воўкъ, пылизай вонъ! Воўкъ вылисъ и паби́ў вало́ў. А пяту́хъ вы́литиў ны варо́ты и гаво́рить: панъ у дѣда нучува̀ў и жарэ́нцы ўкра́ў! Тады́ панъ ны сваихъ слухъ ка́жыть: улавитя вы етыга питуха, укиньтя яго к свиньня́мъ. Свиньни зыча́ли питуха гры́сьти, а пятухъ прыбиўся к сьтянѣ́ и кажыть ны лисицу: лисица, пылизай вонъ! Лисица вылизла и пыдра́ла свиньне́й. Пятухъ вы́литиў узнова ны варо́ты и гаво̀рить: панъ у дѣда нучува́ў и жарэ́нцы ўкраў! Тады панъ гаво́рить на слухъ ны сваихъ: улавитя вы етыга питуха, укиньтя яго к кура̀мъ! Куры стали питуха̀ бить. Тады пяту́хъ гаво́рить ны зайца: заицъ, заицъ, пылиза̀й вонъ! Заицъ вылисъ и пыдраў усихъ курэ́й. А пятухъ вылитиў ны варо̀ты и крычи́ть: панъ у дѣда нучува́ў и жарэ́нцы ўкраў! Тады панъ кажыть на слухъ: вы́тыптя вы лазьню, кап сьтѣны были я́сныя, и ўлави́тя питуха́ ды ўки́ньтя яго ў лазьню̀! Яны́ вы́тыпили ла́зьню у ўки́ныли питуха̀. Пятухъ биўсябиўся у лазьни, чуть прыби́ўся к сьтянѣ́. Тады гаво́рить: выда́, выда́, пылизай вонъ! Выда вылизла вонъ, дыкъ и тая лазьня пыдьнила̀ся ны вадѣ и домъ па́нуў пыдня́ўся ны вадѣ. Тады панъ кажыть: вы́киньтя вы яму́ жарэ́нцы! Узяў пяту́хъ жарэ́нцы и паѣхуў иж жарэ́нцыми к дѣду и к баби у дворъ. (*Д. Новикъ.*)

Зылатоя яйцо.

Жыў-быў дѣтъ з бабый. Была̀ у ихъ курычка рабу́шка. Зьнисла̀ ина яйцо зылато́я, ни прасто́я. Дѣтъ биў—биў, ни разьби́ў, баба била-била, ни разьбила, мышка бѣгла, хво́сьтикымъ махнула, яйцо пыкати́лысь и разьби́лысь. Дѣтъ зыпла̀куў, баба засу́рмилыся, ны дварэ́ колъ рышчапиўся. Прылятѣла варо́на, сѣла на ко́лъ и ка̀жыть: што ты, колъ, ры́шчапи́уся?

— А якъ жа мнѣ ни рышчапи́цца? Жыў-быў дѣтъ з ба́бый, была ў ихъ ку́рычка рабу́шка, зьнисла́ ина яйцо зылато́я, ды ни прасто́я. Дѣтъ биў—ни разьбиў, баба била—ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо пыкати́лыся и разьби́лысь. Дѣтъ зыпла̀куў, баба засу́рмилыся, и я рышчапи́ўся!

— А мнѣ што дѣлыть?

— Вазьми, кры́льля пытарви́!

Ина ўзила̀—крыльля пытырва̀ла. Тады пышла́ варо́на къ дубу. Дупъ кажыть: на што ты крыльля пыбырва́ла?

— А жыў-быў дѣтъ з бабый, была́ ў ихъ курка рабу́шка, зьнисла̂ ина яйцо зылато́я, ды ни прасто́я, дѣтъ биў—ни разьби́ў, баба била—ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ ма́хнула, яйцо разьби́лыся. Дѣтъ зыпла̀куў, баба засу̀рмилыся, ны дварэ́ колъ рышчапи́ўся, а я прылятѣла, пытаюся: на што ты рышчапи́ўся? Енъ дыва́й мнѣ рыска̀зывать. А я кажу: што мнѣ зьдѣлыть? Ёнъ кажыть: ты вазьми, крыльля пыбарви́! Я ўзила, ды й пыбырва́ла.

— А мнѣ што зьдѣлыть? кажыть дупъ.

— А вазьми ды вѣтьтя пыпарви́!

Дупъ узя́ў ды и пыбырва̀ў вѣтьтя.

Тады прышо́ў к дубу волъ чысацца и кажыть: на што ты пыбырва́ў вѣтьтя?

Дупъ кажыть: а якъ жа мнѣ ни пыбырва́ть: жыў-быў дѣтъ з бабый, была́ у ихъ курыца ра́ба, зьнисла ина̀ яйцо зылато́я ды ни прасто́я. Дѣтъ биў—биў, ни разьбиў; баба била—била, ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо пыкати́лыся ды разьбилы́ся. Дѣтъ зыпла́куў, баба засу́рмилыся, ны дварэ́ колъ рышчапиўся, варо́на крыльля пыбырва́ла, а я ўзяў ды вѣтьтя пыбламаў.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты вазьми ды ро́ги пызьвярни́!

Волъ узяў, роги пызьвярну́ў.

Тады волъ пашо́ў къ рэ́ццы ваду́ пить. Рэ́чка кажыть: на што ты, волъ, роги пызьвярну́ў?

— А якъ жа мнѣ ни пызьвярну́ть: жыў-быў дѣтъ з бабый (и т. д.)... дупъ вѣтьтя пыбламаў, а я ро́ги ўзяў пызьвярнуў.

— А мнѣ ш[illegible] дѣлыть?

— А ты кроўю абярни́ся.

Рэчка ўзила́, кроўю абярну́лыся.

Тады пашла дѣўка вады.—Чаго ты, рэ́чка, кроўю абярнулыся?

— А якъ жа мнѣ ни абярну́цца: жыў-быў дѣтъ з бабый (и т. д.)... волъ ро́ги пызьвярну́ў, а я кроўю абярну́лыся.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты вазьми, вёдры паби́, пачо́пки парви́, каро́ми силъ пулума́й!

Дѣука такъ и зьдѣлыла.

Пашла дѣука дамо́у. Прышла йна у хату, а матка дяжу́ мяси́ла. Тады кажыть: дачушка, ти принисла́ ты вады́?

— А якъ жа мнѣ было́ у́зять вады́, кали ш рэ́чка кро́ую абярну́лыся!

— А чаго ш ина абярну́лыся кро́ую?

— А якъ жа ёй ни абярну́цца: жыу-быу дѣтъ з бабый, была у ихъ ку́рица ра́ба (и т. д.)... рэчка у́зила́ ды кро́ую абярну́лыся, а я вёдры паби́ла, пачо́пки пырва́ла, каро́мисилъ пулума̀ла.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты вазьми, ды дяжу́ абярни́.

Тады ина у́зила́ ды й абярну́ла. *(Гуринъ).*

Пра рабыга бычка.

Жыу-быу рабинькій бычокъ, быу у яго малинькій тыпаро́къ. И были́ у яго́ чаты́ры браты́: быра́нъ, гу́синъ, пятухъ и котъ. Ну, што ш: быкъ и кажыть брыта́мъ: будимъ ставить хатку?—большыга брата спрашыить.

— Нѣ, ка́жыть: ни пайду! я стану пад е́лкый, дыкъ мнѣ и тёпла бу́дить.

— Ну, што ш, спра́шыить ёнъ у друго́га брата, у гусина: будимъ хатку ста̀вить!

— Ай, мнѣ ни нада тваé хатки: я стану пад е́лкый на 'днэй назѣ, дыкъ мнѣ и тёпла бу́дить!

Спрашыить рабый бычокъ у трэ́тьтига брата, у питуха: будимъ хатку строить?

Пятухъ кажыть: ай, мнѣ ни нада тваé хатки! Я у́зьлячу́ на е́лку, ся́ду и буду пѣть. Мнѣ й тёпла будить.

Спра̀шыить ёнъ тады у чатьвёртыга брата, у кыта́: будимъ хатку ставить?

Котъ кажыть: ай, на што мнѣ твыя хатка? Я падлѣзу у 'нбаръ, мнѣ й тёпла будить.

Тады́ пашо́у ра̀бинькій бычо̀къ у вяли́кій лѣсъ, насѣкъ ельнику многа и стау дѣлыть хатку. Дѣлыить ёнъ хатку, а йде́ть быра̀нъ. И кажыть: пумага́й Бохъ табѣ, бы́чокъ рабинькій!!—Спасиба, быранъ, табѣ! Пумажы́ ты, брату́ля, мнѣ хатку ставить!—Нѣ, ни пысаблю!

Иде́ть гу́синъ.—«Пумагай Бохъ!»—Спасиба! Пумажы ш ты ставить хатку!—Нѣ, ни пумагу!

Иде́ть пятухъ —«Пумагай Бохъ хатку ста̀вить!»—Спасиба! Пумажы ш мнѣ ставить хатку!—Нѣ, ни пысаблю!

Иде́ть котъ и кажыть: пумагай Бохъ хатку ставить!—Спасиба! Пумажы ш мнѣ!—Нѣ, ни пумагу!

Ну, што ш! пастро́ну ра́бинькій бычокъ сабѣ хатку и жыве́ть.

Жыу ёнъ усю во́синь, пызапа́сну уся́кыга дыбра́, и сѣна и у́сяго. Зимой кыла Кылядъ ста́ли дужа вяли́кія маразы́. Иде́ть быранъ и ка́жыть: бы-а-а! рабинькій бычокъ, пусьти мяне у хатычку, пагрэ́цца!—Ага, ставить хатку ни хатѣ́у! Ну, ды хади́!

Ну, ладна. Жывуть яны у́двухъ. Иде́ть гу́синъ и кажыть: ге-ге-ге-ге! рабинькій бычокъ, пусьти мяне пагрэ́цца!—А чаму ш хатки ни стро́ну? Ну, ды хади! Жыву́ть яны у́трохъ. Иде́ть котъ, зьмерзъ и кажыть: мяу-мяу-мяу! рабинькій бычокъ, упусьти́ мяне погрэ́цца!—Ну хади! Жыву́ть яны у́чытырёхъ. Иде́ть пяту́хъ и кажыть: «Кукарэ́ку! пусьти́ мяне, рабинькій бычокъ пагрэ́цца!»—Ага, а хатки ни хатѣ́у ставить! Ну, ды хади! Жывуть яны́ упятёхъ.

Жыли́-были́ яны́, ажны́ уви́диу воукъ, што яны тамъ. Тады́ ёнъ пашо́у и завы́у: а-у-у-у-у! пусьти́ мяне, ра́бинькій бычокъ, пагрэ́цца!

— Нѣ, ни пущу: ты мнѣ ни пусубля́у хаты стро́ить!

— Ну, дукъ я самъ улѣзу! Узя́у и пыткапа́уся пыт сьтяну́. Тады рабинькій бычокъ якъ саско́чыу с полу, якъ удёубъ рыга́ми яго, быра̀нъ якъ атбяжы́цца ды якъ дась у бокъ яму́, дыкъ ажны ёкнить. А гусинъ усё туды́ шныпъ, сюды́ шныпъ—куса̀ицца ды крыльлимъ бъѐть ды бъе́ть. А пятухъ хо́дить спужа́ушыси ды крычы́ть: ка-ка-ка куда, ка-ка-ка куда! А котъ кыча́ицца ды усё: курняу, курняу! Воукъ ирва́уся—ирва̀уся, чуть вырвыуся!

Бяжы́ть воукъ, а ны сустрэ́чу яму̀ лисица: ча̀ ты е́дыкъ бяжы́шъ? А ёнъ кажыть: ня йди, кумка-галу́пка: тамъ браты мяне чуть ни забили: адинъ вилкыми по́рыть а по́рыть, а друге́й даубешкый бъеть ды бъе́ть, а трэ́тьтій апцугами шчыплить: а тамъ ади́нъ хо́дить пы шасту с касой и кажыть: хлопцы, хлопцы, пыдыва́йтя сюды! Божа бырани,—якъ ба пыда̀ли туды, дыкъ бы тамъ и смерть была и: А тама яшчо адинъ крычы́ть: якъ вазьму́, дыкъ и рызарву́! Якъ бы яму́ пыда́ли, дыкъ бы мнѣ и усё было и та́мъ. Во, ня йди кумка, а то́ й табѣ будить то́я.

(И. Полункишкисъ, обрусѣлый латышъ).

Басьня аб Ивани.

Жыли́ были́ тры браты́, адинъ ду́рынь, а два разумныхъ. Стали яны́ дяли́цца. У ихъ были́ стары́я двары́, а дурню пастро́или но́вую хату. Тады яны сказали: к каму́ ско́льки за́йди́ть скату́ с по́ля, той и бяры́ сабѣ! Якъ ишли́ каро́вы и кони, и другія, то яны и пашли́ к разумнымъ, а к дурню зайшоу тольки адинъ казе́лька паршы́винькій. Иванъ дурынь запёръ яго на сваимъ дварэ́, а тады узяу и зарэ́зуу яго. Из яго сиу́ры пашыу сабѣ дуду́ и зь е́й пашо́у на сьвѣту. Расъ ёнъ зайшо́у к аннаму́ лисьнику и стау праси́цца на нычъ у жонки лисьнико́вый. А йна ка̀жыть, што у мяне нима мѣста, идѣ ле́хчи, ка мнѣ прыдуть лю̀ди. Тады ёнъ пашо́у и у́зьлѣзъ на крышу, и стау лядѣть у коминъ, што ина ва̀рить. Вотъ ина напикла̀ блино́у и пылажы́ла ихъ у ступу. А тады у́зила, и сьпикла́ яе́шню и пыста́вила яе́ пыд загне-

тымъ и накрыла рушникомъ, а тады исхадила ў каршму и принисла гарэлки, пыставила яе на лаўцы и накрыла бальшымъ цугуномъ. А дурынь Иванька усё видить, што ина дѣлыить. Вотъ ина усё зьдѣлыла и сѣла ны лаўцы. Трошку пысядѣла, а тады узила блиноў, яешни и гарэлки и пышла к патпеччу и пыдала ихъ пат печъ. Тамъ сядѣў чылавѣкъ, што йна любила. Тады ёнъ трошку зьѣў и аддаў узноў нызатъ. Тады прышоў лясьникъ. Иванька пачуў, што прышоў лясьникъ, зьлѣзъ ис крышы и падышоў пыд вакно и кажыть: пусьтитя мяне на нычъ! А жонка кажыть: я табѣ казала ужо, што у насъ нейдя! Тады лясьникъ кажыть: хади, хади, ня слухай яе! Ёнъ прышоў.—Здрастьви вамъ! Лясьникъ кажыть: здрастьви! хади, сядь на услонъ!

Дурынь сѣў. Тады лясьникъ кажыть сваёй жонцы: дай намъ вячэрыть. Ина кажыть у мяне ничога нима, тольки анна капуста ранишнія! Лясьникъ кажыть: давай! Ина пыдала, яны зьѣли. Тады дурынь патиснуў сваю дуду, а ина кажыть: гу-у-у! Лясьникъ пытаицца: а братачка, скажы: што ина кажыть? А Иванъ кажыть: ина тоя гаворыть, што ў тябе ны лаўцы пат цугуномъ стайть гарэлка. Ну, яны ўзяли яе, выпили. Тады Иванъ яшчо патиснуў сваю дуду. Ина яшчо: гу-у-у! А лясьникъ кажыть: скажы, што ета ина кажыть? А ина тоя кажыть, што ў тябе ў ступи ёсь каша и блины, а пад загнетымъ яешня. Ну, яны ўзяли, паѣли усё гэта. Тады Иванъ патиснуў сваю дуду, йна апять: гу-у-у! Лясьникъ апять пытаицца: а братачка, скажи: што ина кажыть? А ина тоя кажыть, што у васъ пат печчу сядить нѣйкій чылавѣкъ! Тады лясьникъ зыпалиў лучынку, узяў кычаргу и пылядѣў пат печъ. Аш тамъ сядить чылавѣкъ. Тады лясьникъ узяў и выгнуў яго вонъ, а с Ыванькымъ дурачкомъ лёхъ спать. Ураньни лясьникъ кажыть: што табѣ дать зы тваю дуду? А Иванъ кажыть: насыпъ мнѣ поўну дуду грошый! Лясьникъ насыпуў яму цэлую дуду грошый, и кажыть: я якъ пайду ў лѣсъ ды вазьму гэту дуду с сабой, ды якъ патисну яе, дыкъ ина мнѣ скажыть, што дома жонка дѣлыить. Ну, ладна. Иванъ узяў сабѣ грошы и прышоў дамоў.

Прышли к яму яго пляменьники гулять. Тады Иванъ кажыть: схадитя ў дворъ, прынясйтя мнѣ гарницъ мѣрыть грошы, во й вамъ ны капейцы! И даў имъ ны капейцы. Тады яны прышли ў дворъ и кажуть: а таточка, у нашыга дядьки—дурня дужа многа грошый; ёнъ даў намъ ны капейцы и кызаў, кап мы прынясьли гарницъ мѣрыть грошы! Тады браты пашли къ яму и кажуть: идѣ ты ўзяў сабѣ стольки грошый? Иванъ кажыть: идѣ я ўзяў? У мянѐ быў тольки адинъ казелька паршывинькій, я яго зарэзуў, аблупиў и нымачыў яго пад мостымъ у вадѣ, а тады ўзяў ды прадаў, и то скольки грошый ўзяў. А ў васъ стольки кароў и коній и козъ: парэштя ихъ ды аблупитя и нымачитя, ды прыдайтя, дыкъ у васъ будить грошый яшчо большы. Тады яны парэзали усихъ кароў, коній, и увесь скотъ, нымачыли ихъ у рэцпы и пувязьли и крычать: ти нада вамъ гнилэя скуры? Тады жыды выскычыли и крычать: «на сто намъ гнилэя козы? Вязитя сабѣ дамоў». Яны и пувязьли дамоў. И кажуть: амманиў насъ дурынь! А ў Иваньки дурачка памерла матка. Ёнъ узяў, пысадиў яе ны санычки и вязеть. Гэта было зимой. Тады ѣхыли быгатыя паны. И кажуть ны Йвана: зварачуй, чылавѣкъ, из дароги! А ёнъ ни зварачыить. Тады яны паѣхыли, и зачапилиси за санки и абярнули. Тая матка и вывалилась. А Йванька якъ заплачить: а Божа мой, Божа! што вы мнѣ зьдѣлыли? на што вы маю мамычку забили»? Тады паны кажуть: тишай, чылавѣкъ! мы табѣ насыпимъ кругомъ яе грошый; ты ихъ пубяры сабѣ, а яе пухувай! Иванъ узяў грошы, а сваю матку пухуваў. И прышоў дамоў.

Узноў прышли къ яму яго пляменьники. Ёнъ сказаў: схадитя, прынясйтя мнѣ гарницъ, мѣрыть грошы! Яны пашли дамоў и кажуть: а татычка, у нашыга дядьки дужа многа грошы? Ёнъ кызаў, кап мы прынясьли гарницъ мѣрыть грошы, и кызаў, што намъ дась па дьвѣ капейки. Тэя браты ўзяли гарницъ и пашли к дурню. Аш у яго цэлыя торба грошый. Тады яны кажуть: идѣ ты ўзяў стольки грошый? А дурынь Иванька кажыть: идѣ я ўзяў: у мяне была мамка, я яе ўзяў ды забиў, и то скольки грошый ўзяў, якъ прадаў! А ў васъ скольки дятей и жонькъ: парэжтя ихъ и прыдайтя, дыкъ вы возьмитя яшчо большы! Тады яны ўзяли, пабили сваихъ дятей и жонькъ и ныклали цэлый восъ и пувязьли ў горытъ прыдавать. Прыѣхыли яны у горытъ и крычать: ти нада вамъ нижывэя люди? А жыды выскычыли и крычать: на сто намъ низывэя люди? Низывыхъ людей вязуть ны магильникъ, хувать. Тады прыѣхуў урадьникъ и выгныў ихъ ис горыда. Яны паѣхыли дамоў и пухували ихъ. А тады плачуть, затымъ—што некаму варыть ѣсьти и быть у дварэ. Плакыли-плакыли, а тады кажуть: што мы будимъ дѣлыть? А адинъ кажыть: утопимъ мы яго! Тады яны ўзяли, усадили яго ў мяшокъ и пувязьли ны санычкахъ к рэццы. Прывязьли яго к рэццы, пылидять—ажны яны ни ўзяли тыпыра. Тады адинъ кажыть: иди ты, вазьми, а другей кажыть: нѣ, ты иди. Спорыли, спорыли, а тады пашли удвухъ. Якъ яны атыйшлиси далёка, тады Иванъ кажыть: я ня ўмѣю ни чытать ни писать—за што мяне ў гэту школку засадили? Ѣхуў купецъ, пачуў гэта и кажыть: я ўмѣю и чытать и писать, зысади мяне ў гэту школку! Гэтуму пану здывалыся, што гэта домъ. Тады Иванъ кажыть: аччыни мнѣ дьверы! Ёнъ атвизаў мѣхъ, Иванъ вылисъ. Тады купецъ лѣзить у мѣхъ у шуби. А Иванъ кажыть: а паночикъ, ня лѣсь сюды у шуби: тутъ ёсь яшчо луччыя шубы. Тады ёнъ изьдѣў шубу, Иванъ узяў и зывизаў яго, а самъ надѣў шубу, сѣў ны павоску и паѣхуў. Прышли два разумныхъ браты и кажуть: а, во кали утопимъ! А ёнъ думыить: за што мяне будуть тапить? А яны ўзяли, прасѣкли пролымку и ўкинылн яго ў ваду, ёнъ и утапиўся.

А Иванъ ѣзьдить и прыдаеть купцоў тыварь.

Расъ яго браты́ прышли у го́рытъ и видю́ть, што гэта ихъ братъ. Тады яны кажуть: хто тябе вы́тигнуў? А ёнъ кажыть: вы думыли, што я ўтапиўся? Тамъ жа, на тымъ сьвѣти, дужа хырашо́! тамъ ёсь кони. Во́ я сабѣ вы́бра̀ў гэ́тыхъ ко́ній и прыѣхуў сюды.

Тады яны кажуть: а братачка! утапи ты насъ! Иванъ узяў ихъ к сабѣ ны паво̀ску, паѣхуў к рэ́ццы и узяў уки́наў аннаго у ваду́. Ёнъ: буръ-буръ-буръ! А тэй друге́й ка́жыть: а братачка, укинь мяне скарэ́й, а то́ ёнъ бурыхъ ко́ній пубярэ́ть! Тады Иванъ уки́наў и яго, а самъ сѣў ны паво́ску и паѣхуў. И тяперъ ѣзьдить.

(И. Радкевичъ).

Этой сказкой мы заканчиваемъ печатаніе матеріаловъ по говору села Высокаго оршанскаго уѣзда, хотя далеко не исчерпали всѣхъ записей, сдѣланныхъ г. Миткевичемъ-Далецкимъ и его сотрудниками. Полностію мы воспользовались только примѣтами и повѣрьями, толкованіями сновъ, пословицами, дѣтскими, свадебными и крестинными пѣснями, заговорами, причитаніями и сказками животнаго эпоса. Но по обилію матеріаловъ, мы не внесли въ сборникъ всѣхъ другихъ видовъ пѣсенъ, записи которыхъ также были сдѣланы; не внесли богатырскихъ сказокъ и бытовыхъ (за исключеніемъ «басни аб дурни»), духовныхъ стиховъ и множества произведеній такъ называемыхъ з а в ѣ т н ы х ъ, имѣющихъ своимъ предметомъ взаимныя отношенія половъ. Число послѣднихъ произведеній очень велико и почти всѣ они ярко изображаютъ ту сторону человѣческой жизни, которая больше всего даетъ простора сатирѣ, ироніи и юмору. Громадное большинство ихъ впрочемъ смотритъ на предметъ съ первобытною прямотою и полною серьезностью. Какъ на примѣръ подобнаго взгляда мы укажемъ на свадебную пѣсню № 80:

Сьви́сныў силязе́нь на мо́ры,
Зыпла́кыў князь малады́й ў камо́ры.,.

Наблюдательность свою въ этомъ отношеніи нашъ народъ простеръ и на животныхъ и послѣднія часто фигурируютъ въ подобныхъ произведеніяхъ. Грубо нескромными, произведеніями развращенной фантазіи, являются здѣсь только куплеты самой позднѣйшей формаціи,—продуктъ фабричной и городской жизни.

Но и напечатанныхъ матеріаловъ достаточно, чтобы судить и о богатствѣ нашей народной словесности и составить понятіе о мѣстномъ говорѣ. Всего нами напечатано 27 примѣтъ и повѣрій, 9 толкованій сновъ, 205 пословицъ, 100 загадокъ, 4 скороговорки, 2 заговора, 10 причитаній, 8 родинныхъ и крестинныхъ пѣсенъ, 10 колыбельныхъ и дѣтскихъ, 30 свадебныхъ пѣсенъ и 10 сказокъ, изъ которыхъ девять животнаго эпоса и одна бытовая.

Всѣ эти произведенія представляютъ весьма цѣнный матеріалъ въ литературномъ отношеніи, такъ какъ большинство напечатанныхъ произведеній появляются въ свѣтъ впервые или представляютъ значительные варіанты. Въ особенности цѣнны въ этомъ отношеніи сказки о животныхъ. Представляя вообще одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народной поэзіи, относящійся къ тому періоду, когда человѣкъ еще «одною съ природою жизнью дышалъ», въ нашемъ случаѣ подобныя сказки цѣнны и потому, что бѣлорусскихъ записей ихъ сдѣлано очень мало—всего около тридцати номеровъ.

Но помимо значенія литературнаго, записи села Высокаго даютъ массу цѣннаго матеріала лингвистическаго. Здѣсь въ области г л а с н ы х ъ мы встрѣчаемъ постоянное употребленіе, *ы, и, у, ю*, вмѣсто безударнаго *о, а, е, ѣ, я*: выкылыла, мылыка, пыкатилыся (яйцо), цулувать, пулумаў, нучуваў, пысыбрала, пусушила, пупала, крыльлимъ, видюў, завѣсюў, зарѣзуў, выгнуў, и т. д.; употребленіе *у* вм. *ы, и*: мужуки, абуходить; употребленіе *э* (*е*) вм. *о* и *ы* ударяемыхъ: злэй, тэй, зылатэя, быстрэя, другей; *и* вм. *о*: истрить; пропускъ и вставку различныхъ гласныхъ: пыбырваў, што ддаешъ,, исхадила из дароги. Въ области с о г л а с н ы х ъ: употребленіе звука dj: дожджъ, жджеть и т. д.; пропускъ различныхъ согласныхъ: ли (дли), лядѣть; смѣшеніе звуковъ: скура (шкура), цугунъ (чугунъ); замѣна однородныхъ согласныхъ: лехчи (легти, лечь), аш (аж), восъ (возъ) и т. п.; однородность звуковъ: къ аннаму, амманиў, иж жарэнцыми; смягченіе ихъ: разьбиў, зьлѣзъ; твердость шипящихъ: жыў, ночъ, вочы; особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и наконецъ множество особенностей синтаксическихъ.

Обращаясь къ нашему вступленію мы должны признать высоцкій говоръ п о г р а н и ч-

нымъ между сѣвернымъ—полочанскимъ и восточнымъ—кривичскимъ. Ему свойственны: 1, сильное дзеканье; 2, постоянное присутствіе флексіи *ть* въ 3 л. ед. ч. во всѣхъ глаголахъ. Что касается *р*, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ звукъ этотъ м я г к і й; но въ записяхъ грамотныхъ дѣвушекъ и обрусѣлыхъ латышей онъ изображается часто и какъ звукъ т в е р д ы й.

Повидимому, полочанскій говоръ здѣсь постепенно вытѣсняется кривичскимъ и черты перваго сохраняются лишь у отдѣльныхъ особей, главнымъ образомъ—у женщинъ. Латышей же въ данномъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ твердое *р* они переносятъ къ намъ изъ своего роднаго языка, которому мягкое *р* совершенно не свойственно.

Е. Романовъ.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ У БѢЛОРУССОВЪ.

Село Хоново быховскаго уѣзда.

Какъ по предмету и содержанію, такъ и по внѣшней своей обстановкѣ, деревенскія игры близко соприкасаются съ внѣшнимъ бытомъ сельскихъ жителей и съ ихъ домашней обстановкой: онѣ носятъ характеръ простыхъ, въ большинствѣ невинныхъ, или скорѣе безобидныхъ, забавъ дѣтей, начиная съ ихъ самаго ранняго дѣтства до отроческаго возраста. У дѣтей игры служатъ выраженіемъ душевной дѣтской настроенности, ищущей проявленія въ самодѣятельности; у юношей же игры служатъ выраженіемъ мужества и силы, и сердечныхъ влеченій. Нѣкоторыя игры—остатокъ глубокой старины, когда онѣ соединялись съ извѣстными обрядами культа, примѣнительно къ празднествамъ, временамъ года и проч.

Малыя дѣти, отъ двухъ до семи лѣтъ, въ своихъ забавахъ подражаютъ старшимъ, воспроизводя по своему ихъ орудія работъ и самыя работы и занятія. Мальчики подражаютъ мужчинамъ, дѣвочки—женщинамъ. Мальчикъ беретъ кнутикъ и палочку («пужку и кіекъ»), или же два мальчика берутъ длинный поясъ; за его концы берется одинъ, а другой сзади правитъ первымъ, съ «пужкой» въ рукахъ, и такимъ образомъ «гуляютъ у коній». Иногда, взявъ ножъ, мальчикъ старается сдѣлать себѣ какую-нибудь игрушку—палочку, крестикъ, корытце, лодочку и проч. Матеріаломъ служитъ, кромѣ дерева, кора, картофель, тыква. Дѣвочки того же возраста дѣлаютъ себѣ «ляльку» (куклу) изъ разныхъ лоскутковъ, кладутъ ее въ коробочки-«люльки» и стараются заколыхать.

Совмѣстныя игры мальчиковъ и дѣвочекъ бываютъ почти всегда на открытомъ воздухѣ, отличаясь оживленіемъ и разнообразіемъ. Зимою катанье по льду на санкахъ, ледешкахъ (кускахъ льду) и просто на ногахъ; лѣтомъ игра «въ обѣдки»—угощенье другъ друга накрошеннымъ хлѣбомъ, яблоками и макомъ, причемъ макъ ѣдятъ ложечками изъ очищенныхъ маковыхъ головокъ. Дѣвочки пекутъ лепешки изъ глины и песку, высушивая ихъ на солнцѣ, мальчики косятъ траву, срывая ее прямо руками или при помощи самодѣльной косы, сушатъ траву и складываютъ въ копны и стога. По улицѣ катаютъ деревянный кружокъ-«кателку» или играютъ въ «свиньню», для чего служитъ деревянный не большой шаръ. Одинъ изъ играющихъ старается вкатить шаръ въ ямочку, вокругъ которой другіе играющіе своими палками стараются помѣшать «свиньнѣ» попасть въ ямочку. Иногда же дѣти, собравшись большой толпой, изображаютъ изъ себя стадо домашнихъ животныхъ, а одинъ или двое—пастуховъ. Та же толпа, по надобности, можетъ изобразить изъ себя стаю собакъ, яростно нападающихъ на кого-нибудь.

Но не всегда дѣти пользуются полной свободой, предаваясь играмъ съ дѣтской беззаботностью. Уже съ пяти лѣтъ матери заставляютъ дѣтей «няньчить» младшихъ братьевъ и сестеръ. Въ страдную пору мать съ грудянымъ ребенкомъ за плечами въ «люлькѣ» ведетъ съ собою няньку, которая тащитъ «цанкй» (родъ козелъ изъ трехъ небольшихъ шестовъ, связанныхъ верхними концами). На этихъ козлахъ подвѣшивается лубочная колыбелька-люлька на весь день работъ и,

по мѣрѣ удаленія работающей матери, подносится ею къ «хвосту» или «пóстыци», т. е. къ мѣсту работы на нивѣ. Малютку колышетъ въ люлькѣ нянька-дитя, сопровождая укачиваніе какою-либо колыбельною пѣсенкою.

Люли, люли, люли!
Прилятѣли гули,
Сѣли на варóтихъ, ды ў чырвоныхъ ботахъ.
Стали яны варкувать, штобъ дитятю забаўлять.

——

Пашóў котя на таржóкъ,
Купиў Иваньку пиражóкъ.
Пашоў котя ў лаўку,
Купиў Иваньку баранкуў.
А ты, котя, ни вурчы,
А ты, Иванька, спи, маўчы.

——

Ушки—ушки,
Прилятѣли птушки,
Сѣли яны, пали
На бабина прóса,
Проса паклювали,
Спасиба ни сказали.

——

Если же ребенку не спится, нянька суетъ ему въ руку баранокъ, корку хлѣба или какой-либо твердый предметъ, напр. ключикъ, «крали» (бусы), чтобы ребенокъ забавился подольше и не просилъ у матери груди слишкомъ часто. Съ тою же цѣлью занять ребенка уже нѣсколько смыслящаго, когда нянькѣ надоѣстъ «пѣстувать» и возиться съ нимъ, начинается «балаўствó» такое: нянька беретъ ручку малютки и, перебирая пальчики, припѣваетъ:

Сарóка, сарóка
Прилятѣла здалёка,
Сѣла-пала на таку
Ды ў чырвонымъ калпаку.
Кашу варила,
Дѣтыкъ кармила.
Тому дала,
Етаму дала.
А ты, пальчикъ-мальчикъ,
Сходи по вадичку
Въ сьтидёну крыничку.
Тутъ пень, тутъ калóда, тутъ крыница,
Тутъ сьтидёная вадица.

Или же, взявъ ножку дитяти одною рукой, другою постукиваетъ по нижней сторонѣ ступни, приговаривая:

Кую, кую ножку,
Паѣду ў дарóжку.
Куплю чиравúчки,
Ножки нивялúчки,
Трэба пудкувати,
Капеичку дати.
Тутъ пень, тутъ калода,
Тутъ сьтидёная крыница,
Тутъ халодная водица.
Шыла, шыла и зашыла!

При послѣднихъ словахъ няня щекочетъ ножку малюткѣ, вызывая у него невольный смѣхъ.

Дѣти 7 лѣтъ и старше оставляются съ меньшими дѣтьми, кромѣ грудныхъ, и дома. На нихъ лежатъ уже и нѣкоторыя домашнія работы, какъ-то: кормленіе домашнихъ животныхъ, поросятъ, телятъ; досмотръ огородовъ отъ потравъ птицами; доставка воды изъ колодцевъ и рѣчекъ, бѣленіе холста, доставка обѣда рабочимъ въ поле и на лугъ. Но если перечисленныя работы исполняются почти всегда дѣвочками, то у мальчиковъ того же возраста и старше есть почти постоянное одно занятіе—это пастьба домашнихъ животныхъ и главнымъ образомъ лошадей. Такъ какъ «конíй водютъ» на пашу цѣлыми партіями, табунами, то подростковъ собирается всегда много, иногда до трехъ десятковъ и даже болѣе. Здѣсь то большею частью и происходятъ на свободѣ игры дѣтей, отличающіяся полной непринужденностью и рѣзвостью.

Ниже дается краткое описаніе главнѣйшихъ игръ. Описаніе это сдѣлано со словъ играющихъ и на ихъ языкѣ, и такимъ образомъ имѣетъ не только этнографическій интересъ, но дастъ нѣкоторый матеріалъ и для изученія мѣстнаго бѣлорусскаго говора.

1. Игра ў кота.

Кали сыбирáтца быгáта дзятей—хланцóў ти дзивчáтъ, тады яны зачнутъ якую-нибудь гульню. У хати найбальшы гуляютъ ў кытá. Ународъ зы ўсяго трэба, бачышъ, выбрать кытá. Бяруть абы якую палку, (што завéтца кіёкъ), а кади нима чаго-другога, дыкъ хоть круглую качалку, што платьтя качаютъ, и станутъ братца руками: кожный прикладе одну руку, тады ище разъ—коли можна, и каторому прыдитца закрыть верхъ палки, тэй и будя катóмъ. Тады таму катý завяжуть вочы чымъ-нибудь. ти надѣнуть на самыя вочы шапку, и ёнъ пычаneть па хати шукать и лавить сванхъ тывáришыў. Катóраго зловить, дыкъ тэй и змѣнить яго и самъ станя катóмъ.

——

Какъ въ этой игрѣ, такъ и при нѣкоторыхъ другихъ слѣдуетъ предварительно выбрать, такъ

сказать, главное дѣйствующее лицо. Выборъ этотъ дѣлается по одному изъ слѣдующихъ разсчетовъ,— что называется «личиць, личицца»: играющіе собираются въ кружокъ, а одинъ изъ играющихъ, указывая пальцемъ на каждаго участника игры, произноситъ скороговоркой:

«Цы́нцу-валы́нцу, пятому—ладыму, сы́кусъ— бры́кусъ, Рыдино́нъ—выйди вонъ!»

Послѣдній, на котораго пришлось слово—«выйди вонъ»—выходитъ со счета, а разсчетъ продолжается между остальными, причемъ съ каждымъ разомъ со счета уходитъ одинъ. Дѣйствующимъ лицомъ, которое требуется въ игрѣ, остается тотъ, кто останется послѣднимъ.

Или еще:

«Ходитъ кошка
Кыла вакошка,
Манитъ дѣтыкъ.
Кыла клѣтыкъ.
Ихъ, вы, дѣтки,
Многа васъ,
Красна шапка, прочь отъ насъ!»

Или такъ: «Иванъ, Иванъ,
Падáй стаканъ,
Падáй лимонъ,
Выйди вонъ!»

2. У жмурки.

Гуляютъ ў жмурки ти кыла двара, ти ў поли, абы ў лѣси. Папяро́дъ хлопцы, ти дѣвки личутца, каму «жмурытца», тады ёнъ зажму́рытца кыла чаго нѐбудь: ти кыла шу́лы, кыла ўгла, ти дерева якога, а ўси бягуть атъ яго хвáтца, куды хто. Одинъ каторый гавóра: «нѣ йще! нѣ йще!» А якъ скажа «ужо!» тады вы́йдя гетый, што жмурыўся, и по́йдя шукать тыхъ, што пухувалися. Ёнъ толькы атóйдитца, а тутъ ужо бягуть етыя, што пухувалися, штобъ зыпливáтца, (т. е. успѣть плюнуть на то мѣсто, съ котораго всѣ уходили прятаться). Жмурка стараитца злавить каторага и, кали дагóня, дыкъ зачу́руя,—скажа: «чуръ!» Етый и будзя жмурытца.

3. Мышка.

У мышку гуляя самая малая дитварà—блазняты. Пасядуть уси на ўслони, ти на лаўцы, акрамя тольки двохъ: одинъ, што будя дялить мышку (давать палочку или другое что), а другій, каторый будя яе шукать. Вотъ етый, што дѣля, падóйдя къ усякуму и сувая у руку́ мышку. И дасьть яе каму-нибудь аднаму́, а другимъ ли примѣру тольки су́ня. Якъ етый абóйдя ўсихъ, тады ужо выйдя другій шукать мышку. Ёнъ гляня на ўсихъ, штобъ увузнáть па абличчу, у каго ёсьть мышка. Кали зразу угадая ў каго, дыкъ займя яго мѣста, а ни ўзная, дыкъ узнóў будя шукáть.

4. Жгутъ.

Бяруть ўпяро́дъ зы ўсяго джу́пла (скрутють рѣди ў двѣ поисъ, ти што иншая), уси пысядуть кружка, и накрыють калѣни платьтимъ. Одинъ хто сядя ў кругу́. Джу́пла пирадаю́ть одинъ другому, такъ што яго ня видна. Тады каторый нѐбудь якъ стиганецъ таго, што ў кругу, и ўзнóў схувáя жгутъ и пирадае́ другому, а тэй трэ́тьтиму. Калижъ удае́тца пыймать етый жгутъ тому, што ў кругу, дыкъ яго щасьтя, и ёнъ сядя ў кру́зи на таго мѣста, у котораго зловиў жгутъ. А етый иде́ ў кругъ. Бываить, котораго дывядуть и да слёзъ, якъ пачану́ть джу́пла давать.

5. У каршуна.

Дѣти сабираютца йдѣ-нибудь на вýлицы, ти зы дярэ́ўній. Памижъ ўсихъ дятей одинъ станя за матку, другій за каршуна, а ўси, скольки ихъ ёсьть хло́пцóў и дивчатъ, будуть дѣти у етыя матки. Каршу́нъ начане́ щепачкой ямочку капáть, а матка ў яго пытáитца:

— Каршунъ, што ты дѣлаешь?»
— Ямачку капаю.
— А на што табѣ ямачка?
— Каменьня збирать.
— На што табѣ каменьня?
— Иголычки стрыть.
— На што табѣ иголычки?
— Мяшочки шыть.
— На што табѣ мяшочки?
— Каменьня зьбирать.
— На што табѣ каменьня?
— Тваимъ дѣтямъ зубы выбивать.
— Што маé дѣти табѣ зрабíли?
— Мяжу пирарали и капусту пырвали!
— Якъ ты гарадиў?
— Такъ и такъ! Каршунъ руками махнѐ нáхрыстъ наводлугъ гарóдзя.
— А ище якъ?

Удругій каршунъ пакажа, якъ гарадиў. Затымъ падкúня сваю палку, а матка сваю. Каршунъ бяжыть, хватая дятей, а матка ихъ бароня атъ яго, махая на яго руками.

6. У гарэлика.

Скольки будя гулять дѣвакъ, уси стануть парами, а одна, што папяро́дъ, будя гарэть. Тады тая пара, што ззаду у гарэлика, крыкня: «Гарю, гарю!» и котитца сы ўсяго духу ў сторóны, кабъ аббѣгчи гарэлика и зноў стать ў пару; а гарѣликъ сабѣ стараитца паймать каторую изъ ихъ. Кали пыймая, дыкъ станя ў пару пазаду ўсихъ, а гарэть будя тая, што асталася бизъ пары. Тады бяжыть другая пара и такъ пакуль уси пары пирайдуть.

7. Звонъ.

Хлопцы вазьмýтца за руки, штобъ выйшыў бальшы́й кругъ. Хто-нибудь увойдя ў кругъ и станя за

звона. Ёнъ начанетъ тыўхать то ў тый бокъ, то ў другій, штобъ разарвать кругъ. Кали жъ ёнъ парве́ кругъ и выскача, дыкъ яго ловютъ, и хто паймая, таму и быть звонамъ.

8. Пшано.

Бяру́тца за руки и становютца ў кружокъ, усё ро́вна якъ ў звона, тольки руки паднимутъ трохи, бачишъ, вышы. Адинъ каторый начане бѣгать надъ руки, а другій яго дыгыняить и крычить: «шкыра ў пшано! шкыра ў пшано!» Кали жъ пыймаить, дыкъ самъ такъ будя бѣгать.

9. Щука.

Уси дѣти—мальцы и диўчаты—пыбярўтца ззаду адинъ за друго́га. Папе́ради станя самый большый, и будя за щуку. Щука ганяитца за задними, што ў хвасьтѣ, и варо́чыитца то ў той бокъ, то ў другій, пакулицька ня схопить самаго заднига. Етый атойдя прочь, а щука ганяитца за другимъ.

10. У гусей.

У гусей гуляютъ етакъ жа, якъ и ў щуку. Самый набальшый папе́ради, за яго набярутца другія. Етый пяредьній за гусака и атбараняя гусей атъ ваўка. Ваўкомъ станя хто нибудь и изъ усёй моцы дамага́итца схапи́ть тую гуску, што ззаду усихъ. Якъ атнимя адну гуску, тады ище ганяитца за другей, а тамата́ка за третьтій, пакулицька усихъ пытнимая.

11. У козу.

Кыла ко́ній хлопцы гуляютъ у казу. Упяродъ зы ўсяго пастанутъ ў радъ и кидая кожный сваю шапку сабѣ надъ ноги. И чія шапка упаде ближёй за ўсихъ, таму трэба пасьти козъ. Убьютъ тады колико́ъ у зямлю, привяжутъ за этый колъ аброть зъ даўгимъ по́выдымъ, и накладутъ уси сваё шапки ля колика; Адинъ каторый возьмя ў руки канецъ повыда и хвирасьтину, ти пугу, и пилну́я козъ (шапки). Хлопцы падбигаютъ и стараютца ухапить шапку. А етый пастухъ ни дыпускаить ихъ, и катораго якъ апира́жыть пугой, ажъ ды плачу дывядеть. Кали жъ пастухъ упусьтить да тро́хъ козъ, дыкъ яго гыняютъ скрозь строй. Уси пыстанутъ у радъ—одинъ за другимъ, и растаю́ютъ шыро́ка ноги. Падъ ноги и палёзя етый пастухъ. А тутъ яго жа́рутъ шапками пы спинѣ и пы гылавѣ.

12. У кистиня.

У кисьтиня́ гуляютъ у насъ етакъ: скольки ёсьтъ мальцовъ—дѣлютца пыпыла́мъ. Выбираютъ мѣста чистая—на поли, ти ў дварэ и абвядутъ конъ шагоў 15 шырыны, а на кругу паставютъ дубцы. Адны хлопцы идутъ у конъ, а другія дѣлютъ мячикъ во́дыль атъ кону. Тады падходютъ и а́динъ цыляя, якъ ба катораму уляпить мячикъ и ни прамахнутца; бо якъ тольки прамахне́тца, дыкъ ўся партія идетъ у конъ на мѣста тыя, што была ў кану; а ета уже будя дялить мячикъ.

13. У пирагона.

13. У пирага́на хлопцы падѣлютца на дьвѣ часьти. Кажный во́зьмя па палцы (по палкѣ) и ище бяруть пирагонъ (круглый деревянный шаръ). Правядўть лінію, а шагоў на 30—40 другую. Адны хлопцы стануть кала первыя линіи и паставютъ бабу изъ платьця; тутъ и застаетца пирагонъ. Другія хлопцы идутъ у поля, къ другой линіи. Хлопцы первыя бъютъ палкай пирагонъ, такъ, штобъ ёнъ лятѣў туды, идѣ другія хлопцы и якъ можна дальшы. А тыя стараютца наляту атбить яго палкай. Кали жъ етага ни трапитца, дыкъ пыднимаютъ пирагонъ и атъ сваё чарты шыбаютъ прудка, штобъ папасьть ў бабу. А ету бабу абирыгаютъ палками, штобъ ни дапусьтить икразъ пирагону папасьть ў бабу. Бывая, што пирагонъ нападеть, тады хлопцы миняютца мистами: адны пойдуть ў поля, а другія къ баби.

14. Сылавей.

У сылаўя дѣлютца уси хлопцы, скольки ихъ ёсьтъ, пыпыла́мъ; къ адной партіи выбираитца ище матка. Ина во́зьмя мячикъ. Абѣдьви парті́и пастануть, ко́жная кыла сваё чарты́, шагоў на 30 ти 40 адна отъ другея. Тады етыя, што зъ маткай, атбиваютъ сылаўя: матка падки́ня мячикъ, а кожный павочеради бъёть яго палкай, и стара́итца палаўчёй ударыть. Кали жъ сылавей палятить у поля, другая партія дымага́итца спайма́ть яго ныляту́. А атъ матки бягуть хлопцы къ линіи. Вотъ у ихъ и стараютца напасьть хлопцы зъ другея партіи. Ни нападуть у ихъ, дыкъ имъ зноў прыдитца атбивать сылаўя кала матки, а нападуть, дыкъ по́йдуть у по́ля. Ги зноў, якъ уси прамахнутца кыла матки, дыкъ даўжны йти ў по́ля.

15. У крэглы.

Крэ́глы—ета атрѣзки атъ палакъ, у вяршокъ утаўстки и четверть ўдаўжки. Щётамъ ихъ усихъ десить. Гулять ў крэ́глы можна удваихъ, учетьвярыхъ, шесьтярыхъ,—штобъ на дьвѣ кучи прыхадилась паро́вну. Кажный мѣнить па палцы. Дѣлають два гарады, адинъ атъ другога шагоў на 20—30, а насяродки атмичаютъ ямку—«масла». Патомъ ставютъ крэ́глы. Ихъ ставютъ ти стоймя, ти гарадкомъ. Стаячка́ ставютъ урадъ па чартѣ ўси пять крэглаў, а гарадокъ ставитца такъ: адна крэгла кладетца плашмя на пирэднію чартў, на яе́ ище́ дьвѣ, тады зверхъ ище адну лижачію и падканецъ пятаю на ихъ—стаякомъ. Уси, хто гуляить, раздѣлютца па дьвѣ кучи. Каторай начинать «бить крэглы», рышаютъ такъ: хто-нибудь во́зьмя щепачку и згаво́ритца съ хлопцамъ зъ другія кучи—икая яго стырына́: ти гладкая, ти съ карой, и щепку подкиня уверхъ: чімъ бокамъ ина ляжа, тады той кучи и начинать выбивать крэглы. Кидаютъ палками па крэглахъ, кожный атъ свае чарты и якъ выбъить изъ стаячкоў, ти гарадка хоть адну крэглу за чарту, дыкъ хлопцы тэй кучи выбиваютъ стаякоў ти

лижакоў зъ масла (т. е. на разстоянiи, вполовину меньшемъ противъ прежняго). Посли первай кучи выбиваютъ крэглы ужо хлопцы другей кучи и у кожнага изъ стыхъ хлапцоў на дьвѣ палки: адна свая, другая изъ первыя кучи чiя нибудь. Кожная куча стараитца выбить крэглы за чарту ўпярод за другiя. За кожную невыбитую крэглу возютъ «отъ чарты до чарты» хлопцы изъ тэя кучи, каторая выбила ўси сваё крэглы. Ета жъ куча ўзноў начинае выбиваць крэглы.

16. Стралецъ.

Адинъ мальчикъ становитца стралцомъ, а ўдвохъ, ти утрохъ—сабаками; другiя скольки ня ёсьць—за зайцоў. Зайцы пайдуть, пыхываютца ны лясу, а стралецъ выходить и кажыть: «бахъ-бахъ!» Сыбаки тады бягуть и шукаютъ зайцоў ны лясу, и якъ ужо выгунютъ, дыкъ стралецъ бытцымъ ихъ стрыляить.

17. У рэпу.

Скольки-небудь мальчикаў и дѣвочикъ, сабраўшысь умѣсьти, сядуть адинъ къ другому на приполъ, на ўлони, а адинъ за матку, и садитца першымъ. Каторый-нибудь астаётца и скажа: «матка, матка, свиньни ў рэпи»!—Иди выгонь!—«А пазволишъ рэпку вырвать?»—Вырви, тольки съ карашкомъ!

Ёнъ бярэтца за заднига, и стаця рвать, пакуль тыки ня вырвя. Такъ и другихъ на аднаму вырывая зъ мѣста. А падканецъ и самаю матку. Якъ паднимая матку, дыкъ уси ле за руки и за ноги и панясуть.

18. У ляски.

Садитца на лаўку адинъ каторый хлопчикъ, а другiй лажытца къ яму на калѣни, такъ, штобъ нiчого ни бачить. Хто нибудь и даёть яму ляску (хлопаеть ладонью по спинѣ). Ёнъ устаё и муситъ признать, хто яго ўдарыў. Кали жъ покажа, хто ударыў, дыкъ таму и лажитца, а якъ ашыбстца, дыкъ узноў яму лажытца.

19. Гульня съ каменьчиками.

Кала коній, ти кала карoў малыя хлопцы и дивчаты гуляютъ съ каменьчиками. Возьмуть пять нибальшихъ каменьчиковъ и падкiдаютъ ихъ уверхъ. И ловютъ кажный нёрша на адномъ каменьчику, тады на два, на тры, а падканецъ ставютъ ступу съ чатырохъ камушковъ, а пятый падкiдаютъ и ловютъ ступу. Якъ зловютъ ступу, тады ловютъ каны. Паложуть на ладонь пять камушковъ и пиракидаютъ зъ ладони на верхъ руки, изноў на ладонь. Кали ў ладони будить тры каменьчика, то щытаютъ тры каны, а кали пять каменьчиковъ, то пять и каноў. У кого большы, тэй и выйграў.

20. У гарлачики.

Дѣти, хлопчики и дѣвычки, скольки ня будя, насядуть на землю, ти ў хати на мастў, акрамя двохъ. Изъ ихъ будя адна маткай, а другая за ката. Матка пойдя ў поля на работу, а ката пакiня зъ гарлачиками дома. Коть падойдя къ дитёмъ и бутцымъ стаця абарачивать гарлачики и гавора: «ета смитанка, ета сыравятка, а ета тварожокъ!» Кали коть набарачивая гарлачи, прыходя матка, схопя яго и стаця бить: «а ня рушъ смитанки, ня би гарлачоў!»

21. У слипца.

Вотъ кали пасуть коній, тады канюхи сабярутца ўкучу и дѣлаютъ аднаго каторого слипцомъ: яму завяжуть вочи, паставютъ ракамъ на чистая мѣста и кидаютъ яму надъ ноги сваё шапки. А слянецъ усё стаить ракамъ, пакуль пиракинуть уси шапки. Слянецъ тады паузётъ и грабая руками, бо, знаишъ, хоча знайти чiю-небудь шапку. А якъ ужо знайдя, дыкъ усхопитца и бяжыть барджой, куды вочи глидять; за имъ гонитца тэй хлопицъ, чiю шапку ёнъ забраў, пакулитька яго ни дагоня и атбярэть. Калижъ ни дагоня, дыкъ самъ стаця слянцомъ.

22. У транпыжа.

Кала коній гуляютъ и такъ. Скольки-небудь хлопцаў, ня мени трохъ, ўпярод здѣлаютъ дьвѣ палачки и пазначуть ихъ якимъ-небудь значкомъ. Тады уси палягуть на землю, а адинъ кидаить транпыжы ў каторую старану. Якъ шибнёть ихъ, дыкъ закрычить: «уставайтя!» и пакажа на тэй бокъ, куды закинуў транпыжы. Уси бягуть шукать и хто найдя (тожнайдець) яго, дыкъ хыпая каторого хлопца и ѣдя на ёмъ да таго мѣста, аткуль кинули транпыжа.

23. У блудыню, ти у сучку.

Кунюхи ище стакъ гуляютъ кала коній. Высикуть дубецъ, абрэжуть на ёмъ сучча такъ, кабъ аставались шпяньки. Етый дубецъ уткнуть у землю: ёнъ будя блудыня. Тады атрэжуть два нибальшихъ роўныхъ кусочки отъ палочки и ращепютъ ны пылавинки, такъ што ўсяго ихъ будя чатыры пылавинки. Пысядуть уси кругомъ блудыни и вазьмуть кожный сабѣ на маленькому кручочку. Кожный бярэть тыя пылавинки и пыдкидаить ихъ уверхъ. Тады глидять, якъ яны лажатца: кали уси пылягуть бѣлыми бакамi уверхъ—ета называитца каролъ, и таму, хто кинуў, трэба павѣсить свой кручокъ на першый сукъ блудыни. Кали пылавинки лягуть уверхъ карой—ета называитца цыганомъ—и стаму нада павѣсить кручокъ на сучокъ блудыни. А кали лажатца пылавинки абы-якъ, усё розня: адна кверху карой, другая бѣлымъ бокамъ, то ета завётца «казелька», «лыська» и «баранька», то тады нiчога ни выходить и ня вѣшаютъ кручковъ дали на сучча, пакуль ня выпадя кароль, ти цыганъ. Такъ иде черга усимъ хто гуляя: кали выпадя, вѣшаютъ свой кручокъ на адинъ выше, а кали ня выпадя, дыкъ уступаить другому падкидывать пылавинки. На блудыни (ище заветца сучка) мѣста завутца розна: першая мѣста—кароста; идѣ саўсимъ нимашъ сучча—мора; идѣ ёсь, ды рэдко—поля, а самый вяршокъ—каша. Ну, якъ уси ужо дайдуть да кашы и, значытца, атгуляютца, акромя аднаго: яму

завяжуть вочи, а блудню закинуть куды-небудь. Якъ ёнъ ни найдя ету блудню, дыкъ дають яму ў ротъ кусокъ зямли.

Скольки сабярэтца хлапцоў, дыкъ ўси пасядуть у радъ, а адинъ астаётца за старасту. Ёнъ пачинаить личить: «адинъ, два, тры, чатыры—мяне грамати вучыли, ни чытать, ни писать, тольки ў поплясы играть... А плясала, плясала, сабѣ ножку зламала». На каго прышлося слова—«зламала», дыкъ тэй ўстаёть. Стараста завяжа яму вочи, а палачку закиня куды-небудь. Завязку знимуть, и ёнъ шукая палочку; и ёнъ ня мусить бѣгать, а тольки ходить, а то за ета накладуть па сьпинѣ. Уси хлопцы разбягутца и пыхываютца, куды хто. Тады тэй, нашоўшы палачку, паляпая палачкой па тымъ мѣсьти, аткулицька разыйшлися хлопцы; палачку палóжа и пóйдя шукать каго-нибудь. И якъ забача, узноў пойдя паляпая и, паляпаўши, палóжа палачку. Тады з н о г а пóйдя глядѣть каго и знога паляпая. Уси хлопцы тады збягутца, и на каго першаго стукаў пáлачкай, дыкъ тэй и будя аставатца съ татарскай палачкай.

25. У жыда.

Пастáнуть ўси ў радъ, а адинъ считая: «ахъ, ты, вутачка шарóй, паступай скарэй дамой; ў тябé сéмира дятей, васьмый силязéнь, дивятая вутка, дисятая клютка, за мóрамъ пала, ў цэркви стала; высику дубинку, палажу на пóлку; хто ўзяў?—Я ўзяў! Радивóнъ, выйди вонъ»! На каго скажуть «выйди вонъ», тэй и станя за жыда. Уси бягуть атъ яго, а ёнъ ганяитца и ловя, и каго паймая, дыкъ таму рэжать рукой па горлу, и яму трэба станавитца жыдамъ.

26. У сулы.

Якъ захочуть малыя дѣти гулять у сёлы, дыкъ сядуть ўси ў радъ, а ўтраихъ астаютца: адинъ зъ ихъ будя ангилъ, другій чортъ, трэтьтій хазяинамъ. Хазяинъ загадáя якóя-нéбудь имя силà, ти дяўэўни на ўсихъ адно; а ўси сидять и маўчать. Чортъ и ангилъ быў атпрэчинъ. Тады падóйдя чортъ и гавóра:

— Бумъ-бумъ?

Хазяинъ спрося:

— Хто йдеть?

— Самъ чортъ!

— За чимъ?

— За сялóмъ!

— За якимъ?

— За такимъ и такимъ!

И якъ вѣрна укажа, за якимъ сяломъ, дыкъ яго мѣста заступить тэй, каго назваў чортъ.

Якъ чортъ ни ўгадая, дыкъ и ангилъ падходя и кажа:

— Динь-динь!

— Хто йдеть?

— Ангилъ!

Ну, и дали такъ, пакуль ни ўзная, якоя сялó былó загадáно.

27. Кароль.

Дѣлають съ пáлачикъ чатыры палавинки. Сыдятца ў кружокъ и начинають падкидать стоя палавинки па чирадѣ. Кали палавинки абярнутца бѣлыми старанами уверхъ—быть каралёмъ; кали чорными—быть цыганóмъ; кали лягуть палавинки двѣ бѣлыми и двѣ чорными баками—мужикомъ; кали три чорныя и адна бѣлая—жыдомъ; а кали тры бѣлымъ и адна чорная—дыкъ старастамъ. Самый главный щитаитца кароль. Ёнъ загáдуя, скольки разъ бить па лàпи цыгану и жыду, а стараста даўжóнъ бить. Мужика ня бъють саўсимъ.

28. У ярки.

Бяруть бульбину замѣстъ мячика; тады кожный сабѣ возьмя палку и пакапáють сабѣ па ямаццы—уси ямачки пыдъ радъ. Тады пачануть качать бульбину, кожный сваёй палкай, и глидять, у чію ямачку бульбина укóтитца. Хазяинъ етай ямки ўхвóтить бульбину и пущáить у каго нéбудь, а хлопцы ўси разбигаютца. Кали ежали пупадéть, дыкъ нада щитать на тымъ «ярку», а ни пупадеть, дыкъ самъ на сабѣ бяреть «ярку». Пóтымъ дали. На комъ нащитають десить яракъ, таго бяруть за рýки и бъють кулаччимъ съ пригавóрами: «ярка-палка, каралёва жонка! лѣзь на палати, скинь казарáти, будимъ ў карты грати, и вечыра дажыдати». Пóтымъ знога пачануть тую гульню.

29. У пираскочки.

Скольки гуляить хлапцóў, стольки шапакъ сабярэтца. И складуть ихъ усихъ у кучку, адна на дну. Тады ўси хлопцы, адинъ за другимъ, пачануть скакать пиразъ ету кучку шапакъ. Якъ тольки каторый скиня шапку нагой, дыкъ яго ганяють скрозь строй. Уси пыстануть у радъ и шырóка растáвють ноги, а етый, што праштрапиўся, лѣзя падъ ноги усимъ; а яго бъють па чимъ папáла шапками.

30. У дятей.

Сабярутца дивчаты-малалѣтки. Кожная бóльшая бярэть сабѣ мèньшаю наўлóни. Такъ пасядуть ўси ў кругъ. Бóльшія завутца матками, а малыя ихъ дѣти. Вотъ адна каторая застаетца бизъ дятенка, будя «ялуўка». Ина падхóдя къ каторай небудь матцы и спрóся:

— Кума, кума, прадай дитя!

— А плата?

— Пá бобу лапата!

И тады абѣдьви бягуть кругомъ, въ абóя баки, и адна пирадъ другой стараютца ўпяродъ дабѣчь къ дитю. Каторая ўпяродъ дыбяжыть, дыкъ тая и будя маткай, а другая астàнитца «ялуўкой». Тады ўзноў станя такъ спрашувать.

31. У рэпу.

Трэба, штобъ дятей былó быгата, такъ къ примѣру чатырнàнцать, ти питнàнцать. Пысядуть адинъ

къ другому на ўлони, и другъ дружку дяржать за по́исъ. У дваихъ, ти ўтраихъ бяруть палки замѣста коній и пасядуть на ихъ вирхами, бытцымъ ѣдуть. Падъѣдуть къ матцы и гаворуть:

— Ти пара́ рвать рэпу?

— Нѣ ище, тольки узарали. Тыя ѣдуть прочь, а тады узноў ѣдуть.

— Ти пара́ рвать рэпу?

— Нѣ ище, тольки пыскаро́дили!

Тро́ху спыгадя ѣдуть и спрашыють:

— Ти пара́ рвать рэпу?

— Нѣ, тольки грады падѣлали! Потымъ дали ўжо́ матка кажыть, што рэпу тольки пысадили, ина тольки ўзыйшла, а за тымъ—зацвила и пыдъ канецъ ужо выросла. Тады матка спрося:

— «А за во́шта будитя куплять»?

— За коній!

Злѣзуть съ коній и отдають ихъ матцы и тады бяруть дятей за руки и тягнуть, пакуль ихъ усихъ пыўзнимають *).

(*Записалъ М. Онуфріевъ*).

Матеріалы для исторіи церквей Бѣлоруссіи конца XVIII и начала XIX столѣтій [1]).

По троечастной перечневой табели за 1803-й годъ въ бѣлорусской епархіи было 380 приходовъ: 311 въ могилевской губерніи и 69 въ витебской. Въ этихъ приходахъ родилось 22514 душъ (11745 мальчиковъ и 10769 дѣвочекъ), бракомъ сочеталось 13338 лицъ, умерло 16228 человѣкъ [2]).

Церковныя земли.

Указомъ синоду отъ 18 декабря 1797 года императоръ Павелъ I, между прочимъ, объявилъ: «Въ приходахъ, гдѣ священники и церковные служители состоятъ не на окладахъ, но содержаніе свое отъ земли, имъ опредѣленной, имѣютъ, признаемъ за приличное, чтобъ таковая земля въ извѣстномъ по пропорціи количествѣ точно къ церкви отдѣлена (была), и сей церковный удѣлъ общими трудами прихожанъ тоя церкви обработанъ былъ». 11 января слѣдующаго 1798 года Государемъ утверждено было общее мнѣніе синода и сената, чтобы предоставить прихожанамъ пользоваться церковною землею, а духовенству «получать на содержаніе свое отъ прихожанъ натурою такое количество хлѣба..., также сѣна, соломы и гуменнаго корму..., какое... съ 30-ти десятинъ пахотной (земли), раздѣленной на три поля, и трехъ десятинъ сѣнокосной по средней пропорціи урожая собрать возможно... или деньгами по справочнымъ цѣнамъ».

Исполненіе по этому указу возложено было на начальниковъ губерній [3]).

Дѣло это было очень сложное и при осуществленіи, естественно, вызывало недоразумѣнія. Помѣщики забрали себѣ церковную землю, духовенству-же выдавали недостаточное содержаніе; въ другихъ мѣстахъ прихожане давали отъ себя людей для обработки церковной земли, но дѣлали это несвоевременно. Указомъ отъ 24 марта 1799 года святѣйшій синодъ, между прочимъ, предписалъ преосвященнымъ архіереямъ настоятельно требовать отъ гражданскаго правительства выполненія по указамъ объ удовольствованіи духовенства вмѣсто земли хлѣбнымъ содержаніемъ. Вслѣдствіе сего бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій 11 апрѣля того 1799 года приказалъ своей консисторіи: «1. Немедленно промеморіею, съ прописаніемъ указнаго повелѣнія, отнестись въ бѣлорусское (витебское) губернское правленіе, требуя, что исполнено по тому указу, который губернское правленіе напечатавъ прислало на имя мое, безъ всякаго прежде ко мнѣ отъ бывшаго господина губернатора (С. С. Жегулина) отношенія въ дѣлѣ толико важномъ по благостнѣйшимъ намѣреніямъ всемилостивѣйшаго нашего Государя о пользѣ и выгодахъ святыя церкви, хотя я имѣлъ о семъ предметѣ къ господину губернатору отношенія неоднократныя? 2. Отъ духовныхъ правленій, благочинныхъ и кому было по первому пункту указа поручено, истре-

*) Изъ „Мог. Губ. Вѣд." №№ 11, 16 19, 21 за 1903 годъ.

[1]) Сокращенія въ цитатахъ: АСС=Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ. АКОП=Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. АМДК=Архивъ могилевской духовной консисторіи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. ПСЗ=Полное собраніе законовъ (первое.)

[2]) АМДК, 1802 г., связка №№ 108—117, дѣло № 113.

[3]) ПСЗ т. XXV № 18. 316.

бовать также немедленно репортовъ, какой успѣхъ возъимѣли? и какія гдѣ открылись затрудненія? какія священно-и-церковнослужителямъ вышли обиды и притѣсненія и именно гдѣ и отъ кого? о чемъ давно было отъ меня предписаніе [4])».

Консисторія просила губернское правленіе учинить нижнимъ земскимъ судамъ и уѣзднымъ землемѣрамъ предписаніе, чтобы оные при всякомъ случаѣ о церковныхъ земляхъ къ нимъ отъ духовныхъ чиновъ отзыва удовлетворяли ихъ требованія вѣрнымъ показаніемъ церковной земли на десятины безъ малѣйшей со стороны своей остановки, яко въ дѣлѣ по высочайшему повелѣнію не терпящемъ промедленія. Но «дѣло объ отмежеваніи къ церквамъ на усадьбу и огороды, также полевой, пашенной и сѣнокосной удобнѣйшей земли» встрѣчало мало сочувствія въ мѣстной иновѣрной администраціи, тормазилось помѣщиками и потому тянулось многіе годы [5]).

Въ октябрѣ 1799 г. въ бѣлорусской (могилевской) духовной консисторіи учинена была «выписка изъ дѣла, касательно положенія вмѣсто земель церковныхъ указнаго отъ прихожанъ содержанія». Въ ней говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Съ полученія по сему о церковныхъ земляхъ, предмету прошлаго 1798 года февраля изъ св. синода указа [6]), трикратно отъ его преосвященства къ бывшему бѣлорусскому господину губернатору (С. С. Жегулину), а изъ консисторіи четырежды въ губернское правленіе чинены отношенія, съ требованіемъ и частно по уѣздамъ и генерально по всей губерніи того указнаго выполненія. И хотя, какъ господинъ губернаторъ, такъ и губернское правленіе, увѣдомляли, что подчиненнымъ земскимъ судамъ предписывано и подтверждаемо было чинить по тому при опредѣленныхъ съ духовной стороны для сего депутатахъ немедленное и согласное съ указнымъ предписаніемъ исполненіе; но консисторія соотвѣтственнаго въ томъ успѣху, какъ духовные депутаты репортовали, не видѣла. А затѣмъ и вторичный изъ синода указъ сего года марта отъ 24 полученъ въ подтвержденіе, дабы о скорѣйшемъ выполненіи таковаго положенія настоятельно отъ гражданскаго правительства было требовано. Почему опять сообщено изъ консисторіи въ губернское правленіе, чтобы оное съ стороны своихъ подчиненныхъ мѣстъ, объ успѣхѣ въ семъ дѣлѣ или о противныхъ тому обстоятельствахъ, увѣдомило къ докладу его преосвященству для отрепортованія святѣйшему синоду. На каковое требованіе, какъ и на другія по частнымъ случаямъ еще посыланныя отношенія, отвѣтствуетъ правленіе, что подчиненнымъ мѣстамъ о выполненіи таковыхъ консисторскихъ требованій накрѣпко предписывается. Но за всѣмъ тѣмъ изъ репортовъ духовныхъ подчиненныхъ мѣстъ, по день сея выписки полученныхъ, значится токмо въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ учиненное, да и то несоотвѣтственное указному предписанію и потому обидное положеніе, яко-то:

1-е. Повѣту могилевскаго, прихода церкви буйницкой, изъ числа состоящихъ при ней приходскихъ 150 домовъ, при съѣздѣ туда могилевскаго нижняго земскаго суда засѣдателя Домбровскаго, 120 домовъ владѣнія польскаго князя Сапѣги крестьянъ, не соглашаясь поступить на священно-и-церковнослужителей за землю церковную ни денежнаго положенія, ни хлѣбной готовой ссыпки, отозвались, наконецъ, для обработыванія церковной земли выслужить ежегодно съ каждаго дома мужескій полъ два дня, а женскій полъ по одному дню; за 30 же еще домовъ другого владѣнія самъ помѣщикъ Козановичъ обязался давать ежегодно на священно-и-церковнослужителей готовой ржи по десяти четвертей; а больше по сему могилевскому повѣту отъ прочихъ приходовъ никакого еще донесенія консисторія не имѣетъ.

2-ое. Для состоящихъ повѣту оршанскаго во владѣніи господина князя Любомирскаго церквей, на запросъ духовнаго депутата, при земскомъ засѣдателѣ Статкевичѣ, назначалъ оный владѣлецъ на каждый весь дву-и-однокомплектный причетъ точію: ржи 10 четвертей, пшеницы—5, овса—20, сѣна 150 пудовъ, дровъ 16 саженей. Но когда помянутый избранный отъ священства депутатъ на такое весьма малое положеніе не согласился, то оный владѣлецъ сказалъ, что де онъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ и тамъ съ прочими помѣщиками справится; почему и другіе помѣ-

[4]) АМДК, 1799 г. связка №№ 3—180, дѣло № 84.

[5]) АМДК, 1799 г. связка №№ 180—314, дѣло № 314.

[6]) Отъ 17 февраля 1798 г. П. л. Горючко: „Матеріалы для исторіи церквей могилевской епархіи“, стр. 1. (Изъ „Мог. Епарх. Вѣд.“ 1902 г. №№ 12—13).

щики, смотря на сіе, поелику во владѣніи его Любомирскаго по сему оршанскому повѣту большее число церквей состоитъ, удерживаются отъ назначенія какого-либо положенія; и хотя послѣ того оный Любомирскій давно уже изъ С.-Петербурга возвратился, но дальшаго успѣха еще не видно.

3-е. По мстиславскому повѣту нигдѣ еще никакого положенія, хотя депутатъ, какъ репортуетъ консисторіи, неоднократно отъ мстиславскаго нижняго земскаго суда того требовалъ, не было начинаемо дѣлать за отказомъ присутствующихъ (въ судѣ) недосугомъ. А притомъ доноситъ оный же депутатъ, что по малому числу при нѣкоторыхъ церквахъ приходскихъ домовъ и въ разсужденіи нѣкоторыхъ еще малоприходныхъ же церквей, между унитскими приходами состоящихъ, трудно приступить къ учиненію положенія; ибо таковымъ малымъ приходамъ на деньги условиться или-же готовымъ хлѣбомъ ссыпку сдѣлать и даже хотя бъ обработывать церковныя земли весьма тягостно.

4-е. По рогачевскому повѣту церквей быховской Преображенской и дашковской хотя условились прихожане, при земскомъ комисарѣ Бутовичѣ и съ стороны помѣщичьей уполномоченномъ, выслуживать въ годъ, по примѣру вышеупомянутыхъ буйницкихъ прихожанъ, для работъ на церковной землѣ изъ каждаго дому мужчина два дня, а женщина одинъ день; но симъ и положеніемъ священно-и-церковнослужители недовольны, въ разсужденіи несоотвѣтственнаго для всѣхъ нужныхъ работъ, по вычисленію того числа душъ, и нерачительной притомъ, да и не въ свое за панщиною время, службы ихъ, вовсе несходно утвердиться на семъ; а способнѣе-де на ссыпку готоваго хлѣба положиться; но уполномоченный отъ владѣльца весьма малое количество назначаетъ».

По другимъ уѣздамъ почти ничего не было сдѣлано во исполненіе распоряженія о церковныхъ земляхъ [7]).

Настоятель боболуцкой Свято-Троицкой церкви, велижскаго повѣта, отъ 16 декабря 1799 года рапортовалъ въ невельское духовное правленіе отъ имени своего причта: «Хотя мы на время и положились съ прихожанами, дабы оные обработывали при церкви нашей находящуюся по указной пропорціи изъ 36 десятинъ состоящую землю, однако желаніе наше къ тому не клонится и нельзя утвердиться на томъ на всегдашнее время, потому что оная церковь, будучи двупріходная, крайне обидима есть по причинамъ, что при самой церкви въ противность высочайшаго соизволенія въ пользу помѣщика выстроена корчма. И хотя въ имѣющемся при той церкви на оную землю планѣ назначено жительство однихъ священно-и-церковнослужителей въ семъ погостѣ, однако напротивъ въ реченной корчмѣ живутъ арендаторы-евреи, которые при всемъ томъ, пользуясь близъ самой-же церкви заводомъ винокуренія, держатъ множество скота, которымъ толикія дѣлаются стравежи засѣваемымъ нами хлѣбамъ, что мы совсѣмъ лишаемся пользы, долженствующей отъ земли происходить для насъ (о чемъ я уже и духовной консисторіи доносилъ). Посему лучше-бы мы желали согласиться на хлѣбную отъ прихожанъ вмѣсто земли получать ссыпку. Но и тутъ встрѣчаются затрудненія: ибо ежели теперь толико корчемнымъ строеніемъ занято церковной земли, то въ то время обставятъ насъ таковымъ вокругъ, да и горшее въ разсужденіи близости того строенія и паче нынѣшняго презрѣніе дѣлано будетъ святому храму. Въ таковыхъ и подобныхъ крайне обидныхъ для насъ и святой церкви обстоятельствахъ, о которыхъ по доносу отъ меня извѣстно уже и самой бѣлорусской духовной консисторіи, не можемъ совершенно навсегда на какомъ-либо положеніи согласиться до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ отъ начальства обидъ нашихъ и церкви нашей милосердое разрѣшеніе» [8]).

Изъ экономіи князя А. А. Безбородки домовой веречьевской Софійской церкви священнику отпускалось въ годъ: денежнаго жалованья—50 руб.: хлѣба разнаго: ржи—10 четвертей, ячменю двѣ четверти, овса—4, гречихи—двѣ; гороху—4 четверика, пшеницы—два, конопляного сѣмени—4, ячнаго солоду—4 четверика. Кромѣ того давались работникъ и работница [9]).

Духовенство недовольно было перемѣной способовъ содержанія и образомъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ даже своихъ представителей. Отъ 6 октября 1799 года священники церквей: скепенской, нѣдойской, церковской, любанской, мерколовской,

[7]) АМДК, 1799 г. связка №№ 93—96, дѣло № 95.

[8]) АМДК, 1798 г. связка №№ 88—92, дѣло № 89.

[9]) АМДК, 1798 г. дѣло № 222.

рисковской. сверженской и кистеневской подали въ чечерскій духовный заказъ слѣдующее о б ъ я в л е н і е: «Извѣстно намъ учинилось, что повѣта рогачевскаго господинъ комисаръ Бутовичъ вмѣстѣ съ старосельскимъ священникомъ Венедиктомъ Піотровичемъ минувшаго мѣсяца сентября 28 числа, будучи въ селахъ Г а д и л о в и ч а х ъ и Ш а п ч и ц а х ъ, при собраніи тамошнихъ прихожанъ учинили самое скудное и весьма несходственное съ указнымъ предписаніемъ для продовольствія священно-и-церковнослужителей положеніе, то есть съ 33-хъ десятинъ разнаго хлѣба не болѣе какъ только 70 четвертей. сѣна 300 пудовъ, а о землѣ подъ поселеніе и огороды ничего не упомянуто. Но какъ вѣдомства онаго чечерскаго духовнаго заказа священника Піотровича по сему дѣлу никогда за депутата не избирали и въ томъ ему не подписывались, а потому и нынѣ его, яко о пользѣ церковной нерадящаго и подъ штрафомъ находившагося, имѣть его за депутата вовсе не желаемъ и не принимаемъ, а желаемъ, чтобы былъ по сему дѣлу по силѣ прежняго нашего избранія депутатомъ церкви разсохской священникъ Л. Кириловичъ» [10]).

Въ виду того, что положеніе 11 января 1798 года поставляло духовенство въ крайнюю зависимость отъ прихожанъ. налагая на послѣднихъ новую и необычайную имъ повинность, внесло въ приходскую жизнь нежелательный элементъ раздора, указомъ сенату отъ 3 апрѣля 1801 года императоръ Александръ I отмѣнилъ его: духовенство попрежнему должно было само обрабатывать церковную землю [11]). Возвратъ къ прежнему порядку совершился не безъ затрудненій: помѣщики захватили церковную землю и взамѣнъ отводили неудобные участки и въ меньшемъ количествѣ. Изъ-за этого возникли многочисленныя тяжбы; но бороться съ помѣщиками было не подъ силу церквамъ: земли были даромъ владѣльцевъ, документовъ не имѣлось. мѣстная администрація держала сторону помѣщиковъ.

Церковныя зданія.

Указомъ синоду отъ 25 декабря 1800 года императоръ Павелъ I велѣлъ: «если гдѣ деревянная церковь сгоритъ, не позволять строить новой деревянной». Императоръ Александръ I смягчилъ распоряженіе своего родителя: указомъ 25 мая 1801 года приказано было только: «всякій разъ объ обстоятельствахъ, буде гдѣ встрѣтятся затрудненія строить каменныя церкви, представлять на разрѣшеніе» [12]).

Ночью 3 марта 1801 года сгорѣла церковь въ селѣ П о п о в к ѣ. Бѣлицкое духовное правленіе по этому поводу донесло, что пожары церквей нерѣдко случаются оттого, что вблизи нихъ стоятъ крестьянскія строенія. Преосвященный Анастасій, епископъ бѣлорусскій и могилевскій, сообщая объ этомъ св. синоду, отъ 12 марта 1801 года рапортовалъ, между прочимъ, слѣдующее: «И въ другихъ по здѣшней епархіи мѣстахъ, отъ неуваженія особливо иновѣрныхъ къ православной церкви, многіе церковные п о г о с т ы к р а й н е с т ѣ с н е н ы не токмо христіанскихъ жителей, но даже жидовъ неприличнымъ и безпокойнымъ святому мѣсту отъ питейныхъ кабаковъ строеніемъ, въ томъ числѣ лавками, скотскими сараями и самыми винокурнями. Принадлежащія церквамъ земли заняты по давнему за польскаго владѣнія неустройству частію отъ самоволія владѣтелей, а въ протчемъ отъ неосмотрительности монастырскихъ и приходскихъ церквей настоятелей, въ дачѣ на то вѣчныхъ контрактовъ». Между тѣмъ указомъ отъ 13 мая 1727 г. велѣно было кабаки у церквей сносить, а 7 іюля 1775 г. сдѣлано было распоряженіе закрыть кладбища при церквахъ, обратить ихъ въ площади, содержать въ чистотѣ, обнести оградой и обсадить деревьями. Св. синодъ указомъ отъ 1 мая 1801 г. рекомендовалъ преосвященному Анастасію запретить духовенству отдавать церковныя строенія къ непристойному употребленію въ наймы, съ заключеніемъ вѣчныхъ контрактовъ [13]).

Графиня А. Р. Чернышева въ 1801 году велѣла свой вотчинной конторѣ всѣ п е р к в и ч е р с к а г о г р а ф с т в а починить или на мѣсто ветхихъ вновь построить непремѣнно лѣтомъ того 1801 года, испрося вопервыхъ на то у преосвященнаго позволенія, совѣта и наставленія. Владыка Анастасій дозволилъ починку церквей, а о построеніи новыхъ деревянныхъ церквей, въ виду запретительнаго указа 25 декабря 1800 г.,

[10]) АМДК, 1799 г. связка №№ 34—66, дѣло № 36.
[11]) ПСЗ т XXVI. № 19. 816.
[12]) ПСЗ т. XXVI. №№ 19. 701.
[13]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 256.

19 апрѣля 1801 г. рапортовалъ св. синоду: «Здѣсь встрѣчается крайняя трудность строить каменныя церкви въ такихъ приходахъ, гдѣ и деревянную починить не въ состояніи прихожане, а помѣщики иновѣрные о томъ не усердствуютъ». Указомъ отъ 24 іюня 1801 г. св. синодъ обращалъ вниманіе преосвященнаго на распоряженіе новаго Государя отъ 25 мая того 1801 года [14]).

Въ 1789 году архіепископъ Георгій дозволилъ помѣщику могилевскаго повѣта Якову Хоментовскому устроить въ своемъ домѣ съ подвижнымъ антиминсомъ церковь во имя святаго Михаила Архангела, по небытности въ то время по близу благочестивой (православной) церкви. Послѣ того присоединена была изъ уніи церковь въ селѣ Реучьѣ, въ разстояніи полуверсты отъ усадьбы г. Хоментовскаго. Несмотря на это, въ 1801 г. Хоментовскій обратился къ епископу Анастасію съ просьбой дозволить ему приглашать сосѣднихъ священниковъ для совершенія богослуженія въ его домовой церкви, по неспособности всегда бывать въ реучьевской церкви. Между тѣмъ указомъ синода отъ 24 сентября 1800 вгда запрещено было строить безприходныя церяки. Въ виду этого преосвященный отъ 8 февраля 1801 г. о просьбѣ Хоментовскаго рапортовалъ св. синоду; при этомъ владыка, между прочимъ, писалъ: «Въ здѣшнемъ краѣ, кромѣ домовыхъ, много находится,—особливо въ обращенныхъ изъ уніи приходахъ по деревнямъ,—приписныхъ къ приходскимъ церквей и каплицъ, или, такъ называемыхъ, часовень, кои хотя по большей части состоятъ праздны, но если начать упразднять оныя, можетъ изъ сего выйти роптаніе». Св. синодъ въ отвѣтъ указомъ отъ 22 апрѣля 1801 года велѣлъ «дать обстоятельное сообщеніе». Преосвященный Анастасій отъ 10 сентября 1801 г. представилъ, что домовая церковь Хоментовскаго сооружена въ 1791 году и послѣ того упразднена не была. «Прочія приписныя церкви и каплицы [15]), писалъ преосвященный, хотя не должны существовать, но во уваженіе привязанности къ сему тѣхъ мѣстъ жителей, особливо снисходя обратившимся изъ уніи прихожанамъ, надобно, кажется, оставить ихъ на прежнемъ своемъ положеніи, до совершеннаго ихъ само по себѣ чрезъ обветшалость упраздненія и тогда снесенія, яко при томъ отъ исправленія въ нихъ приходскими священно-и-церковнослужителями молитвословій остановки и упущенія въ полученіи по приходамъ требъ быть не можетъ». Указомъ отъ 16 мая 1802 г. св. синодъ дозволилъ Хоментовскому имѣть домовую церковь [16]).

Въ 1804 году св. синодомъ отказано было помѣщику невельскаго повѣта, витебской губерніи, статскому совѣтнику Ивану Андреевичу Карташеву въ просьбѣ построить церковь въ сельцѣ его Сенютинѣ-Елисаветинѣ, по недостатку прихожанъ для образованія будущаго прихода (требовалось не менѣе ста дворовъ [17]).

Иваново И. И. Михельсона.

Бѣлорусскій военный губернаторъ, управлявшій и гражданской частью, генералъ-отъ-кавалеріи Иванъ Ивановичъ Михельсонъ отъ 31 марта 1803 года изъ Витебска писалъ могилевскому архіепископу Анастасію, что онъ давно уже положилъ обѣтъ поставить витебской губерніи, невельскаго повѣта въ деревнѣ его Ивановѣ, гдѣ самъ жительствуетъ, приходскую каменную во имя святаго Іоанна Крестителя церковь. Для новой церкви и ея причта Михельсонъ полагалъ несумнительное содержаніе. Приходъ долженъ былъ составиться изъ 458 душъ крестьянъ Михельсона, принадлежавшихъ къ двумъ церквамъ: невельской Воскресенской (364 д.) и погоста Болоздына (94 д.). По отдѣленіи крестьянъ Михельсона при невельской церкви осталось-бы 489 душъ, а при болоздынской 1088. Рапортомъ отъ 29 апрѣля того-же 1803 г. преосвященный Анастасій представилъ объ этомъ св. синоду. Отъ 6 іюля (1803 года) послѣдовалъ указъ владыкѣ, что Михельсонъ долженъ назначить причту денежное жалованье, отвести землю, выдать обязательство, построить домы для причта; а преосвященный обязанъ былъ предварительно произвести подробное разслѣдованіе.

На увѣдомленіе объ этомъ указѣ св. синода, Михельсонъ отъ 18 августа 1803 г. отвѣчалъ архіепископу Анастасію изъ Витебска: «Никакъ

[14]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 333.

[15]) Въ дѣлѣ имѣется именная имъ вѣдомость; каплицы и приписныя церкви имѣлись въ 70-ти приходахъ.

[16]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 131.

[17]) АСС, 1803 г. д. № 389. АМДК, синодскіе указы 1804 г № 22, отъ 8 марта.

не ожидавъ толь большихъ затрудненій въ дѣлѣ, которое казалось мнѣ лучшаго ободренія заслуживающимъ, я издержался уже на всѣ нужныя приготовленія и, наконецъ, встрѣчаю едва-ли не самую невозможность. Велѣно спросить окольныхъ приходовъ священниковъ, будутъ ли довольны они за отдѣленіемъ отъ нихъ частей къ новому приходу. Естественно-ли довольну быть, когда убавляются интересныя выгоды? Но мнѣ кажется, что когда есть законъ, который полагаетъ границы приходамъ по числу приходскихъ душъ [18]), то остается-ли что зависѣть отъ воли священниковъ и не заслуживаетъ-ли болѣе уваженія лучшая удобность прихожанамъ? Строить церковь безъ прихода и тщетно и неприлично, чтобы, имѣя церковь свою, ходить мимо къ чужимъ; и потому хотя съ сожалѣніемъ, но лучше совсѣмъ намѣреніе мое оставлю».

Приложивъ это письмо, преосвященный отъ 25 сентября рапортовалъ св. синоду: «Изъ письма Михельсона можно видѣть, съ какимъ прискорбіемъ согласился онъ выполнить предписанное въ указѣ, будучи притомъ усердный православной церкви сынъ, яко содержащій оныя исповѣданіе. Кольми-же паче въ здѣшней епархіи иновѣрцы въ подобныхъ случаяхъ не только не желаютъ новыя каменныя церкви строить, но и обветшалыя починять не хотятъ, имѣя въ виду намѣреніе, что когда церковь совсѣмъ обветшаетъ и предположена будетъ къ истребленію, въ то время воспользоваться землею, къ оной принадлежащею. И хотя въ таковыхъ случаяхъ къ заохочиванію ихъ радѣть о церквахъ Божіихъ предпринимаются подлежащія мѣры, но очень мало дѣйствуютъ на ихъ сердца, а нѣкоторые уже и отреклися. Не будетъ-ли повелѣно въ таковомъ случаѣ соображаться, сколько можно, съ обстоятельствами?» Указомъ отъ 26 ноября 1803 г. св. синодъ разрѣшилъ Михельсону постройку церкви въ Ивановѣ, а преосвященному Анастасію велѣлъ объ особыхъ обстоятельствахъ представлять подробнымъ донесеніемъ съ своимъ мнѣніемъ [19]).

И. И. Михельсонъ скончался 19 августа 1807 г. въ Бухарестѣ. Вдовѣ разрѣшено было перевезти его тѣло для погребенія въ Ивановѣ [20]).

Себежъ.

Въ городѣ Себежѣ православная деревянная Рождественская церковь выстроена была въ 1760 году. Церковь эта сгорѣла и въ 1771 году усердіемъ священника Стефана Васильевича Лихины была заново отстроена. Съ теченіемъ времени она обветшала. Въ 1787 году о. Лихина съ церковнымъ старостой, городскимъ головой Лукой Плющикомъ приступили къ постройкѣ новой каменной церкви, но года черезъ два, по недостатку средствъ, дѣло это пріостановилось. Лѣтъ десять постройка не возобновлялась. Въ 1799 году, по просьбѣ о. Лихины, бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій представилъ св. синоду дѣло о постройкѣ въ Себежѣ новой церкви, съ ходатайствомъ объ отпускѣ необходимымъ средствъ. Въ рапортѣ своемъ (отъ 17 февраля 1799 г.) владыка, между прочимъ, писалъ: «Въ приходѣ всего до 300 домовъ. Такъ какъ возведены уже стѣны, то уменьшить зданіе противъ плана невозможно, а оставить безъ окончанія таковое нужное, богоугодное и немалой суммы уже стоющее начатое зданіе—будетъ положившимъ на оное доброхотные вклады въ огорченіе, разновѣрцамъ въ радость, а простодушнымъ крестьянамъ въ поводъ къ соблазну и къ удобнѣйшему впечатлѣнію всего того, что разновѣрцы имъ внушить постараются». Указомъ отъ 25 августа 1799 г. преосвященному Анастасію въ отвѣтъ изъ св. синода дано было знать, что себежская каменная церковь къ числу казенныхъ строеній не относится. Начата она строиться по просьбѣ и желанію тамошнихъ гражданъ собственнымъ ихъ коштомъ, почему и окончаніе оной зависитъ единственно отъ ихъ-же попеченія, а изъ казны отпускать сумму нипочему не слѣдуетъ. Для того, внушивъ гражданамъ, что остановка въ постройкѣ можетъ быть приписана только ихъ нерадѣнію къ церкви, учинить имъ пастырское увѣщаніе». Въ 1803 году деревянная церковь была заново отремонтирована, а каменная въ 1832 году еще не была окончена постройкой [21]).

[18]) Указы по этому вопросу давались 10 августа 1722 г.; 19 января 1723 г. и 8 октября 1778 г.

[19]) Архивъ св. синода, 1803 г. д. № 293. АМДК, 1803 г. предметъ 3-го дѣло № 206; синодскіе указы 1803 г., № 35 (здѣсь-же приложены и другія бумаги).

[20]) АМДК, синодскій указъ 1807 г., отъ 12 сентября епископу Варлааму.

[21]) Архивъ св. синода, 1799 г. д. № 155. АМДК. связка бумагъ 1795, 1797—1799 гг. съ №№ 1—24, дѣло № 10. Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, дѣло № 2529.

Въ 1795 году, при общемъ возсоединеніи бѣлорусскихъ уніатовъ, стараніемъ священника С. Лихины, освящена была въ православную себежская уніатская Успенская церковь, настоятелемъ которой былъ священникъ Іосифъ Васильевъ Александровичъ. О. Александровичъ не пожелалъ присоединиться. Между тѣмъ у него отняли имѣніе «Глыбочицу» съ 154 душъ крестьянъ, утвержденное за Успенской церковью привилегіей короля Владислава IV, отъ 9 февраля 1633 г. Въ виду того, что изъ успенскихъ прихожанъ присоединилась къ православной церкви лишь третья часть, а болѣе 1800 душъ остались въ уніи, о. Александровичъ возбудилъ тяжебное дѣло противъ о. Лихины, съ цѣлію удержать за собой Глыбочицу и выстроить въ Себежѣ или Глыбочицѣ новую уніатскую церковь. Дѣло это тянулось около десяти лѣтъ и окончилось не въ пользу о. Александровича. Прихожане его распредѣлены были между сосѣдними уніатскими церквами, а Глыбочица 23 сентября 1803 года, по представленію И И. Михельсона, высочайше пожалована была, при увольненіи отъ службы, совѣтнику витебскаго губернскаго правленія, надворному совѣтнику Ребиндеру въ 12-лѣтнюю безплатную аренду. По ходатайству о. Лихины, 4 августа 1805 года высочайше повелѣно было выдавать изъ казны ежегодно 235 руб. 62 коп. въ пользу себежской Успенской церкви, взамѣнъ дохода отъ имѣнія «Глыбочица». Замѣна эта была обидна для церкви, такъ какъ Ребиндеръ получалъ аренды 1200 рублей, т. е. въ пять разъ больше. 31 марта 1810 года высочайше повелѣно было отпускать Успенской церкви пятьсотъ рублей [22]).

Лидино и Сутоки.

Себежскаго повѣта въ погостѣ Лидинѣ сгорѣла отъ молніи деревянная Троицкая церковь, а въ Сутокахъ Успенская церковь пришла въ такую ветхость, что никакъ нельзя было починить. Каменныхъ церквей прихожане не въ состояніи были построить. Сутокскій приходъ окруженъ былъ уніатами. Церковь тамошняя была раньше невдрянской, въ 35 верстахъ отъ Сутокъ. Поелику невдрянскій приходъ подлежалъ филіи, т. е. припискѣ къ другому, то церковь была перевезена въ Сутоки. Въ Лидинѣ изъ амбара выстроена была часовня. Въ 60 верстахъ отъ Сутокъ былъ казенный лѣсъ въ козодавлевской части, себежскаго уѣзда. Могилевско-витебскій архіепископъ Анастасій ходатайствовалъ о дозволеніи выстроить въ Лидинѣ и Сутокахъ новыя деревянныя церкви, съ отпускомъ изъ казны для Лидина 1800 сосновыхъ и еловыхъ деревьевъ, а для Сутокъ 500 сосновыхъ. 20 мая 1804 года императоръ Александръ I, по докладу оберъ-прокурора св. синода, князя А. Н. Голицына, разрѣшилъ строить деревянныя церкви въ Лидинѣ и Сутокахъ, но въ казенномъ лѣсѣ отказалъ, такъ какъ изъ козодавлевской части, занимавшей до 500 десятинъ, можно было ежегодно безъ оскудѣнія вырубать только 1666 деревъ, а между тѣмъ нужно было отпускать лѣсъ на строенія и домашній обиходъ казеннымъ крестьянамъ и временнымъ владѣльцамъ [23]).

Въ 1808 году, стараніемъ витебскаго протоіерея Іоанна Сырохнова, водворены были православныя церкви въ уѣздныхъ городахъ: Велижѣ, Лепелѣ и Городкѣ.

Сборныя книги.

За недостаткомъ средствъ, причтъ и прихожане обычно просили у преосвященнаго разрѣшенія собрать пожертвованія по епархіи, на постройку или починку ихъ церкви. Дѣло это требовало отъ начальства осторожности, такъ какъ нерѣдко замѣчались злоупотребленія. Въ февралѣ 1798 г. мордашевской церкви священникъ Григорій Кокановскій просилъ о выдачѣ ему на три года сборной книги на починку церкви. Епископъ Анастасій написалъ на прошеніи: «Ежели нѣтъ сумнѣнія: выдать. Но впредь взять осторожность, дабы священниковъ не здѣлать цѣлоепархіальными прошаками, а прихожанъ неревностными къ церквѣ своей». На другомъ прошеніи владыка 26 февраля 1798 г. написалъ: «О книгѣ (сборной) Луки глава 14, стихъ 28» [24]). Въ 1795 году выстроена была новая церковь съ колокольней въ Старомъ Шклове. На окончаніе церкви не хватало денегъ. Священ-

[22]) АСС, 1795 г. д. № $^{2}/_{289}$; 1804 г. д. № 468. АКОП, д. № 2529.

[23]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, дѣло № 2540. АМДК, Синодскіе указы 1804 г., № 44, отъ 8 іюня. Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 258. АКОП, д. № 3676.

[24]) АМДК, 1797—1798 гг. св. №№ 2—130, дд. №№ 30 и 41.

никъ Стефанъ Голодковскій просилъ дать ему на годъ сборную книгу. Преосвященный Анастасій распорядился: «1798 года марта 2. Предписать духовному правленію, въ вѣдомствѣ коего прописываемая въ семъ (Голодковскаго) прошеніи церковь находится, освидѣтельствовать оную, совсѣмъ-ли выстроена? чего именно къ совершенному окончанію оной не достаетъ? и положить смѣту, сколько на то потребно суммы? тогда и выдачѣ сборной книги послѣдуетъ отъ насъ резолюція». Оказалось, что можно было обойтись и безъ сторонних жертвъ. За неосновательную просьбу священникъ Голодковскій оштрафованъ былъ пятью рублями.[25]) Въ ноябрѣ 1799 г. на прошеніи кричевской Успенской церкви священника І. Стратановича съ прихожанами владыка Анастасій положилъ резолюцію: «Дать книгу. Но благочиннымъ предписать, чтобъ они какъ за таковыми съ книгой просителями наблюдали, такъ-бы и самыя книги оныя ревизовали, дабы не было злоупотребленій. О чемъ дать полное наставленіе (изъ консисторіи) [26]). Въ декабрѣ 1799 г. на прошеніи прихожанъ чернорудской церкви преосвященный написалъ: «По несолидному сему прошенію велѣть освидѣтельствовать церковь. Да и впредь чтобы безъ засвидѣтельствованія духовныхъ правленій или заказовъ о книгахъ не подавали прошеній» [27]).

Въ 1803 году спастирскій священникъ В. Борисовичъ просилъ выдать милостынную книгу. Архіепископъ Анастасій отвѣтилъ: «Приходъ не скуденъ. Видно священникъ не радѣлъ, что, будучи рукоположенъ въ 1777 году, чрезъ 26 лѣтъ не постарался сдѣлать сосудовъ серебреныхъ, да и церковь допустилъ до обветшалости. Сдѣлать на счетъ его сосуды, а церковь пусть починиваютъ прихожане. Книга не дается» [28]). Отъ 4 марта 1803 года преосвященный Анастасій далъ слѣдующее предложеніе бѣлорусской (могилевской) консисторіи: «Мною книги сборно-милостынныя таковымъ-же образомъ и я принужденъ скрѣплять. И консисторія пусть замѣтитъ и мою и свою скрѣпу, описавъ и записавъ оныя въ журналъ съ подробностію. Для чего и другія книги за моей печатью, кромѣ консисторской, особенной истребовать для таковаго же утвержденія и законнаго и присяжнаго» [29]). Отъ 14 августа 1805 года изъ С.-Петербурга архіепископъ Анастасій писалъ могилевской духовной консисторіи: «Узналъ я, что съ выданными на церкви могилевской епархіи для испрашиванія милостиннаго подаянія книгами арендаторы оныхъ бродятъ по другимъ епархіямъ, наводя скуку своими прошеніями тамошнимъ жителямъ, свѣтскому, а паче духовному начальству. Почему предлагаю консисторіи подтвердить всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ, чтобы священники тѣхъ церквей, въ кои таковыя книги выданы, отнюдь по другимъ епархіямъ ходить съ ними не дозволяли подъ неупустительнымъ за противное тому штрафованіемъ самихъ священниковъ: а впредь при выдачѣ таковыхъ книгъ обязывать ихъ о нехожденіи внѣ своей епархіи подписками» [30]).

Могилевскія церкви.

По дѣлу о построеніи могилевской Троицкой церкви епископъ Анастасій 23 іюня 1798 г. предписалъ: «О могилевской Свято-Троицкой церкви представить намъ отъ консисторіи для свѣдѣнія: 1-е: когда оная церковь началась строиться? (въ 1795 г.). 2-е: какъ великъ приходъ (45 домовъ мѣщанскихъ и 100 деревенскихъ) и какое прихожане о церкви имѣютъ старательство, а паче священникъ (Моисей Смолякъ), и притомъ какого онъ состоянія? 3-е: сколько суммы было собрано и сколько нынѣ въ наличности имѣется? 4-е: по какимъ причинамъ къ окончанію не приведена и чего не окончено? 5-е: кто попечитель и надзиратель суммы, равно и матеріаловъ церковныхъ? 6-е, наконецъ: священникъ репортовалъ-ли въ консисторію объ остановкѣ строенія? Да и самые о церквѣ попечители были-ли когда считываемы въ приходахъ и расходахъ?» Отвѣты на вопросы преосвященнаго въ дѣлѣ имѣются [31]). Священникъ Троицкой церкви М. Смолякъ въ теченіе 20 лѣтъ держалъ по контракту продажу церковныхъ свѣчей и печеніе просфоръ. По опредѣленію консисторіи, свѣч-

[25]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1798 г. д. № 71.
[26]) АМДК 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 205.
[27]) Тамъ-же, дѣло № 234.
[28]) АМДК, 1803 г. предм. 7-го дѣло № 179.
[29]) Тамъ же, дѣло № 171.
[30]) АМДК, 1805 г. предм. 7-го дѣло № 308.
[31]) АМДК, 1798 г. св. №№ 12—160, д. № 154.

ную продажу онъ долженъ былъ передать въ собственность церкви, по окончаніи его контракта [32]).

Въ Николаевской церкви за богослуженіемъ причтъ собиралъ деньги въ свою пользу; священнослужители въ руку, а пономари ходили съ тарелкой. [33]).

Среди прихожанъ могилевской Петропавловской церкви были несогласія изъ-за ремонта церкви. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго протоіерея А. Пригоровскаго преосвященный Анастасій положилъ слѣдующую резолюцію: «Поелику церковь уже освящена мною (29 іюня 1801 года) и прихожане пользуются богослуженіемъ; раздоръ же о устроеніи не конченъ: то, ежели не послѣдуетъ соглашенія, велю запечатать церьковь, да домъ Божій не будетъ предлогомъ распрей и сердечныхъ крамолъ; самихъ-же спорющихся отдамъ суду не человѣческому, но Божіему, съ моимъ неблагословеніемъ. Что и объявить немирнымъ сердцамъ и совѣстямъ [34]).

Митьковская церковь.

Священникъ митьковской церкви И. Горбачевскій просилъ причислить его церковь, по ветхости, къ селецкой церкви и дозволить въ оной имѣть ему священнослуженіе. На докладѣ объ этомъ консисторіи въ апрѣлѣ 1803 года архіепископъ Анастасій написалъ: «прихожане чьего владѣнія? Запечатать, яко гробъ Спасителевъ, позволяю съ Пилатомъ; но воскресить церьковь предоставляю силѣ чудесъ благотворныхъ, по усердію и по законамъ». Въ сентябрѣ 1804 г. митьковская церковь была исправлена и освящена. [35])

П. Горючко.

Матеріалы для исторіи могилевскаго архіерейскаго хора 1798—1805 гг.

При архіерейскихъ каѳедрахъ по штатамъ положены хоры пѣвчихъ, на содержаніе которыхъ отпускается опредѣленная сумма денегъ [1]). Состояніе хора зависитъ, конечно, отъ средствъ, но много также значитъ личность владыки. Въ 1798—1805 гг. въ Могилевѣ архіерействовалъ Анастасій Братановскій († 9 дек. 1806 г. въ Астрахани). Будучи знатокомъ и любителемъ пѣнія, этотъ преосвященный много заботился о своемъ хорѣ.

Пѣвчими были преимущественно воспитанники семинаріи. Ввиду этого владыка Анастасій 17 марта 1798 года приказалъ: «быть пѣвчимъ подъ семинарскимъ правленіемъ какъ по жалованью такъ и по содержанію» [2]). Въ 1798 г. пѣвчіе жили въ зданіяхъ бывшаго женскаго Братскаго монастыря [3]).

Завѣдываніе экономіей архіерейскаго хора вызывало, конечно, въ правленіи семинаріи нѣкоторыя недоумѣнія, въ разъясненіе которыхъ преосвященнымъ Анастасіемъ дѣлались соотвѣтствующія распоряженія. Такъ, на докладѣ отъ 17 февраля 1799 года читаемъ слѣдующую резолюцію: «Сумму, по штату на пѣвчихъ отпускаемую, за вычетомъ жалованья на большихъ пѣвчихъ, употреблять на содержаніе пищею и одѣяніемъ въ семинаріи находящихся такъ, какъ семинарскую: почему и истребовать отъ казначея (архіерейскаго дома), что на нихъ издержано, да и впредь оныхъ суммъ расходъ вести особенной статьей» [4]).

31 марта 1799 года надсмотрщикъ за малыми архіерейскими пѣвчими, ученикъ риторики, Иванъ Демченковъ доложилъ преосвященному: «Ваше высокопреосвященство повелѣли мнѣ надсматривать малыхъ пѣвчихъ и докладать о всемъ томъ, въ чемъ только ни будутъ они имѣть какую-либо нужду. Во исполненіе чего, зная ихъ скудости въ пищахъ и недостатки въ надлежащемъ, по словамъ вашего высокопреосвященства, количествѣ рубахъ, коихъ только по двѣ получили, симъ на

---

[1]) Изъ №№ 33 и 35 „Могил. Губ. Вѣд.“ 1903 г.
[32]) АМДК, 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 185.
[33]) Тамъ же дѣло № 210.
[34]) АМДК, 1802 г. предм. 3-го дѣло № 127.
[35]) АМДК, 1803 г. предм. 3-го дѣло № 200.

[1]) Съ 1798 года на могилевскій архіерейскій хоръ отпускалось 804 рубля въ годъ. Полное собраніе законовъ. Томъ XLIII. Книга штатовъ; отдѣленіе третье: штаты духовные.
[2]) Арх. мог. дух. семинаріи, 1799 г. Опредѣленіе это приведено въ докладѣ отъ 17 февраля 1799 г.
[3]) Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ, 1798 г. д. № 27, л. 298 об.
[4]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1799 г., доклады.

благоусмотрѣніе вашему высокопреосвященству нижайше докладываю». Владыка въ отвѣтъ на докладѣ Демченкова написалъ свое о п р е д ѣ л е н і е о п ѣ в ч и х ъ, для руководства семинарскаго правленія:

«1. Пѣвчимъ малымъ, кои уже научились пѣть концерты, производить въ годъ вмѣсто жалованья по четыре рубашекъ, по три пары сапоговъ и по столько-же чулокъ лѣтнихъ да зимнихъ по одной парѣ, по два галстуха.

2. На два года нижнее платье: для зимы суконные кальсоны и штаны, а для лѣта изъ другой матеріи, какая будетъ куплена; такъ же поясъ, рукавицы, шапка, шляпа, халатъ.

3. На три года шенель суконная, зимніе сертуки, лѣтніе казакины или черкески.

4. Кровать, одѣяло, туфякъ и прочее должно быть одинаковое съ казенными воспитанниками.

5. Пища та же, что и казеннымъ воспитанникамъ. За лакомство наказывать, ибо малые пѣвчіе обыкновенно лакомствуютъ, покамѣстъ научатся панствовать.

Почему правленію семинарскому велѣть представить намъ: кто? и что изъ пѣвчихъ имѣетъ» [5]).

Чрезъ нѣкоторое время преосвященнымъ Анастасіемъ объявлено было слѣдующее «п о л о ж е н і е д л я п ѣ в ч и х ъ, не получающихъ жалованья, а живущихъ наряду съ казенными воспитанниками:

«1. Хлѣбъ и столъ обще съ казенными воспитанниками.

2. Верхнее и нижнее одѣяніе, зимнее и лѣтнее, обувь изъ суммы, на содержаніе пѣвчихъ положенной. Чему и весть пѣвческому инспектору записную тетрадь, въ кою нынѣ и внести: что, кто и съ котораго времени имѣетъ? О надобностяхъ долженъ докладывать префекту, а сей мнѣ.

3. Что, когда и для кого будетъ сдѣлано? записывать въ ту-же книгу.

4. О цѣлости или о потерѣ данныхъ пѣвчимъ вещей инспекторъ репортуетъ префекту каждую треть года.

5. Свѣчи и бумагу покупать не на штатную сумму, но на неокладную, каковая можетъ накопиться, оставляя четвертую часть отъ слѣдуемой въ раздѣлъ. Сія сумма будетъ храниться у префекта.

6. Свѣчи и бумагу выдавать инспектору: бумагу тетрадями въ три листа, съ запискою: когда, кому и сколько дано? И вновь давать не прежде, какъ по осмотрѣніи: на что и вся-ли употреблена данная прежде.

7. Касательно-же свѣчъ, то оныя выдавать, смотря, 1-е, по числу учащихся за столомъ; 2-е, смотря по времени. По числу учащихся: на пятерыхъ по одной свѣчѣ. Смотря по времени: отъ 1 октября по 20 ноября по одной, отъ 20 ноября по 10 генваря по полторы, отъ 10 генваря по 10 марта по одной» [6]).

Какъ видно, скудно содержались пѣвчіе, да и прочіе семинаристы тоже. Но что-же было дѣлать? На содержаніе казеннаго воспитанника полагалось д в ѣ н а д ц а т ь р у б л е й в ъ г о д ъ, или четвертакъ въ недѣлю. Да и эти ничтожныя средства приходилось зорко оберегать. Такъ въ 1803 году обнаружилось, что восемь казенныхъ семинаристовъ, будучи архіерейскими пѣвчими, содержались на счетъ спеціально семинарскихъ суммъ, между тѣмъ какъ имѣли право на стипендію архіерейскаго дома. Правленіе семинаріи 26 мая (1803 г.) доложило объ этомъ владыкѣ. Преосвященный отвѣтилъ: «конечно, семинарія не обязана пѣвчихъ каѳедральныхъ ни кормить, ни одѣвать: для того ихъ особенно и отдѣлить. И сколько таковыхъ будутъ заимствовать пищу отъ семинаріи, столько и денегъ взносить изъ штатной суммы, то есть по 12 рублей за каждаго. Касательно-же одѣянія и обуви: о семъ долженъ пѣвческій директоръ [7]) доносить правленію семинарскому, а сіе докладываетъ мнѣ,—и тогда сумма отпустится. Но чтобъ пѣвчихъ не было безъ голосныхъ. Такъ-же сіе не идетъ и на тѣхъ, кои полное по штату получаютъ жалованье» [8]).

Резолюціею преосвященнаго Анастасія положено было для пѣвчихъ н а г о в я д и н у и р ы б у въ годъ шестидесятъ рублей, что составитъ въ мѣсяцъ пять рублей, а въ день 16 1/2 копеекъ. Положеніе, очевидно, было скудное, недаромъ

[5]) Тамъ-же.

[6]) Далѣе слѣдуетъ «Р е е с т р ъ расхожій свѣчамъ. Генварь 2 дня. Двѣ свѣчи взято для пробы въ домѣ архіерейскомъ: одна большая, а другая меньшая. 3 д. Степанъ занялъ десять свѣчей (большихъ», Архивъ мог. д. семинаріи, 1802 г.

[7]) Громкій титулъ „директора“ носилъ одинъ изъ пѣвчихъ-же.

[8]) Въ 1802 г. на счетъ семинаріи содержались девять пѣвчихъ. По 12 р. за каждаго было уплачено семинаріи, по докладу отъ 5 іюня 1803 г. Архивъ мог. дух. семинаріи, 1803 г.

въ 1806 году пѣвчіе жаловались на это новому преосвященному, Варлааму. Впрочемъ, архіерейская экономія, сверхъ положеннаго для пѣвчихъ, всегда издерживала болѣе; такъ какъ для нихъ во всякіе дни, кромѣ праздничныхъ, употреблялось говядины на два кушанья фунтовъ по шести. кромѣ третьяго кушанья; въ праздничные-же дни на три кушанья по десяти фунтовъ и болѣе; а фунтъ мяса въ среднемъ стоитъ пять копеекъ [9]).

Опредѣленіе пѣвчихъ въ архіерейскій хоръ зависѣло отъ преосвященнаго. Владыка Анастасій поступалъ при этомъ съ свойственной ему осторожностью. Такъ, на прошеніи отставного прапорщика Вонифатія Залѣскаго о принятіи его въ число пѣвчихъ владыка написалъ: «1798 года марта 19 дня. О принятіи просителя въ пѣвческую капелію и о положеніи ему жалованья разсмотрѣть отцу ректору игумену Іоасафу, взявъ во вниманіе, не католикъ ли онъ» [10]). Резолюція преосвященнаго на прошеніи дворянки Акилины Галицкой, отъ 11 марта 1799 г., о принятіи въ хоръ сына ея Ивана: «Принять въ пѣвческое содержаніе прежде пищею и квартирою, а когда достойнымъ окажется. то и одѣяніемъ. О чемъ къ отцу ректору». Владыка заботился о полнотѣ состава хора. На докладѣ регента Василія Нельговскаго, отъ 30 мая 1799 г., объ опредѣленіи въ хоръ теноромъ студента философіи Андрея Смоляка, читаемъ: «Опредѣляется. Еще выбрать дишкантовъ и альтовъ» [11]).

Начальство заботилось о должной дисциплинѣ въ средѣ пѣвчихъ. Второй басъ Трофимъ Пособлевскій пьянствовалъ. Пропивъ свое жалованье, онъ позакладывалъ, что могъ захватить у своихъ товарищей, и тѣмъ всей пѣвческой порокъ и соблазнъ дѣлалъ. На рапортѣ объ этомъ регента, діакона Вуса, преосвященный Анастасій написалъ: «На основаніи указномъ, [12]) пѣвчаго Трофима Пособлевскаго, ежели онъ изъ подлежащихъ по разбору, то есть нашей епархіи, отослать, куда слѣдуетъ, къ поверстанію въ воинскую службу, не дожидаясь очереди протчихъ. А по сему поводу и всѣмъ его-же званія людямъ объявить, что, въ случаѣ подобнаго по страсти пьянственной безобразія, та-же участь послѣдовать имѣетъ. 1798 года февраля 15 дня» [13]).

22 іюня 1803 года префектъ семинаріи, игуменъ Ѳеофанъ распорядился: «1. Пѣвчихъ малыхъ, замѣченныхъ въ употребленіи горячихъ напитковъ, въ отвращеніе таковаго несоразмѣрнаго ихъ лѣтамъ, предосудительнаго пристрастія, наказать тѣлесно, давъ каждому по пяти ударовъ лозою непремѣнно. 2. Бывшему смотрителю пѣвчихъ Пославскому, за худое, какъ видно, и оплошное за ними смотрѣніе, дается выговоръ и таковой поступокъ его берется въ замѣчаніе начальничее,—что ему и объявить. 3. Ивану Стефановичу, мѣшающемуся не въ свое дѣло и, вмѣсто воздержанія низшихъ себе отъ вышеупомянутаго постыднаго дѣянія, подающему поводъ къ большему разврату, положить въ общей трапезѣ 25 поклоновъ, въ присутствіи всѣхъ и сеніора» [14]).

Наказывая проступки, владыка Анастасій въ то-же время былъ снисходителенъ къ слабостямъ и внимателенъ къ инвалидамъ. Пѣвчій вокальной музыки Стефанъ Просоловичъ подалъ преосвященному прошеніе: «Находясь я нижайшій съ 1784 года въ пѣвческой, пѣлъ съ начала дышканта, потомъ тенора, а нынѣ не могу уже по неспособности голоса, исправлять пѣвческой должности. Почему, повергнувъ себя къ стопамъ вашего преосвященства, всенижайше прошу благопромыслительной резолюціи, касательно помѣщенія меня, по благоразсмотрѣнію архипастырскому, чтобы моглъ я, хотя малое, вдовствующей матери моей съ двома малолѣтными сестрами оказывать пособіе». Владыка положилъ резолюцію: «1798 года апрѣля 8 дня. Стефану Просоловичу доканчивать ученіе и жить ему въ бурсѣ на казенномъ содержаніи. Для пропитанія матери опредѣляется онъ къ собору нашему псаломщикомъ, по какой должности жалованье предоставляется матери» [15]). 4 декабря 1798 г. регентъ Вусъ рапортовалъ о неспособности дисканта Филиппа Ковалевскаго. Резолюція послѣдовала: «Исключить изъ пѣвческаго хора и, ежели онъ

[9]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1806 г. предмета 12-го дѣло 183.

[10]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1798 г.

[11]) Тамъ-же, дѣло 1799 г.

[12]) Полное собраніе законовъ №№ 17. 675 и 17. 728.

[13]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1798 г. д. № 48.

[14]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1802 г.

[15]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1798 г. Жалованья соборному псаломщику полагалось въ годъ 20 рублей.

способенъ къ наукамъ, то оставить на казенномъ въ бурсѣ воспитаніи, а ежели неспособенъ, то выслать его къ отцу». Пѣвчій этотъ былъ шалунъ. Съ перемѣной регента, онъ снова просился въ хоръ. На докладѣ объ этомъ регента Нельговскаго, отъ 2 мая 1799 г., преосвященный написалъ: «принимается паки съ тѣмъ, чтобъ подъ смотрѣніемъ внимательнымъ былъ благонравнѣе.[16])

Регентами были большею частію самоучки; тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ занимались не только обученіемъ пѣвчихъ и управленіемъ хоромъ, но и композиціей: сочиняли музыку для разныхъ пѣснопѣній. Преосвященный Анастасій, кромѣ того, завелъ оркестръ въ своемъ хорѣ; «инструментальной музыкѣ» обучалъ особый учитель. Въ 1798—1805 гг. смѣнилось четыре регента.

1. Діаконъ Вусъ. Регентъ и композиторъ.

2. Діаконъ Василій Нельговскій, 1799—1803 гг. Нельговскій былъ казакъ изъ малороссійской губерніи, въ 1788—1797 гг. состоялъ придворнымъ пѣвчимъ. По увольненіи изъ Государевой пѣвческой, Нельговскій подалъ преосвященному Анастасію прошеніе о причисленіи его въ церковный причтъ[17]). Владыка положилъ резолюцію: «1899 года апрѣля 2 дня. Проситель Василій Нельговскій въ епархію нашу принимается. По желанію его въ духовное званіе, опредѣляется при нашемъ каѳедральномъ (Спасо-Преображенскомъ) соборѣ на діаконское вакансовое мѣсто, впредь до усмотрѣнія, если онъ того достоинъ будетъ. По практикованной-же его въ лучшемъ вкусѣ способности къ пѣвчеству, быть ему на первой случай образователемъ нашего пѣвческаго хора. Убо и жалованье извѣстно; была бы на то похвальная заслуга. Копію изъ атестата[18]) выдать за скрѣпою секретаря».[19]) Въ слѣдующемъ году Нельговскій женился на дочери протодіакона, Ульянѣ Семеновнѣ Ноздровской[20]), и затѣмъ былъ рукоположенъ въ діакона. Къ дѣлу своему Нельговскій относился, повидимому, усердно. Въ мартѣ 1801 г. онъ рапортовалъ семинарскому правленію, что изъ семинаристовъ въ хорѣ 13 пѣвчихъ; концертовъ, нѣсколько даже осьмиголосныхъ, разучено было имъ 57 номеровъ. Но преосвященный всегда требовалъ новинокъ. На отчетномъ рапортѣ Нельговскаго за апрѣль 1801 г. владыка написалъ: «А новаго концерта развѣ за празднованіемъ праздника нельзя было выучить?» Нельговскому приходилось, повидимому, много заниматься композиціей. Работа эта иногда и оплачивалась. Такъ, по докладу семинарскаго правленія отъ 8 іюня 1801 г., преосвященный велѣлъ дать Нельговскому десять рублей «въ награжденіе за труды, употребленные имъ въ сочиненіи нотъ подъ канты, дѣланные отъ семинаріи на разные случаи». Въ началѣ октября 1801 г. Нельговскій рапортовалъ въ правленіе семинаріи: «прошлаго мѣсяца сентября (1801 г.) сдѣлано мною четыреголосное «милость мира» и кантъ на случай поздравленія его высокопреосвященства (Анастасія) съ полученіемъ архіепископа». Владыка на рапортѣ написалъ: «За новосочиненныя пѣнія объявить мое удовольствіе. За успѣхъ въ обученіи новоизбранныхъ послѣдуетъ вниманіе къ лучшему». Ободренный милостивой резолюціей, Нельговскій въ декабрѣ 1801 г. подалъ прошеніе объ увеличеніи для него порціи пищи; но архипастырь отвѣтилъ довольно сурово: «Что положено, тѣмъ и довольствоваться долженъ: прихотямъ не удовлетворить. Тѣмъ паче, что отъ семинаріи бываетъ и денежное воздаяніе, смотря по услугамъ, оказываемымъ для нея. Да и положенная провизія единственно отъ милости, а не по долгу».[21])

Архіерейскіе пѣвчіе имѣли доходы. 8 апрѣля 1800 г. преосвященнымъ дано было имъ праздничнаго десять рублей.[22]) 25 ноября 1801 г. Нельговскій доложилъ владыкѣ: «При поздравленіи днемъ тезоименитства его высокоблагородія Александра Яковлевича г. Янчена получили мы пятьдесятъ рублей денегъ, которыя раздѣливъ, подносимъ на благоразсмотрѣніе вашему высокопреосвященству съ росписаніемъ на оборотѣ. Регенту діакону Василію Нельговскому—13 рублей, діакону Стефану Пузыревскому—8 р. 75 к.,

[16]) Архивъ мог. дух. семинаріи, папки бумагъ 1798 и 1799 г.

[17]) Вѣроятно, Нельговскій былъ лично извѣстенъ Анастасію, въ 1790—1797 гг. живущему въ С.-Петербургѣ.

[18]) Нельговскому изъ придворной капеллы.

[19]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1799 г. связка №№ 3—180, д. № 76.

[20]) Тамъ-же, 1806 г. предм. 2-го д. № 322. Тесть Нельговскаго скончался 1 января 1806 г.

[21]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1801 г.

[22]) Тамъ же, въ папкѣ 1800 г. докладная экономическая книга.

Артемону Пославскому—5 р. 75 к., Ивану Демченкову—5 р. 75 к., Герасиму Летягину—4 р., Максиму Піючевскому—2 р. 25 к., Ѳедору Демяновичу—2 р. 25 к., Григорію Кустынскому—1 р. 75 к., Павлу Синяковскому—1 р., Ермолаю Дюбановичу—1 р. 50 к., Антонію Мижурскому—1 р. 50 к., Іосифу Комаровскому—1 р. 50 к., Ивану Смоляку—1 р., Григорію Слижику—1 р.» Владыка положилъ резолюцію: «Раздѣлить по сему съ росписаніемъ каждаго о полученіи и потомъ сіе отдать въ правленіе семинарское».[23])

16 января 1803 г. регентъ пѣвческаго хора, могилевскаго каѳедральнаго Іосифовскаго собора діаконъ Василій Нельговскій скончался, оставивъ по себѣ вдову. 17-го того-же января состоялось погребеніе[24]). 6 февраля 1803 г. правленіе семинаріи доложило архіепископу Анастасію: «По смерти бывшаго при пѣвческомъ вашего высокопреосвященства хорѣ регентомъ діакона Василія доселѣ нѣтъ настоящаго регента. А таковый для лучшаго благоустройства и въ пѣніи нотномъ малолѣтныхъ надлежащаго образованія необходимо потребенъ. Семинарское правленіе судитъ быть достойнымъ къ заступленію таковыя должности діакона Стефана Пузыревскаго, а по инструментальному хору семинариста Ивана Добровольскаго, коимъ и жалованье по архипастырскому благоусмотрѣнію изъ суммы пѣвческой опредѣлить можно». Преосвященный отвѣтилъ: «И того тѣмъ, и того тѣмъ».[25])

3. Діаконъ Стефанъ Пузыревскій, 1803—1804 гг. Въ ноябрѣ 1803 г. преосвященный распорядился: «Строжайше подтвердить (семинарскому регенту) Герасиму Летягину и (регенту музыкальнаго хора) Ивану Добровольскому, чтобы пѣвчіе были обучаемы непремѣнно. А чтобъ послѣдній не развлекался шатаніемъ, то жить ему въ пѣвческой»[26]). Ученики Добровольскаго играли на скрипицахъ, кларнетахъ, флейтахъ, віолончеляхъ и валторнахъ. Разучивали они большею частію танцы: полонезы, марши, кадрили, контрдансы, англезы, вальсы и канты. На отчетномъ рапортѣ Добровольскаго за январь 1804 года архіепископъ Анастасій написалъ: «Должно всѣхъ, какъ пѣвческихъ голосомъ, такъ и на инструментахъ, книгъ, а въ нихъ концертовъ и другихъ піесъ,—имѣть преномерованный реестръ, по которому бы извѣстно было: что когда выучатъ вновь? какой когда пѣть концертъ, (а для сего подать мнѣ всѣхъ концертовъ конспектъ) и какія новыя—и отъ кого—прибудутъ піесы»[27]).

Стефанъ Пузыревскій, поступивъ во священники могилевскаго Іосифовскаго собора, отказался отъ регентства. Вмѣсто него, по докладу семинарскаго правленія, отъ 2 февраля 1804 г., регентомъ архіерейскаго пѣвческаго хора опредѣленъ былъ студентъ богословія Максимъ Піючевскій, «яко въ нотномъ пѣніи болѣе прочихъ опытно свѣдущій», съ жалованьемъ—пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ помощь ему для обученія новыхъ пѣвчихъ, а паче по инструментальной музыкѣ, опредѣленъ былъ числившійся въ пѣвческомъ хорѣ Иванъ Добровольскій[28]).

4. Максимъ Піючевскій, 1804—1805 гг. Въ мартѣ 1804 г. архіерейскихъ пѣвчихъ съ регентомъ было двадцать два[29]). Докладомъ отъ 30 октября 1805 г. правленіе семинаріи представило преосвященному Анастасію, что М. Піючевскій, поступивъ священникомъ къ Іосифовскому собору, отказывается отъ регентства; кандидатомъ на его мѣсто правленіе рекомендовало протодіакона Артемія Пославскаго. Владыка положилъ резолюцію: Подумать о искуснѣйшемъ, чтобы прямо могъ быть регентомъ; а до времени пусть будетъ и протодіаконъ Пославскій»[30]).

---

[23]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1801 г.

[24]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1803 г. предм. 2-го д. № 145.

[25]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1803 г. № 3.

[26]) Тамъ же, № 4. Резолюція на рапортѣ за октябрь 1803 г.

[27]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1804 г.

[28]) Тамъ-же. Въ 1804 г. Добровольскому было всего 15 лѣтъ. Съ 2 сент. 1806 г. онъ служилъ въ Астрахани. Пл. Горючко „Анастасій Братановскій, архіеп. астрах.“, стр. 54—56 (изъ „Астр. Еп. Вѣд.“ 1902 г.).

[29]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1804 г. № 5. При рапортѣ за февраль 1804 г. Піючевскимъ приложенъ былъ требованный преосвященнымъ реестръ концертовъ и другихъ пьесъ. Здѣсь указаны произведенія и могилевскихъ композиторовъ: Вуса (Уса тожъ), Нельговскаго, Добровольскаго и др.

[30]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1805 г. № 4. А. Пославскій назначенъ былъ протодіакономъ въ маѣ 1803 г. Заслуженный предшественникъ его, С. Ноздровскій тесть Нельговскаго, вызванный въ 1777 г. еп. Георгіемъ изъ смоленской епархіи, по прошенію, оставленъ былъ Анастасіемъ при своей должности. Такимъ образомъ, на лицо было два протодіакона. Пославскій считался на вакансіи третьяго священника. Архивъ мог. дух. конс., 1803 г. пр. 1-го д. № 855.

Повидимому, архіерейскій хоръ при Анастасіи стоялъ высоко. Професоръ могилевской семинаріи С. И. Соколовъ въ біографіи владыки, написанной лѣтъ 45—50 по кончинѣ его, замѣчаетъ: «Многіе изъ могилевцевъ помнятъ преосв. Анастасія и съ восторгомъ вспоминаютъ объ оркестрѣ, который онъ образовалъ въ хорѣ своихъ пѣвчихъ. Нѣкоторые изъ музыкальныхъ инструментовъ того оркестра и до сихъ поръ хранятся въ библіотекѣ дух. семинаріи» [31]). М. Фурсовъ въ 1882 году писалъ: «Есть преданіе, что епископъ Анастасій весьма любилъ хоровое пѣніе и прилежно старался поддерживать пѣвческіе хоры... Почти при каждой приходской могилевской церкви употреблялось нотное при богослуженіи пѣніе, и нѣкоторые хоры прихожанъ славились своимъ строемъ» [32]).

Платонъ Горячко.

Изъ области Бѣлорусской народной медицины.

Народная медицина обращаетъ на себя въ послѣднее время все болѣе и болѣе вниманія какъ со стороны патентованныхъ медиковъ, такъ и этнографовъ.

Располагая нѣкоторыми данными по этому вопросу, основанными на собственныхъ наблюденіяхъ и на современныхъ записяхъ нашихъ кореспондентовъ, въ особенности гг. Онуфріева и Барташевича, а также на сообщеніяхъ имѣющихся у насъ рукописныхъ народныхъ лѣчебниковъ XVII в., дѣлаемъ здѣсь попытку освѣтить нѣсколько эту темную область.

Всякій, кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ народными «медикаментами», легко убѣдится въ томъ, что большинство ихъ не только не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, но являются положительно нелѣпыми. Особенно это надо сказать о лѣкарствахъ минералогическихъ и приготовляемыхъ изъ животныхъ отбросовъ. Употребленіе ихъ можетъ быть объяснено съ одной стороны пословицей: «утопающій и за соломинку хватается», а съ другой—обычнымъ народнымъ консерватизмомъ: что употреблялъ знахарь—дѣдъ, то должны употреблять и его внуки. Въ этомъ отношеніи многія изъ современныхъ средствъ какъ бы цѣликомъ выхвачены изъ лѣчебниковъ XVII вѣка и имѣютъ для современнаго темнаго селянина ту же обаятельную цѣлебную силу, какую въ нихъ видѣли образованные классы въ средніе вѣка.

Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы на дѣло изученія народной медицины нашъ ученый медицинскій міръ обратилъ болѣе серьезное вниманіе. Если среди массы нелѣпостей онъ найдетъ здѣсь только единичныя цѣлебныя средства благодѣтельныя для человѣчества, его заслуга уже будетъ безконечно велика.

Цѣль настоящей статьи—помимо задачъ этнографическихъ—оказать также посильную помощь и накопленію необходимаго матеріала.

Всѣ приводимыя здѣсь данныя относятся къ могилевской губерніи. Медикаменты представлены въ русскій музей Императора Александра III.

Современныя записи.

Антоновъ огонь.

Если ушибленное мѣсто или прострѣленную и порубленную рану «пынало пухлиной» и она сильно болитъ, такъ что «няможна датыкнуцца» и пухлина красная и «троху уже синѣить», то это значитъ, что въ рану вошелъ антоновъ огонь.

Чтобы его вылѣчить, надо «якъ ня можна скорѣй» здоровыя части тѣла, окружающія посинѣвшую опухоль, перевязать ширинкой или совсѣмъ веревкой, а на самую рану класть намоченную въ капустный разсолъ тряпку; если же такого разсола нѣтъ, то надо наложить въ тряпку «сырокваши» и приложить ее къ ранѣ. Мѣнять этотъ компресъ надо какъ можно чаще.

Потеря апетита.

Вслучаѣ «ни синь пороха ѣсть не хочется и животъ подвело», то «нибязпримѣнно» надо пить отваръ изъ мяты; по осени можно пить

[31]) Вильна. Публичная библіотека. Рукопись № 296.

[32]) А. С. Дембовецкаго: „Опытъ описанія могилевской губерніи". Книга 1-я. 1882. Стр. 124.

брусничный сокъ: весною надо прибавлять «къ вареву» «ягристу» (крыжовнику) зеленаго, ѣсть щавель. Передъ обѣдомъ полезно пить по рюмкѣ водки, настоенной на еловыхъ, сосновыхъ или березовыхъ «пупрахъ» (почкахъ). Также—пить настой центавры.

Безсонница.

Когда ты лежишь «заплющувши вочи», а спать тебѣ сряду «ночей сколько» не хочется, то надо пить холодную воду ложась спать.

Если не даетъ спать сильный кашель, то надо ноги, держа противъ огня, мазать щучьимъ жиромъ, пока не впитается.

Если больной ночью вздрагиваетъ, то ему надо пить по стакану сыворотки. Онъ вспотѣетъ и «поспокойнѣить».

Пьютъ также отваръ изъ «ноготковъ». Дѣтей купаютъ въ ноготкахъ. Даютъ отваръ травы «сонъ», Иванъ-да-Марья. Также отваръ полевого хмѣля.

Беременность.

Если беременной женщинѣ «ня можитца», то полезно давать молоко изъ конопляного сѣмени. Для этого сѣмена надо растереть съ водою. Тогда животъ «будить слабѣй и баби лягчѣй». Если же часто слабитъ, то надо давать отваръ изъ мяты. «А коли у животъ колить», надо смочить въ теплой водѣ тряпку, положить на животъ и держать, пока станетъ холоднымъ.

Блѣдная немочь.

Когда у человѣка лицо блѣдное, щеки впалыя, носъ заостренный и голова кружится, и силъ мало, и если руки часто холодѣютъ, и выступаетъ холодный липкій потъ, то это малокровіе. Эту болѣзнь у дѣвушекъ называютъ бѣлою немочью.

Когда заведется эта немочь, надо пить отваръ изъ мяты,—«балазѣ, мята крѣпить животъ и што въ яго тяжолое попадеть—раскрышиваить». Кромѣ отвара изъ мяты надо передъ обѣдомъ и ужиномъ пить холодный отваръ изъ корней болотнаго бобовника. Съ этою же цѣлью пьютъ и сокъ рѣдьки.

Бѣльмо.

Если на око «натянить бѣльмо», то можно его согнать, впустивъ въ самомъ началѣ болѣзни въ глазъ желчи щуки или заячьяго жира.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ считается засушенная гвоздика. Ее жуютъ и потомъ изо рта, наполненнаго разжеванной гвоздикой, дуютъ въ больной глазъ.

Бѣшенство.

Когда собака «утикаить» отъ своего хозяина и бродитъ съ мѣста на мѣсто «безперестанку», хвостъ поджала и пустила слюну изо рта, то она бѣшеная. Если такая собака укуситъ человѣка, то сейчасъ же бѣгутъ къ знахарю «наговорить хлѣба», который и надо «зьѣсть на вулицы», а не подъ крышей. И такъ повторять три раза, «пакуль болѣсть станить ни страшна». Необходимо прибавить, что въ хлѣбъ кладется трава «шаленецъ».

Веснушки.

Веснушки на лицѣ надо сгонять настойкой изъ бобовыхъ цвѣтовъ на водѣ. А также надо въ апрѣлѣ собрать «лягушечьяго квактовинья», положить его въ мѣшочекъ и мазать имъ лицо нѣсколько разъ въ день. Когда «квактовинье» начнетъ засыхать, оно уже теряетъ цѣлебную силу.

Водянка.

Водянка—когда у человѣка «пошла по ногамъ пухлина», и эта «пухлина» блеститъ, «якъ ба воды за кожу налито». «Пухлина ня кожный разъ бываить на ногахъ». Бываетъ, что «разбрузнить морда», либо грудь или руки.

Кто болѣетъ водянкой, тому надо побольше ѣсть съ мясомъ хрѣну, а пить щолокъ, сдѣланный изъ перепаленнаго добѣла голубинаго помету съ водою.

Волоса.

«Волосься у бабъ» должны быть густые; «хиба ужо у яе золотуха ѣсть», то они растутъ рѣдкими, и въ среднемъ возрастѣ сѣкутся. Въ та-

кихъ случаяхъ слѣдуетъ мазать голову керосиномъ, а когда керосинъ не помогаетъ, то надо сдѣлать мазь изъ голубинаго помета съ мукою и уксусомъ, и этой мазью натирать голову. Если же и эта мазь не поможетъ, то надо мазать голову свиною желчью.

Вывихъ.

«Бываить, ничаянно скыканёшъ откуль, али звалисься, ды звихнешъ ногу ти руку». Тогда скорѣй надо потянуть крѣпко вывихнутую ногу или руку, потомъ сейчасъ «драть» барана и «тепленькой шкурой» обвертѣть и завязать веревкой больное мѣсто. Отъ этого не будетъ «пухлины» и скоро «унимитца» боль.

Воспаленіе глазъ.

«Бываить, хто простудить вочи, тады ему здаетца, бытцымъ у вочи насыпазъ хто песку, и ёнъ ихъ треть, покуль ужо ня можна вытерпѣть». Тогда сначала надо вымазать глаза яичнымъ бѣлкомъ, «а кыли ни полѣпшіить», то посыпать мелко истолченнымъ сахаромъ. Промывать глаза надо не холодной, а горячей водой—«якъ можна вытерпѣть». Если же глаза заболѣли послѣ бани, то надо въ нихъ «поплевать три разы въ день» да вымыть теплой водой.

Глисты.

Въ деревнѣ и дѣти и взрослые часто хвораютъ отъ глистовъ. У кого они завелись, скоро можно узнать по чернымъ кругамъ подъ глазами; у больного также «въ носу свербить», болитъ подъ ложечкой, является блѣдность, «пузо дѣлается большое якъ бубинъ», появляется рвота и тошнота, а у малыхъ даже и «радимецъ». По народному мнѣнію, противъ глистовъ ничего сдѣлать нельзя, потому что ихъ заморить всѣхъ не заморишь, а только хуже раздразнишь. «Лацвѣй тому, хто ня любить меду»—у того глисты не водятся. Вообще же отъ глистовъ смѣшивается «глистникъ» съ медомъ, и дается три раза въ день,—«только не въ хатѣ, а на улицѣ—не подъ крышей».—Для того же, чтобы глисты не разводились у малыхъ дѣтей, ихъ поятъ сокомъ изъ моркови, или морковнымъ кофе съ молокомъ.

Отъ глистовъ же даютъ отваръ „пижмы" употребляется и корень папоротника.

Головная боль.

Отъ сильной головной боли даютъ пить чай, а если чаю нѣтъ, то заваривають въ чайникѣ или въ глекѣ мяту и даютъ пить по стакану на каждый разъ. Если же и мята не поможетъ, то надо дать двѣ чарки горѣлки. Когда голова болитъ послѣ пьянства, то на голову кладутъ зеленые листья капусты, а зимою холодную мокрую тряпку. Это же средство и отъ угара.

Отъ головной боли употребляется еще чаберъ.

Головокруженіе.

Даютъ пить отваръ изъ цвѣтовъ «звоночковъ», колокольчиковъ, Вожьихъ черевичковъ.

Геморой.

Болѣзнь эта проникла и въ деревню, гдѣ болѣютъ ею «шавцы» и «кравцы». Для лѣченія ея деревня настаиваетъ на водкѣ или отвариваетъ въ водѣ дростъ. Лѣкарство это дается утромъ «наща» и вечеромъ.

Горловыя болѣзни.

Для лѣченія ихъ употребляется настой на корняхъ аира. Отваръ изъ нихъ въ холодномъ видѣ пьется послѣ болѣзни, какъ укрѣпляющее. Также чай изъ горлянки.

Грудныя болѣзни.

У кого «слабая грудь», надо настоять винныя ягоды на водкѣ и пить «наща» каждый день. Также передъ обѣдомъ и вечерей надо пить холодный отваръ болотнаго бобовника и вообще для питья вмѣсто воды употреблять чай изъ брусничника и липоваго цвѣта или грудной чай изъ сѣнной трухи, которая образуется изъ разныхъ горькихъ цвѣтовъ и травъ. Пьютъ также отваръ изъ дубоваго мха.

Грыжа.

Для припарокъ употребляются стебли хмѣля.

Дикое мясо.

На ранахъ дикое мясо лѣчится порошкомъ изъ корня черники, которымъ присыпается больное мѣсто.

Желудокъ.

Для укрѣпленія желудка, «у кого ёнъ дренный», надо пить ежедневно по рюмкѣ водки, настоенной на полыни, мятѣ или болотномъ бобовникѣ, или настой центавры съ подбѣломъ. Пьется также отваръ корней «раковой шейки».

Женскія болѣзни.

Бѣли перестаютъ, если пить отваръ тысячелистника, подбѣла, также—бѣлаго клевера.

При кровотеченіяхъ дается отваръ изъ звѣробоя, кровавца, свентоянскаго зелья. При остановкѣ очищеній пьется отваръ изъ «чирчиковъ», пѣтушьяго гребешка.

Для ускоренія родовъ даютъ отваръ травы «собачки» съ цвѣтами. Также спорыньи, рожки.

Желтуха.

Больному даютъ отваръ безсмертника, сухоцвѣта, «тмена». И перестаетъ. Также купаютъ въ отварѣ полевого хмѣля.

Золотуха.

Дѣлается настой на травѣ «череда» и дается пить больному два раза въ день. Отъ золотухи также дѣтей купаютъ въ васильках и даютъ отваръ травы «Иванъ да Марья». Купаютъ въ отварѣ травы «братки», также—травы «собачки» въ полномъ цвѣту.

Запоръ.

При запорахъ дается стакана два или три сыворотки за разъ или стаканъ огуречнаго разсола. Кто расположенъ къ частымъ запорамъ, тѣ пьютъ чай изъ мяты и полыни. Хорошимъ средствомъ считается отваръ коры крушинника. Его употребляютъ и при тифозныхъ горячкахъ для очищенія желудка. При запорахъ употребляется также отваръ «прострѣла».

Зубная боль.

Заговариваютъ зубы у знахаря, а когда заговоръ не поможетъ, то заливаютъ больной зубъ крѣпкимъ спиртомъ. Также настаиваютъ на водкѣ шишки подорожника и наливаютъ на зубъ.

Чтобъ у дѣтей зубы легко и скоро прорѣзывались, мажутъ десны свинымъ мозгомъ.

Зубную боль лѣчатъ прикладываніемъ еловыхъ цвѣтовыхъ шишекъ.

Изжога-печея.

«Печея пячеть» больше всего отъ нехорошаго «варева, ти отъ цыбули». Ее лѣчатъ чаемъ изъ мяты.

Испугъ.

Даютъ пить настой травы «сдрыжникъ». Знахари даютъ его въ хлѣбѣ.

Кашель.

Кашель—«хвороба докучливая. При ёмъ ни подъѣсть, ни выспатца спокойно ня можна».

Если кашель переходитъ въ «кохликъ» (коклюшъ), тогда, по народнымъ понятіямъ, его и лѣчить ничѣмъ не надо, только «якъ зайдесься дужа», надо пить холодную воду, «штобъ отлягнуло». Кашель же лѣчатъ большею частью тѣмъ, что, залѣзши на печь, ставятъ голыя пятки на горячій педъ. Какъ внутреннее средство, ѣдятъ испеченную на угляхъ «цыбулю».

Дается также отваръ травы «кошачьи лапки». Также—отваръ изъ бѣлокопытника, мать-мачихи; отваръ изъ корня буквицы. Также настой чабера.

Колтунъ.

Эта болѣзнь уже рѣдка въ могилевской губерніи. Отъ нея даютъ пить настой можжевельника.

Воспаленіе легкихъ.

Болѣзнь узнается по тому, что «боки болять», разомъ то въ холодъ, то въ жаръ бросаетъ, «хворысть зьнетійку подкипитца», такъ что и всѣ кости ломитъ и ноги «якъ утамэшись». Лѣчить эту болѣзнь, по мнѣнію народа, ничѣмъ не надо,

только надо поить больного чаемъ или отваромъ изъ липоваго цвѣта и на бока надо класть горчишники. Горчишники въ деревнѣ приготовляются такъ: берутъ простую горчицу, мелютъ ее обухомъ топора, разбавляютъ холодной водой тѣсто и намазываютъ одну половину тряпки, а потомъ ее прикрываютъ другой половинкой въ сыромъ видѣ и прикладываютъ къ больному боку.

Лихорадка.

Въ сѣнной трухѣ выбираютъ горькія травы, отвариваютъ и даютъ пить. «Дужа» помогаетъ и отваръ или настойка изъ корней «бобовника». Также—толкутъ полынь и пьютъ съ козьимъ молокомъ. Отъ лихорадки употребляется также сумочникъ, отваръ коры вербы и ромашки. Также настойка полыни на водкѣ.

Ломота-ревматизмъ.

«Рыматызъ» бываетъ въ ногахъ, рукахъ, въ спинѣ и даже въ затылкѣ. Для излѣченія больное мѣсто натираютъ спиртомъ, настоеннымъ на хрѣнѣ съ солью; если же эта «натирка» не помогаетъ, то надо натирать водкой, настоенной на березовыхъ цупрахъ, или отваромъ мухоморовъ. Но лучшимъ лѣкарствомъ считаются припарки и ванны изъ вереска. Также отваръ изъ брусничнаго листа. Послѣдній употребляется вообще при простудныхъ болѣзняхъ. Отъ ревматизма пьютъ еще настой ромашки.

Мочегонныя.

Хорошо помогаетъ отваръ уржи, толочанника. При слабости мочевого пузыря даютъ пить отваръ силены (сцульки).

Нарывъ-чирей.

Нарывъ, окруженный краснотой и сильно болящій, надо «спалить». Чтобъ онъ скорѣе назрѣлъ, смазываютъ мазью, сдѣланною изъ «цыбули», меда и муки. Когда нарывъ созрѣетъ, надо наложить тѣсто изъ меда и пшеничной муки, либо мазь изъ конопляного цвѣта и несоленаго свиного сала, или мазь изъ 10 частей оливы на 4 части воску. Эта послѣдняя мазь не только тянетъ изъ раны, но и залѣчиваетъ ее. Нарывъ «волосень» лѣчится листьями чертополоха, который такъ и называется въ народѣ «волосникъ». Также прикладываютъ испеченный лукъ и присыпаютъ толченымъ льянымъ сѣменемъ.

Отмороженныя мѣста.

Ихъ смазываютъ чистымъ льянымъ масломъ.

Обжоги.

Печень птицъ и животныхъ сушатъ и толкутъ, затѣмъ порошкомъ присыпаютъ обжоги.

Падучая.

Для прекращенія ея у дѣтей, ихъ купаютъ въ тепломъ отварѣ «чернобыльника». Также—ландыша.

Параличъ.

Бываетъ только «у пановъ, а у нашего брата-мужика» его почти не бываетъ. Но если у кого случится, то хвораго тогда садятъ на скамейку и привязываютъ къ стѣнѣ; ноги ставятъ въ горячую воду, даютъ по 3 капли на рюмку воды анисоваго масла, которое дѣлается изъ анисовыхъ сѣмянъ. На голову больного надо класть тряпку, смоченную въ водѣ.

Поносъ-мытъ.

Лѣчить мытъ надо чаемъ изъ мяты и черники, а также настоемъ воды на корѣ черемухи. Сильный поносъ излѣчивается настоемъ сушонаго мухомора на водкѣ.

Прѣлость.

Для прекращенія прѣлости дѣтей купаютъ, вытирая потомъ сухою мягкою тряпкой, и присыпая прѣлыя мѣста древеснымъ порошкомъ изъ червоточины. Чаще собираютъ зерна можжевельника и растираютъ ихъ въ порошокъ, которымъ и присыпаютъ прѣлыя мѣста.

Порѣзъ.

Если случится кому порѣзать ногу или руку, то ее обмываютъ, а потомъ покрываютъ паутиной и обвязываютъ тряпкой. Присыпаютъ также порѣзы порошкомъ изъ медуницы или изъ пережженныхъ рѣчныхъ раковинъ. Перемѣняютъ присыпку до тѣхъ поръ, пока рана начнетъ заживать. Общеупотребительна также примочка изъ спирта, настоеннаго на березовыхъ почкахъ.

Простуда.

«Простуда не болѣсть», но отъ нея бываютъ разныя болѣзни. Первой помочи отъ простуды ищутъ въ банѣ; въ ней больного хорошо разогрѣваютъ и парятъ, а потомъ поятъ липовымъ цвѣтомъ и чаемъ,—также отваромъ малины, ромашки. Интересно, что больныхъ въ такихъ случаяхъ стараются кормить рѣпой и чеснокомъ.

Роды.

Больной даютъ во время родовъ рюмку водки: «тады ина повисялѣить». При трудныхъ родахъ даютъ «рожки», спорынью въ небольшомъ количествѣ. Также отваръ травы «собачки». Тотчасъ послѣ родовъ женщину надо вести въ баню и часто вымыть, и затѣмъ водить три дня. Если нескоро выходитъ послѣдъ, оттапливаютъ, какъ чай, сосновый мохъ и даютъ отваръ пить. Этотъ же чай изъ соснового мха надо давать и дѣвушкамъ при слабыхъ очищеніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ пьютъ и настой ромашки.

Болѣзни сердца.

«Коли у кого заболить подъ серцемъ, то пугатца ни надо», а скорѣй надо размѣшать з о л ы с ъ с о л ь ю и в о д о й и выпить. Считается полезной и настойка огуречнаго цвѣта на водкѣ. Также чай изъ сердечника, болотнаго золотничка—съ цвѣтами или даже изъ однихъ цвѣтовъ.

Скула.

«Посли бани, а коли и посли купанья сядить скула, а то двѣ и три». «Скула садитца всюдыхъ: коли въ головѣ, коли въ грудяхъ, коли въ горли, коли въ животѣ, а коли и на ногахъ». «Отъ скулы ёсть заговоръ», но если онъ не подѣйствуетъ, то пригрѣваютъ скулу льняным сѣменемъ, сваренным въ молокѣ. Прикладываютъ также мазь изъ конопляного сѣмени съ несоленымъ свинымъ саломъ. При скулѣ хорошо помогаетъ и кора «ницой лозы». Также свѣжіе листья трипутника-подорожника.

Сухотка.

Для излѣченія отъ нея дѣтей купаютъ въ отварѣ изъ цвѣтовъ и листьевъ ландыша.

Ушибъ.

«Бываить, што объ вошта такъ дюнишься, ажъ вытерпѣть ня можна, а другей разъ ето мѣсто и пожываить няскоро». Тогда надо прикладывать тряпку, намоченную въ холодной водѣ, а если это не поможетъ, то взять надо бураковый листъ, подпалить его немножко въ печи и прикладывать къ ударенному мѣсту.

Чахотка.

«Кыли хто дужа скоро схуданть, ды станить зябкимъ, кожа у яго сдѣлаетца потной, а при кашлѣ харковиньня съ кровью, по ночамъ дужа потѣить, изъ носа часто тячеть кровь, часто бываютъ поносы, явитца удушша,—то ета значитца у яго завелась чахотка». Чахотку вылѣчить трудно, а всё таки «не надо надъ собой здикатца, а надо лѣчитца». Сперва надо пить «разовъ сколькі у день» полынный чай и ѣсть побольше свиного сала; также пить молоко, отваръ бобовника болотнаго, грудной чай изъ «сѣнной трухи» и чай изъ сосновыхъ и еловыхъ почекъ и изъ сосновыхъ шишекъ—также настой корня девясила. Селедокъ ѣсть нельзя, копченаго мяса тоже нельзя.

Чесотка (короста).

Короста «докушная болѣсть»: все на себѣ «подярешъ», а толку мало: «свярбить ды свярбить». Ее лѣчатъ мазью изъ чеснока, меду и коровьяго масла. Мазать надо передъ огнемъ, чтобы мазь лучше вбиралась.

Также моются отваромъ изъ борового хвоща,

Для очищенія тѣла вообще отъ всякихъ сыпей купаютъ дѣтей въ отварѣ травы чистика. Чесотку лѣчатъ также растертымъ свѣжимъ корнемъ конскаго щавеля, или присыпаютъ струпья растертыми въ порошокъ листьями межперстницы. Употребляется и настой корня девясила.

Шумъ въ ушахъ.

Если у кого шумитъ въ ушахъ, надо испечь «цыбули», выжать изъ нея сокъ и впускать его нѣсколько разъ въ недѣлю въ ухо.

ПО ЛѢЧЕБНИКАМЪ XVII-XVIII ВВ.

Лѣкарства изъ продуктовъ животныхъ.

Баранья желчь.

Полезна для очищенія глазныхъ ранокъ.

Воробьи.

«Ощипавъ воробьевъ, изъжечъ ихъ въ покрытомъ горшкѣ. Сего пепѣла принимать отъ каменной болѣзни».

Бычья желчь.

«В бычьей желчѣ находится камень. Столочь (его) и пить тоже отъ каменной болѣзни и желтухи. Полезенъ и отъ поноса, падучей болѣзни. Желчь кладется въ клистиры отъ паралича. Принимать отъ густоты живота у младенцовъ. От шума и звона въ ушахъ, въпускать въ уши, смѣшавъ с луковымъ сокомъ».

Зола изъ бычьихъ роговъ.

Принимать въ случаѣ припадковъ и подкуриваться ею.

Голубиный пометъ.

«Потолки, просѣй, съмешавъ съ семемъ кресъ-салаты: отъ подагры, мигрены, круженія головы, боли въ боку, въ хребтѣ, въ почкахъ. Естли тереть каломъ, съмешавъ съ ячменною мукою и уксусомъ, голову у кого волоса вылѣзутъ отъ боли, то скоро выростутъ.

Естли пережечь до бѣлизны и зделать щолокъ и пить, то гонитъ урину. Хорошо отъ водяной болѣзни.

Естли мыть руки и ноги, то не боятся мороза. Помоча перщатки и чулки, защищаютъ отъ великихъ морозовъ».

Голубиная кровь.

Голубиная кровь изъ подъ крыла самца есть «больсамъ» отъ свѣжихъ ранъ въ глазахъ.

Горлицы-птицы.

«Для остановленія кровавыхъ поносовъ и непомѣрнаго мѣсячнаго пепѣлъ, которой дѣлать (такъ): ощипавъ горлицу и выпотрошивъ, положи въ брюхо мастики, а потомъ жарить ее на вертелѣ. Когда поспѣетъ, то положа въ горщекъ и закрывъ плотно сушить до тѣхъ поръ, пока высохнетъ. Истолчи въ порошокъ и принимай порошки.

Жиръ, которой истекаетъ во время жаренія, полезенъ для тренія поясницы, живота, груди и вздоховъ».

Журавль.

Сало журавлиное хорошо отъ глухоты, впуская въ уши. Голова, глаза и желудокъ высушить (?!) истолочь въ порошокъ—отъ фистулъ и ранъ. Молодаго журавля дѣлается масло (такъ): ощипавъ, вычистивъ изъ него внутренность и варить его въ деревянномъ маслѣ, пока мясо отъ костей отдѣлится. Потомъ столки мягко и варить его опять въ томъ же маслѣ. Наконецъ выжавъ, сохранять для употребленія.

Когда человѣкъ охромѣетъ, или отымется членъ, то мазать масломъ два раза въ день противъ жара или теплой печи.

Вода, перегоненная чрезъ кубъ съ молодымъ журавлемъ, полезна отъ отнятія членовъ. Вымыть напередъ несоленою раковою водою.

Гуси.

Собравъ гусиную к р о в ь и высуша, въ порошкѣ принимать отъ унынія и тоски. Ж и р о м ъ мажутся руки и ноги отъ морозовъ, и познобленныя части. Смѣшанный съ луковымъ сокомъ, каплями пускается въ уши, естли наберется воды.

Заяцъ.

По понятіямъ XVII вѣка, з о л а «изженая въ пепелъ» заячьей головы, смѣшанная съ медомъ или медвѣжьимъ саломъ или съ уксусомъ—«разводя пожиже» полезна противъ выпаденія волосъ на головѣ.

Заячьей к р о в ь ю «ежели вымазать кожу на теле, то згоняетъ всякую нечистоту» и съ лица «веснухи» и пятна. «Ежели высуша принимать, то унимаетъ простые и кровавые поносы, также непомѣрнаго женсково теченія.»

Совѣтуется и такъ: какъ скоро зайца затравятъ, заколоть его, и намочивъ въ кровь кусокъ холста, «который только-бъ изъ стана кросенъ, небѣленой и не мытъ», высушить и «вслучаѣ мѣсячнова крепкова поноса» въ рюмку виноградна вина величиною въ деньгу сего холста и настоять, чтобъ было красно и дать пить.

Заячье л е г к о е мочатъ въ водѣ соленой, прибавя нѣсколько мирры и даютъ страждущимъ удушьемъ и л и падучей болѣзнью ѣсть понемногу цѣлый мѣсяцъ всякой день въ мартѣ мѣсяцѣ

Поймать зайца и гонять его въ такомъ мѣстѣ, чтобы не ушолъ, потомъ, какъ утомится, заколоть, и собравъ к р о в ь, высушить и столочь въ порошокъ. «Страждующему младенцу родимцомъ» давать ежедневно порошка въ водѣ или грудномъ молокѣ по двѣ ложки, по возрасту дитяти, чрезъ нѣсколько дней. Впрочемъ, помогаетъ и взрослымъ людямъ,—только побольше принимать.

Заячій м о з г ъ «ежели пить въ винѣ или жаря ѣсть, то отъ дрожанія членовъ».

Изъ затравленнаго зайца с е р д ц е разрѣзавъ на четыре части и высуша, вслучаѣ четыродневной лихорадки передъ трясеніемъ принимать сего порошка.

«Заячьи п о ч к и засуша принимать порошки, то отъ камення, плодородію, а особливо, когда не держится моча». «Ядра заячьи отъ всякихъ немочей въ пузырѣ, женщинамъ къ плодородію». Пометъ заячій сожги въ пепелъ—гонить камень; отъ поноса смѣшанный съ уксусомъ; отъ старыхъ болячекъ полезно и полезно отъ антонова огня.

«Заячья ж о л ч ь, смѣшавъ съ сахаромъ и пускаемая въ глаза, сгоняя (южно-бѣлор. говоръ) пятна. И отъ глухоты полезно».

«Задніе п о з в о н к и ъ составы изъ хвоста, перетолченные въ порошокъ, принимать отъ колики».

«Заячье с а л о къ скорѣйшему созрѣнію нарывовъ и вытягиванію занозы (служитъ). Ежели мазать позади ушей, то унимаетъ зубную боль и разбиваетъ опухоль въ дяснахъ. И отъ бѣльма».

Кабанъ, вопер и дикая свинья.

Ж и р ъ кабаній полезно отъ боли въ боку. Если пить его съ виномъ или уксусомъ—отъ кровохарканія. Смѣшанный съ деревяннымъ масломъ и настоенный съ розовыми цвѣтами—«отъ вывихнутыхъ членовъ».

Ж е л ч ь полезна «отъ зубокъ и золотухи».

П у з ы р ь, въ которомъ остается моча, смѣшавъ съ нею деревяннаго масла, повѣсить въ дымъ. Когда сдѣлается на подобіе патоки, то хоронить и принимать понемногу внутрь отъ каменной болѣзни. И тереть у младенцевъ пупокъ для умерщвленія глистовъ.

Козелъ.

Козлиная к р о в ь, а особливо которая извлечена изъ ядеръ и высушена на солнцѣ, производитъ потъ, гонитъ мочу и мѣсячныя. Помогаетъ отъ колотья, отъ скипѣвшейся крови.

Дикая козлятина, ж е л ч ь полезна отъ звона и шума въ ушахъ, и зубной болѣзни, отъ темноты глазъ. И сгоняетъ пятна съ лица.

«Кокушка».

«Сжечь въ пепелъ и принимать отъ каменной болѣзни и боли въ животѣ. Тоже и отъ лихорадокъ.

Курица.

Выбирается бѣлый пометъ и принимается по утрамъ и вечерамъ четыре или шесть дней сряду съ ягодникомъ или напиткомъ отъ колики. Пережженный сей пометъ для посыпки на головѣ отъ шолудей—скоро высыхаетъ.

Русскую курицу взявъ, которая не несетъ, отвернуть ей голову, «но только чтобъ не прочь, а толькобъ она оттого околѣла, и чтобъ крови за оказалось». Сію курицу, не ощипавая и не нетроша положить въ горщекъ, налить кипяткомъ подою половины ведра, и покрывъ крышкою и вомазавъ тѣстомъ, поставить въ печь къ огню, когда топится. На другой день поставить ея

шесткѣ, чтобъ не простывало. А когда печь истопится, то поставить подлѣ устья. И такъ продолжать становить въ печь двѣнадцать дней сряду, не открывая горшка. Тогда сдѣлается «стюдень», который въ простудѣ давать больному по ложечкѣ три раза въ день, полагая въ рюмку и доливая краснымъ или простымъ слабымъ виномъ. Но какъ «сія студень» скоро портится, то по открытіи горшка лучше влить простого слабаго вина бутылки двѣ и размѣшавъ гораздо чтобы соединилось, разложить по бутылкамъ. Во время принятія поболтать и въ рюмку налить. «Превосходно отъ тяжелыхъ чахотокъ, съ коими боль въ боку». Яйца куриныя—желтокъ приводитъ къ созрѣнію чирьевъ; сырой бѣлокъ, сбитый съ ладономъ, мастикою, чернильнымъ орѣшкомъ, прикладывается ко лбу для унятія крови изъ носу.

Лось.

«Копытье лосиное отъ падучей болѣзни принимать внутрь».

Дождевые черви.

«Назберавъ въ маіи м'це», отрѣзавъ голову, положить въ банку; наливъ деревяннымъ масломъ, дать постоять на солнцѣ; сохранять во весь годъ «для мазанія отъ лому и боли въ составахъ».

Лягушка.

Въ мартѣ «естли собирать лѣгушечный клѣкъ» и перегонять воду, полезно отъ горячекъ.

Коровье масло.

«Растопя на горячей золѣ, снимать пѣну, когда оно закипитъ. Потомъ влить ровную часть крѣпкаго вина, зажечь, а какъ водка выгоритъ, мазать отъ холодной подагры и всякаго лома «коло печи».

«Двоенное масляное масло. Положа самаго свѣжаго масла въ стеклянный сосудъ и умазавъ ево плотнѣе, поставьте двоить». Изъ него выйдетъ три разныя жидкости, то отдѣлить одну отъ другой, то отъ подагры; «и мазать лицо и руки—придаетъ красоты. А отъ простуднаго насморку выпить масла сего».

Молоко.

Молоко женское полезно отъ чахотки. Лучше всего, когда сосать оное у женщины. А козье ѣсть. Молоко кобылье, бываетъ, что издѣчиваетъ чахотку. Масло оное сгоняетъ бородавки.

Налимъ рыба.

«Взявъ налимовыхъ печенокъ, и положа въ стаканъ, повѣсить на солнцѣ. Для мазанія глазъ, мутныхъ и тусклыхъ».

Вѣроятно, отдаленное заимствованіе изъ исторіи Товита, затѣмъ изъ народныхъ сказаній, гдѣ такое лѣченіе встрѣчается довольно часто.

Окуни.

У нихъ находятся въ головѣ маленькіе камушки. Ихъ принимать отъ каменной болѣзни. «А наружно—присыпать къ ранамъ въ дяснахъ».

Олень.

Жиръ и мозгъ изъ костей прикладываются «отъ ромотизмы или простудного лома». Кровь оленья, высушенная на солнцѣ, отъ колотья въ боку и подагры. Жженый рогъ отъ кроваваго поноса.

Свинья.

«Сожженной въ порошокъ свиной помет принимать по щепоти въ водѣ или красномъ винѣ три раза въ день отъ кроваваго поноса».

Желчь свиная роститъ волоса, чиститъ и заживляетъ раны въ ушахъ.

«У свининой головѣ близъ ушей находятся бѣлыя и мягкія косточки въ заднемъ нижнемъ углу въ черепѣ подъ кожицей. Изсуша на печи, изстолочь въ порошокъ, три косточки раздѣляются на девять частей и дитяти отъ 4 недѣль и до 3 мѣсяцевъ и всякое утро дается по три части въ какомъ нибудь напиткѣ отъ падучей болѣзни. Ежели болѣзнь старая, то берется пять косточекъ, при множайшихъ лѣтахъ больше: 7 и 9. 13, 15 и до 17. Пережженныя придаютъ болѣе силы.

«Ежели кости изъ свиныхъ ногъ зжечь добѣла—отъ лютова запора». «Копыты зженые» чистить зубы для укрѣпленія, а внутрь принимаемые въ красномъ винѣ—отъ поноса кроваваго.

«Студень свиной смѣшая въ напиткѣ», отъ колотья въ бокахъ пить. «Кровь свиная, перегоняя въ кубикъ съ улитками и раками, съ увлажающими травами—то отъ сухотки и отъ чахотки».

«Въ юлѣ мѣсяцѣ ввоздержаться отъ свинного мяса. Впрочемъ, совсѣмъ не ѣсть».

Угорь рыба.

Жиръ угриной сгоняетъ съ лица оспенныя пятна и роститъ волоса. Въ уши впускается отъ глухоты. Кожа варится, чрезъ что дѣлается клей, кость и прикладывается къ опухолямъ. И отъ грыжи.

Муравьи.

«Уксусъ муравлиной. Для дѣланія онаго весною взявъ хорошую чашку и раскопавъ муравейникъ, поставить чашку ровно съ берегами, потомъ наливъ горячія третину воды». Какъ наползутъ, сдѣлается кислота. Какъ можно крѣпче тогда процѣдя, злить въ бутылки, прибавя зеленыхъ листочковъ зміовки или дракуча (artemissa dracunculius). То лучше отъ лома въ составахъ и отъ цынги дѣлать питье изъ сего уксуса. «Весною берется сочныхъ иглъ еловыхъ. Помочивъ симъ уксусомъ довольно и потолкъ мелко и восемь лотовъ изъ крышенново мелко хрѣну, полфунта раздавленныхъ можжевельныхъ ягодъ—на все сіе наливъ 4 штофа воды колодезной, заткнувъ хорошенько, поставить на двѣ недѣли. Потомъ принимать сѣдивши цѣлой мѣсяцъ по утру рюмки по двѣ, по три при употребленіи пищи. Отъ угара и боли въ головѣ, намоча полотенце (въ уксусѣ), прикладывать. Отъ красноты и нечистоты лица хорошо утираться. Также отъ заразы влить сего уксуса въ бутыль 1 штофъ и положить туда горсть «скрыша» руты, мяты, полыни, шалфея да канфоры, закубря, поставить на печи горячей чтобъ недѣлю прѣло, потомъ слить въ бутылки и употреблять при заразительныхъ болѣзняхъ, то есть, полоскать ротъ, нюхать почаще или помоча губку носить при себѣ и нюхать, курить въ горницахъ. Также для разбиванія твердыхъ опухолей, застоянія крови послѣ ушиба или удара, прибавя водки, онымъ мазать и припаривать. Муравьиныя яица желтыя, на подобіе пшеницы, насуша истолочь и пить съ медомъ или сахаромъ для очищенія лица.

Щука.

Ловимая въ чистыхъ водахъ. Взять щечныхъ косточекъ съ зубами, высуша въ порошокъ, столчь—отъ колотья, только изъ свѣжихъ. Находящіеся бѣлые камушки въ головѣ отъ каменной болѣзни, падучей или родимца принимать.

Желчь щучья отъ бѣльма, также и отъ лихорадки—принять въ теплой жидкости. Жиръ щучій отъ простуды и насморку; мазать у дѣтей подошвы противъ огня, которыя страдаютъ кашлемъ и не спятъ.

Ягненокъ.

«Желчь ягненкова» принимается въ похлебкахъ или въ чемъ нибудь отъ 4 до 8 капель отъ падучей болѣзни.

Лекарства изъ продуктовъ растительныхъ.

Абрикосъ.

Масло изъ ядръ полезно отъ шума въ ушахъ и глухоты. Такожде—ядра толкутъ, мѣшая съ водою или мясною похлебкою, и даютъ пить родильницамъ, когда рѣзь въ животѣ.

Ананасъ.

«Облупя кожу прикладывается на дясну, которая подвержена цынгѣ и производитъ кровотеченіе. А сердце его полезно въ сахарѣ или виноградномъ винѣ для здоровья. Яванцы ѣдятъ натощакъ, нѣсколько недозрѣлые ананасы отъ глистовъ и отъ внутреннихъ заваловъ (cachectidues)».

Анисъ.

Такое же универсальное средство въ глазахъ нашихъ предковъ, какъ заяцъ.

Такъ, если ѣсть анисъ послѣ обѣда, то онъ «уничтожаетъ рѣзь и ворчаніе въ животѣ и унимаетъ рвоту, отрыжку и икоту. И у кого изъ роту дурной запахъ. Чтобы въ лицѣ былъ хорошой цвѣтъ. Анисъ унимаетъ простой и кровавый поносъ. утоляетъ жажду, острить зрѣніе умножаетъ въ женщинахъ молоко. Къ сему если настоять съ александрійскимъ листомъ анисъ

пить яко чай—вмѣсто слабительнаго, для унятія рѣза и колики. Ежели изъ аниса произвесть дымъ и впускать в носъ, то помогаетъ у коихъ опухоль въ лицѣ, отъ боли в голове и круженія. Ежели попадетъ въ глазъ корочка, то приложить вмѣсто пластыря аниса—вытянетъ. Ежели варить анисъ смѣшавши съ медомъ и исопомъ въ ренскомъ уксусѣ и сдѣлавъ полосканье полоскать горло,—заживляетъ болячки и нарывы.

Анисное рвотное употребляется отъ горячекъ и желтухи. Масло аниское отъ колотья, отъ вѣтровъ; полезно и отъ судороги, падучей болѣзни, паралича, гонитъ мочу и камень изъ почекъ и изъ пузыря; помогаетъ отъ водяной болѣзни. Естли въ параличѣ отымется языкъ, то мазаніемъ онаго получитъ свободу; также дѣти, которыя получаютъ ушибы на лбу, шишки, лѣчатся масломъ. На случай „въ желудкѣ щемитъ сердце и тоскуетъ“, мазать оное масломъ. Ежели вымазать сундуки, то не будетъ въ нихъ моли и червей. Аниское масло помогаетъ отъ перхоти, водяной болѣзни, засоренія и запора мочи. Аниское масло пользуетъ чахотку, даже природную, и грудь. Можно принимать ежедневно на сахарѣ отъ двухъ до десяти и до двадцати капель и наблюдать діету. „Когда в младенцовъ въ животѣ сильной рѣзъ, то взять одну скриполу толченыхъ въ порошокъ и дать принять въ молокѣ“.

Словомъ, анисъ являлся въ старину средствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

Апельсинъ.

«Апельсинной сыропъ употребляется отъ цынги. Кожа полезна отъ лихорадки, желтухи и цынготныхъ припадковъ».

Арбузы.

«Срѣзавъ тонко кожу, высушить въ печи, и сдѣлавъ порошокъ давать отъ кроваваго поноса; сперва давать по двѣ ложки подожженаго ревеню, а на третій день арбузнова порошку».

Артишоки.

Артишочный корень варить въ виноградномъ винѣ—полезно отъ запора мочи и водяной болѣзни. „Листье толченое“ прикладываютъ къ пупу младенцовъ для умерщвленія глистовъ.

Бедренецъ.

«Сокъ сея травы, принятый внутрь—отъ кроваваго поноса и излишнева мѣсячныхъ. Изъ листьевъ дѣлается припарка для осушенія ранъ: они кладутся въ мази отъ ранъ на головѣ и венерическихъ ранокъ. Листъ настаиваютъ въ водѣ или виноградномъ винѣ и пьютъ отъ каменной болѣзни и запора мочи. Корень, столкши въ порошокъ, хорошо отъ кровохарканія».

Бобы.

«Пепелъ изъ стволовъ и шолухи подожа въ бутылку воды и вскипятя процѣживаютъ и даютъ пить отъ водяной болѣзни. Настой шолухи и кожи въ стаканѣ воды—отъ запора мочи. Воду, которая варена съ бобами, пить отъ каменной болѣзни. Изсуша бобовъ и столча на муку, присыпать, если кто будетъ прободенъ шпагою, отъ поруба или порѣза, просѣявши. На случай нѣту, то можно свѣжева, сдѣлавъ на подобіе кофію употреблять для присыпанья и не отвязывать, пока заскорупнетъ и струпъ свалится».

Брусника.

Сушеная брусника, столченная въ порошокъ—отъ поноса простого и кроваваго и отъ каменной болѣзни.

Виноградъ.

«Золы з виноградныхъ лозъ щепоть всыпать въ стаканъ и налить питьемъ больного, прибавя щелочной соли, пока сія зола осядетъ на дно, тогда давать больному пить. Отъ водяной болѣзни полезно.

Виноградная водка или французская, естли зимою принимать по утру по рюмкѣ, умерщвляетъ глистовъ, утоляетъ зубную боль. Естли короста—мыть почаще сею водкою. Естли у кого геморроида распухнетъ, здѣлается въ нихъ воспаленіе, то приложить припарку изъ печенаго лука съ сею водкою».

Вишня.

Распуская въ винѣ бѣломъ вишневый клей, принимать отъ каменной болѣзни. Хорошо пить и вишневку.

Гвоздика.

«Хорошо класть отъ болѣнія зубовъ. Въ порошкѣ принимается отъ сонной немощи, паралича, сильныхъ обморокевъ, разслабленія желудка, судорожныхъ припадковъ и рвоты. Масло, употребляемое съ другими, выбиваемыми изъ мушкатныхъ орѣшковъ, пальмовыхъ, розмариновъ и шалфейнымъ, смѣшавъ всѣ оные, составляютъ мазь, которою натираютъ члены отъ паралича, простудныхъ, мокрыхъ опухолей, онѣмѣнія членовъ: полезно натирать около пупка и ниже во время колики. Распустить онаго масла въ винномъ спиртѣ, обмакивая корпію, класть въ рану антонова огня или на зараженныя части отъ гніенія костей и отъ зубной болѣзни, помоча хлопчатой бумаги».

Горохъ.

Гороховой мукой присыпать когда кто опалитъ себя порохомъ.

Горчица.

«Сдѣлать припарку—вытягиваетъ изъ грудей подагру. Принимать цѣльную горчицу отъ четверодневной лихорадки. Принимаютъ въ винѣ отъ ядовитыхъ грибовъ. Естли ее жевать—отъ зубной боли. Разведенная съ водой, сгонитъ пятна з лица и прочія сыпи, ежели почаще мыть или обтирать ихъ онымъ. И превосходно отъ цынготной болѣзни. Этолочь и прикладывать с медомъ отъ пришибъ и отъ коросты. Изрубивъ луковицъ, изжарить ихъ въ хорошомъ уксусѣ, смѣшая хорошева толченова сѣмени горчичноза, прикладывать отъ простудной ломоты и затвердѣлой опухоли. Взять по равной части овсяной муки и горчицы, смѣшавъ съ уксусомъ, прикладывать къ подагрѣ (прежде кровопусканіемъ и слабительнымъ). Ежели горчичныхъ сѣмянъ принять въ теплой водѣ, то вмѣсто рвотнаго».

Грибы ядовитые.

„Отъ сихъ грибовъ пить молоко, масло, теплую воду. Въ случаѣ непользы, прибѣгать къ другимъ лѣкарствамъ: смѣшавъ три части уксуса съ частію меда,—пить сколь можно болѣе. Примѣчанія сей болѣзни: когда рвота, потъ, дыханіе тяжело, въ горлѣ какъ веревкою перетянуто“.

Груши или дули.

Сокъ изъ лѣсныхъ или дикорастущихъ употреблять для унятія поноса. Печеныя или вареныя прикладывать на подобіе пластыря къ женскимъ грудямъ отъ лому и отъ скипѣвшагося молока.

Эстрагонъ.

Настоять въ стаканѣ воды отъ слабости въ животѣ, отъ рвоты; гонитъ мочу, прогоняетъ вѣтры. Хорошо для апетиту и хорошо отъ цынги.

Трава шалотъ.

„Растетъ между луку и чесноку, вкусомъ и запахомъ не менѣе чего отъ луку и чесноку и пріятнѣе онаго.

Сокомъ его полезно тереть отъ жабы, сильно поспѣшествуетъ теченію кровей. Ежели въ сокѣ распустить поваренной соли нѣсколько и обтирать симъ лицо, то загладитъ рябины и всякія иныя на лицѣ бывающія пятна. Съ куринымъ саломъ сдѣлать мазь и мазать голову для выращенія волосъ. Хорошо отъ мозолей, запора, мочи, каменной болѣзни“.

Земляника.

„Вода, выдвоенная изъ земляники—отъ прокаязы, укрѣпляетъ сердце, чиститъ легкое, полезна отъ разлитія желчи. Принимать по три ложки в день. Выварка изъ корня всего растенія—отъ заваловъ въ селезенкѣ и въ печенкѣ, отъ желтухи. Пить поутру нѣсколько дней. Корень земляничный весьма употребителенъ въ декоктѣ вмѣсто питья отъ болѣзни въ печенкѣ. Уваря крѣпко, примѣшать крессу, солодкова корня и корицы—отъ удушья и застарѣлаго кашля. Сокъ выжатый хорошо для „згоненія“ красноты и прыщей съ лица и отъ красноты глазъ“.

Имбирь.

Укрѣпляетъ желудокъ, отъ ворчанія въ животѣ, унимаетъ кровохарканіе. Масло имбирное полезно „отъ внутренной болѣзни“. Мазать ноздри—вычищаетъ мозгъ, мазать виски—помогаетъ въ глазныхъ недугахъ. Полезно отъ болячекъ во рту и горлѣ и разбиваетъ молоко въ женскихъ грудяхъ.

Исопъ трава.

«Дѣлать полосканье отъ болѣнья горла, тѣсноты въ груди, удушья и звона въ ушахъ, очищаетъ матку, укрѣпляетъ желудокъ. Въ августѣ мѣсяцѣ гнать изъ цвѣтовъ и листьевъ сокъ и принимать поутру и вечеру—полезно «отъ всѣхъ болѣзней». Ежели ея травы, помѣшавъ съ укропнымъ сѣменемъ, сухую или свѣжую, положить въ вино и то вино пить—очищаетъ грудь, пятна съ лица. Настоять исопу въ уксусѣ и оной держать во рту, унимаетъ боль зубовъ; залѣчиваетъ равы».

Кервель-трава.

«Выжатый изъ нея сокъ съ раковою похлебкою—отъ заваловъ. Пригодна отъ тѣсноты въ груди и потаенной лихорадки. Сокъ съ козьимъ молокомъ или съ похлебкою—отъ чахотки. Отъ чирьевъ на грудяхъ прикладывать теплую припарку изъ сваренаго на подобіе каши льняного сѣмени съ кервелемъ. Также и при геморойныхъ шишкахъ. Ежели сокъ смѣшать съ селитрой и спропомъ „изъ пяти пропускныхъ корней“—скорѣйшимъ образомъ отъ водяной болѣзни. Сокъ, выжатый изъ кервелю, съ деревяннымъ масломъ,—„отъ почечуевъ“, какъ равно и «выдвоенная настойка».

Конопля.

«Смѣшавъ сѣмена съ воскомъ—мазь отъ ожоги. Очень полезна. Если мазать однимъ масломъ крестецъ—утишаетъ геморой. Декоктъ изъ сѣмени пить отъ заваловъ и желтухи. Также: варить въ козьемъ молокѣ, пока перелопается и сего взвара пить нѣсколько дней отъ желтухи».

Корица.

«Истолченная въ порошокъ укрѣпляетъ желудокъ, изгоняетъ вѣтры. Можно и отъ лихорадокъ. Масло такъ же, яко и гвоздичное, отъ антонова огня и зубной боли. Вода, выдвоенная изъ корицы—отъ внутреннихъ болѣзней. «Во аптекахъ aqua cinnamonii cum cino называется вода».

Крапива.

„Гонитъ камень и мочу, корень ея отъ желтухи, а трава излѣчаетъ антоновъ огонь, слабитъ ла низъ и выгоняетъ корь и оспу, сокъ же изъ нея залѣчиваетъ нарывы и раны «въ груди чахотныхъ». Сѣмя крапивное отъ всякихъ недуговъ въ почкахъ и пузырѣ. Пить на подобіе чаю. Также и отъ кашля, удушья, тѣсноты груди, колотья въ бокахъ, отъ кровохарканія или у кого кровь пойдетъ горломъ и всякое кровотеченіе; также отъ воспаленія язычка. Жигучка толченая пользуетъ отъ антонова огня; стреканіе крапивы всѣмъ онѣмѣвшимъ и отнявшимся членамъ“.

Кофія.

Смѣшать „съ лимоновымъ сокомъ“ и пить отъ лихорадки, не болѣе какъ полчашки.

Кресъ-трава.

„Чиститъ кровь. Отъ цынготной болѣзни ѣсть сію траву съ масломъ и хлѣбомъ въ весеннее время ежедневно. Такожде мѣсячныя и гнать мертваго ребенка. Естли ѣсть вмѣсто салата—отъ сонныхъ немощей. Ежели сѣмянъ «столчь» въ порошокъ и принять въ цыкорной водѣ—умерщвляетъ глистовъ; также отъ битья, отъ упаденія скипѣвшейся крови“.

Кресъ-трава.

Если отъ паралича отнялся языкъ, то держать во рту сего сѣмя. Какъ старые такъ и молодые могутъ употреблять его отъ глистовъ. Стертое з деревяннымъ масломъ причиняетъ потъ. Листье зрубленное, съ дрожжами,—для приведенія къ гноеиспусканію нарывовъ и ранъ, также отъ лома. Сокъ впускать въ ухо—исцѣляетъ простудную зубную боль. Кресъ ключевой имѣетъ то же свойство, какъ и садовой. Варить его въ молокѣ и пить отъ грудной чахотки.

Лавровый листъ.

Прогоняетъ вѣтры, споспѣшествуетъ очищеніямъ. Масло—отъ отнятія членовъ и судорогъ мажется, внутрь принимается отъ колики—до 12 капель.

Латукъ-трава садовая.

Выжатый сокъ почитается противоцынготнымъ; смѣшанный съ деревяннымъ масломъ и настоемъ розовыхъ цвѣтовъ—отъ головной боли; для сего тереть лобъ и виски. Сѣмя растолченное, въ во-

дѣ, въ которой расколя сталь погасить, примѣшавъ немного слоновой кости—отъ бѣлей. Латукъ кладется въ клистиры. Смѣшанный съ уксусомъ или одинъ—отъ болѣнія головы.

Лебеда бѣлая.

Цѣлыя сѣмена производятъ рвоту. Онаго даютъ отъ желтухи. Листья прикладываютъ къ чирьямъ и другимъ затвердѣлостямъ. Сгоняютъ испорченныя кости. Вываркa отъ истерическихъ припадковъ. Лебеда затягиваетъ занозы; нужно только истолочь.

Лимонъ.

Лимонный сокъ съ мелкимъ сахаромъ и винокаменной солью перемѣшать и въ ту же минуту дать принять—отъ гнилой горячки превосходное лѣкарство. И повторять оное черезъ два часа. Между пріемами взваръ ячменный по стакану, съ купоросным масломъ. За неимѣніемъ лимона можно употреблять сокъ клюквенный.

Лимонъ въ старину былъ и косметическимъ средствомъ. Въ этомъ отношеніи лѣчебники дютъ такой рецептъ: въ свѣжемъ лимонѣ прорѣзать дыру и наполнить сахаромъ леденцомъ съ листовымъ червоннымъ золотомъ; затѣмъ закрывъ отрѣзаннымъ кусочкомъ, спечь на золѣ. Затѣмъ выжимать сокъ на полотенце и тереть лицо. «И дѣлается, говорятъ лѣчебники, лицо чисто и пріемчиво».

Лукъ.

Отъ цынги—ѣсть лукъ съ капустою. Луковой сокъ способствуетъ рощенію волосъ, если мазать голову; а если съ ватой положить въ уши—исцѣляетъ звонъ; смѣшанный съ крѣпкимъ уксусомъ впускать въ носъ—отъ кровотеченія.

Маеранъ.

Двѣ щепоти съ бѣлой чемерицей варить въ водѣ, пока третья часть «укипитъ», и втягивать въ носъ отъ насморка. Истертые въ порошокъ цвѣты и вываркa гонитъ мѣсячныя и утоляетъ боли отъ колики.

Макъ.

Вываркa бѣлаго маку—отъ острыхъ флюсовъ, отъ кашля, отъ жара въ чахоткахъ и отъ горячки. „Для скорѣйшаго сну" потолочь и съ розовою водою и яичнымъ бѣлкомъ прикладывать къ вискамъ и подошвамъ. Вода и сиропъ изъ цвѣтовъ пунцоваго маку—отъ жара въ горячкахъ, безсонницы, воспаленія груди, колотья въ бокахъ. Въ наружности: отъ воспаленія глазъ, отъ жабы, отъ загара на лицѣ.

Малина.

Налить крѣпкимъ виноградным уксусомъ и настоять на солнцѣ, по извлеченіи силы, повторично насыпать ягоды. Употреблять отъ обмороковъ, подогрѣвая и намачивая платокъ, прикладывать къ пульсамъ.

Чистецъ трава.

Вываркa отъ несваренія желудка, отъ колотья, отъ засоренія въ легкомъ, гонитъ нѣтры, утишаетъ волненіе крови. «Духъ корня на подобіе гвоздики». Порошокъ его отъ кровохарканія и поносовъ. Въ шкафы кладется отъ закисанія, а въ сундуки отъ моля.

Миндаль.

Перемѣшать масла изъ сладкою миндалю съ леденцомъ и принять—утолитъ рѣзь у родильницъ и младенцевъ. Горькій миндаль чиститъ почки и селезенку, гонитъ мочу и мѣсячныя; приложенный ко лбу—отъ болѣнія головы; превращенный въ тѣсто—чиститъ лицо и руки. «Свѣжій миндаль положить въ холодную воду, чтобы кожа отстала; облупя, положить подъ салфетки, чтобы обсохъ, потомъ сбить деревяннымъ пестикомъ на подобіе тѣста и положа въ рѣдкотканистый мѣшокъ, вытискивать въ чистый глиняный сосудъ. Такожде и горкой, только по истолченіи ставится въ муравленой плошкѣ на огонь. Масло оное употребляется отъ всякихъ болѣзней».

Можжевельникъ.

Ягоды, въ сентябрѣ собранныя, поджарить на подобіе кофія и пить съ сахаромъ отъ лихорадки. Также отъ заразительныхъ болѣзней и гнилого воздуха. Чиститъ кровь. И пить въ зимнее время.

Рута.

Заживляетъ внутреннія болѣзни и отъ цынги; умерщвляетъ глистовъ, отъ остановленія мѣсячныхъ настоять щепоть въ рюмкѣ бѣлаго вина и выпить. Съ ячной мукой приложенная къ глазамъ, утоляетъ боль. «Прикладенная къ чирьямъ, вытягиваетъ ядъ». «Изящное» лѣкарство отъ грудной чахотки: взявъ въ юнѣ м-цѣ двѣ горсти руты, налить на нее 5 бутылокъ рѣчной воды и варить, пока половина выкипитъ, потомъ руту выжать, а въ отваръ положить сабуру и положить туда полуветхую салфетку на сутки и потомъ носить ее на грудяхъ пока клочками обвалится. Должно имѣть двѣ салфетки: какъ воспотѣетъ, прилежи другую.

Чаберъ-трава.

Полезенъ отъ всякихъ недуговъ желудка, подкрѣпляетъ зрѣніе, унимаетъ рвоту, прогоняетъ сонную немощь и круженіе головы; разводятъ шишки и опухоли. Эсенція изъ него вѣрнѣйшее средство отъ зубной болѣзни; впустя каплю въ ухо —отъ боли онаго. Брызгать въ комнатахъ отъ блохъ и другихъ насѣкомыхъ.

Черника.

Порошокъ изъ корня посыпается на раны, съѣдаетъ дурное мясо" заживляетъ оныя. Изъ ягодъ выгоняется вода „отъ горляныхъ и шейныхъ болѣзней и отъ горячекъ". Сиропъ унимаетъ кровотеченія и дается дѣтямъ въ оспѣ и кори. Унимаетъ поносы. Ягоды, ежели ѣсть, —отъ каменной болѣзни.

Чернобыль.

„Растеніе оное полезно послѣ родовъ женщинамъ и для утоленія боли въ животѣ и очищенія онаго: снаружи прикладывается, а внутрь вмѣсто чаю: унимаетъ матку, гонитъ крови, выгоняетъ мѣсто; наслучай несчастья, выгоняетъ мертваго младенца: гонитъ мочу и камень изъ почекъ; пользуетъ отъ ранъ и ожога. Естли кто раненъ пулею, то натолочь сей травы съ виномъ и выжавъ соку давать раненому по двѣ ложка въ день и въ рану подогрѣвъ влить. Эсенція сей травы поспѣшествуетъ родамъ."

Чеснокъ.

Толченый прикладываютъ къ пульсу, чтобы уменьшить лихорадочный ознобъ. Истолченную чесноковку принять въ рюмкѣ бѣлаго вина съ мирроі—отъ лихорадки исцѣляетъ. Съ уксусомъ унимаетъ зубную боль. Мазь изъ чесноку, меду и коровья масла—отъ коросты. Мазь изъ чесноку и дер. масла отъ мозолей, простудной опухоли и лома. Три чесноковины въ стаканѣ бѣлаго вина или молока—отъ рѣзи въ животѣ и вѣтреной колики.

Шалфей.

На подобіе чаю пить: отъ дрожанія членовъ, насморка, падучей, удушья. Для очищенія мозга курить вмѣсто табаку. «Женщины, которыя не донашиваютъ дѣтей, выкидываютъ оныхъ, то имъ ѣсть шалфейные листочки или глотать онаго сока. Отваръ—отъ четвероднѣвной лихорадки. Куреніе шалфея женщинами останавливаетъ мѣсячныя.»

Шафранъ.

Припарка изъ шафрана, бѣлаго хлѣба и молока къ опухолямъ отъ воспаленія. Примочка изъ шафрана отъ глазной болѣзни. Жевать или пить шафрана—гонитъ мочу и мѣсячныя. Но много употреблять и часто—вредно.

Шпинатъ.

Двойная вода изъ шпината на компресы отъ рожи, ядовитыхъ или гнилыхъ ранъ.

Щавель.

Съ кресомъ и ложечкою травою—отъ цынги; съ розовымъ масломъ или шафраномъ—къ созрѣнію нарывовъ и чирьевъ. Испеченные листья приводятъ къ гноенію ѣдкія мокроты. Также къ глазамъ дѣлается припарка съ свинымъ саломъ. Толченые листья съ медомъ—отъ летучаго огня и воспаленія. Одни листья къ пульсамъ—умѣряется жаръ. Сѣмя въ порошкѣ отъ поноса.

Рѣдька.

Сокъ рѣдьки съ медомъ, перцемъ и гвоздикой (по 17 зеренъ) вмѣстѣ положа съ гвоздикой ѣсть

теплое отъ боленія сердца. Рѣдечныя сѣмена выгоняютъ у дѣтей осну всю наружу. Рѣдечный уваръ пить отъ простуды и насморка. Выдвоенная вода изъ гнилой рѣдьки—отъ рожи. «Вырѣзавъ изъ рѣдьки средину, наполнить воскомъ и растопать на горячей золѣ и прикладывать къ стертымъ (обувью) пяткамъ или водянымъ пузырямъ, кои дѣлаются отъ ходьбы. Полезно пить сокъ рѣдечный по утрамъ: разбиваетъ сгустившіяся мокроты, обструкціи и вѣтреные завалы. Масло рѣдечное скоро выгоняетъ камень изъ печекъ и песокъ.» «Во время ковки ножей, шпагъ и пр. помочить въ рѣдечномъ соку, прибавя воды или сока изъ навозныхъ червей: крѣпко, что рубить желѣзо».

Ячмень.

Отваръ ячменя отъ желчныхъ болѣзней; умножаетъ молоко у кормилицъ «и вельмо хорошъ въ чехоткѣ». Припарки изъ муки ячменной—къ созрѣнію нарывовъ. Ячменное питье съ пырейнымъ корнемъ—отъ боли въ горлѣ; отваръ перловыхъ крупъ, съ сахаромъ и молокомъ, прохлаждаетъ грудь въ случаѣ воспаленія. «Яч. кофе здоровъ для груди и не принимая иныхъ лѣкарствъ, лѣчитъ чехотныхъ людей». Ячмень вмѣстѣ съ угольями ѣсть отъ кроваваго поноса. Въ яч. клистиръ также прибавлять уголья.

Морковь.

Сокъ выжатый вареный пить отъ начинающагося кашля чахотки; сырой отъ глистовъ пить по утрамъ. Истертая морковь прикладывается въ видѣ пластыря на членъ, пораженный ракомъ, и мѣняется черезъ 12 часовъ.

Мускатъ.

Орѣхъ—отъ кроваваго поноса; цвѣтъ, настоянный въ бѣломъ винѣ съ сахаромъ, гонитъ мѣсячныя.

Мята.

«Передвоенная мятная вода и масло—обѣ сіи вещи разгоняютъ вѣтры, укрѣпляютъ нервы и желудокъ и мѣсячному поспѣшествуютъ, особливо когда въ нихъ распущены горькія экстракты. Смѣшанныя съ разсоломъ винноуксусной соли, лѣчатъ истерическихъ, ипохондрическихъ, чахотныхъ и сохнущихъ людей, а масло—въ дѣвичьихъ немощахъ. Мята пьется въ настойкахъ въ водахъ и винѣ отъ недостатка движенія крови. Укрѣпляетъ желудокъ, прогоняетъ зжогу, укрѣпляетъ мозгъ, помогаетъ апетиту, унимаетъ поносъ отъ заразы, помогаетъ отъ бѣля, отъ почечуя, отъ дурноты въ головѣ, отъ желтухи, умерщвляетъ глистовъ, разгоняетъ скипѣвшееся молоко, чиститъ матку, споспѣшествуетъ родамъ. Отъ кровотеченія кладется въ носъ. Ежели есть черви въ ушахъ, то съ медомъ кладется завита въ мѣшечекъ въ уши; приложенная ко лбу исцѣляетъ головную боль; пить на подобіе чаю отъ трепетанія сердца—«лучшее средство». Мяту надо рвать руками, а не срѣзывать ножемъ.

Овесъ.

Толокно овсяное вылѣчиваетъ чахотку безъ всякой пищи; варить на подобіе каши и прикладывать къ нарывамъ, тугимъ опухолямъ, шишкамъ, фистуламъ. Если смѣшать съ бѣлилами и мыться почаще, то дѣлаетъ лицо чистымъ и пригожимъ. Жженый и смѣшанный съ ситовомъ—отъ безпрерывнаго кашля; сваренный съ алтейнымъ корнемъ—отъ коросты и отъ ногтоѣда; нагрѣтый съ тминомъ—прикладывается къ животу отъ колики и болей матки. Дается лошадямъ отъ запора сваренный въ виноградномъ винѣ.

Пастернакъ.

Гонитъ мочу и мѣсячныя. Листья прикладываютъ къ ранамъ на ногахъ.

Перецъ.

«Ежели у кого опадетъ язычокъ, посыпавъ на ручку ложки и дотыкивая до онаго, то пройдетъ».

Петрушка.

Сырая и варевая гонитъ мочу; такожде и сѣмя. Припарка съ бѣлымъ хлѣбомъ разводитъ опухоль въ женскихъ грудяхъ и прогоняетъ молоко у родильницъ. Сокъ выжатый—отъ лишаевъ. Сокъ съ уксусомъ и солью—«къ скорѣйшему во время родинъ». Коренья въ декоктахъ. Листья толченые—къ пришибамъ, къ прищемленіямъ. Выварка изъ кореньевъ и немного водки—въ оспѣ и злыхъ горячкахъ.

Полынь.

На водѣ—укрѣпляетъ желудокъ, разгоняетъ вѣтры; полезно отъ мокроты и цынготной болѣзни. Выжатый сокъ въ винной настойкѣ для подкрѣпленія, отъ подагры и глистовъ. Для сна прикладывается къ вискамъ. «Стертый съ довольнымъ количествомъ перебитаго яичнаго бѣлка сгоняетъ синія пятна съ тѣла и лица, ежели мазать». Масло сгоняетъ бородавки и рубцы отъ ранъ, очищаетъ раны отъ гнилости и вылѣчиваетъ оныя. Мазать животъ—отъ ворчанія желудка и умерщвляетъ глистовъ.

Портулакъ.

Пользуетъ отъ воспаленія желудка, печени и почекъ, красной мочи, кровотеченія и горячекъ; отъ рожи, отъ антонова огня; ежели жевать, лѣчитъ ранки во рту, отъ опухоли деснъ и оскомины. Отваръ въ клистирѣ—отъ кроваваго поноса. Сокъ съ сахаромъ—отъ кровохарканія и непомѣрнаго теченія мѣсячныхъ. Портулакъ, приложенный ко лбу, утоляетъ боль головы, а къ пупу младенцевъ—умерщвляетъ глистовъ. Одинъ листокъ—отъ жажды. Припарка изъ портулака и ячменной муки, приложенная къ правому боку, —отъ дихорадокъ и горячекъ; портулакъ съ деревяннымъ масломъ, приложенный къ вискамъ и пульсу, производитъ сонъ. Сѣмена въ патокѣ—отъ удушья и одышки.

Розы.

Если съѣсть 20 или 25 цвѣтковъ бѣлой или желтой розы—превосходное слабительное. Губка розовая полезна отъ каменной болѣзни и цынги. Корень розовый въ порошкѣ, съ виномъ и „сердцекрѣпительной водою“—отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ. «Масло розовое: полфунта выжатаго изъ розъ соку, 5 ф. дер. масла, 2 ф. толченыхъ цвѣтовъ положить въ муравленый кувшинъ и поставить на полдневное солнцѣ или въ вольной духъ въ печь на часъ, потомъ выциснувъ влить опять въ кувшинъ прибавя розоваго сока, какъ сначала, и дѣлать три раза. Помогаетъ отъ простудныхъ опухолей, тушитъ воспаленіе, отъ головные боли и бреда, мазать ушибленныя мѣста. Внутрь—отъ кроваваго поноса и глистовъ».

Розмаринъ.

Порошокъ изъ розмарина принимать въ винѣ «отъ холодныхъ припадковъ желудка», отъ боли въ селезенкѣ и печенкѣ, отъ головнаго простуднаго лома, падучей болѣзни, головокруженія, судорожныхъ припадковъ, отнятія членовъ, истерики и отъ глистовъ. Вываркa—отъ бѣли, укрѣпляетъ младенца, отъ выкидыванія, отъ золотухи. Хорошо куриться отъ насморка. «Также и для скрѣпленія матки курить куда слѣдуетъ». Ѣсть съ хлѣбомъ цвѣты или листья—отъ застарѣлыхъ головныхъ болей, а натощакъ—острится зрѣніе. Сѣмена съ перцемъ и бѣлымъ виномъ—отъ желтухи. Держать дерево во рту—производитъ слюнотеченіе.

Яблоки.

Раздавленные яблоки хорошо отъ ожога. Отваръ сладкихъ яблокъ отъ кашля.

Гречиха.

Изъ муки припарки отъ опухоли груди у родильницъ.

Огурцы.

„Облупя и прохлаждены льдомъ, прикладываются къ обритой головѣ въ бѣшеныхъ горячкахъ“. Огуречный корень производитъ рвоту. Сокъ огуречный съ сѣменами и мукою—притирать и чистить кожу. Эмульсія изъ сѣмянъ—гонитъ мочу, утоляетъ жажду въ горячкахъ.

Отдѣльные рецепты.

О бородавицахъ.

Сжечь вязоваго корня и смѣшавъ съ виномъ мазать.

Очищеніе лица.

Взять муравьиныхъ яицъ, изсушить, истолочь и пить съ медомъ или сахаромъ.

О вычищеніи нутръ.

Отваръ дягильный пить въ теплѣ поутру: вычищаетъ отъ всѣхъ нутренныхъ болѣзней.

О грыжѣ.

„Попутниковое коренье столочь въ порошокъ, смѣшавъ съ пропускнымъ медомъ. И мазать ядра полезно. При болѣзни ядръ пить отваръ попутникова семя“.

О полудѣхъ.

„Зжечь мышью голову и ящерицу, замѣшавъ съ медомъ или съ медвѣжьимъ саломъ, и тѣмъ мазать“.

О темнотѣ глазъ.

Изъ смороднаго листа, столкши и выжавъ сокъ, смѣшать съ ячной мукой и мазать глаза. При бѣльмѣ въ глазѣ полезно мазать совиною желчью. Или: проверти куриное яйцо и выпустя бѣлокъ всыпать соли, обмазать глиною и сжечь въ пепелъ, затѣмъ, просѣявши, всыпать въ бѣльмо. «А вѣчки мазать желчью совиною».

О гноеніи ногъ.

„Сжечь собачьи ребра и присыпать, а сверхъ прикладывать листъ капустный или подутниковый, перемѣняючи. Полезно. и заговаютъ“.

О лихорадкѣ.

Коры еловой или ольховой въ маѣ мѣсяцѣ наскребать, изсушить въ порошокъ и дать принять предъ ознобомъ.

Мы пользовались главнымъ образомъ лѣчебникомъ XVIII в., переписаннымъ, очевидно съ болѣе древняго, въ им. Гайдуковкѣ могилевской губерніи. Лѣчебникъ даетъ богатый матеріалъ для исторіи народной фармакопеи и дѣло нашихъ медиковъ, отвергнувъ явно нелѣпыя средства, высказать авторитетное мнѣніе о средствахъ, доселѣ неизвѣстныхъ ученому медицинскому міру, не имѣющихъ широкое примѣненіе въ медицинѣ народной.

Е. Романовъ.

Двѣ археологическія развѣдки.

На минувшей недѣлѣ мнѣ случайно удалось произвести двѣ археологическія развѣдки. Подробное описаніе поѣздокъ будетъ напечатано уже въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же я сообщу только главнѣйшіе результаты развѣдокъ.

Первая поѣздка была совершена въ область радимичей, въ окрестности столицы ихъ Радомля, туда, гдѣ въ р. Тросливку (притокъ Прони) впадаетъ р. Рудѣя. Здѣсь на возвышенномъ берегу названныхъ рѣчекъ находится курганное кладбище, заключающее въ себѣ болѣе 150 насыпей и свидѣтельствующее о величинѣ радимицкихъ поселеній въ ту отдаленную эпоху. Насыпи расположены тѣсной группой, нерѣдко вплотную примыкая другъ къ другу, и по величинѣ принадлежатъ къ числу среднихъ (1—4 ар. высоты). Крупнѣйшія окружены канавами, съ тремя всходами на насыпь. Форма насыпей—скорѣе конусъ, нежели полушаръ. На вершинѣ всѣхъ безъ исключенія кургановъ имѣются углубленія, вырытыя, какъ оказалось впослѣдствіи, много лѣтъ тому назадъ кладоискателями. Еще пятнадцать лѣтъ назадъ здѣсь былъ дремучій боръ, но затѣмъ, съ покупкою земля мелкими землевладѣльцами, лѣсъ былъ вырубленъ и кладбище кое-гдѣ начало распахиваться.

Какъ водныя урочища, такъ и окрестные населенные пункты носятъ исключительно славянскія названія.

Раскопкѣ подверглись три насыпи: одна мелкая, высотою 1 ар. и окружностью въ 4 с., и двѣ среднихъ, высотою 2 ар., въ окружности 11—12 саж. Раскопка производилась послойно.

Въ первой насыпи, въ первомъ же слоѣ, на глубинѣ двухъ четвертей, обнаружены кости отъ трупосожженія, лежавшія полосою въ $2^1/_4$ арш. по направленію С—Ю, и подъ ними кострище съ мелкими сосновыми углями, занимавшее всю площадь кургана. Въ центрѣ ея ложе изъ крупныхъ полѣньевъ. Кости черепа находились въ сѣверной части насыпи, ногъ—въ южной. При разборкѣ, кромѣ костей здѣсь найденъ у ногъ обожженный конецъ лезвія косы и черепки глинянаго горшка, бока котораго крупно орнаментиро-

рованы неправильными волнистыми линіями въ два ряда.

Во второй насыпи на материкѣ оказалась зола и уголья отъ мелкаго хвороста, на нихъ песчаное ложе и на немъ костякъ. Погребенъ покойникъ головою къ В, нѣсколько бокомъ, лицомъ къ Ю, руки сложены на животѣ. Длина костяка до конца берцовыхъ 2 ар. 6 в. Изъ предметовъ культа здѣсь найденъ глиняный горшокъ, стоявшій у правой голени, безъ прикрытія, на жирной черной землѣ. Внутри горшка была повидимому пища, такъ какъ дно и бока его усѣяны корешками. Вышина горшка $2^5/_8$ в., окружность раструба 9 в., наибольшей выпуклости 9 вер. діаметръ раструба $2^7|_8$ в., діам. дна $1^3|_4$ вер. По выпуклости орнаментированъ неправильною волнистою линіею и подъ нею двумя параллельными кривыми, окружающими весь сосудъ. Работа грубая, но кружальная. Сосудъ подъ давленіемъ земли надтреснулся, но, вовремя связанный, уцѣлѣлъ. Другихъ предметовъ не найдено.

Третій курганъ по конструкціи оказался совершенно подобнымъ второму: на материкѣ кострище изъ мелкихъ сосновыхъ вѣтокъ, на немъ ложе изъ бѣлаго песку и поверхъ его костякъ, лежавшій головою къ З, нѣсколько бокомъ, лицомъ къ С (на лѣвомъ боку, какъ и предыдущій). Подъ головою находилась подстилка изъ толстой дубовой доски. Длина костяка до конца берцовыхъ 2 аршина 4 верш. Руки повидимому были сложены на животѣ, но кладоискателемъ, яма котораго проникла до костяка, средина его — руки, тазъ и правое бедро были сдвинуты и перерыты. Только пальцы рукъ оказались на тазу. Изъ предметовъ здѣсь найдены два горшка, разбитые при самомъ сооруженіи насыпи; одинъ изъ нихъ, меньшій и выпуклый, находился у лѣваго плеча выше головы, а другой большой и прямой слѣва у таза. Затѣмъ, на шеѣ найдены бусы—сердоликовыя, каменныя, стеклянныя и изъ композиція; между бусами были пронизаны 30 бронзовыхъ подвѣсокъ, въ видѣ челночковъ, а на груди найдена бронзовая фибула въ видѣ звѣздочки съ восемью лучами. На язычкѣ фибулы сохранилась часть льняной полосатой ткани. На доскѣ подъ головою сохранились волоса, мягкіе, русые, но темные тамъ, гдѣ они прикасались къ доскѣ или къ бронзовымъ предметамъ. Другихъ предметовъ здѣсь не было и они вѣроятно унесены кладоискателемъ, судя по тому, что пальцы рукъ были зеленаго цвѣта отъ окиси бронзы, коленъ же на нихъ уже не оказалось.

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ курганахъ были различныя находки. Два погребенія было мужскихъ, одно женское. Судя по уцѣлѣвшимъ зубамъ, всѣ погребенные были немолоды.

Невозможно судить по тремъ насыпямъ обо всемъ кладбищѣ и оно требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія, но уже и теперь можно утвердительно сказать, что могильникъ относится къ позднѣйшему времени (X—XI вѣку) и принадлежитъ жившему здѣсь сравнительно культурному земледѣльческому племени.

Такимъ племенемъ, какъ мы знаемъ, были радимичи, еще въ VII вѣкѣ платившіе дань хозарамъ, имѣвшіе слѣдовательно сношенія съ востокомъ и югомъ, и впослѣдствіи упорно отстаивавшіе свою независимость и свою языческую вѣру отъ князей кіевскихъ, пока роковая битва подъ Пропойскомъ не подчинила ихъ в. к. Владимиру.

Другая археологическая развѣдка произведена мною на правомъ берегу Днѣпра, у Новаго Быхова.

Здѣсь, какъ извѣстно, имѣется обширная площадь песковъ, начинающаяся узкою полосой на три версты отъ Быхова и расширяющаяся по мѣрѣ приближенія къ мѣстечку.

Насколько вредны песчаныя обнаженія для земледѣльца, настолько интересны и поучительны они для археолога. И это понятно: археологу здѣсь почти не приходится заниматься раскопками; услужливый вѣтеръ дѣлаетъ это за него, сдувая верхніе слои почвы и обнажая тѣ, которые были заселены въ отдаленнѣйшія эпохи и которыя представляютъ, поэтому, высокій научный археологическій интересъ.

Таковъ и Быховъ. Песчаныя обнаженія начали здѣсь первоначально образовываться на скатахъ берега, затѣмъ перешли на поверхность его и теперь вѣтеръ бушуетъ въ песчаной сахарѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, перенося съ мѣста на мѣсто песчаныя массы, обнажая новыя мѣста и засыпая тѣ, которыя были уже обнажены раньше. Вотъ почему посѣ-

[illegible] этихъ пустынь интересно послѣ каждаго [illegible]

Ближайшею причиною моей поѣздки туда было [illegible] крестьянъ засѣять пески шелюгою и тѣмъ прекратить дальнѣйшее ихъ распространеніе. Такимъ образомъ, тѣ памятники сѣдой старины, которые теперь свободно лежатъ на поверхности, будутъ снова погребены и сдѣлаются недоступными для изслѣдователя.

Теперь этотъ пунктъ представляетъ изъ себя море движущихся къ востоку песковъ, среди которыхъ мѣстами виднѣются обнаженныя площади чернозема.

Эти то площади и имѣютъ наибольшій интересъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ вы увидите, что эти подземныя площади идутъ на значительномъ пространствѣ и представляютъ изъ себя мѣста бывшихъ доисторическихъ поселеній. Въ однихъ мѣстахъ эти селища засыпаны еще въ древности только на глубину двухъ четвертей, въ другихъ толщина верхняго слоя достигаетъ двухъ аршинъ. Во многихъ мѣстахъ вы здѣсь найдете слѣды пожарищъ. Но были ли это случайные пожары или какая либо всеобщая катастрофа, повлекшая за собою удаленіе отсюда человѣка,— сказать невозможно. По окраинамъ площади песковъ расположены курганы (теперь 30 насыпей) и обыкновенныя могилы, безъ насыпей.

Подъ вліяніемъ вѣтра могилы обнажаются и любознательному посѣтителю предоставляется возможность видѣть всѣ типы погребенія.

Перечисляя находки въ хронологическомъ порядкѣ, я долженъ на первомъ мѣстѣ поставить кремневыя орудія—ножи, стрѣлы, пилы и т. п. Такихъ орудій здѣсь множество, особенно въ сѣверной окраинѣ и южной. Всѣ они отбивныя, безъ шлифовки, многія съ слѣдами употребленія. Здѣсь же найдены двѣ мастерскія, гдѣ эти орудія изготовлялись изъ большихъ кусковъ разноцвѣтнаго кремня. Орудій этихъ найдено мною за два часа пребыванія на селищѣ болѣе сотни.

Къ этой же эпохѣ каменнаго вѣка относятся осколки глиняной посуды, массивной, лѣпной, необожженной, съ большою примѣсью толченаго гранита и безъ всякаго орнамента. Предметы эти относятся къ отдаленнѣйшимъ доисторическимъ временамъ, когда человѣкъ находился на самой низкой степени развитія.

Рядомъ съ этими предметами находятся погребальныя урны.

Это большіе глиняные сосуды, наполненные пережженными костями, среди которыхъ иногда попадаются и обожженные предметы обихода, желѣзные ножи, расплавленныя бронзовыя кольца, перегорѣвшіе куски метала и т. п. Осколковъ этихъ урнъ можно набрать нѣсколько пудовъ.

Къ этому трупосожженію примыкаетъ иной типъ погребенія: сожженіе трупа на кострѣ, который потомъ засыпался землею. Такихъ погребеній мною найдено четыре (въ западной части площади, близъ дороги, и въ сѣверной).

Наконецъ, безпощадный вѣтеръ обнажилъ и нѣсколько могилъ сравнительно позднѣйшихъ, съ обыкновеннымъ погребеніемъ.

Предметы, находившіеся въ такихъ могилахъ, похищены подпасками, ежедневно прогоняющими здѣсь стадо, и мнѣ по окраскѣ костей рукъ и челюстей пришлось только констатировать, что на погребенныхъ были гривны, браслеты, кольца и т. п. Крупныхъ предметовъ въ такихъ развѣянныхъ могилахъ мною уже не найдено, но въ женскихъ могилахъ я все же нашелъ нѣсколько стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ, бронзовыхъ колецъ и сережекъ, шиферныхъ пряслицъ и серпъ. Въ мужскихъ уцѣлѣли только ножи. Монетъ не найдено, можетъ быть за краткостью времени, которое я провелъ на селищѣ, но найдены куски янтаря и пломба съ греческой надписью и изображеніемъ женской головки—что доказываетъ сношенія населенія и съ варягами и съ греками. По всему селищу разбросаны массы черепковъ отъ сосудовъ такъ называемаго курганнаго типа, со всевозможнымъ орнаментомъ, и довольно много желѣзной изгари, свидѣтельствовавшей о присутствіи въ древнемъ поселкѣ кузницъ.

Что касается кургановъ, то въ нихъ тоже наблюдено два типа погребенія: трупосожженіе и обыкновенное погребеніе.

Всего вывезено мною съ селища около пуда разнаго рода предметовъ и среди нихъ—ни одного предмета христіанскаго культа.

На основаніи изученія находокъ и мѣстности, можно установить, что берегъ Днѣпра былъ

селенъ здѣсь въ эпоху палеолитическую; затѣмъ населеніе смѣнялось или культивировалось, благодаря пролегавшему здѣсь пути изъ варягъ въ греки, и къ концу существованія поселка занималось земледѣліемъ и ремеслами. Какая-то катастрофа уничтожила поселокъ до введенія христіанства и на томъ мѣстѣ, гдѣ тысячу лѣтъ назадъ кипѣла жизнь, теперь свободно гуляетъ вѣтеръ и поетъ посѣтителю печальныя пѣсни о минувшихъ дняхъ и выдуваетъ къ его услугамъ предметы той отдаленной эпохи.

Жаль, что быховская интелигенція ничего не дѣлаетъ для изученія селища: наблюденія, веденныя систематически, могли бы дать массу находокъ, которыя ярко представили бы намъ жизнь, кипѣвшую здѣсь на зарѣ нашей исторіи.

Е. Романовъ.